

А. М. Воин

ФИЛОСОФИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Монография

Москва-Берлин
2016

УДК 101

ББК 87

В65

Воин, А. М.

В65 Философия и глобальный кризис : монография /
А. М. Воин. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. –
544 с.

ISBN 978-5-4475-6388-2

В монографии исследуются причины глобального кризиса человечества и предлагаются пути выхода из него на базе философии автора. Показано, что разрешение глобального кризиса требует, прежде всего, философского осмысления проблем, порожденных этим кризисом, однако состояние современной философии и других гуманитарных наук не соответствует вызовам, порождаемым глобальным кризисом. Причина этого в кризисе классического рационализма и вместе с ним рационалистического мировоззрения, как такового. Разработанный автором неорационализм и единый метод обоснования научных теорий исправляет ошибки классического рационализма. На этой основе предлагается решение конкретных проблем, порожденных глобальным кризисом.

УДК 101

ББК 87

ISBN 978-5-4475-6388-2

© Воин А. М., текст, 2016

© Издательство «Директ-Медиа», макет, оформление, 2016

Оглавление

Вступление.....	5
Глава 1. Феноменология кризиса.....	7
Глава 2. Современная философия и глобальный кризис.....	18
Глава 3. Наука ли социология?.....	29
Глава 4. Кризис рационалистического мировоззрения как главная причина глобального кризиса.....	40
Глава 5. Единый метод обоснования научных теорий, как ключ к выходу из кризиса рационалистического мировоззрения.....	64
Глава 6. Научен ли научный коммунизм.....	75
Глава 7. Проблема обоснования морали.....	94
Глава 8. Место духа в рационалистическом мировоззрении.....	114
Глава 9. Биоэтика или оптимальная этика?.....	175
Глава 10. Проблема толкования Священных Писаний и конфликт исламского фундаментализма с Западом.....	196
Глава 11. О цикличности экономических кризисов.....	221
Глава 12. Эволюция кризисов и экономические модели.....	241
Глава 13. Современная олигархия.....	258
Глава 14. Экономика и мораль.....	281
Глава 15. Экономическая ситуация в мире.....	292

Глава 16. Формула бескризисного развития экономики.....	313
Глава 17. Экономический строй.....	322
Глава 18. Глобальный кризис человечества и научно-технический прогресс.....	337
Глава 19. О вреде науки.....	372
Глава 20. О вреде психологи	382
Глава 21. Идеологии в современном мире	392
Глава 22. Современная демократия.....	419
Глава 23. Коллективизм и индивидуализм	436
Глава 24. Либералы vs националисты: тезис и антитезис без синтеза.....	447
Глава 25. Еще об идеологиях	481
Глава 26. Тайный заговор или результат непонимания	499
Глава 27. Проект Деягина или как обустроить Россию и мир	508
Библиография	540

Вступление

Предлагаемая вниманию читателя монография базируется на исследованиях автора, часть из которых опубликована в философских журналах и сборниках и докладывалась на международных конференциях, в частности на Всемирном Философском Форуме под эгидой ЮНЕСКО. Другая часть размещена на ряде философских сайтов в Интернете.

В первой главе описывается состояние современного человечества, основные проблемы, стоящие перед ним, и угрозы ему, включая угрозы самому его существованию. Показывается, что большинство из этих проблем и глобальный кризис в целом не может быть разрешено без, прежде всего, философского осмысления и разрешения их.

Во второй и третьей главах описывается состояние современной философии и других гуманитарных наук и показано, что в этом состоянии они не способны дать ответ на вызовы, которые ставит перед ними глобальный кризис человечества.

В четвертой главе показано, что причиной такого состояния современной философии и прочих гуманитарных наук и, как следствие, опосредованной и в ряде случаев непосредственной причиной самих глобальных проблем и кризиса в целом, является кризис рационалистического мировоззрения. Показано, что причиной кризиса рационалистического мировоззрения, послужил кризис так называемого классического рационализма, того рационализма, который был основой становления и расцвета европейской и западной цивилизации в целом. Показано, в чем заключались ошибки в базовых положениях классического рационализма, как они были использованы его философскими противниками для его ниспровержения, а вместе с ним ниспровержения и рационалистического мировоззрения как такового.

Описаны несостоятельные попытки сторонников рационалистического мировоззрения отстоять классический рационализм, либо исправить его таким образом, чтобы сохранить рационалистическое мировоззрения как таковое.

В пятой главе излагаются основы разработанного автором неорационализма и в частности единого метода обоснования научных теорий, который исправляет ошибки классического рационализма, сохраняя его достоинства и рационалистическое мировоззрение как таковое. Опровергаются ошибочные утверждения противников рационалистического мировоззрения.

В шестой главе на примере анализа марксизма демонстрируется возможность применения единого метода обоснования в сфере гуманитарных наук и в частности для оценки степени научности гуманитарных теорий. Применение единого метода обоснования в философии и других гуманитарных науках дает общий язык представителям разных течений в этих науках и возвращает им способность противостоять вызовам глобального кризиса.

В последующих главах исследуются конкретные проблемы, порождающие глобальный кризис человечества и требующие, прежде всего, философского разрешения, и указываются пути их разрешения на базе неорационализма и единого метода обоснования.

Глава 1

Феноменология кризиса

Суть глобального кризиса – потеря устойчивости системы «Человечество», потеря, которая грозит ее коллапсом в различных вариантах, не исключая полное самоуничтожение. Основные угрозы, создаваемые кризисом, таковы: 1. Наличие и умножение всевозможных средств массового уничтожения, первым и главным среди которых является атомное оружие. Есть и соизмеримые по опасности с ним химическое и биологическое, а главное все время изобретаются все новые виды (под бравурные вопли о прогрессе и достижениях науки и техники). Причем нет сомнения, что некоторые, если не из уже созданных, то ожидаемых и вероятных в ближайшем будущем, в каких-то отношениях будут более опасны, чем атомное. 2. Рост конфликтности между странами и дестабилизация положения внутри стран, за которыми стоит, прежде всего, недовольство несправедливостью распределения материальных благ между странами и внутри них и культурно религиозно ценностные противоречия, обостряемые процессом интеграции. Наиболее яркие проявления этой конфликтности это антиглобалистское движение, противостояние исламского фундаментализма и Запада, протестные движения типа «Захвати Уоллстрит» внутри западных стран и т. п. Наличие и потенциальная возможность возникновения все новых и новых вооруженных конфликтов на планете, в части из которых есть вероятность, все время нарастающая, применения оружия массового уничтожения – одна из главных, если не самая главная угроза человечеству сегодня.

3. Террор, по масштабам превосходящий все, что бывало в предыдущей истории человечества, с угрозой овладения террористами все тем же оружием массового

уничтожения или осуществления теракта с помощью конвенционального оружия, но на объектах типа атомных электростанций, с последствиями, не уступающими по масштабу применению оружия массового поражения. Причем по мере роста научно технического прогресса нарастает вероятность овладения ОМП или совершения соизмеримой по масштабу диверсии не только крупными террористическими организациями, но и террористами одиночками и просто маньяками и психопатами.

4. Разрушение экологии по различным параметрам с вероятностью непредсказуемых природных катаклизмов.

5. Техногенные катастрофы, которые в перспективе, могут сравняться по масштабу с последствиями атомной войны или природных катастроф, вызванных разрушением экологии.

6. Периодические экономические локальные и глобальные кризисы, способные спровоцировать хаос, беспорядки и дальнейшее развитие по одному из предыдущих сценариев.

7. Стремительное и все ускоряющееся изменение действительности, в которой мы живем. В последние десятилетия темп изменений вырос и продолжает расти так быстро, что адаптивная способность человечества становится под вопросом. В современном обществе люди в большинстве не только отошли от работы на земле, но и от физической работы вообще. При этом они разделились на множество профессий, причем представители одних профессий плохо представляют себе, чем занимаются другие. Это накладывает на разрыв и непонимание между поколениями, а последнее сменяется разрывом и непониманием между возрастными группами с разницей в возрасте в 5–10 лет. Стремительное развитие науки и техники требует изменения школьных программ, в результате разница между выпускниками с разрывом в 10 лет делает их представителями разных культур, по крайней мере, в сфере ин-

формационных технологий, которая, чем дальше, тем большую играет роль во всех сферах жизни. А это в сочетании с биотехнологиями и генной инженерией скоро приведет не просто к непониманию между различными группами общества и возрастными группами, а к разделению человечества на разные виды с разными генными модификациями и разными встроенными чипами, по-разному взаимодействующие с глобальным электронным мозгом. Все это усугубляется непрерывным изменением масс культуры, в которой требование новизны форм, стиля и т. п. стало условием преуспевания и выживания. Но главным в изменении условий жизни является лавинообразный рост информации вообще и научной в частности. Это приводит к тому, что никто, включая политиков и ученых, не видит картину происходящего в стране или на планете во всей ее полноте, а, следовательно, не в состоянии адекватно оценивать последствия тех или иных процессов, решений или действий.

Для того чтобы оценить степень потери устойчивости системой «Человечество» на сегодня, достаточно вспомнить не совсем еще минувший мировой финансово-экономический кризис, многочисленные природные катаклизмы, сотрясающие человечество в последние год – два, овладение атомным оружием Северной Кореей и почти овладение Ираном, намечающаяся на планете смена полюсов экономической и военной мощи, многочисленные «цветочные» революции с трудно предсказуемым ближайшим, тем более отдаленным исходом. Последний букет таких революций расцветает буквально сейчас на Ближнем Востоке. Нужно учесть еще, что потеря устойчивости в самых разных системах характеризуется сначала медленным накоплением изменений, отклоняющих систему от положения устойчивого равновесия, а затем, когда эти изменения достигают

некого критического для системы значения, происходит стремительный обвал – разрушение.

Приближение человечества к критической точке, ощущается сегодня на каждом шагу. Оно проявляет себя в заметном изменении целевой ориентации и ценностных установок правительств разных стран и отдельных граждан. Картина становится похожей на описанный Ильфом и Петровым пожар Вороньей Слободки. Все знают, что пожара не миновать и поэтому никто уже и не пытается его предотвратить, каждый заботится лишь о своей шкуре. Конечно, разговоров о глобальном кризисе или отдельных аспектах его (например, изменение климата) и необходимости поиска путей выхода из него в СМИ и на бесконечных форумах и конференциях происходит много и их число непрерывно растет. Но за ними все явственнее проступает забота каждого народа о своем национальном интересе и каждого индивида – о своем личном. Вот как бы нам (или мне) поменьше пострадать в надвигающемся кризисе, которого не избежать, а еще лучше – поживиться в этой ситуации за счет других. Это особенно характерно не для рядовых граждан, а для представителей элит, которые в этой ситуации либо тяготеют к радикализму, фанатизму и агрессивности, либо впадают в откровенный цинизм, как, например, многие банкиры, накануне и во время финансово экономического кризиса. Один из аспектов этого явления – это сочетание осознания в связи с кризисом важности новых идей с ростом препятствий на пути их признания, связанным с вышеупомянутым ростом эгоизмов индивидуальных и групповых во время кризиса и ожидания катастрофы. Новые важные идеи, новые общественные теории и т. п. не могут не затрагивать интересов властных и прочих элит, разных групп населения и отдельных индивидуумов. И как бы эти идеи не были важны

для общества в целом, в ситуации типа Воронья Слободка перед пожаром, все эти элиты, группы и индивидуумы, защищая свой личный или групповой интерес, стараются не пропустить, утопить эту идею. По принципу: глобальный кризис авось как-нибудь рассосется, а вот признание этой идеи нам (нашей группе) или мне лично точно повредит. И даже в ситуации очевидной неизбежности общего краха, большинство будет руководствоваться принципом: умри ты сегодня, а я завтра. Еще один мультипликатор нарастания кризиса в такой ситуации – это неспособность большинства людей в экстремальных обстоятельствах нарастающего кризиса углубляться в сложные идеи. И как следствие, жажда простых решений, которых в случае глобального кризиса просто быть не может. И конечно, спрос рождает предложение и, как всегда в таких случаях, появляется много шумных лжепророков со своими «элементарными» решениями всего и вся, чем отвлекают народ от серьезных идей и дополнительно осложняют их признание.

Легко видеть, что в основе глобального кризиса лежит с одной стороны научно-технический прогресс, который, обеспечивая человечество колоссальными созидательными возможностями, обеспечивает его также еще большими разрушительными. С другой – неспособность современного человечества предвидеть отдаленные последствия научно-технического прогресса, а также неспособность различных групп человечества: народов, стран, партий, религий и прочих идеологических течений находить между собой общий язык и договариваться мирным путем. Последнее связано с отсутствием единой принятой всем человечеством морали и системы ценностей, что является еще одним важным фактором, способствующим неустойчивости системы «Человечество».

Можно, конечно, сказать, что последнее было всегда. Это верно, но прежде не было самой возможности уничтожения человечества. Поэтому жили хуже, чем могли бы жить, отдельные люди и даже народы погибали преждевременно, но угрозы (рукотворной и реальной) выживанию человечества не было. Сегодня она есть. Кроме того, раньше не было такой связности всего, что происходит в мире. Раньше каждый народ исповедовал «свое добро и свое зло» и его система ценностей и морали касалась, в основном, его самого и отчасти его ближайших соседей. Сегодня, благодаря глобализации и в частности развитию СМИ, это во многих случаях касается всего человечества. Если, скажем, Китай не соблюдает экоэтику и выбрасывает в атмосферу больше газов, чем другие, то он отравляет воздух, которым дышат все на планете. А если какая-либо страна или даже отдельная фирма, или даже отдельный человек сбрасывает в интернет порнофильмы, то он отравляет ими экологию души опять же по всей планете.

Поэтому выработка единой для всего человечества системы ценностей является сегодня необходимым условием сохранения устойчивости системы человечество. Причем эта система ценностей должна быть объективно обоснованной, оптимальной, соответствующей современной действительности и в частности угрозам, порожденным глобальным кризисом. Иначе она сама будет создавать напряжение, ведущее к кризису. Сегодня же мы мало того, что не имеем единой, принятой всем человечеством системы ценностей, но практически все те системы ценностей, которые господствовали в различных обществах на планете, переживают кризис.

Это относится, прежде всего, к традиционалистским ценностям малых народов, дольше других сохранявших

нетронутость цивилизацией. В условиях глобализации, современных СМИ и массового туризма сохранять эту нетронутость практически невозможно даже в самых глухих уголках планеты, а противостоять натиску масс культуры в условиях глобализации, как показывает опыт, традиционные системы ценностей сами по себе не могут. И сегодня добиваются последние остатки этих ценностей там, где они еще как-то сохранились.

Наблюдается и эрозия ценностей основных религий на планете. Это относится, прежде всего, к Христианству. В Западной Европе, которая была исторически оплотом Христианства на планете, наблюдается просто сокращение числа верующих христиан. В Восточной Европе, особенно в России и Украине, в связи с падением Советского Союза и его идеологии наблюдается количественный рост верующих и даже значительный. Но это – формальный рост, рост числа посещающих церковь и соблюдающих те или иные обряды, а не исповедующих христианские ценности. Образы бывших секретарей партии или ракетиров, бьющих поклоны в церкви или даже превратившихся в проповедников, уже достаточно обыграны в кино и литературе, так что мне не нужно приводить примеры. Наблюдается также дальнейшее дробление Христианства (также как и других осевых религий) на конфессии, каждая со своей системой ценностей, иногда настоль далекой от того, чему учил Иисус Христос, что трудно понять, как это можно вообще пристегнуть к Христианству.

Наконец, и господствующая сегодня на планете система либерально – демократических ценностей в последнее время также проявляет признаки кризиса. Правда, свобода, демократия и высокий уровень жизни в западных странах продолжают привлекать многих, особенно молодых, в странах третьего мира и развивающихся. Но одновременно растет и отталкивание от

системы либеральных ценностей, которые идеологи Запада и масс-медиа подают как неотъемлемую часть демократии (хотя на самом деле это отнюдь не так и система ценностей самого западного общества до сексуальной революции, в эпоху Просвещения была иной). Это отталкивание сочетается и подкрепляется недовольством глобализацией и порождаемой ею несправедливостью (действительной или кажущейся) экономических отношений между странами Запада и странами третьего мира. Наконец, и в самих западных странах эта система ценностей вызывает разочарование у все большего количества людей. Все это свидетельствует о том, что эта система далека от того, чтобы быть обоснованной, оптимальной, соответствовать угрозам, порождаемым глобальным кризисом. Неоптимальность этой системы можно видеть, впрочем, и, так сказать, невооруженным взглядом. Так, например, основополагающим принципом, лежащим в основе принятых большинством на Западе норм, является признание, что каждый имеет право делать все, что не ущемляет свободу другого. И одновременно в странах Запада действуют законы, предусматривающие уголовное преследование и суровое наказание за конкретные действия, не являющиеся насилием над другим или ущемлением его свободы. Например, за распространение и даже употребление наркотиков. Получается, что запретить проституцию, порнографию и однополые браки нельзя во имя этого принципа, а когда речь идет о наркотиках, то принцип не работает. Такое противоречие в выводах свидетельствует о том, что данная система норм (прав, ценностей) не является истинной (правильной). Но даже если бы она была истинной (правильной, оптимальной), то остается еще проблема обоснования этих и вообще

норм и ценностей, которая будет подробно рассмотрена в главе «Проблема обоснования морали».

В результате сегодня в мире, и в западном в частности, существует большая сумятица в мыслях и душах людей относительно того, что же противопоставить существующей неудовлетворительной системе ценностей. Значительная часть людей возвращается в лоно традиционной Церкви, той, в которой разочаровались их предки и которая с тех пор не изменилась, ничему не научилась и никакой подлинной реформации своего учения не произвела. Другие кидаются в объятия сект иногда с совершенно дикими учениями, искажающими Христианство до невозможности, либо просто жульническими. Третьи становятся добычей нерелигиозных идеологов, проповедующих самые вздорные идеи, зачастую опасные для общества. Наконец, наблюдается рост оккультизма, веры в магов и колдунов, всевозможные предрассудки, ожидание конца света и прочая средневековщина, которая расцветает, как это бывало в прошлом в истории, перед большими общественными потрясениями типа революций и гражданских войн. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что человечество сегодня уподобилось обезьяне с гранатой или ребенку, сидящему на бочке с порохом и играющему со спичками.

Что же делается сегодня в мире, чтобы избежать коллапса системы «Человечество»? Было бы неточно и несправедливо сказать, что кроме пустопорожних разговоров в СМИ и на всевозможных конференциях ничего не делается в этом отношении. Прежде всего, сама наука, которая и породила многие из нынешних проблем, ищет и находит способы решения некоторых из них. Так, хотя благодаря научно-техническому прогрессу мы испортили экологию на планете и исчерпали ряд природных ресурсов, но теперь наука предлагает нам

замкнутые циклы производства, не вредящие экологии, и находит новые экологически чистые источники энергии. Но, во-первых, наука в данном контексте – это естественная наука и решает она только те проблемы, которые она может решить. А большая часть проблем носит, как видим, гуманитарный или смешанный технико-гуманитарный характер. Естественные науки, например, никак не могут помочь нам найти общий язык между странами, народами, религиями и культурами. Или найти справедливое распределение совокупного продукта между странами и внутри стран, причем такое, которое способствовало бы успешному развитию экономики без стагнации и кризисов. А во-вторых, решая одну проблему, естественные науки, как правило, создают вместо нее новую, и как правило, худшую, более опасную. Стало исчерпываться на планете углеводородное топливо и засорилась атмосфера от его сжигания – наука предложила нам атомную энергетику. С одной стороны – хорошо, а с другой – как побочный продукт атомной энергетики (да и побочный ли?), появилось атомное оружие, появилась возможность атомных катастроф, типа чернойбыльской и атомного же террора. И загрязнение планеты радио нуклидами. А для того чтобы решить эти проблемы, физика лезет дальше в глубины мироздания, подвергая нас риску быть уничтоженными вместе со всей планетой в результате эксперимента типа с адронным коллайдером. Главное же, что физики и прочие представители естественных наук, способны решать проблемы (в своей области), но не способны предвидеть отдаленные последствия этих решений. В результате, вместо того, чтобы предвидеть заранее проблемы и избегать их, мы решаем их по мере возникновения, заменяя их на более серьезные. И напомним, другая, так сказать гуманитарная, часть проблем,

обостряясь по мере и в силу научно-технического прогресса, остается практически неразрешенной.

В сфере гуманитарной и смешанной гуманитарно-технологической тоже кое-что делается на уровне межправительственных соглашений. Договора о запрете применения и изготовления химического и бактериологического оружия, запрет испытаний атомного оружия в воздухе, запрет его распространения, запрет на клонирование человека и т. п. – все это дела важные, нужные и заслуживающие всяческого уважения. Но...

Но, во-первых, эти договора недостаточно хорошо, так сказать, держат. И атомное оружие потихоньку расползается, и к клонированию человека подбираются постепенно, и химическое и биологическое оружие произвести не проблема даже для небольших групп террористов. Главное же, что все время возникают новые угрозы и проблемы, которые осознаются человечеством с опозданием, после того, как существенный вред уже нанесен, и все больше растет вероятность, что рано или поздно с одной из таких проблем мы не успеем справиться.

А во-вторых, все это никак не касается сферы человеческих отношений, установления справедливости в распределении материальных благ внутри государств и между государствами, выработки и принятия общечеловеческой системы главных ценностей и норм морали. Без чего невозможно погасить внутригосударственные и межгосударственные конфликты, несущие в себе потенциальную возможность атомной войны и террора. Здесь должны сказать свое слово гуманитарные науки, прежде всего философия, а также социология и другие. Но могут ли современная философия и другие гуманитарные науки в их нынешнем состоянии справиться с этой задачей?

Глава 2

Современная философия и глобальный кризис

Неспособность современной философии и других гуманитарных наук в их нынешнем состоянии справиться с этой задачей видна хотя бы из ставших, так сказать, велением времени попыток синтеза гуманитарных и естественных наук. Последняя такая попытка – международная конференция «Проблемы синтеза гуманитарных и естественных наук», проходившая в Москве 3.4.2012 года. Спрашивается, зачем нужен синтез гуманитарных и естественных наук? Синтез нужен для повышения эффективности науки. Причем, прежде всего (если не именно), гуманитарной науки, эффективность которой в сравнении с естественной явно проигрывает. Речь ведь идет о переносе методов естественных наук в гуманитарную сферу, а не наоборот. Попытки обратного переноса, если когда и были (например, попытка навязать диалектический метод ученым естественникам), то ничего не дали. Перенос же методов естественных наук в гуманитарную сферу, безусловно, дает определенный положительный результат. Но перенос этот осуществляется уже не первый год (некоторые считают, что как минимум 50 лет), а разница в эффективности гуманитарных и естественных наук остается по-прежнему драматической. Мало того, зачастую этот перенос не только не повышает эффективности гуманитарных наук, но служит лишь наукообразным прикрытием для откровенной научной имитации, количество которой в сфере гуманитарных наук стремительно возрастает. Важно отметить, что и в сфере естественных наук, порождающих эти методы, применение их для прикрытия научной имитации тоже имеет место, хоть и не в таких масштабах, как в гумани-

тарных. Таким образом, возникает вопрос, что, вообще, делает науку наукой, что отличает настоящую науку от лженауки и научной имитации. Очевидно, что, не ответив на этот вопрос, мы не можем решить проблемы, стоящие перед гуманитаристикой и надеяться на существенный успех от ее интеграции с естественными науками.

На уровне феномена настоящую науку отличает надежность и однозначность ее выводов, однозначность понятий, которыми она оперирует, и способность ученых договариваться между собой и всем сообществом (пусть не сразу) принимать какую-либо теорию как истинную, а остальные, конкурентные – как ложные. Ведь объективная истина одна и, если сообщество ученых неспособно договориться между собой о том, какая из конкурирующих теорий истинна, то как же это наука и как ей пользоваться?

Естественные науки более-менее удовлетворяют этим требованиям, чему главное подтверждение – бурный научно-технический прогресс, базирующийся на этих науках. Что касается гуманитарных наук, то успех человечества в гуманитарной сфере спорен, относительно и уж, во всяком случае, не сравним по темпам с успехом научно-техническим. Каждая из гуманитарных наук: философия, социология, психология, макроэкономика и т. д., разбита на множество школ, между которыми нет общего языка, и они не только не способны договориться о том, какая из конкурирующих теорий истинна, но как правило, и не пытаются этого делать. Как правило, каждая школа просто игнорирует другие. В качестве примера приведу высказывание Михаила Дюмета из его книги «Правда и другие загадки»: «...Хейдегер воспринимался лишь как экзотика; слишком абсурдная, чтобы относиться к ней всерьез, для того направления философии, которое практиковалось в

Оксфорде (аналитическая школа – мое)». [Dumett Michael: «Truth and other enigmas», «Duckwarth», London].

И это, замечу, при том, что Хайдеггер является одним из столпов другого философского течения, экзистенциализма и на современную западную систему ценностей Хайдеггер с экзистенциализмом оказали несравненно большее влияние, чем Михаил Дюмет вместе с прочими аналитиками. Таких примеров игнорирования представителями одной философской школы (аналогично, психологической, социологической и т. д.) представителей, даже всемирно известных, другой можно привести множество. А когда представители таких школ встречаются на конференциях, то даже если в своих докладах они утверждают прямо противоположные вещи, все равно к утверждениям и аргументам противоположной стороны они никак не относятся.

Что касается точности и однозначности понятий и выводов, то в гуманитарной сфере она близка к пресловутой «точности до наоборот». В подавляющем большинстве случаев гуманитарии, особенно философы, не заботятся даже дать определение хотя бы базовым понятиям своих статей, книг и целых теорий. Возьмем, например, весьма влиятельную в Америке философскую школу, именующую себя «Современные теории познания», разветвленную внутри себя на 5 направлений: фаундизм, когерентные теории, пробабиллизм, релябилизм и директ реализм, каждая из которых имеет свои философские журналы, а представители школы возглавляют философские кафедры во многих университетах. Базовым понятием для всех направлений этой школы является понятие оправданности выводов (*justification of beliefs*). Но, как пишет в своей книге «Современные теории познания» основатель направления директ реализм Джон Поллок: «Все обсуждавшиеся выше теории (фаундизм, когерентные,

пробабилизм, релябилизм – мое) имеют общий недостаток: ни одна из них не в состоянии дать внятного определения понятию оправданность, которым они пользуются» (John Pollok: «Contemporary theories of knowledge», Rowman and Littlefield Publishers, USA, 1986). Однако критерий оправданности самого Поллока также не обоснован им, хотя он и претендует на это. Поллок рассматривает, как оправданные, выводы, получаемые в соответствии с правильными эпистемологическими нормами. Очевидно, что это не решает проблемы, а лишь заменяет ее на аналогичную, поскольку теперь в обосновании нуждаются эти самые эпистемологические нормы. Но у Поллока нет ни малейшего объяснения, почему же, собственно, его эпистемологические нормы следует считать правильными и в каком смысле. Более того, он не дает и скольнибудь ясного общего определения или хотя бы описания их. Он лишь между строк вскользь упоминает один раз индукцию и дедукцию, а другой раз механизм автоматического поддержания равновесия при езде на велосипеде в качестве таких норм. Но разве эти вещи имеют одну и ту же природу? С другой стороны механизм автоматической регулировки равновесия имеет ту же природу, что и перистальтика кишечника, скажем. Должны ли мы на этом основании относить и эту последнюю к эпистемологическим нормам?

Таких примеров можно приводить еще до бесконечности. На бесчисленных философских и гуманитарного направления конференциях, включая международные самого высокого ранга, авторы докладов до одури говорят о важности морали и духа, не заботясь уточнить, что они имеют в виду под оными. При этом одни под моралью имеют в виду вседозволенность сексуальной революции, а другие Домострой.

Какую пользу может ожидать общество от такого качества гуманитарной науки, не требует пояснений. Достаточно вспомнить международные конференции с участием политиков, философов и представителей трех осевых религий: Христианства, Мусульманства и Иудаизма по Чечне. На них было полное единодушие и согласие, все были за мир. Но никто не заботился определить, что он имеет в виду под миром и каждый имел в виду мир на его условиях. Поговорив таким образом за мир, все расходились довольные собой, а война продолжалась, как если бы этих конференций вообще не было. Хорошей иллюстрацией этого состояний философии и прочих гуманитарных наук является также упомянутая конференция «Гуманитарные и естественные науки: проблемы синтеза» с постановкой одного из проблемных вопросов: «Вызовы замещения в гуманитаристике: познания – цитированием, нового гуманитарного знания – научной имитацией, научной модели и теории – интерпретаторством, закономерностей общественного развития – «объяснительными» схемами».

Что же обеспечивает естественным наукам высокую надежность, общий язык (он же способность договариваться и принимать всем сообществом некую теорию, как истинную) и однозначность понятий и выводов? Расхожим мнением на этот счет, мнением, которого придерживаются и многие участники упомянутой конференции, является представление о том, что все это достигается за счет применения математики в естественных науках. И, следовательно, единственный путь синтеза – это математизация гуманитарных наук. Но, во-первых, возможность математизации ограничена принципиальным отсутствием количественной меры для подавляющего большинства понятий гуманитарных наук. Не существует килограммов, метров и т. п.

любви, справедливости и т. д. Во-вторых, идущее от Канта представление о том, что «В каждой науке столько науки, сколько в ней математики», попросту неверно. Использование методов естественных наук для прикрытия «научной имитации» выражается, прежде всего и более всего, в использовании для этой цели математики. Можно взять любую самую бредовую идею и украсить ее сколь угодно высокой математикой. Математикой украшают себя астрологи, нумерологи и прочие шарлатаны. Применение математики само по себе не имеет никакого отношения к соответствию теории описываемой ею действительности, опыту. Прекрасной иллюстрацией этому послужили многие доклады, проходившие на ура на самой этой конференции. Например, доклад Соколова Н. В. «Естественнонаучные и математические аспекты философии и этиологии». В нем он, на полном серьезе, давал «математическое доказательство» религиозной догмы, гласящей: «Бог один, но в трех лицах». Доказательство сводилось к тому, что Бог представлялся вектором в трехмерном пространстве а «лица» – его проекциями на оси координат. И докладчик при этом еще уверял, что вектор равен каждой из своих проекций. Все остальное в этом докладе было в том же духе. Подобную ахинею тяжело найти даже в астрологии или любой другой псевдо науке. А тут она преподносится и принимается на конференции, одна из заявленных целей которой – избавиться от научной имитации в гуманитаристике. И подобных докладов на конференции можно привести еще несколько.

Неудовлетворительное состояние современной философии, ее несоответствие задачам, вставшим перед ней в связи с глобальным кризисом человечества, иллюстрирует также тот факт, что философия сегодня перестала играть ту роль, которую она играла в прошлом.

Глобально ход истории, эволюция человеческого общества определялась идеологиями. Идеологии же базировались на большие философские или религиозные учения. (Последние, по сути, тоже являются философскими учениями, только обоснованными не рационально, а на авторитете Бога).

Вот приняла часть народов на планете христианское учение (идеологию) и их дальнейшая история при том, что у каждого она была своя, в целом пошла уже другим путем, чем у народов, не принявших Христианство. Причем христианские народы, а также народы, принявшие некоторое время спустя Ислам (другую основную религию, вышедшую из того же корня) через некоторое время стали играть ведущую роль на планете. Затем внутри христианского мира можно схематически и условно, но приемлемо для нашей задачи, отследить цепочку идеологических трансформаций. Сначала Возрождение, которое было синтезом идеологий христианской и античной. Затем Реформация. Затем именно на этом пути трансформации или эволюции идеологий зарождается рационалистическое мировоззрение и тесно связанная с ним наука Нового Времени. Причем именно народы, пошедшие этим путем, выделяются уже внутри христианского мира и становятся ведущими и в этом мире и в мире вообще, сохраняя пока еще эту ведущую роль по сей день. Далее на этом пути возникает идеология буржуазных революций и демократии с рыночной экономикой. И уже на подходе к сегодняшнему дню, идеология буржуазных революций трансформируется в современный либерализм и неолиберализм и более-менее одновременно возникают на этом же эволюционном стволе идеологий, в среде народов, пошедших этим путем, идеологии марксизма и фашизма. И опять народы, пошедшие каждым из этих разветвлений главного пути, пусть на короткий

исторически период времени, вырываются вперед, добиваясь если не абсолютной гегемонии в мире, то конкуренции на равных с народами, оставшимися при либеральной идеологии, и превосходства над народами, оставшимися при более древних идеологиях.

Вывод, ради которого я сделал этот беглый экскурс в историю идеологий, очевиден и уже фактически сформулирован выше. Повторю и уточню его. Идеологии, базирующиеся на философские учения, играли главную роль в человеческой истории на длительных интервалах ее и народы, принимающие исторически правильную, соответствующую времени и новой действительности идеологию, получали преимущество перед народами с отсталой идеологией и вырывались вперед в своем развитии.

Но сегодня философия превратилась в салонные разговоры профессиональных философов в узком кругу или источник цитат для украшения речей и статей журналистов и политиков. При этом никакого отношения к решениям, принимаемым политиками или рекомендациям, даваемым журналистами, эти цитаты не имеют. Место же, которое прежде занимала философия в качестве фундаментального основания для выработки внешней и внутренней политики, системы ценностей, короче идеологии, теперь заняли (претендуют занять) социология, и многочисленные и продолжающиеся политологии, политтехнологии, социальные психологии, культурологи и т. д.

Спрашивается, если философия перестала играть роль ей предназначенную, так что плохого в том, что ее место заняли политология, политтехнология и иже с ними? Может быть, как сказал бы Васисуалий Лоханкин, в этом и есть сермяжная правда, может быть так и надо, может быть это хорошо, соответствует времени и т. д.? К сожалению, это не так.

Дело в самой постановке задач и направленности мышления в философии (изначально и по ее предназначению) и в политологиях, социологиях и т. д. Философия предназначена определить смысл жизни, поставить цели и ограничения для отдельного человека и общества в целом. Причем делать это она должна, исходя из самой общей картины мира, человека в нем и общества. Социология, политология и т. д. рассматривают задачи несравненно более укороченные: как достичь власти, как ее удержать и тому подобные конкретные вещи. А вот, что должна делать власть для людей, а не для самосохранения, что вообще есть хорошо, а что плохо для человека и общества, это, по крайней мере, не главное для этих наук. Исходят они при этом также из сокращенной и упрощенной картины мира, человека и общества, статико-статистической, я бы сказал. Провели опрос общественного мнения и установили, скажем, что 90% хотят того-то и того-то. Значит это и есть то, что хорошо для общества. Статика. Не рассматривается возможность, что эти 90% заблуждаются и что после того, как они получают то, что хотят, они будут жестоко разочарованы и их мнение измениться на противоположное. В лучшем случае динамика учитывается через модели типа эконометрических с линейной экстраполяцией на будущее. Например, с помощью тех же опросов и статистики устанавливается, что в прошлом году готовы к активным протестным действиям были 2% населения, в этом 3%, значит, делается вывод, в следующем будет 4%. Подобные модели в серьезных науках, например в физике, были в ходу лишь на заре их становления, где-нибудь лет 300 назад. Там уже давно поняли, что линейная экстраполяция по одному параметру не дает нам никакой гарантии истинности выводов. Что если в прошлом году было 2%, в этом 3%, то в следующем

может быть какое угодно изменение в какую угодно сторону. И что надежное предсказание результатов на будущее могут давать только модели, учитывающие причинные связи между главными параметрами процесса. Но до гуманитарных наук, в частности до политологий и политтехнологий это до сих пор не дошло. Но даже такой, сильно упрощенной, скажем так, наукой занимаются лишь лучшие из политологов и иже с ними. Большинство же политологов – это чистой воды футбольные комментаторы, только вместо футбола они комментируют политику и политиков. Футбольный комментатор пишет, что футболист Иванов заявил о своем намерении перейти в команду Б из команды А не для того, чтобы действительно перейти, а для того, чтобы его в родной команде чаще выпускали играть на поле. А политолог пишет, что политик Иванов заявил о своем намерении перейти в партию Б из партии А не для того, чтобы... Ну или как в том анекдоте: «Партия А заявляет, что она будет поддерживать принятие такого-то закона в парламенте, для того чтобы мы подумали, что она будет его валить, но ведь она действительно собирается его валить. Тогда зачем она так говорит?».

Я не хочу вышесказанным изничтожить, вообще, рассматриваемый класс наук. Они могут быть полезны, если их употреблять по назначению. Они должны служить подспорьем, вспомогательным инструментом для философии, а не ее заменой. Философ, дабы не отрываться от реальной жизни, должен принимать во внимание все эти опросы общественного мнения и выявленные (и, к сожалению, часто изобретенные самими политологами и политтехнологами) способы манипулирования сознанием масс. Но если мы будем руководствоваться только знаниями, пусть вполне научными, о том, как захватить и удержать власть, но не будем знать,

как употребить эту власть на благо обществу и в чем вообще это благо состоит (в действительности, а не по мнению сегодняшнего большинства), то понятно к чему мы придем. Таким образом, эта подмена философии социологиями и политологиями только усугубляет неадекватность восприятия действительности и самим обществом и властями. Для подкрепления этого моего вывода в следующей главе я хочу рассмотреть более подробно, что дает и чего не может дать современная социология – первая среди наук претендующих заменить философию.

Глава 3

Наука ли социология?

В древние времена источником мудрости, обладающим эксклюзивным правом учить нас, как нужно жить, считалась религия. В так называемое Новое Время ее потеснила на этом месте философия. А в наше Новейшее Время, ну где-то эдак последние лет 50 на роль непререкаемого кладезя мудрости и учителя жизни вышла социология. Конечно, ни религия, ни философия не исчезли, а в отсталых обществах или частях общества, типа отдельных политических партий, они по-прежнему царствуют. Коммунисты, например, по-прежнему молятся на философа Маркса, хотя уже далеко не столь истово, как прежде. Но тон в мире задает западная цивилизация. Даже если ее центр смещается на восток в Китай, Японию, Индию, то, как цивилизация, по своим понятиям, она при этом остается западной. Так вот в этой цивилизации, в главной ее части, а не в маргинальных частях общества, вроде коммунистов, религия и философия сохраняются не как главное идейное и идеологическое блюдо, а как петрушка, предназначенная лишь украшать жареного поросенка, а не служить основным наполнителем желудка и поставщиком жизненно необходимых белков. Тем, кто правит бал, религия нужна лишь для того, чтобы в столичный праздник показаться в церкви перед народом и камерами телевидения. Философию модно поминать в речах: «философия бюджета», «философия реформ», «философия колбасы». Еще лучше вернуть в речь что-нибудь вроде: «Как говорил Кант» (хотя, быть может, он этого и не говорил). Но когда переходят к делу, начинают «говорить бизнес», решать политические вопросы, принимать законы, тут религию и философию широким жестом отодвигают в сторону, и если и

прибегают к какому-либо кладезю мудрости (а не руководствуются сугубо властными и бизнес интересами), то внемлют только социологическим авторитетам. Ну и производным от социологии политологам, конфликтологам и т. п.

Каждое ниспровержение прежнего авторитета – кладезя мудрости и воцарение нового происходило под лозунгом не научности предыдущего и подлинной научности нового. Религия никогда вообще и не претендовала на научность, но пока науки в современном понимании этого слова не было, никого это не смущало. Что касается философии, которая когда-то содержала в себе все науки и из которой они когда-то все и вышли, то по мере того, как различные конкретные науки выгораживались из нее в отдельные парадигмы, содержание науки в ней или степень научности того, что оставалось, убывало. Убывало и объективно и в глазах общества и в глазах самих философов. (Сегодня, например, есть немало философов, которые, несмотря на то, что носят звание кандидатов и докторов философских наук или сражаются за них, готовы с пеной у рта доказывать, что философия – не наука). Но, если религия не нуждается (в принципе) в авторитете научности и учит нас, как жить, от лица и по поручению Господа Бога, то в отношении философии, которая – не наука, сразу возникает вопрос, а кто дал ей право нас учить и почему мы должны ей верить на слово? Ну и, естественно, по мере утраты философией статуса научности эта вера стала слабеть и философия все больше становиться, как я сказал, петрушкой для украшения речи. Именно это побуждало Маркса, который сочинял свою философию не в качестве праздного упражнения ума и не для произведения впечатления в узком кругу друзей интеллектуалов, а для того чтобы изменить действительность, всячески подчеркивать,

что его философия – не как у других, а единственное в мире научное учение. Однако, несмотря на широкое распространение марксизма «среди трудящихся масс», еще до победы его «в одной отдельно взятой стране», получившей название Советский Союз, в интеллектуальных европейских кругах возникло сильное сомнение в степени научности марксизма. И, как по мне, в значительной степени именно отсюда родилась социология, как антитеза философии вообще и марксизму в частности по линии научности. Мол, философия, включая марксизм, претендующий на особо научный статус среди других философских школ, на самом деле не научна, а вот мы, социологи, будем делать то же самое, но уже по-настоящему научно. Во всяком случае, один из столпов теоретической социологии Макс Вебер, оказавший (и продолжающий оказывать) к тому же сильное влияние на европейский социализм, именно так, как антитезу философии вообще и марксизму в частности, себя и подавал и так и воспринимался своими последователями и широкой публикой. В этом контексте, естественно, возникает вопрос, вынесенный мной в заголовок главы: «наука ли социология», на самом деле? Для ответа на него воспользуюсь материалами «Дискуссии о социологии», организованной Санкт-Петербургским Государственным Университетом и представленной в интернете по адресу: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=311 Вот что пишут сами социологи о своем предмете:

1) С. В. Цирель: Другая беда нашей социологии (что, впрочем, характерно не только для России) состоит в ее явной ангажированности и развитом умении получать разные выводы из одной и той же информации.

2) Розов. Н. С.: При всем море разлитом моделей, концепций, подходов, парадигм, не говоря уже о

«дискурсах» и «модусах деконструкции», в социологии, дельных конструктивных теорий, с положениями, которые поддаются операционализации и эмпирической проверке, которые могут быть использованы для разработки нетривиальных решений практических социальных проблем, – отнюдь немного.

3) Давыдов А. А.: Некоторые социологи довели до абсурда принцип Понимания, где, якобы, «Каждый сам себе социолог» и потому «Все позволено», возвели в Абсолют отказ от использования полезных методов и моделей из естественно-научных и инженерных дисциплин, зациклились на так называемых качественных методах сбора и анализа информации, схоластических социально-философских умозрительных спекуляциях, которые, по сути, не что иное, как «игра в слова, как в мячики», которая выступает в качестве интеллектуальных «испражнений», которые не способствуют приращению нового плодотворного знания и ни к чему не обязывают.

Можно было бы продолжить этот цитатник, черпая цитаты не только из этой дискуссии. Но цитирование не есть доказательство. Это лишь затравка к разговору, картинка, свидетельствующая, что есть о чем говорить и нужно говорить. Ведь можно предположить, что выборка цитат не представительна, их подборка тенденциозна, можно найти цитаты других социологов или даже этих же, но другие, из которых будет следовать, что социология – это все-таки наука. Ну, есть, конечно, проблемы в этом смысле, но пятна есть и на солнце и даже в физике можно найти работы не совсем научные и т. д. Мало того, цитируемые авторы и близкие к ним по духу подают себя, как истинно научную социологию в противовес всей прочей не научной. Точно так же как в свое время Маркс подавал свою философию как истинно научную, в противоположность всей про-

чей, затем Макс Вебер и другие классики социологии подавали себя как истинно научных философов в противоположность марксизму и отгородились от него и философии вообще новым названием социология. Так теперь внутри социологии появляется группа (точнее группы, ибо это не единственная), которая выгораживает себя внутри социологии, как истинно научную, и остается только придумать для нее новое название. Впрочем, оно уже практически придумано и только что не провозглашено в специальной декларации – манифесте. Но я позволю себе этот манифест извлечь из статей участников группы. Вот что еще они пишут:

1) А. А. Давыдов: «...использования полезных методов и моделей из естественно-научных и инженерных дисциплин». (Он же призывает к широкому использованию математики в социологии, как это уже делается в Европе и Америке)

2) Н.С. Розов :«Система содержательных аксиом» – это и есть теория, как совершенно особый тип познавательных моделей...

3) Ю. А. Качанов: В самом общем виде, действительное применение математики в социологии начинается лишь в том случае, если между смыслами социологической теории и математическими конструктами устанавливаются взаимно-однозначные соответствия.

4) Он же: Говоря о «непостижимой эффективности математики в естественных науках», Е. Вигнер имел в виду *prima facie* «физику наших дней»: математическое описание некоторого процесса требует главным образом адекватной содержательной (т. е. не формально-математической) модели, а почти все такие модели разработаны именно в физике.

Из этих цитат легко видеть, что суть манифеста данной группы социологов, претендующих на подлинную научность внутри остальной не научной

социологии, сводится к внедрению в социологию метода естественных наук, который наиболее полно применяется в физике. Ну что ж, это можно было бы только приветствовать, если бы не... Если бы не вспоминалось тут же, что и все предыдущие перевороты в философии – социологии происходили под более или менее внятно задекларированным этим же по сути манифестом. Разве Маркс не претендовал на особую близость именно его философии (в отличие от прочих) с естественными науками (через посредство материализма и рационализма)? А привязка к опыту, к которой призывал и Макс Вебер и призывают рассматриваемые социологи – не из метода естественных наук? Не мешает также вспомнить, что и тот же Макс Вебер и другие основоположники социологии, особенно Дилтей, хоть и поминали о применении метода естественных наук в социологии, но гораздо более того подчеркивали разницу областей действительности, изучаемых социологией и естественными науками. И потому настаивали на применении в социологии, прежде всего, своего идеографического метода («вчувствования» по Дилтею), а уж потом метода естественных наук (который они, почему то, назвали номотетическим). Но самое главное, о чем надо тут вспомнить, это о необходимости поперед призывов к применению метода естественных наук, его, этот метод четко сформулировать.

Дело в том, что до сих пор это никем, ни социологами, ни философами, ни учеными естественниками, в частности физиками, не было сделано, несмотря на то, что метод этот выработан в процессе развития естественных наук именно и прежде всего физики. Но до сих пор этот метод существовал в естественной науке лишь на уровне стереотипа естественно научного мышления. Поэтому он не всегда соблюдался достаточно строго и там, что, в свою очередь, приводило к

появлению парадоксов, видимых противоречий и, в конечном счете, к размыву понятия теории и границ между теорией и гипотезой в науке, даже такой, как физика. Что касается гуманитарных наук, то их представители не владеют этим методом и на уровне указанного стереотипа. Чем и объясняются все предшествующие революции в философии – социологии с ниспровержением прежней философии – социологии, как не научной, и претензией новой на подлинную научность со ссылкой на свою предполагаемую близость к естественным наукам и их методу. Мало того, в философии науки, в теории познания, в эпистемологии господствует пост-позитивистская школа (Куайн, Кун, Фейерабенд, Поппер, Лакатос и др.), утверждающая, что никакого единого метода в науке нет и быть не может, что наука меняет свой «обосновательный слой» [1], понятия науки не привязаны к опыту [2] и т. д. Распространена также точка зрения, что достаточно богатая научная теория принципиально не может быть аксиоматизирована [3,4].

В этой ситуации поминание рассматриваемыми авторами «системы аксиом», «взаимно-однозначного соответствия между смыслами социологической теории и математическими конструктами» и т. п. свидетельствует лишь о благом намерении их сделать социологию действительно наукой. Но до тех пор пока не сформулирован четко метод естественных наук, а заодно не получили объяснения те противоречия и парадоксы в этих науках, на которые обратили внимание пост-позитивисты, надеяться на то, что удастся добиться существенного улучшения в этом отношении ситуации в социологии не приходится. Возьмем для примера те же системы аксиом, однозначное соответствие и нехорошую способность многих социологов получать разные (и даже противоположные) выводы из одного и того же

множества фактов. Так ведь и в физике не разрешена до конца проблема однозначного соответствия смыслов и конструктов и хорошо известно, что любое конечное множество фактов можно накрыть выводами из разных систем аксиом. А из разных систем аксиом уж точно получатся разные выводы. И то, что выводы из некоей системы аксиом накрывают некую совокупность фактов, не значит, что они продолжат ее накрывать, когда она пополнится новыми фактами. А ведь наука должна «на основании опытов прошлого предсказывать результаты опытов будущего» (иначе, зачем она нам нужна?). Но факты, которые мы накрываем выводами из системы аксиом, это и есть опыт прошлого, а факты, которые потом добавятся – это опыт будущего. Таким образом, как видим, аксиоматический подход сам по себе еще не гарантирует нам истинности предсказания результатов опытов будущего, т. е. еще не означает, что то, что мы делаем – это наука. Ну, физики, благодаря стереотипу своего мышления, с этой проблемой, не так чтобы совсем успешно, но более-менее справляются. Но как с этим могут справиться социологи, даже если помимо призывов пользоваться системами аксиом, им предварительно объяснить, что система аксиом должна быть непротиворечивой, что такое полнота системы аксиом и так далее? (Кстати, в гуманитарной сфере полно работ, базовые положения которых, независимо от того, подаются ли они в явном виде как аксиомы или это подразумевается, противоречат одно другому. Например, в теоретической биоэтике[5]). Один социолог возьмет одну систему аксиом, другой – другую и дальше будет все тот же «тяни-толкай».

Более того, эта ситуация касается не только социологии, но и всей гуманитарной науки. Еще более того – науки в целом, и еще более – общества в целом и

многих проблем его. Даже в физике, которая в основном и породила упомянутый метод и в которой он применяется в наиболее полной мере, и представители которой более других наделены стереотипом естественно научного мышления, отсутствие эксплицитного представления этого метода приводит, как я уже сказал, к размытию понятия «теория», к размытию границ между теорией и гипотезой и т. д. [6]. И именно физики, по крайней мере, в России более других вопят о злызне лженауки и создали даже комитет при Академии Наук под руководством академика Круглякова для борьбы с ней. Но судя по информации в СМИ, успеха в этой борьбе – никакого. И это понятно. Ибо если не сформулирован метод науки, то нет и внятных критериев, отделяющих науку от лженауки. А как же можно бороться с чем-то, не определив внятно, с чем ты борешься? Ведь что выдвигают в качестве критериев научности воители с лженаукой, начиная с Круглякова? – Публикации в авторитетных научных журналах, признание признанных авторитетов, т. е., так сказать, сплошной авторитаризм. А как же быть с высказыванием Сахарова (и других великих ученых прошлого), что в науке нет авторитетов кроме истины? Или с высказыванием Капицы, что у нас в науке – сплошная «аракчеевщина»? Когда нет объективных критериев научности, а в качестве таковых выступает авторитет, то и получается «аракчеевщина». Так в физике и других естественных науках, благодаря упомянутому стереотипу, критерий авторитетных журналов и вообще авторитетов еще хоть как-то работает. Но в социологии и других гуманитарных науках, где «каждый сам себе социолог», сам себе авторитет, где есть множество школ и направлений, одно другого вообще не признающих, и каждое имеющее свои авторитеты и свои авторитетные журналы, именно там разливается море лженауки. Причем

вред от той лженауки, с которой борются кругляковы, есть, конечно, но он просто несравним с вредом от лженауки, которой залита вся гуманитарная сфера. Это все равно, как наперсточники по сравнению с организованной преступностью, включающей наркоторговлю, коррупцию и т. д. Ну, дураят астрологи и экстрасенсы головы наивным гражданам. Но ведь от применения неверных социологических теорий, философских учений и т. п. зависят судьбы миллионов людей, государств, а сегодня и всего человечества. При этом если в разлитом море лженаучных теорий появится настоящая, то как ее могут политические, общественные деятели и прочие люди отличить от ложных? Потому что она напечатана в авторитетном журнале? А в другом журнале, авторитетном в другой Марьиной роще, опубликована другая теория, противоположная этой. К этому надо добавить, что в результате борьбы с лженаукой, борьбы основанной на принципе авторитетов, даже в физике многие замечательные открытия не могли пробиться долгие годы (и можно предположить, что еще многие так никогда и не пробились и канули в лету), потому что существующие на тот момент авторитеты не захотели их признать. То ли потому что мозгов не хватило (что может случиться и с настоящими учеными, а ведь много есть липовых), то ли из-за избытка амбиций у этих авторитетов и боязни свой авторитет потерять. В результате не только падает авторитет гуманитарной науки в обществе, не только происходит потеря важных для человечества идей, но происходит еще и деморализация общества. Ведь если в науке, которая испокон веков считалась цитаделью служения истине, возможны такая ложь и нечестность, то что требовать от простых людей? Потому мы и «имеем то, что имеем» сегодня в мире и катимся неизвестно куда.

После всего возникает вопрос: в чем причина ситуации, сложившейся в науке, гуманитарной в особенности, и как следствие в мире в целом, т. е. глобального кризиса, и есть ли выход из этой ситуации? Ответ на этот вопрос будет дан в следующей главе.

Ссылки:

1. Лакатос И. Бесконечный регресс и основания математики // Современная философия науки. М., 1996 с. 106–136.
2. Куайн В. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996 с. 18–40.
3. Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.
4. <http://philprob.narod.ru/philosophy/Smirnov.htm>
5. <http://philprob.narod.ru/philosophy/bioethica.htm>
6. <http://philprob.narod.ru/philosophy/Hipothezis.htm>

Глава 4

Кризис рационалистического мировоззрения как главная причина глобального кризиса

Выход из описанной выше ситуации не может быть простым. Он не может свестись к смене власти с помощью выборов ли или революции. Не может свестись к тем или иным реформам и изменению законодательства. К разговорам про дух и мораль. К возрождению религии. Т.е. каждая из этих вещей может быть полезной и нужной, но без устранения главной причины глобального кризиса, они могут приводить в лучшем случае к временным, локальным улучшениям, но не остановить глобальный кризис. Чаще же без устранения главной причины они приносят обратный результат. Что мы наблюдаем и на примере многочисленных цветных революций, и на последствиях вполне демократической смены власти через выборы в Украине, и на буксовании реформ и в Украине и в России, и, наконец, на хаотических действиях правительств западных стран по преодолению экономического кризиса.

Повторю и расширю вопросы, требующие ответа в первую очередь. Почему образовался и продолжает расти опасный разрыв между научно-техническим и гуманитарным, духовным развитием человечества? Почему духовность в современном мире тяготеет принимать формы фанатизма религиозного или идеологического, в частности националистического, со склонностью к экстремизму? Почему в свое время восторжествовали философии, приведшие к релятивизации морали и ценностей, и почему, хотя некоторые из этих философий давно уже не в моде (экзистенциализм, фрейдизм), но вызванное ими искривление мо-

рали и ценностей сохраняется и даже усугубляется (разрешение однополых браков и службы гомосексуалистов в армии в Штатах, распространение порнографии откровенной и замаскированной под искусство и т. д.)? Почему не только философия, которая, как большинству кажется, не задевает их материальных интересов, но и экономическая наука, напрямую связанная с этими интересами, превратились в некий иллюзион, когда они как бы существуют, есть тьма ученых, подвижающихся и кормящихся в них, написаны и продолжают писаться монбланы книг и статей, но как в сказке Андерсона про платье голого короля, результатов никто не видит? В частности, экономические кризисы накатываются один за другим и каждый следующий страшнее предыдущего, и со всей очевидностью наваливается глобальный системный кризис. Наконец, почему вообще происходит системный кризис западной, а с ней и общечеловеческой цивилизации и где выход из него? Чтобы ответить на эти вопросы, надо обратиться к истокам западной цивилизации, к тому, на чем она встала. Корни западной цивилизации прослеживаются и в Христианстве и в античной демократии, но встала она, безусловно, на рационалистическом мировоззрении в виде классического рационализма с его верой в человеческий разум, способный постигать истину, отправляясь только от опыта и отвергая любые априорные истины и догмы. Классический рационализм позволил найти правильное, разумное равновесие между свободой античности и христианской моралью. (В то время как в античном мире преувеличение свободы достигло разнузданности времен упадка римской империи, а в средневековом Христианстве мораль была доведена до аскезы). Все упомянутые выше мыслители, стоящие у начала современной западной цивилизации, были представителями рационалистического мировоззрения.

Торжество классического рационализма в тот период привело к преодолению средневекового мракобесия и к небывалому во всей предыдущей истории человечества научно-техническому прогрессу.

Мировоззрение классического рационализма распространялось и на естественно-научную и на гуманитарную сферы, что обеспечивало в период торжества его достаточно гармоническое развитие цивилизации и в техническом и в гуманитарном, духовном направлении.

Ситуация изменилась, когда произошел кризис классического рационализма и вместе с ним кризис рационалистического мировоззрения как такового. Почему он произошел и в чем его суть?

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, уточним, что такое классический рационализм.

Прежде всего нужно отметить, что классический рационализм не имеет ничего общего с тем расхожим сегодня, бытовым представлением о рационализме, как о прагматизме. Как о жестком, лишенном сентиментов, морали и духа преследовании утилитарных целей: конкретного, близкого результата, успеха сиюминутного, пользы утилитарной, выражаемой в деньгах. Как о чем-то противостоящем духовности. Короче, как о приниженном рационализме.

Как и многие другие философские направления, классический рационализм не имеет четких, принятых всеми, определений и границ. Есть философы, которые под классическим рационализмом понимают исключительно рационализм Декарта, причем акцент в нем делают на «наличие априорных оснований, как источник и гаранте познания всеобщих и необходимых истин». Многие другие под классическим рационализмом понимают философское направление, родоначальниками которого кроме Декарта были Бекон, Пас-

каль и другие и главным положением которого является не декартова априорность познания, а представление о причинности всего происходящего в этом мире и способности человеческого разума постигать эту причинность. Но для целей этой работы логично рассматривать классический рационализм в более широком контексте, а именно, как мировоззрение не только чисто философское, но и естественно научное и в значительной степени и мировоззрение культурного общества эпохи до появления теории относительности. Это оправдано тем, что уже со времен Декарта существовала тесная связь между рационализмом философским и естественно научным. Среди его основоположников (Декарт, Бекон, Паскаль и др.) большинство было одновременно и философами, и учеными. И в дальнейшем его развитии, а также в распространении, во всемирном признании его и торжестве решающую роль играла его связь с рациональной наукой и успехи последней, приносящие приятные (в то время) плоды технической революции. В науке рационализм сформировался окончательно в трудах Ньютона, Лагранжа и их соратников (Коши, Даламбера, Эйлера и др.), создавших классическую механику, ставшую на долгие годы образцом построения рациональной научной теории. Но главная причина такого понимания классического рационализма в этой монографии – в том, что кризис именно этого рационализма стал кризисом рационалистического мировоззрения как такового.

Классический рационализм (в указанном понимании) базируется на следующих постулатах:

- 1) Все происходящее имеет причины и наш разум способен постигать их, отправляясь от опыта и только опыта (т. е. не привлекая и не признавая никаких априорных истин) и руководствуясь логикой. Такое постижение и его результат и есть наука.

2) Наука предназначена, на основании опытов прошлого, предсказывать результаты опытов будущего.

3) Наука дает абсолютное знание. Новые теории добавляют новое знание к предыдущему, не изменяя его. Не может быть двух и более разных научных теорий, описывающих одну и ту же область действительности.

4) Выводы науки не могут противоречить опыту и один другому.

5) Понятия и выводы науки могут и должны быть однозначными и одинаково пониматься всеми учеными.

6) Конечным продуктом науки является теория. Именно она дает абсолютное, неизменяемое знание, к которому новое знание может лишь добавляться. Именно в теории не допускается противоречие выводов один другому и опыту. Кроме того, выводы теории обязаны покрывать все известные факты из области, которую эта теория претендует описывать.

7) Кроме теорий наука пользуется, как рабочим инструментом, еще гипотезами. Выводы гипотезы также не должны противоречить друг другу и должны покрывать значительную часть фактов из описываемой области и не противоречить им. Значительную, но не всю, и некоторым фактам могут противоречить. При этом предполагается, что, либо гипотеза рано или поздно будет построена и превратится в теорию, т. е. ею будут охвачены все факты из области и устранены противоречия с ними, либо она будет отброшена и утратит статус научной гипотезы.

8) Кроме теории и гипотезы в науке есть накопление фактов с помощью наблюдения или эксперимента, их систематизация, классификация, проверка и, наконец, установление на основе опытных данных отдельных законов. Но, только теория дает науке особый эпистемологический статус, отличает ее от всего, что не

является наукой. Только она дает абсолютное знание, на которое всегда можно полагаться.

Возвращаясь к вопросу, почему произошел кризис классического рационализма. Причиной кризиса классического рационализма была ошибочность некоторых его постулатов. А именно, утверждений об абсолютности добываемого рациональной наукой знания, неизменяемости понятий и выводов науки и единственности теории, которая может описывать некоторую область действительности, точнее выводы которой могут соответствовать множеству известных фактов из некоторой области действительности. Эта ошибочность существовала с момента возникновения классического рационализма и принятия им соответствующих постулатов. Но пока наука (точнее физика, как наиболее продвинутая рациональная наука, дающая стандарты научности для других наук) развивалась в рамках ньютоновской механики, а затем максвелловской электродинамики, этого не было видно, точнее, мало кто это видел. Но с появлением теории относительности Эйнштейна эта ошибочность стала очевидной всем.

Теория относительности описывала по видимости ту же действительность, что и механика Ньютона, но изменяла и понятия и выводы последней. Время, бывшее абсолютным у Ньютона, становилось относительным. Скорости, у Ньютона складывающиеся по правилу Галилея, теперь складывались по правилу Лоренца. В частности, скорость света, которая по Ньютону должна была складываться со скоростью его источника, теперь оказалась абсолютной и не зависящей от скорости источника. И т. д.

Это привело к краху классического рационализма, прежде всего в философии, в которой возник целый ряд направлений, релятивизирующих научное познание

(философский релятивизм, онтологический релятивизм, лингвистический релятивизм и т. д.). Наиболее веские аргументы против концепции классического рационализма, основанные на феноменах, парадоксах и противоречиях реальной науки, физики, прежде всего, выдвинули представители школы так называемых социальных постпозитивистов: Куайн, Кун, Фейерабенд и др. (Куайн, кроме того, является основоположником онтологического релятивизма). Они полностью отрицали особый эпистемологический статус науки т. е. наличие в ней хоть чего-нибудь, что принципиально отличало бы ее от любого другого, не научного познания, а Фейерабенд заявлял, в частности, что наука в принципе ничем не отличается от гадания на кофейной гуще (1). Куайн отрицал, что научные понятия могут быть привязаны к опыту и только к опыту. Он утверждал, что эти понятия обязательно «нагружены теоретическим знанием» из предыдущих теорий и выражаются через понятия этих теорий, а те в свою очередь через понятия из теорий им предшествующих и т. д. до бесконечности. (2). Кун утверждал, что понятия науки не могут быть однозначно определены и, как следствие, между учеными, представителями разных парадигм (фундаментальных теорий) не может быть общего языка. А также, что понятия и выводы науки социально нагружены (Эйнштейн принял относительность времени, потому что прочитался Маха) (3). И т. д. Они атаковали классический рационализм с разных направлений, но за всем этим разнообразием, явно или неявно, стоял ставший очевидным факт, что наука, безусловно, меняет свои понятия и выводы.

Возникает вопрос, неужели ученые и философы не понимали значения рационалистического мировоззрения и не пытались либо отстоять классический рационализм, либо исправить его таким образом, чтобы при-

вести в соответствие с новыми реалиями в науке, физике, прежде всего, но при этом сохранить рационалистическое мировоззрение как таковое? Пытались и еще как пытались. Споры в философии и вокруг нее по этому поводу превзошли по масштабу, пожалуй, все, что бывало до этого. Возникали и уходили в небытие целые философские школы, группировавшиеся вокруг той или иной позиции по этой проблеме. Сегодня мало кто помнит и о философском релятивизме и о лингвистическом. А работы советских философов, пытавшихся бороться с этими релятивизмами по долгу службы, просто вывезены на макулатуру. Хотя некоторые из этих философов продолжают занимать высокие посты в философской иерархии, но развивают уже совсем другие направления, зачастую противоположные.

И такой огромный интерес философов и ученых к этой проблеме не случаен. Ведь от ответа на вопросы, что дает нам наше познание, как оно соотносится с описываемой ею действительностью, насколько оно надежно и до какой степени и в чем мы можем на него полагаться, зависят ответы практически на все прочие важные философские вопросы. Придерживаться ли нам всем обществом и даже всем человечеством некой единой системы ценностей, морали, каких-то норм и каких именно или «у каждого народа свои добро и зло»? А то и у каждого человека своя мораль или не надо никакой морали, живи в свое удовольствие и да здравствует свобода? Если наше знание правильно и надежно описывает действительность, то у нас есть шанс, правильно описав нашу природу, природу общества и процессов, текущих в нем, прийти к взаимопониманию и согласию по поводу научно обоснованной оптимальной для всех системы ценностей, норм морали, наконец, справедливости при решении международных или конфликтов или распределении материальных благ

внутри общества. Если же наше научное познание не дает нам правильного и надежного знания, если наука меняет свои понятия, выводы и их обоснование, то, что сегодня считается хорошо и морально, завтра может быть сочтено аморальным, то, что сегодня считается справедливым, завтра может оказаться несправедливым и т. д. И тогда в лучшем случае мы можем придерживаться морали, ценностей и норм, привитых нам той или иной религией или народной традицией. Но при этом у нас не будет никакого шанса найти общий язык между народами с разными традициями, между представителями разных религий или конфессий или разных идеологий. Найти общий язык на основе признания существования единой истины и единого для всех способа ее обоснования. И единственное, что нам останется, это навязывать другим наши представления о том, что есть хорошо, а что плохо, что – справедливо, а что – несправедливо и т. д. И делать это мы сможем только силой или оружия, или денег, или пропаганды с помощью масс-медиа. Что сегодня и происходит. Но даже если мы и добьемся подобным образом консенсуса в масштабе планеты и на какое-то время установим на ней всеобщий мир, то нет никакой гарантии, что такой мир действительно сделает хорошо всем людям и не закончится еще худшей войной, чем если бы его не было.

О том, насколько сильно от ответа на вопрос, что дает нам наше познание и насколько мы можем на него полагаться, зависят ответы разных философских школ на вопросы, уже непосредственно касающиеся нашей жизни, мы можем судить на примере марксизма и экзистенциализма – двух философий, оказавших сильнейшее влияние на состояние современного человечества.

Марксизм абсолютизирует наше познание. Он утверждает, что оно является отражением действитель-

ности, отражением адекватным и таким, что всякое новое знание ничего не меняет в предыдущем, а лишь добавляется к нему.

Легко видеть, что абсолютизация марксизмом законов общественного развития таких, например, как неизбежность победы пролетарской революции, тесно связана с абсолютизацией им нашего познания. Ну и нет нужды объяснять гражданам бывшего Союза, какую роль сыграла абсолютизация марксизмом законов общественного развития в жизни их предков и их самих до недавних пор.

Экзистенциализм, в отличие от марксизма отрицает за нашим познанием способность сколь-либо адекватно отображать реальную действительность и с презрением относится даже к намерению отыскивать причину ее явлений. Так, например, один из его основоположников Мартин Хейдеггер писал: «Причина (reason) прославленная в веках, есть наиболее крутовойный противник мысли».

Негативное отношение экзистенциализма к возможностям человеческого познания повлияло на другие его фундаментальные положения. Недостоверности нашего познания противопоставляется в нем достоверность наших ощущений и психических переживаний. Отсюда логически следует преувеличение экзистенциализмом ценности индивидуальной свободы и чувственных наслаждений в противовес всем прочим человеческим ценностям. Действительно, о каких, скажем, общественных идеалах или этических нормах может идти речь, если мы принципиально не можем знать последствий наших действий и сомневаемся в том, что вообще что-либо существует за пределами нашей персоны.

Следствием влияния на общество этой экзистенциалистской системы ценностей явилось распространение

так называемой «новой ментальности» с гипертрофией свободы человека в обществе от общества и с оголтелой погоней за чувственными наслаждениями в ущерб духовным ценностям и моральным нормам.

Так что, повторяю, попытки были и защитить классический рационализм и поправить его так, чтобы сохранить рационалистическое мировоззрение как таковое. Но...

Первыми ринулись в бой те, кто пытались отстоять классический рационализм в неизменяемом виде. Среди них были такие гиганты, как Фреге (Фредж), Пеано, Рассел и Гильберт. Гильберт и Рассел, в частности, пытались, отправляясь от неких абсолютных аксиом, перестроить всю рациональную науку таким образом, чтобы впредь она уже не меняла своих выводов и понятий, но вынуждены были признать, что такая перестройка невозможна. Последними защитниками классического рационализма в его неизменном виде были советские философы Лекторский, Степин и другие. Поскольку Маркс позиционировал себя, как сторонник рационализма классического толка, признавал, что наука отражает действительность и новое знание просто добавляется к старому, ничего в нем не меняя, то упомянутые философы, по долгу службы в советское время, должны были защищать классический рационализм, но у них тоже ничего не получилось. Степин и ряд других в пост советское время перешли в ряды релятивизаторов науки. Степин, в частности, развил теорию классического, не классического и пост неклассического периодов развития науки, утверждая, что в каждый из этих периодов наука имеет свой способ обоснования научных теорий.

Среди пытавшихся переделать классический рационализм, приведя его в соответствие новым реалиям науки, наиболее заметны когнитивные пост позитивни-

сты (Поппер, Лакатос, Лаудан и др.). Признавая (вслед за Куайном), что наука не привязывает своих понятий к опыту, утверждая, что она принципиально погрешима (любая теория будет рано или поздно опровергнута) (4), и что она периодически меняет метод обоснования своих теорий (обосновательный слой) (5), они пытались все же защитить особый эпистемологический статус науки, найти критерии, отличающие ее от не науки. Поппер для этого изобрел свой фоллибилизм, суть которого – требование принципиальной проверяемости утверждений научной теории опытным путем. Например, утверждение, что море волнуется, потому что Нептун сердится, невозможно проверить опытным путем, значит – это не наука.

Далее Поппер (а за ним другие фоллибилисты, они же когнитивные пост позитивисты) утверждает, что хоть наука и не дает истины (принципиально погрешима) и не дает обоснования (надежного и неизменного) для своих теорий, но отличается от не науки все же тем, что делает обоснованный выбор между теориями на предмет их большей близости к истине: «Я говорю о предпочтительности теории, имея в виду, что эта теория составляет большее приближение к истине и что у нас есть основания так считать или предполагать». (6)

Еще одна попытка переделать классический рационализм, приведя его в соответствие феноменам реальной науки, принадлежит представителям школы неорационализма, в центре которой стоит французский философ Башляр. В большинстве своих позиций эти философы совпадают с пост позитивистами даже не когнитивными, а социальными. Они отрицали независимость добытых разумом истин от социокультурных подтекстов. В той или иной формулировке признавали попперианскую опровержимость научных

теорий, «постоянную принципиальную проблематичность рационального познания» и т. п. Вслед за Куайном признавали, что научные понятия никак не привязаны к опыту. «Разум конституирует мир для нас, сверх которого ничего нет, реальность изменяется вместе с духом» – Лаланд. ««Закон» предшествует «фактам», он не выводится из них, а сами факты есть теоретические конструкции». (7) Вслед за Куном они признавали невозможность общего языка между учеными, представителями разных фундаментальных теорий, постулировали эпистемологический разрыв между такими теориями. «Они построены на различных принципах организации научного разума и поэтому между ними не может быть отношений преемственности и выводимости». (8)

Но при этом башляровские неорационалисты претендовали на то, что они все-таки защищают особый эпистемологический статус науки, ее принципиальное отличие от всего, что не есть наука. В этом контексте они говорили об адекватности научных теорий, понимая под ней соответствие выводов теории фактам.

Но ни башляровский неорационализм, ни когнитивный пост позитивизм не смогли остановить кризис рационалистического мировоззрения, их робкие попытки отстоять особый эпистемологический статус рациональной науки были безуспешны. Попперовское требование принципиальной проверяемости опытом выводов теории не является достаточным критерием, позволяющим отделить науку от не науки, потому что можно насочинять сколько угодно проверяемых опытно утверждений, которые не будут ни верны, ни обоснованы и, следовательно, не будут научны. Например, можно утверждать, что Волга впадает не в Каспийское, а в Черное Море. Это утверждение можно проверить опытно, но от этого оно не становится ни истинным,

ни научным. Что касается оснований предпочтительности одной теории перед другой, о которых пишет Поппер, то вот что пишет по этому поводу его ученик Лакатос:

«Попперианский критический фоллибилизм принимает бесконечный регресс в доказательстве и определении со всей серьезностью, не питает иллюзий относительно «остановки» этих регрессов... При таком подходе основание знания отсутствует как вверху, так и внизу теории... Попперианская теория может быть только предположительной... Мы никогда не знаем, мы только догадываемся. Мы можем, однако, обращать наши догадки в объекты критики, критиковать и совершенствовать их...

Неутомимый скептик, однако, снова спросит: «Откуда вы знаете, что вы улучшаете свои догадки?» Но теперь ответ прост: «Я догадываюсь». Нет ничего плохого в бесконечном регрессе догадок» (9).

То есть все основания предпочтительности одной теории перед другой оказались на поверку не более чем догадками. Что в этом плохого, не требует пояснений.

Не далее Поппера ушли и башляровские неорационалисты в их попытках отстоять особый эпистемологический статус науки. Их требование адекватности научной теории в смысле соответствия ее выводов фактам, разрушается их же заявлениями, о том, что фактов самих по себе не существует, что факты возникают после «закона», т. е. теории и т. д. Тогда получается, что теория должна соответствовать самой себе. Но можно настроить сколько угодно теорий, соответствующих самим себе, но неизвестно что описывающих в действительности. Наконец, соответствие выводов теории фактам – это то же самое, что проверка практикой. Это не дает нам гарантии правильного предсказания будущих опытов и потому в принципе не отличается от

любых ненаучных предсказаний, включая предсказания гадалки, которые тоже могут иметь определенный процент соответствия «практике». Таким образом, ни Поппер, ни башляровские неорационалисты, не отстаивали особый эпистемологический статус науки, не дали внятных и однозначных критериев отличающих науку от не науки, и не остановили продолжающийся кризис рационалистического мировоззрения.

Возвращаюсь к тому, как повлиял кризис рационалистического мировоззрения на современную ситуацию в мире, на процессы текущие в нем и на глобальный кризис человечества. Выше уже кое-что сказано об этом. В последующих главах будет подробно рассмотрено это влияние на такие аспекты как мораль, духовность, качество демократии, состояние экономики и некоторые другие. Здесь я хочу вкратце нарисовать общую картину этого влияния (повторив отчасти сказанное выше, но учитывая важность предмета, полезно акцентировать внимание читателя на этой картине).

Что касается самой философии, то об ее сегодняшнем состоянии сказано выше, но добавлю к этому еще немного.

Сегодня философскую арену захватили школы, избегающие давать ответ на упомянутые фундаментальные вопросы эпистемологии относительно нашего познания. Большинство из них делают это под предлогом углубления в более частные проблемы, разрешение которых должно помочь потом ответить на основные вопросы. Такова, например, обширная группа теорий, занимающихся психофизиологическим аспектом познания, в частности вопросом, как те воздействия, которые оказывает на наши органы чувств внешний мир, трансформируются в нашем мозгу в некий образ. Не менее обширная группа эпистемологических теорий занята логическими проблемами позна-

ния, еще одна языковыми и еще одна специфическими проблемами научного познания. Не отрицая самостоятельного значения части из этих разработок, нельзя все же не отметить, что бурное развитие этих направлений создало ситуацию, при которой фундаментальные вопросы, упомянутые выше, стали отодвигаться на второй план, вплоть до того, что обращение к ним стало как бы проявлением дурного тона для современных философов. Распространилось мнение, что «философия не решает проблем, она их только обсуждает». Эта часть современной философии превратилась в «науку для науки». Ее представители заняты лишь «чистыми» (с их точки зрения) вопросами философии, удаленными от «грязных», реальных проблем общества и человека (например, вышеупомянутыми частными аспектами теории познания: логическими, языковыми, методологией науки и т. п.). С другой стороны развились направления философии, продающие готовые рецепты как жить, а еще чаще, как добиваться успеха в жизни, исходящие из крайне примитивной общей картины мира и человека или даже не претендующие вообще на то, что таковая у них имеется. Образец такой с позволения сказать философии – это Дейл Карнеги с его весьма популярными книгами типа «Как разбогатеть», «Как обзавестись друзьями» и т. п. Можно привести для примера сюда также бихевиоризм, который разбираю в книге «Неорационализм» (10). Эти философии да оказывают влияние на реальную жизнь общества, но лучше бы они ее не оказывали. Они создают мировоззрение того приниженного рационализма, унылого прагматизма, который, как я сказал выше, не только не совпадает с мировоззрением классического рационализма, но противостоит ему. И расцвет которого как раз и вызван кризисом классического мировоззрения.

Еще одна группа философских направлений, уводящих от серьезного исследования жизненно важных для общества и человечества проблем, это направления типа коммуникативной философии. По сути – это продолжение традиции древних софистов, воевавших с Сократом. Сократ хотел научить людей жить лучше, поэтому пытался открыть им важную для них, для общества истину. А софисты и вслед за ними современные коммуникативные философы, а также бихевиористы, Дейл Карнеги и иже с ними учат, как победить в споре, не заботясь об истине или как добиться иного личного успеха, не заботясь об интересе общества. Дело дошло до того, что появляются в печати статьи философов, которые осуждают Сократа и защищают софистов. Эти современные софисты, как и древние, – тоже разновидность приниженного рационализма. Может ли такая философия способствовать решению глобальных проблем, стоящих сегодня перед человечеством, или она сама способствует и даже порождает эти проблемы? Ответ уже дан выше, но добавлю еще пару слов на эту тему.

Высокая культура европейского Просвещения не случайно сменилась культурой модерна, а за ней и постмодерна, сразу после кризиса рационалистического мировоззрения. Этот переход этим кризисом как раз и обусловлен. «Сон разума рождает чудовищ». Если вера в человеческий разум, в его способность давать нам истину, определять справедливость и т. д. уходит, то уходит и высокая культура, вдохновляемая этими идеалами, а ее место занимает культура, исповедующая успех любой ценой, погоню за наслаждениями, моральный нигилизм и цинизм. Культура определяет ментальность общества, а ментальность определяет все процессы, текущие в нем. В результате получаем причинно следственную цепочку, где в начале стоит отказ

философии от главных задач, объективно стоящих перед ней, а в конце — грязная политика, которой больше подходит слово «политиканство», бесконечная коррупция, тщетные попытки изменить ситуацию через замену власти на выборах ли или путем насилия и чередование полной апатии населения с бессмысленными, теоретически сырыми движениями. Получаем совершенно иного качества общество и иного качества мыслящую элиту.

О последней можно судить по контенту в интернете. Всех пишущих там можно разделить на 4 категории. Законченные постмодернисты, любой предмет разговора превращающие, пользуясь их же терминологией, в «стеб», в «прикалывание», короче, уничтожающие на корню саму возможность серьезного обсуждения чего бы то ни было. И три разновидности фанатиков: фанаты социализма, фанаты национализма и фанаты либерализма. Социалисты любой предмет разговора переводят в «А вот если бы в Бразилии был социализм, там не было бы бородавок». Националисты, не поняв даже, о чем идет речь, сразу начинают винить евреев или черных или кого угодно, кроме своих. Либералы, те всех считают фанатиками, кроме себя. Хотя на самом деле они такие же фанатики, как и прочие, только своей идеи. Они превратили защиту прав человека почти исключительно в защиту гомосексуалистов, «Пуси райт» и прочей моральной грязи. Не видят противоречий в своей позиции, когда провозглашают допустимым все, что не есть насилие и в то же время запрещают потребление наркотиков (без насилия). И не готовы дать слово и выслушивать своих оппонентов, которые могут опровергнуть их позицию. А вот сорт людей, рожденных Просвещением, для которых истина была превыше не только их личного корыстного интереса, но и превыше интереса их партии, народа, их идеологии,

перевелся. О каком служении истине может идти речь, если истина после кризиса рационалистического мировоззрения стала относительной.

В выше данной классификации пишущих в интернете я не упомянул религиозных фанатиков. В русскоязычном и англоязычном интернете они пока что слабо представлены. Зато они занимают почетное место среди факторов, обуславливающих глобальный кризис. Рост этой разновидности фанатизма тоже обусловлен кризисом рационалистического мировоззрения. Правда, не на прямую, а как реакция на культурное давление Запада, ставшего, вследствие кризиса рационалистского мировоззрения бездуховно прагматичным. Рост религиозного фанатизма – это реакция на наступление бездуховного прагматизма.

Что касается самой науки (естественной), то кризис классического рационализма отразился на ней по видимости гораздо меньше, чем на философии, но лишь по видимости. Рациональная наука продолжала приносить приятные плоды технического прогресса и даже во все возрастающем количестве. Это объясняется тем, что для наук прикладных, технических определенным критерием научности и истинности служит практика. Построили новые машины или приборы, осуществили новые технологии, все это успешно работает, значит, теории, использованные при создании этих машин и технологий, верны и научны. Так, по крайней мере, казалось и кажется многим. А, поскольку прикладные теории строятся на базе фундаментальных, то тем самым, казалось бы, получают научную апробацию и фундаментальные. До поры до времени этого было достаточно для продолжения бурного развития науки, откуда, однако, не следует, что критерий проверки практикой является достаточным критерием истинности и научности теории.

Дело в том, что предсказанием «результатов будущих опытов» или попросту будущего занимается не только наука, но и любая псевдо наука, например астрология, и даже гадалка на кофейной гуще. И эти последние тоже время от времени, а иногда и довольно часто, предсказывают правильно. В эпоху торжества классического рационализма считалось, что наука отличается от всех прочих видов предсказаний тем, что ее предсказания сбываются не иногда, и не часто, а всегда. (Естественно, в условиях, для которых соответствующая теория создана и с некоторой оговоренной точностью.) Замена принципиальной истинности научных теорий проверкой их на практике в процессе создания новой техники и технологий имеет не только мировоззренческий недостаток (стирает грань между наукой и не наукой), но и практически является весьма существенной. Причем практическая важность этой разницы нарастает по мере роста технической мощи человечества, поскольку растет цена возможной ошибки предсказания. Одно дело, если в соответствии с некой теорией мы освоили технологию приклеивания подошв к обуви, вместо пришивания, и оказалось, что, хотя в опытной партии все подошвы выдержали испытание, но когда перешли к серийному производству, то выяснилось, что каждая сотая отлетает на другой день. Другое дело, если мы в соответствии с другой теорией строим атомные станции и на сотой станции получаем Чернобыль, который, слава Богу, не кончился полным уничтожением человечества, но следующий может этим закончиться. Т. е. ссылка на практику годится, когда мы клеим подошвы, но не годится, когда мы строим атомные электростанции, внедряем генную инженерию и т. п., потому что нет никакой гарантии, что то, что на практике срабатывало тысячу раз, в тысяче первый раз не даст осечки. В

этом случае нам нужна надежность в понимании старого доброго классического рационализма.

Это — один аспект изменения ситуации в науке, связанного с кризисом классического рационализма. Другой аспект состоит в снижении эффективности науки и ухудшении ситуации внутри нее. На первый взгляд может показаться, о каком снижении эффективности может идти речь? Ведь наука стала главной производительной силой в современном обществе. Но нужно учесть, что на порядки выросло число людей, подвижающихся в науке. Во времена Ньютона в науке подвизались сотни, максимум тысячи людей. А сегодня — миллионы. Во-вторых, как говорится, нынешние ученые стоят на плечах всех предшествующих поколений ученых. И, оценивая вклад науки в производство материальных благ, мы не должны забывать, что этот вклад нужно делить не только на нынешних ученых, но и на ученых всех предшествующих поколений. Поскольку, если какой-то сегодняшний ученый (группа ученых) создал новый тип ракет, то одновременно с его вкладом в этих ракетах сидит вклад и Циолковского, и Ньютона, и Евклида. И еще неизвестно, чей вклад больше, нынешнего ученого или Евклида. Зато известно, что во времена Ньютона в науке практически не было пустышек, каждый ученый был величина. А сегодня наука засорена огромным количеством бездари и посредственности. И это напрямую связано с кризисом классического рационализма, приведшим к утрате критериев, отличающих науку от не науки и лженауки, а, следовательно, настоящего ученого от пустышки.

Что касается атмосферы внутри науки, то во времена расцвета классического рационализма ученый был самоотверженным служителем истины. Но о каком служении истине может идти речь, если истина стала относительной? Ведь то, что сегодня считается исти-

ной, завтра может быть отвержено. Поэтому сегодня ученый – это служилый, зарабатывающий себе на хлеб с маслом, положение в обществе и карьеру трудом в сфере науки (далеко не всегда на самом деле научным). И в научных учреждениях происходит та же грызня за продвижение по службе, что и в любом бюрократическом учреждении. И, во имя своих амбиций, ученые готовы утопить, не пропустить ценную теорию или идею, если она не от них исходит.

Наконец, отсутствие критериев, внятно отделяющих науку от не науки, привело к тому, что на статус науки стали претендовать и во многих случаях добились его, множество лженаук, как старых, вроде астрологии, так и новых, как то – информатиология, соционика, биоэтика, всевозможные психотерапевтические школы и т. д. Да и внутри старых добрых наук, таких, как физика, отсутствие внятных критериев, отделяющих науку от не науки, размыв разницы между теорией и гипотезой привело к утрате того общего языка между учеными, который, безусловно, был в эпоху классического рационализма, когда после какого-то периода споров все научное сообщество принимало какую-нибудь теорию, а другие гипотезы отвергало. Сегодня рациональная наука, даже физика, стала походить в этом отношении на религию с ее бесчисленными конфессиями, каждая из которых имеет свое учение, а других не признает и спорить с ними не желает. Сегодня уже в физике одни считают теорию торсионных полей теорией, а другие не держат ее даже за гипотезу и никакого спора между теми и другими не происходит. И т. п. И эта ситуация еще более усложняет принятие новых важных теорий.

С учетом роли науки в современном обществе все это не могло не отразиться и на состоянии общества в целом. Если торжество классического рационализма

привело в свое время к вытеснению всевозможных суеверий: веры в колдунов, в магию, во всевозможные сглазы, заговоры и т. п., то сегодня можно говорить, в этом смысле, о возврате к средневековью и о дебилизации общества. А это, в свою очередь, влияет на все процессы, текущие в нем.

Как я уже сказал, другие аспекты влияния кризиса рационалистического мировоззрения на современное состояние человечества и в частности на глобальный кризис в нем будут рассмотрены в последующих главах. Но прежде чем перейти к ним, я хочу рассмотреть вопрос, а можно ли преодолеть кризис рационалистического мировоззрения. Ведь если правы релятивизаторы науки, в частности пост позитивисты, и наука в принципе не может дать нам надежного знания, то стоит ли ломать и дальше копыя? Тогда надо признать и неизбежность и закономерность кризиса рационалистического мировоззрения, и неизбежную цикличность и нарастающую мощь экономических кризисов, и, наконец, неизбежность глобального кризиса и заката нашей цивилизации, а то и конца человечества. Признать, смириться и попытаться взять от жизни то, что еще можно взять, пока не наступил конец. Что, в общем-то, и предлагают экзистенциалисты, а задолго до них предлагали многие древние философы и античные и религиозные и ныне предлагают. А некоторые граждане, и не так уж малые числом, начинают практически готовиться к концу света. Но я не согласен с пессимистами и с древними и с нынешними, и считаю, что есть выход из кризиса рационалистического мировоззрения, а вместе с ним и из глобального кризиса человечества. К этому и перехожу в следующей главе.

ССЫЛКИ:

- 1) Feysrabend P «Science in free society», London, N.Y. 1978.
- 2) Quine W. V. O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968. Vol. LXV, № 7. P. 185–212.
- 3) Kuhn Tomas. Objektivty, Value Judgment and Theory Choice // T. Kuhn. The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. University of Chicago Press. 1977. P. 338.
- 4) Popper Karl. Realism and the Aim of Science. London, N. Y.: Routledge, 1983. P. 18–24, 131–146
- 5) Lacatos Imre. Mathematics, Science and Epistemology. Cambridge: University Press. 1978. P. 3–23
- 6) Поппер К. «Реализм и цель науки» // «Современная философия науки» «Логос», 1996, С. 94.
- 7) [http:// enc-dic.com/ history_of_philosophy/ Neorealism- 348.html](http://enc-dic.com/history_of_philosophy/Neorealism-348.html)
- 8) Там же
- 9) Лакатос И. «Бесконечный регресс и основания математики». //»Современная философия науки» «Логос», 1996, С. 115.

Глава 5

Единый метод обоснования научных теорий, как ключ к выходу из кризиса рационалистического мировоззрения

В моей философии я сделал ту реконструкцию классического рационализма, которая, лишив его недостатков, сохранила его достоинства и, прежде всего, его особый эпистемологический статус. За своей философией я сохранил название «неорационализм», считая, что башляровскому направлению оно было дано неверно, и только мой неорационализм является действительно неорационализмом. Я называю свою философию также духовным рационализмом, т. к. восстанавливаю в ней гармонию между духом и разумом, нарушенную в результате кризиса классического рационализма.

В моей теории познания (1) и в разработанном мной на ее базе едином методе обоснования научных теорий (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8) я исправил ошибки классического рационализма и отстоял при этом особый эпистемологический статус науки. Мой неорационализм признает, что знание, добываемое наукой, не является абсолютным в том смысле, в котором это понималось в классическом рационализме. Он признает те феномены реальной науки, осознание которых привело к кризису классического рационализма. А именно, что реальная наука при смене фундаментальных теорий меняет понятия и выводы и что одна и та же область действительноности может описываться разными теориями.

Но я опровергаю утверждения релятивизаторов, что рациональная наука вообще не имеет особого эпистемологического статуса, и что нет ничего, что в принципе отличает ее от ненаучных способов познания. Я

утверждаю, что науку от не науки отличает способ обоснования наукой своих теорий и предсказаний. Этот способ – это тот самый, описанный мной, единый метод обоснования научных теорий, который выработан самой рациональной наукой в процессе ее развития и более-менее окончательно сложился в работах Ньютона и Лагранжа, но который до сих пор не был представлен эксплицитно (в явном виде), а существовал как стереотип естественно научного мышления.

Я опровергаю также утверждение релятивизаторов, что понятия науки не привязаны к опыту, что они выводятся только одно через другое и нагружены теоретически или аксиологически. Определение понятий одних через другие имеет место и допустимо только при построении частных теорий, развертываемых из некоей фундаментальной, как, например, в случае теории твердого тела, гидро и аэродинамики, строящихся на базе классической механики Ньютона. Но понятия фундаментальной теории обязаны быть привязаны к опыту и только к опыту, привязаны по правилам единого метода обоснований. Все это подробно изложено в упомянутых моих работах. Здесь я останавливаюсь только на главных моментах единого метода обоснования и на том, как с помощью этого метода и моей теории познания объясняются парадоксы и видимые противоречия физики, ставшие причиной кризиса классического рационализма и рационалистического мировоззрения.

Во-первых, как объяснить, что наука привязывает понятия фундаментальных теорий к опыту, если она меняет их при смене этих теорий? Как может быть, что время, абсолютное у Ньютона и относительное у Эйнштейна, оба привязаны к одному и тому же множеству опытных фактов?

Суть привязки понятий к опыту, объясняющая также, почему понятия разных фундаментальных теорий,

описывающих одну и ту же область действительности, не просто могут, но обязаны качественно отличаться друг от друга, определяется словом «аппроксимация». Близкие (одноименные) понятия сменяющих друг друга фундаментальных теорий (например, время, у Ньютона и у Эйнштейна) являются разными аппроксимациями одних и тех же объектов реальности. Качественно, в словесном и математическом выражении эти аппроксимации отличаются друг от друга ($t' = t$ и $t' = t \cdot \sqrt{1 - v^2/c^2}$), время абсолютно и время относительно), но они являются аппроксимациями одного и того же объекта действительности. Точнее, существует некая общая для этих аппроксимаций область действительности, в пределах которой они дают приемлемую для нас точность приближения к этой действительности. Но за пределами этой области одна из аппроксимаций перестает нас устраивать, далеко отклоняется от действительности, а другая продолжает быть приемлемой. (Механика Ньютона дает приемлемую аппроксимацию действительности для скоростей далеких от скорости света, а релятивистская механика годится и для скоростей далеких от скорости света, и для близких к ней).

Для того чтобы это лучше понять, нужно учесть, что понятия тесно связаны с аксиомами, они же постулаты или основные законы фундаментальной теории. (Вышеприведенные формулы, дающие определение времени как абсолютного у Ньютона и относительного у Эйнштейна, одновременно являются и постулатами соответствующих теорий). При чисто аксиоматическом построении теории определения понятий как раз и задаются аксиомами, как это имеет место, например, в геометрии Евклида. Поэтому привязка к опыту понятий и привязка к нему законов – постулатов – это одно и то же.

Как осуществляется привязка к опыту фундаментальных законов теории? Результаты опытов, определяющих зависимость между двумя какими-либо величинами (при фиксированных прочих), изображаются в виде точек на графике, а затем подбирается кривая, которая пройдет достаточно близко от этих точек. Формула этой кривой (прямая, парабола, гиперболола и т. п.) и дает нам закон строящейся теории. Но одному и тому же набору точек на графике может удовлетворять с заданной точностью бесчисленное множество качественно отличных аппроксимаций (кривых на графике). Каждой такой аппроксимации соответствует своя теория, описывающая эту область действительности. Отсюда вытекает возможность множества теорий, описывающих одну и ту же область. Но после того как появляются новые опытные данные, дающие новые точки на графике за пределами прежней области, может выясниться, что закон – аппроксимация (и соответствующая ему теория), принятые до сих пор, в новой области, расширяющей исходную, далеко отклоняются от экспериментальных точек. И тогда мы начинаем искать новую аппроксимацию, т. е. вынуждены строить новую фундаментальную теорию. Причем эта новая теория не только не выводит своих понятий из понятий прежней, она просто обязана сделать их качественно отличными и привязывать их может и должна только к опыту, причем к опыту как из области действия прежней теории, так и из области, расширяющей прежнюю за счет новых данных.

Другой принципиальный момент единого метода обоснования – это развертка теории из исходных постулатов. Если она делается по требованиям единого метода обоснований, то выводы этой теории, предсказываемые ею результаты будущих опытов, будут совпадать с самими результатами этих будущих опытов (с

заданной точностью и вероятностью, которые мы можем при желании увеличивать) в пределах применимости теории, т. е. в пределах, в которых ее постулаты привязаны к опыту. (Для механики Ньютона в пределах, где скорости далеки от скорости света). Это дает смысл истинности и абсолютности добываемых наукой знаний, существенно отличный от того, что был в классическом рационализме. Но это полностью опровергает утверждение релятивизаторов, что наука дает только относительное знание, что нет никакой разницы между теорией и гипотезой и что рано или поздно любая теория будет опровергнута новой теорией и утратит полностью свою истинность. Как видим, с появлением новой фундаментальной теории, прежняя отнюдь не теряет своей истинности в пределах пригодности ее аппроксимации. (Другое дело, что смысл истинности теперь отличается от того, который был в классическом рационализме).

Упомянутый способ развертки теории согласно единому методу обоснования – это аксиоматическое построение ее. Я показываю, что только аксиоматическое построение теории обеспечивает истинность ее выводов (в указанных выше смысле и пределах применимости этой теории). Я опровергаю утверждения некоторых философов о принципиальной невозможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории. (7) Что касается того, что на практике далеко не все научные теории выстроены чисто аксиоматически, то в этом отношении единый метод является такой же идеализацией реальной научной практики, как и понятия самой науки, типа идеальная жидкость или идеально твердое тело, являются идеализацией реальных объектов действительности ими описываемых. Т. е. в тех случаях, когда научная теория выстроена не чисто аксиоматически, ее по-

строение все же достаточно близко к аксиоматическому. А если не близко, то это – не наука.

Я показываю также, что наука может однозначно определять свои понятия и однозначно привязывать их ко множеству объектов действительности, охватываемых этим понятием (иными словами, однозначно определять само это множество). А при условии однозначного определения понятий и аксиоматической развертки теории автоматически обеспечивается и однозначность выводов теории. Это опровергает утверждение релятивизаторов, о невозможности достижения однозначности понятий и выводов в науке и невозможности общего языка, понимания между учеными – представителями разных фундаментальных теорий.

Я уточняю также смысл термина «теория». До сих пор теорией считалась совокупность законов и выводов из них, относящаяся к некоей области действительности, определяемой не формально, а на основе интуитивного восприятия этой действительности. Согласно единому методу обоснования теорией является только система аксиом – постулатов и выводов из них. Разница состоит в том, что не всякая совокупность законов, относящихся по видимости к одной и той же области действительности (не определенной к тому же формально) является системой аксиом. Не случайно есть знаменитые три закона Ньютона: первый, второй и третий и отдельно закон всемирного тяготения, которому Ньютон почему-то не дал номер четвертый. Ньютон хоть и не сформулировал единый метод обоснования, но интуитивно он чувствовал его и чувствовал, что три его закона образуют систему аксиом, а закон всемирного тяготения к ней не принадлежит. Я показываю, что только теория в указанном смысле, т. е. базирующаяся на систему аксиом – постулатов с аксиоматической разверткой выводов из них, гарантирует

однозначность этих выводов и их истинность в области привязки аксиом к опыту. Еще я показываю, что изменение хотя бы одной из аксиом, равносильно изменению всей системы. Это обусловлено тем, что система аксиом всей своей совокупностью определяет базовые понятия соответствующей теории и изменение хотя бы одной из них означает изменение всех понятий, а значит и содержания других аксиом. В то же время, если мы изменим, например, закон всемирного тяготения (скажем, добавим в него множитель, как в формуле времени в релятивистской механике), то это никак не коснется упомянутых трех законов Ньютона и выстроенной на них теории.

Все вышесказанное исправляет классический рационализм в его ошибочных положениях, сохраняя главное, что в нем было. А именно, что научное познание, научная теория, обоснованная по правилам единого метода обоснования, дает нам истинное знание о действительности, позволяющее делать надежные предсказания о результатах тех или иных наших действий. И что у ученых есть общий язык, позволяющий им договориться всем сообществом по поводу того, какая из альтернативных теорий является научно обоснованной, а какая нет. Речь идет, конечно, не об абсолютной точности и надежности, а лишь о заданной вероятности и точности предсказываемого результата, которые мы к тому же можем повышать. И все это при условии, что теория применяется только в границах ее применимости. Эти ограничения избавляют нас от детской болезни классического рационализма — абсолютизации нашего познания, но сохраняют рационалистическое мировоззрение, как таковое, со зрелой верой в наш разум и его способность правильно отражать действительность, с ограничениями по точности и вероятности. Которые мы тоже можем преодолевать (устражать),

плата за это определенную цену. Мироззренческое значение такого результата на фоне господства в философии релятивизаторов познания и морали, и вытекающего отсюда кризиса рационалистического мироззрения, трудно переоценить.

Кроме того, единый метод обоснования дает четкие критерии отличия науки от не науки. (Естественно, когда речь идет о теории, а не о накоплении, систематизации и т. п. фактов). Значение этого для самой науки, а с учетом роли науки в современном мире и для человечества в целом, также трудно переоценить. Примеры того, как работают эти критерии, есть в работах, ссылки на которые даны выше и будут еще в последующих главах этой книги.

Отдельно нужно отметить, что единый метод обоснования дает возможность определить заранее некие минимальные границы применимости теории. Следует заметить, что в эпоху до опыта Майкельсона, показавшего наличие этих границ для механики Ньютона, даже физики не подозревали о существовании подобных границ и были убеждены в полной неограниченности применения механики Ньютона. А что касается многих других наук, особенно гуманитарных или, скажем, макроэкономики, то здесь ученые и поныне не ведают о наличии границ применимости своих теорий. И даже физики, которые сегодня осознают наличие таких границ, не имеют и сегодня никакого способа их установления до того, как в опыте или на практике наталкиваются на них. Это неведение приводит к тому, что даже честные физики или генетики часто уверяют нас в полной безопасности применения своих теорий, хотя на самом деле гарантировать они нам могут только конкретные результаты применения своих теорий, но не отдаленные последствия этих результатов. Т. к. последнее лежит далеко за пределами применимости их

теорий. Насколько опасно такое неведение, когда речь идет о строительстве атомных станций, генной инженерии и т. п., читатель может догадаться сам. В дальнейшем я приведу тому примеры, а также покажу, к каким последствиям это неведение приводит в экономике и других сферах.

Наконец, я показал возможность применения с соответствующей адаптацией единого метода обоснования и в гуманитарной сфере, в частности в философии и даже при анализе религиозных учений и текстов. Как я уже сказал, единый метод обоснования дает критерии, позволяющие отделить науку от не науки и определить степень научности конкретной теории. Это важно и для сферы естественных наук, но особенно важно для гуманитарной сферы. Ведь если бы, скажем, единый метод обоснования был эксплицитно представлен и принят уже во времена Маркса и с его помощью было показано, что марксизм далек от того, чтобы быть научно обоснованной теорией (на чем он себя строил), то марксизм не смог бы получить такого распространения в мире, какое получил, и не произошла бы Октябрьская Революция в России со всеми вытекающими последствиями. Мало того, с учетом наблюдающегося сегодня определенного возрождения марксизма (связанного с глобальным кризисом) и сегодня анализ степени научности марксистской теории сохраняет важность. Такой анализ я сделал, и он будет дан в следующей главе. Аналогично, единый метод обоснования может быть использован для анализа степени научности, гегелевской диалектики, фрейдизма и т. д. и это я тоже сделал в моей философии. Еще более важна возможность анализа степени научности новых общественных теорий и доктрин.

На базе своего подхода я построил оптимальную теорию морали (9), рациональную теорию духа (10) и

дал рациональный анализ Учения Библии (11). Применение единого метода обоснования в гуманитарной сфере еще важнее, чем в сфере естественных наук. Во-первых, потому, что в сфере естественных наук этот метод применяется хотя бы на уровне стереотипа естественно научного мышления (правда, чем дальше, тем хуже), а в сфере гуманитарной он неизвестен вообще. А во-вторых, потому что гуманитарное, духовное развитие современного человечества драматически отстает от технического, что, как показано в первой главе, служит уже непосредственной причиной глобального кризиса, угрожающего самому существованию человечества.

Теперь перехожу к некоторым конкретным проблемам, являющихся частью глобального кризиса, связанных непосредственно с кризисом рационалистического мировоззрения, и решение которых возможно только на основе моего неорационализма и единого метода обоснования научных теорий в частности.

Ссылки:

1. Воин А. Неорационализм, Киев 1992, Часть 1, С. 15–49.
2. Воин А. Научный рационализм и проблема обоснования. // Философские Исследования № 3, 2000, С. 223–235
3. Воин А. Абсолютность на дне онтологической относительности // Философские Исследования № 1, 2001, С. 211–233.
4. Воин А. Проблема абсолютности – относительности научного познания и единый метод обоснования // Философские Исследования № 2, 2002, С. 82–102.

5. Воин А. Особый эпистемологический статус науки и современная физика. //Философия физики. Актуальные проблемы//М.: ЛЕНАНД 2010, С. 29–32.
6. Воин А. Глобальный кризис как кризис рационалистического мировоззрения //Материалы II Международного научного конгресса «ГЛОБАЛИСТИКА – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» М., 2011, т. 1, С.32)
7. Воин А. О принципиальной возможности аксиоматизации произвольной научной теории. //http://philprob.narod.ru/philosophy/axiom.htm
8. Воин А. Единый метод обоснования научных теорий. //http:// www.sciteclibrary.ru/ rus/catalog/ pages/11279.html.
9. Воин А. Неорационализм, Киев, 1992, Часть 4. С. 94–126.
10. Воин А. Неорационализм, Киев, 1992, Часть 5. С. 126–166
11. Воин А. От Моисея до постмодернизма. Движение идеи, Киев, Феникс, 1999. 120 с.

Глава 6

Научен ли научный коммунизм

Вступление

Герберт Уэллс сказал однажды: «Капитал» дремуч, как борода Карла Маркса. Когда-нибудь я вооружусь ножницами и остригу его». Он так и не собрался этого сделать и, хотя с тех пор против марксизма написаны горы бумаги, соизмеримые разве что с еще большими, исписанными в его пользу, именно так, как задумывал это Г. Уэллс, эта операция не была проделана и я решил взять на себя эту задачу.

Прежде всего, уточню, в чем она в данном случае состоит. Речь здесь пойдет не о том, прав или неправ Маркс в своем учении, точнее, в чем он прав, а в чем ошибался. Нет сомнения, что в чем-то он был прав, а в чем-то ошибался, поскольку не может же быть, чтобы человек, написавший столь всеобъемлющую философию, был во всем прав или, наоборот, во всем ошибался, тем более, что в обширном наследии Маркса есть немало утверждений, противоречащих одно другому, так что логично ожидать, что одно из них будет истинным, а другое ложным. Выяснению вопроса, в чем Маркс прав, а в чем нет, посвящено много работ и разных. Я же попытаюсь ответить на вопрос, в какой степени все, что сделал К. Маркс, можно считать наукой. Это не совсем то же самое, что выяснять, в чем он прав, поскольку оказаться правой может и гадалка на кофейной гуще. Но у гадалки нет того авторитета, что у науки.

Почему сегодня это все еще важно? Выяснение вопроса, прав Маркс или не прав, было важно во времена Герберта Уэллса, когда решалось: принимать марксизм или нет. Не менее, а может даже более, это было важно во времена Советского Союза, когда решалось: терпеть

этот строй дальше или нет. Ну, еще первые 10 лет после развала Союза, когда существовала опасность реставрации социализма в России и в Украине, это имело большое практическое значение. Сегодня – это все более вопрос академический, тоже интересный, но... Гораздо более судьбоносен сегодня для человечества вопрос о научности не именно марксизма, а любой теории, продаваемой обществу, как научная. Особенно это касается гуманитарных теорий, использующих для своего утверждения в обществе авторитет научности естественных наук, перенося его на себя незаконно, а зачастую и сознательно нечестно. Это очень выгодно – «мазаться» под настоящую науку, выгодно тем, кто это делает. Это поднимает их авторитет и тем самым – материальное положение. Но это очень плохо для общества, когда оно в качестве науки с высокой надежностью ее выводов принимает имитацию науки, и убеждается в этом, только хорошо получив по голове. История воплощения в жизнь марксизма – тому лучший пример. Сегодня есть еще много гуманитарных теорий, далеких от настоящей науки, но успешно продающих себя за таковую. Даже современные шарлатанские религиозные культы, вроде церкви Сциентологии, основанной писателем фантастом Роном Хаббардом, который для того лишь основал этот культ, чтобы заработать больше денег, так как ему мало платили как писателю, процветают и дурят голову сотням тысяч и миллионам наивных людей, прикрываясь авторитетом науки. Пасутся на этой ниве и всевозможные паранауки. Вновь заявляет претензии на научность астрология. Но все это – цветочки, по сравнению со всевозможными психоаналитическими теориями и психотерапиями, начиная с фрейдизма и тяжело сказать чем кончая, так как все новые и новые создаются чуть ли не каждый день. Последние на моем слуху – это

«гештальт-терапия», психодрама» и «символдрама». Все они с успехом облегчают наивным людям карманы. Дуракам может туда и дорога, но переводят эти «науки» ум за разум всему западному обществу. И хотя последствия этого пока не проявились столь драматично, как от марксизма, но все еще впереди. Все это вносит существенную лепту в глобальный кризис человечества. Именно поэтому сегодня столь важно разобраться в степени научности гуманитарных и общественных теорий. Как я уже сказал, разработанный мной (эксплицитно представленный) единый метод основания научных теорий позволяет это сделать. И это я собираюсь проиллюстрировать в этой работе на примере марксизма. Марксизма, потому что марксизм первый среди гуманитарных теорий стал претендовать на научность, а его адепты (те, что остались) не устают повторять и сегодня, что марксизм – единственное в мире научное учение.

Я не буду здесь излагать единый метод обоснования, укажу лишь основные критерии научности, вытекающие из него, и «узнаваемые» каждым ученым-естественником и просто людьми достаточно образованными, чтобы иметь представление о том, как делается наука. (Кстати, то, что эти критерии будут в основном «узнаваемы» учеными-естественниками, следует ожидать. Ведь, несмотря на то, что единый метод обоснования не был до сих пор сформулирован и доказан, ученые естественники пользовались им на уровне стереотипа естественно-научного мышления, как пользуются правилами грамматики люди, говорящие на своем языке, но грамматику не изучавшие).

Критерии эти таковы:

Во-первых, внутренняя непротиворечивость. Т. е. непротиворечивость теории самой себе. Чтоб не утврждалась вещь и, через несколько страниц, прямо

противоположная ей. Это требование столь очевидно, что не нуждается в пояснениях даже для людей, совершенно далеких от науки.

Во-вторых, однозначность вводимых и вообще используемых понятий. Для ученых это требование также очевидно, но для остальных поясню примером из того же марксизма. У Ленина есть следующее определение познания: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. Отражение природы в мыслях человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» (Цитируется по книге Лекторского В.А. «Субъект, объект, познание», Москва, с. 293).

Здесь определение познания дано через другое понятие, а именно, через «отражение». Если отражение понимать так, как его понимают в обиходе, т. е. как в зеркале, то это будет достаточно однозначное и всеми более или менее одинаково понимаемое определение. И каждый, кто прочтет это определение, поймет его так же, как другие и написавший его. Но если отражение – не как в зеркале, а с изменениями, противоречиями и т. д., то поскольку не оговорено с какими изменениями и как преодолеваются противоречия (в науке, как сказано, противоречия недопустимы), каждый может понимать это изречение по-своему, как угодно, если вообще поймет. Ясно, что учение, которое каждый может понимать по-своему, это не наука. Кстати, этот пример уже проливает свет на степень научности марксизма, поскольку Ленин – сам один из столпов его и главный продолжатель.

Еще один критерий научности – это сохранение значения и однозначности понятий по ходу построения теории. Чтобы не получалось, что сначала, при капитализме, под свободой и справедливостью пони-

малось автором одно, а потом, при социализме, изрядно другое. Ясно, что это будет не наука, а агитпункт.

Следующий критерий – это требование однозначности выводов теории (аналогично требованию однозначности определений). Чтобы не получилось, как у гадалки:» Ждет тебя, касатик, большая радость и мелкие неприятности». (Причем, «неприятностями» оказывается потом увольнение с работы, а радостью то, что не отдали при этом под суд).

И, наконец, требование соответствия как выводов, так и исходных посылок фактам, опыту, эксперименту. Естественно, в тех случаях, когда проверка этого соответствия возможна (а бывают выводы и постулаты, которые, по крайней мере на данный момент, непосредственно не проверяемы).

Есть и еще критерии научности, вытекающие из единого метода обоснования, но они менее очевидны даже для ученых, и поскольку, сам метод здесь не излагается, то мы не будем их перечислять. Достаточно и упомянутых для разбора марксизма с этой точки зрения.

Марксистская философия

Разбор начнем с основных философских положений учения Маркса. Двумя столпами, на которых стоит марксистская философия, являются материализм и диалектика. Ни в одной из этих главных частей его философии марксизм не является научным, т. е. последовательным, непротиворечивым, с однозначными определениями и выводами и т. д.

Понятие материи марксизм унаследовал от домарксова материализма и изначально понимал под ним только «данное нам в ощущении». Т.е. уже энергия, тем более информация, мысль, дух материей для него не являлись. С другой стороны, марксистский материализм

утверждает, что все сущее материально: «Уверенность, что кроме материального мира не существует еще особого духовного мира, есть результат длительного и трудного исследования реального мира, включая сюда также и исследование продуктов и процессов человеческого мозга» (Макс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 631). «В мире нет ничего, кроме движущейся материи» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 184). То есть, получается, что энергия, информация, мысль и дух либо не существуют, что противоречит опыту, либо тоже являются материей, что противоречит исходному определению ее в марксизме. А дабы у нас не возникло ощущение, что это определение уже отменили и изменили, Ленин вновь подтверждает: «Что мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной, значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (Ленин В.И., Полное собрание сочинений, изд. 5, т. 18, стр. 257).

Читая такое, невольно хочется воскликнуть: господа классики марксизма, так существует в мире что-нибудь кроме движущейся материи или мысль, которая «действительна», т. е. существует, тоже является материей? Разберитесь, наконец, в этом сами, а потом уже начинайте морочить нам голову.

Правда, в дальнейшем Ленин осознает, что нельзя претендовать на научность с такими противоречиями, за которые даже студенту первого курса естественнонаучного или технического профиля поставили бы двойку на экзамене, и заявляет: «Понятие материи надо расширить. Сюда относятся все явления действительности, следовательно, и способность познавать, объяснять» (Там же, т. 18, с. 258–259). «Пардон, пардон» — хочется воскликнуть тут. Этот ход действительно устраняет это противоречие. Но ведь при этом меняет-

ся определение одного из фундаментальных понятий теории, а именно, понятия материи. А это, как ясно любому, даже незнакомому с единым методом обоснования, но знакомому с наукой, означает необходимость переделки всей прежней теории и замены ее новой, иначе будет целая куча новых противоречий. Но Ленину это и в голову не приходит. И таким образом, теперь мало того, что мы не знаем, принимать ли в марксизме определение материи по Марксу или по Ленину (и по Ленину раннему, до стр.258 или после), Но даже если, следуя здравому смыслу, мы примем последнее определение, то стройной и непротиворечивой теории все равно не получится, ибо она будет противоречить, либо делать неприемлемыми и даже лишать смысла многие другие положения марксистской философии, от которых ни Ленин и никто другой в марксизме не отказывались.

Например, какой смысл теперь имеет фраза Маркса: «На «духе» с самого начала лежит проклятие быть отягощенным «материей» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., т. 3, стр. 29), если «дух», он же по Марксу идея и мысль, теперь тоже материя? Материя отягощенная материей?

Или как соотносить это последнее ленинское определение материи с марксовой политэкономией, принимаемой и Лениным, в которой общественное производство подразделяется на материальное и нематериальное (которое есть труд интеллигенции, производящей мысль). Причем предпочтение отдается первому. Предпочтение, которое при реальном социализме выражалось в том, что зарплаты учителей и инженеров были ниже, чем у рабочих.

Или знаменитое представление марксизма о прогрессивной роли пролетариата, базирующееся, в том числе, на послышке, что именно он производит материальные

ценности, в отличие от интеллигенции, которая не производит материальных ценностей и поэтому не столь прогрессивна. Признав мысль материей, Ленин должен был бы переделать все эти части марксизма..., — если бы марксизм был наукой. Но поскольку он ею не был, то сошло и так.

Что касается диалектики, то она, как известно и как благородно признавал сам Маркс, заимствована им у Гегеля с той разницей, что диалектика Гегеля была идеалистической, а Маркс сделал ее материалистической. Но поскольку понятие материи и все, что с ним связано в марксизме, крайне запутано и далеко от науки (как показано выше), то такой же получилась и марксистская диалектика.

Но не следует особенно заблуждаться и насчет степени научности гегелевской диалектики (дополнительно испорченной затем марксовым материализмом). Правда, хваленая логика Гегеля действительно обеспечивает его теории внутреннюю непротиворечивость. Кроме того, налицо и определенное соответствие опыту и наблюдениям. Действительно, во многих сферах и в природе, и в обществе «количество переходит в качество», наблюдается «единство и борьба противоположностей» и можно показать, что из тезиса и антитезиса рождается синтезис, и т. д. Но, как мы уже знаем, этим не исчерпываются требования научности.

Не менее важно требование определенности и однозначности выводов. В этом отношении гегелевская (и тем более марксистская) диалектика очень далека от науки. Что, например, значит, что из тезиса и антитезиса рождается синтезис? Как рождается и, главное, как он должен выглядеть, этот новорожденный синтезис? Если мы покопаемся в прошлом, то можем показать: вот это был тезис, это антитезис, а вот какой получился синтезис. Но если синтезиса еще не произошло, а есть

лишь тезис и антитезис и мы хотим предсказать, что из этого получится, то диалектика не дает нам никакого инструмента для этого и оставляет место полному произволу в установлении результатов синтеза.

Но ведь это главная задача науки – предсказывать результаты на будущее и предсказывать их однозначно. Представим себе на минутку, что ньютоновская физика давала бы нам такие предсказания: если поднять камень и отпустить его, то он полетит, а куда полетит, вверх ли, вниз ли, или в сторону и с какой скоростью и ускорением, чёрт его знает. Кому нужна была бы эта физика и называли ли бы мы ее наукой? Эти свойства диалектики как раз и привели к тому, что в эпоху так называемого реального социализма, отпавляясь от нее, доказывали буквально все, что будет угодно... власть предрержащим, и, в частности, объявили буржуазными лженауками генетику, кибернетику и многая прочая.

Небезинтересно напомнить и результаты двух попыток навязать ученым-естественникам диалектику, как единый метод обоснования. В первом случае, самим Гегелем, а также Гете и Шеллингом, во втором, в 20–30-е годы в Советском Союзе, не в меру рьяными сторонниками Маркса. В обоих случаях ученые решительно отказались перейти на этот метод обоснования (хотя во втором случае нашлись жулики от науки, вроде Лысенко, сделавшие себе на этом карьеру).

Отношение ученых к навязыванию им диалектического метода, как метода обоснования, хорошо выразил биолог А. Ф. Самойлов. Он предложил пропагандистам этой идеи «на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без излишней бесплодной, оскорбительной полемики диалектический

метод завоеует себе свое место в естествознании. Естествоиспытатель, прежде всего, не упрям. Он пользуется своим теперешним методом только и единственно потому, что его метод есть метод единственный. Такого естествоиспытателя, который желал бы пользоваться худшим методом, а не лучшим, нет на свете. Докажите на деле, что диалектический метод ведет скорее к цели, – завтра же вы не найдете ни одного естествоиспытателя не диалектика». (Самойлов А.Ф., «Диалектика природы и естествознания», «Под знаменем марксизма», 1926, № 4–5, с. 81).

Марксистская политэкономия

Одним из фундаментальных понятий ее является «отчуждение», с которым связаны и теория стоимости, и исследование эксплуататорской сущности капитализма и прочих его негативных сторон, и обоснование необходимости пролетарской революции, после победы которой, помимо всего прочего, должно исчезнуть и оное отчуждение. С этим понятием в марксизме такая же путаница, непоследовательность, противоречивость и, вообще, не научность, как и с материей.

Во-первых, что такое отчуждение. В «Философской энциклопедии» в статье А. П. Огурцова читаем: «Отчуждение – философско-социологическая категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему...» (Огурцов А. «Отчуждение», «Философская энциклопедия», т. 4, с. 189). Поскольку «Философская энциклопедия» издана при советской власти, нет сомнения, что она «идейно выдержана», и это определение соответствует Марксу. О чем тут речь, если перевести это с философского языка на человеческий? О том, что создаваемые человеческим трудом и талантом, будь то

предметы потребления, орудия производства, произведения искусства или научные открытия, начинают жить самостоятельной, независимой от создателя жизнью и могут приносить ему не только ожидаемую пользу, но и отнюдь не ожидаемый вред. Лучшим примером тому является вся техногенная цивилизация, созданная трудом и рабочих, и инженеров, и ученых, и отравляющая им теперь жизнь через разрушение биосферной оболочки, то бишь экологии.

Во всех своих наиболее известных произведениях Маркс трактует отчуждение исключительно как отрицательное социальное явление без каких-либо положительных моментов. Оно-де служит основой эксплуатации и посему должно быть преодолено социалистической революцией. А при социализме не будет ни отчуждения, ни эксплуатации.

Далее, широко известно положение марксизма, гласящее, что отчуждение является результатом разделения труда. Например, в упомянутой статье Огурцова сказано буквально: «Истоки «отчуждения» – в разделении труда» (Там же, стр. 189). Спрашивается, почему же отчуждение должно исчезнуть при социализме, если разделение труда при социализме сохраняется. При социализме изменяется форма собственности и результаты труда принадлежат создателю (по крайней мере в теории, а мы исследуем теорию), но разделение-то остается. Похоже, что здесь Маркс путает отчуждение результатов труда с присвоением прав собственника на эти результаты капиталистом. В пользу этого говорит такая его фраза: «если продукт труда не принадлежит рабочему, то он противостоит ему, как «чуждая сила» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 42, с. 95).

Но ведь если продукт труда принадлежит рабочему в смысле собственности, он все равно получает

независимую жизнь, т. е. отчуждение в его классическом марксовом (и не марксовом) понимании все равно имеет место.

Да и вообще, является ли отчуждение, понимаемое, как независимая от создателя жизнь результатов его труда, только отрицательным явлением, подлежащим безусловному уничтожению? Ведь без того, чтобы предметы потребления стали независимы от их производителя, невозможно товарное производство и товарообмен. А без того, чтобы произведения искусства, научные открытия и прочие продукты интеллектуальной и духовной деятельности человека получили независимость от их создателя, невозможна социальная жизнь. Наступит материальное, интеллектуальное и духовное оскудение общества. Т. е. отчуждение есть необходимый момент общественной жизни.

Похоже, что в некоторых случаях Маркс осознает это. Так, в «Критике гегелевской диалектики и философии вообще» он пишет: «...отчуждение имеет не только отрицательное, но и положительное значение», потому что человеческое восприятие и опосредование окружающего предметного мира и общественные отношения возможны только при том условии, что эти предметы являются «отчужденной действительностью человеческого опредмечивания, отчужденной действительностью объективированных человеческих сущностных сил», а также потому, что «труд есть для себя-становление человека в рамках отчуждения или в качестве отчужденного человека» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. т. 92, стр. 157, 159, 162).

Если перевести всю эту тарабарщину на нормальный язык, это как раз и будет примерно то, что сказано выше. Но, признав это, надо было бы переделать и другие построения, базирующиеся на понятии отчуждения, вплоть до обоснования необходимости пролетар-

ской революции, которую пусть даже и нужно было бы делать по каким-то причинам, но уж вовсе не потому, что она уничтожит отчуждение (отчуждение результатов труда от создателей, а не отчуждение между людьми). Это, если бы марксизм был наукой. Но Маркс не затрудняет себя устранением противоречий в своем учении.

Перейдем теперь к марксовой теории стоимости. Согласно ей, то общее, что есть в сравниваемых товарах при их обмене, есть овеществленный человеческий труд – стоимость. Причем не конкретный труд, а общественно необходимый, потому что, если кто-то затратит лишний труд на изготовление той же самой вещи, то это уже его частное дело. При купле-продаже обмениваются равные стоимости. Меновая стоимость товара есть не что иное, как форма стоимости, «форма проявления абстрактно человеческого труда».

Кроме стоимости, у Маркса есть еще потребительская стоимость, по поводу которой он нам сообщает следующее: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности», и далее: «Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч, 2-е изд., т. 23, стр. 43, 44).

И далее он утверждает «... если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается одно лишь свойство, а именно то, что они продукты труда» (там же, с. 46).

То есть, получается, что с одной стороны товар – это всякая вещь, которая в силу ее полезности имеет потребительную стоимость и ее можно поэтому продать или обменять на эквивалентную стоимость. С другой стороны товары – это только продукты труда. А как же тогда быть с объектами купли-продажи, находящимися в сфере обращения, являющимися потребительными

стоимостями, обмениваемыми на продукты труда или на деньги, но не являющимися сами продуктами труда, такими, например, как девственный лес, целинные земли и вообще природные источники и ресурсы? Это противоречие (в отличие от предыдущих) Маркс обнаруживает сам и исправляет, меняя определение товара на такое: «Чтобы продать вещь, для этого не требуется ничего иного, чтобы она способна была бы сделаться объектом монополии и отчуждения» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч, изд. 2, т. 25, ч. I, с. 18). Наличие же затраченного труда, даже «общественно необходимого» – не обязательно (!).

Но теперь вылезит другое противоречие, еще более важное: как же быть с трудовой стоимостью, определяемой этим самым общественно необходимым трудом и в свою очередь определяющей меновую стоимость, если быть товаром и обмениваться могут вещи никакого общественно необходимого труда не требующие?

Налицо и еще одно противоречие марксовской теории стоимости – противоречие с опытом, которому, как сказано, научная теория должна соответствовать. Действительно, как с точки зрения трудовой стоимости объяснить высокую меновую стоимость раритетов, на изготовление которых было в свое время затрачено может не больше труда, чем на изготовление аналогичных новых вещей? И многое другое в том же роде.

Но и это противоречие Маркс замечает у себя и пытается устранить: «Последнее противоречие и, по видимому, самое разительное. Если меновая стоимость есть не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то каким образом могут товары, вовсе не содержащие в себе труда, обладать меновой стоимостью, или другими словами, откуда берется меновая стоимость простых сил природы?» (там же, т. 13, стр. 48).

Вот уж действительно, согласимся мы, откуда все это падает на голову бедному Марксу?

И далее он разрешает это противоречие так (думает, что разрешает): «Необходимо помнить, что цена предметов, которые сами по себе не имеют стоимости, то есть не являются продуктами труда, как, например, земля, или, по крайней мере, не могут быть воспроизведены трудом, может определяться весьма случайными обстоятельствами» (Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 255 ч. II, с. 183) и «... форма цены не только допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, т. е. величины стоимости с ее денежным выражением, — она может скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает быть выражением стоимости... Следовательно, вещь формально может иметь цену, не имея стоимости» (Там же, т. 23, стр. 112).

Во-первых, хорошо, когда человек, претендующий быть ученым, замечает и исправляет свои противоречия. Но лучше, когда он делает это у себя дома в тетрадке, до опубликования, чтобы не морочить потом своими собственными противоречиями и их исправлением другим голову. Но главное не в этом, а в том, что никакого разрешения противоречия здесь нет. Введение термина «форма стоимости» после того, как уже введены понятия «стоимость», «потребительная стоимость», «меновая стоимость» и «цена» ничего не проясняет и никакому разрешению противоречия не способствует. Все просто: меновая стоимость и цена определяются многими факторами, а не одними лишь затратами труда, и последние могут играть главную роль лишь в частных случаях. А выше приведенное талмудье чириканье, которое Маркс считает разрешением противоречия, если перевести его на человеческий

язык, звучит примерно так: «Ну и напорол я ахинею. Ну, ничего, для деревни и так сойдет».

Поскольку на теории трудовой стоимости Маркс базирует теорию прибавочной стоимости, эксплуатации и т. д., т. е. все самые главные положения своего учения, то отсюда уже можно судить о степени научности этого учения в целом и каждой из упомянутых частей в частности. (Подчеркнем, что речь идет о научности, а не об истинности, и из выше приведенного не следует делать выводы типа того, что эксплуатации при капитализме вообще не существует, хотя, как будет показано ниже, она вычисляется не так, как у Маркса. Но с точки зрения истинности нужно выяснить вопросы: а нет ли эксплуатации и при социализме, нельзя ли уменьшить эксплуатацию при капитализме без революции и т. д. Но, как сказал бы О. Бендер, «к науке, которую я в данный момент представляю, это уже отношения не имеет»).

Рассмотрим теперь марксову теорию прибавочной стоимости. Вся не научность предыдущих частей его учения: философии с ее путаным и невнятным разделением духа и материи, теории отчуждения, принимаемого временами за присвоение результатов чужого труда, и только что разобранный теории стоимости – гарантируют не научность и этой части его учения.

Прибавочная стоимость определяется Марксом как разница между ценой и стоимостью товара, где стоимость товара, в свою очередь, определяется общественно необходимым трудом на его изготовление. Если бы это определение не использовалось дальше так, как его использует Маркс, то для каких-то других целей может оно и годилось бы. Но по Марксу прибавочная стоимость – мера эксплуатации. А если так, то сюда «влезает» уже все его предыдущие не научности. И путаное разделение духа и материи с вытекающим прене-

брежением к труду интеллигенции. Как следствие, в мере эксплуатации не учитывается вообще организующая роль капиталиста и в производстве, и в реализации товара, не учитывается или недостаточно учитывается роль труда ученых и инженеров, создавших оборудование и технологии, с помощью которых товар создается непосредственными производителями.

Вследствие путаницы в теории стоимости, в определении прибавочной стоимости, эксплуатации и прочего не учитывается или недостаточно учитывается роль торговли, рекламы, экономической политики, финансирования. Кстати, эта путаница дорого обошлась реальному социализму. Торговля считалась презренным занятием, как непроизводительный труд, не создающий материальных ценностей и стоимости. А частная торговля товарами не собственного изготовления именовалась спекуляцией и каралась законом. И в результате такого отношения к торговле, огромное количество сельхоз и не сельхоз продукции просто погибло, не дойдя до потребителя.

Аналогичным образом путаность фундаментальных положений и понятий марксизма влияет на его учение о неизменной прогрессивной роли пролетариата. Видите ли, только пролетариат и крестьянство по этой теории создают материальные ценности. Ан нет, роль ученых, инженеров, управляющих, «презренных» торговцев и капиталистов в их создании никак не меньше, чем пролетариев. Причем, так было уже во времена Маркса. Сегодня же в связи с колоссальным прогрессом науки и технологии, произошедшим с тех пор, говорить о праве пролетариата, быть гегемоном в обществе, – просто нелепо. Настолько нелепо, что непонятно, как, утверждая такое, можно продолжать преподносить марксизм как научное учение.

Заключение

Выше рассмотрена основная линия марксистского учения, начиная с фундаментальных понятий его философии и заканчивая выводами о неизбежности пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата. Можно, в принципе, этим и ограничиться. Но, дабы доказать, что и в побочных ответвлениях своего учения марксизм не более научен, чем в основной его части, рассмотрим для примера его этическое учение. Для советского человека периода зрелого, перезрелого и подгнившего социализма и даже для подавляющего большинства обитателей нынешнего постсоветского пространства оно почему-то отождествлялось и отождествляется с моральным кодексом строителя коммунизма. Между тем это не совсем верно.

Например, марксизм утверждает, что семья – это буржуазный предрассудок, порожденный частной собственностью и т. д., и при социализме она должна отмереть. И первое время после революции, в полном соответствии с Марксом, свободный брак, а заодно и разные более лихие свободы в этой сфере поощрялись советской властью и идеологами учения. Но вскоре выяснилось, что эта свобода вредит сильному централизованному государству, которое начало складываться после победы революции, провозгласив марксистское учение своей официальной идеологией. Тогда, не вступая в теоретические споры с отцом-основателем учения, вожди общества навязали ему от имени папы Маркса упомянутый кодекс коммунистической морали и, в частности, заповедь, гласящую, что семья есть ячейка коммунизма, вплоть до разборки на партийных, комсомольских и прочих собраниях аморального поведения соответствующих товарищей. Марксово учение было при этом грубо фальсифицировано в этом пункте. Я не говорю, что случившееся плохо само по себе,

т. е. с точки зрения истины и интересов общества. Но с учением, которое претендует на научность (да еще единственно научным), так не поступают. Нужно было бы теоретически оспорить и пересмотреть это положение (тем более, что ведь оно не главное в учении) и признать, что «хоть в общем учение научно и верно, но и наука может приводить к ошибочным выводам и, блюдя эту самую научность, мы эту маленькую ошибку признаем и исправляем».

А то получилось, как у крестьянина с иконами, «годится – молится, а не годится – горшки покрывать». Отсюда видно, как вожди социализма на самом деле относились к научности доктрины, которую эксплуатировали. А из того, что нынешние марксисты также всячески уклоняются от любого научного разбора этой теории, видно в какой степени и они действительно верят в ее научность.

Примечание:

Благодарю В. Бедненко и В. Яцкевича за сообщение мне некоторых конкретных противоречий в марксизме.

Глава 7

Проблема обоснования морали

Вопрос о том, почему человек должен придерживаться норм морали (если должен) и каких именно норм, волновал человечество и философов, в частности, с давних пор. Много занимались этой проблемой античные философы, прежде всего Сократ, Платон и Аристотель. Они пытались обосновать нормы морали на разуме и в этом смысле их обоснование, точнее попытки обоснования, можно назвать попытками рационального обоснования. Однако, несмотря на то, что намерение их было благим, оно было обречено на провал, поскольку рациональная наука тогда еще только делала свои первые шаги и сам метод рационального обоснования еще не прорисовался в воздухе.

Сократ закончил свои попытки знаменитым «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Ученик Сократа Платон, впечатленный неуспехом своего учителя на пути рационального обоснования морали, попытался найти это обоснование в сфере идеального, предположив существование мира идей, в котором идеальная мораль обоснована (или задана), а нам остается лишь ее познать. Но поскольку рациональное познание возможно только отпаваясь от опыта, а ни о каком опыте в мире идеального не может быть речи, то Платон пришел, в конечном счете, к чему-то вроде казарменного социализма. Аристотель сделал важный шаг, связав индивидуальную мораль с интересами общества (полиса) в целом. Но дальше призыва отказаться от крайностей и держаться «золотой середины» он не продвинулся.

В результате неудачи попыток рационального обоснования морали античный мир во времена Римской империи пришел к моральному нигилизму, не

превзойденному и поныне, что, если не было главной причиной, то, по крайней мере, способствовало падению империи. Но еще до того как Римская империя пала, в ней произошел радикальный поворот в вопросе обоснования морали. На смену попыткам рационального обоснования пришло обоснование ее через религию (христианскую). Теперь моральные нормы следовало соблюдать не в силу их объективной обоснованности, а потому что так повелел Бог и потому что тех, кто нарушал эти нормы, в загробной, вечной, а не преходящей, жизни ожидал ад.

Такое обоснование имело то преимущество, что избавляло от нелегкой задачи рационального обоснования и наделяло мораль духовной глубиной служения самому высокому надличному. Однако оно имело тот недостаток, что христианское Учение в его основе, Новом Завете не содержало сколь-нибудь подробной разработки моральных норм. Ветхий Завет, включенный в христианскую Библию, давал больше конкретики по этой части (Заповеди и Закон), но тоже недостаточно, если учесть бесчисленное разнообразие ситуаций, создаваемых жизнью и требующих оценки возможных действий человека в этих ситуациях на предмет, хорошо это или плохо, морально или аморально. Для большинства из этих ситуаций Библия не давала готового рецепта правильного поведения. Не давала она и формулы или алгоритма, с помощью которого можно было бы выводить новые нормы для новых ситуаций из тех, что даны в Библии.

В результате в Средние Века философы и богословы вновь вынуждены были обратиться к античным учениям Сократа, Платона и Аристотеля в попытке синтезировать христианское Учение и учения этих философов. Однако синтез получился эклектическим. Он не мог получиться иным, ибо синтезировать можно

либо две рациональные теории, как это происходит в рациональной науке (например, волновая и корпускулярная теории света – в квантовую). Либо – две религии (с помощью новых пророков, которым было «видение» с указанием включить в Христианство учение о переселении душ и т. п.). В результате споры об обосновании морали и об ее конкретных нормах продолжались. Но, несмотря на эти споры, ведущиеся в узком кругу богословов теоретиков, авторитет христианской морали в широких массах в Средние Века был весьма высок. Держался он на авторитете католической церкви, господствовавшей безраздельно в Западной Европе.

Однако со временем этот авторитет начал падать, что было связано именно с большой путаницей в обосновании догматов Церкви вообще и моральных норм в частности. Инквизиция с ее жестоким преследованием еретиков, религиозные войны, продажа индульгенций и т. п., все это прямо вытекало из отсутствия четкости и однозначности самого Учения, хотя и поддерживалось, питалось алчностью и властолюбием отцов Церкви. Но алчность, властолюбие и т. п. содержатся в природе представителей всех слоев общества во все времена и сдерживаются авторитетом морали, который слабеет, если основание морали зыбко и ненадежно.

Авторитет Церкви особенно быстро начал падать с началом Нового Времени под влиянием бурного расцвета рациональной науки. Церковь, вследствие неправильного понимания ею Учения Христа, на котором она себя и строила, долгое время сопротивлялась развитию науки и когда, несмотря на это сопротивление, наука стала побеждать и приносить весомые плоды, это больно ударило по ее (Церкви) авторитету. Но стремительного падения морали в обществе при этом сразу не

произошло. Более того в это время вновь усилились попытки дать рациональное обоснование морали. Ярким примером таких попыток является философия Канта.

Кант попытался сделать это через «моральный императив», заложенный в душе каждого человека. Однако «моральный императив» сам нуждался в обосновании, которого Кант не дал. Во-вторых, совершенно неясно было, как из него выводить конкретные моральные нормы. Наконец, наличие «морального императива» в душе каждого человека противоречило опыту, что стало особенно очевидным после первой и второй мировых войн с истреблением десятков миллионов людей, с применением газов, с концентрационными лагерями и т. д. А соответствие опыту является фундаментальным требованием рациональности теории, что, кстати, уже хорошо было известно представителям рациональной науки во времена Канта.

Хотя Канту и другим философам того времени не удалось дать рациональное обоснование морали, но вера в то, что такое обоснование существует в принципе, до поры до времени держалась в обществе и это поддерживало готовность многих соблюдать нормы морали.

Ситуация качественно изменилась с появлением философии экзистенциализма с такими именами, как Сартр, Хайдеггер, Кьеркегор, Ясперс и другие.

Экзистенциалисты атаковали сначала науку и атаковали не с позиций религии, а с позиций, которые можно назвать рационалистическими в том смысле, что они отталкивались от фактов и делали из них логические выводы. Точнее, выводы, которые им казались логическими. Другое дело были ли эти выводы истинными или нет. Они обратили внимание на то обстоятельство, что наука время от времени меняет свои

понятия, выводы и их обоснование, и заключили отсюда, что наука скользит по поверхности явлений, не проникая в глубину. Она, мол, годится для того, чтобы с ее помощью строить машины, но не годится для обоснования морали. Потому что то, что принимается сегодня наукой за «хорошо», завтра ею же может быть зачислено в «плохо». Отсюда следовала полная релятивизация морали, а единственными ценностями, которые оставались после этого и провозглашались экзистенциалистами, становились приятные ощущения и свобода индивида от общества.

Другой теоретической опорой морального нигилизма, залившего западную цивилизацию в эпоху так называемого модернизма, было также рациональное по форме учение психоанализа, основоположником которого является Фрейд. Фрейд «доказал», что человек не властен над своими инстинктами и страстями и поэтому, как бы мы не обосновывали нормы морали, он все равно не сможет их соблюдать, а попытка их соблюдения, особенно в половой сфере, ведет лишь к психическим расстройствам.

Существенный теоретический, философский вклад в релятивизацию морали, приведшую к эпохе модернизма, внесли также Ницше и Маркс. Ницше провозглашал, что у каждого народа свое добро и свое зло. Он талантливо и страстно бичевал пороки современного ему общества, прежде всего, лицемерного обывателя, «маленького человека», но также церковников, политиков, мелких поэтов и т. д. Но на этом его рациональность заканчивалась и он плавно соскальзывал к апелляции к эмоциям читателя и делал это весьма успешно.

Маркс релятивизировал мораль по другой линии. Если у Ницше добро и зло было разным у разных народов, то по Марксу оно было разным для разных

общественных формаций. Грабеж банков при капитализме – это преступление, а при переходе к социализму – это «экспроприация экспроприаторов» и «правильным путем идем, товарищи». Брак и семья – это буржуазный пережиток и при социализме должны быть устранены. И т. д. В защиту своей моральной теории Маркс приводил аргументы по виду рациональные. Мало того, он претендовал, а его последователи и поныне претендуют на то, что марксизм есть единственное в мире научное (чти рациональное) учение. Претензия эта базировалась на том, что марксизм, в отличие от экзистенциализма, абсолютизирует научное познание. Мол, познание отражает действительность, причем так отражает, что вновь добываемое познание ничего не меняет в ранее добытом. По этому пункту марксисты яростно воевали с экзистенциалистами. Яростно, но безуспешно, потому что, как мы знаем, наука таки меняет свои понятия, выводы и их обоснование.

Таким образом, мы можем сказать, что ни одно из этих философских течений Нового Времени, приведших к релятивизации морали и, как следствие, к моральному нигилизму и к эпохе модернизма, независимо от того, претендовали ли они на зачисление их в рациональные или нет, на самом деле до конца рациональными не были. И не могли быть, потому что, хотя рациональная наука в эту эпоху уже достаточно развилась и в основном выковала свой метод обоснования научных теорий, но метод этот существовал пока что только в виде стереотипа естественно научного мышления и не был представлен эксплицитно. Ученые естественники владели им, как владеют люди грамматикой родного языка до того, как она написана – они говорят достаточно грамотно, хотя грамматику (еще не написанную) не изучали. Но гуманитарии и философы, в

частности, этим методом вообще не владели и не владеют им до сих пор. Недостаточная рациональность марксизма, в частности в вопросе морали, видна хотя бы из того, что в Советском Союзе, в котором марксизм был государственной идеологией, его моральную теорию перекрутили до противоположности – пресловутые буржуазные семья и брак, вместо того, чтобы отмереть, стали базовой ячейкой социалистического общества. При этом никто даже реверанса не сделал в сторону Маркса по этому поводу, что совершенно нелегально было бы в рациональной науке.

Ситуацию, которая сложилась в западном обществе по части морали в эпоху модернизма, нет нужды описывать, поскольку эпоха эта еще не до конца отошла и потому хорошо всем знакома. А вот ситуацию в философии морали этого периода хорошо передает отрывок из статьи А. Гусейнова «Мораль и разум» (<http://wpf.unesco-tee.org/rus/offrap/top4/agus.htm>), который позволю себе процитировать.

«Сегодня экзотической фигурой является не тот, кто отрицает моральные критерии, а тот, кто признает их абсолютность. Если воспользоваться историческими символами, можно сказать: сегодня идейным маргиналом скорее считался бы Сократ, чем Фразимах. И сегодняшний Руссо не стал бы писать трактат на тему «Способствовало ли развитие наук очищению нравов?». Он бы просто сказал, как один из западных профессоров, что в модели современной науки этика играет такую же роль, как велосипедный тормоз на межконтинентальном самолете».

Единственное, в чем ошибся в этой цитате Гусейнов, это в том, что отнес эту характеристику к «сейчас». На самом деле сейчас мы, хотя и не вышли еще вполне из эпохи модернизма, но в основном мы живем уже в эпоху постмодернизма.

Можно очень по-разному определять явления модернизма и постмодернизма. Это очень сложные явления, касающиеся очень многих и разных сторон жизни общества и его членов и, соответственно, их можно определять через одни параметры, а можно и через другие, в зависимости от того, что нас больше интересует в этих явлениях. Я воспользуюсь таким, не помню чьим, определением: «Модернизм – это ирония, а постмодернизм – это ирония к иронии». Имеется в виду, модернизм – это ирония по отношению к морали, к ее нормам, к ее обоснованию и т. д., а также к разуму, к его способности адекватно познавать действительность, к истине. Это – ирония, яростное отрицание, осмеяние, эпатажное поведение, доказывающее, что «а мне наплевать». Постмодернизм – это по-прежнему ирония ко всему предыдущему, но смягченная иронией к самому модернизму, к его одиозности, серьезности, яростности его отрицания. Это – эдакое «а нам все равно», «я не отрицаю вообще морали, но и не принимаю ее всерьез». Это – плюрализм: «у каждого – своя правда, у вас своя мораль, а у меня – своя». Это резиновая безразмерная терпимость: главное, чтоб никто никому не мешал, а там... хоть с конем, если по согласию сторон. Это неприличность что-либо доказывать и обосновывать, особенно в сфере морали. Самое приличное – это поговорить об этой же самой морали «вааще», не уточняя, что ты под ней подразумеваешь, просто продемонстрировать свою положительность, культурность и эрудицию: «Аристотель говорил..., а Кант сказал». (Или «как сказал Кант, хотя быть может он этого и не говорил»). Можно и занять определенную позицию по отдельным пунктам. Ругнуть, например, сексуальную эксплуатацию детей. Дети – это святое и, заняв эту позицию, ты не рискуешь, что тебя зачислят в маргиналы, которые за пределами «иронии к иронии». Но вот

гомосексуалистов трогать, в смысле требовать их запрета или хотя бы морального осуждения, нельзя. Сразу попадешь в эти самые запредельные маргиналы. Тебя назовут гомофобом, приравняют к ксенофобам, а твоих аргументов никто не станет слушать. Вообще не надо аргументов, не надо ничего обосновывать, и чем на более серьезном уровне обосновывать, тем более не надо. Это решительно выводит за пределы «иронии к иронии».

Широкие массы обывателя такой подход очень даже устраивает. Обыватель не любит напрягать мозги всякими обоснованиями, тем более, если в их свете может выясниться, что у него у самого рыльце в пушку. А вот поговорить о необходимости морали, он очень даже любит (и лягнуть при этом отсутствующего при разговоре соседа, сослуживца или там общественного деятеля). Как говорил Ницше в своем «Заратустре»: «Они говорят о необходимости добродетели, но думают о необходимости полиции».

В целом постмодернистская ситуация в чем-то лучше модернистской (начали запрещать хоть самые отъявленные крайности, вроде педофилии), а в чем-то хуже — болезнь загоняется внутрь. С модернистами можно было поспорить, они сами нарывались на спор (хотя предпочитали и поныне предпочитают действовать через эпатаж и разжигание массового психоза). С постмодернистами невозможно спорить. Желаящий что-то обосновывать (а не вести салонный разговор в стиле пикейных жилетов: «Аристотель — это голова, Кант — это тоже голова») просто выталкивается из философского и медийного пространства. Его не публикуют и ему не дают трибуны. Ситуация усугубляется еще тем, что, как я сказал, единый метод обоснования теорий выработанный естественными науками в ходе их развития, до сих пор не был представлен экспли-

цитно, а в гуманитарной сфере он вообще неизвестен даже на уровне стереотипа мышления. Вышеупомянутый феномен рациональной (чти естественной) науки – менять понятия и выводы при переходе от одной фундаментальной теории к другой, до сих пор не получил правильного объяснения и истолкования. А на смену экзистенциалистам, которые не сильны были в естественных науках и сами «скользили по их поверхности», пришли пост позитивисты (Куайн, Кун, Фейерабенд, Поппер, Лакатос и др.), отлично осведомленные в этих науках, которые, используя этот феномен науки, весьма усилили аргументацию экзистенциалистов по части релятивизации науки. Чем еще посодествовали (пусть непреднамеренно) релятивизации морали. Все это в высшей степени осложняет как само рациональное обоснование морали, так, тем более, доведение его до сознания общества.

В этой ситуации начинать рациональное обоснование морали нужно было только с опровержения аргументов экзистенциалистов и, особенно пост позитивистов, релятивизирующих научное познание, с обоснования заново надежности этого познания и с уточнения того, что именно дает нам рациональная наука, какого характера истину. Как я уже написал выше, я сделал это, разработав новую теорию познания («Неорационализм», Киев, 1992, Часть 1) и основанный на ней единый метод обоснования научных теорий. (Единый метод обоснования научных теорий. // <http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/11279.html>; Философские Исследования, № 3, 2000; № 1, 2001; № 2, 2002; Особый эпистемологический статус науки и современная физика. // Философия физики. Актуальные проблемы // М.: ЛЕНАНД 2010, С. 29–32.; Глобальный кризис как кризис рационалистического мировоззрения // Материалы II Международного научного

конгресса «ГЛОБАЛИСТИКА – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления» М., 2011, т. 1, С. 32). Или, можно сказать, представил эксплицитно этот метод, выработанный самой естественной наукой в ходе ее развития. В отличие от представителей классического рационализма я не отрицаю вышеупомянутого феномена рациональной науки, ее способности менять свои понятия, выводы и их обоснование. В отличие от логических позитивистов (Рассел, Гильберт и др.) я не пытаюсь исправить рациональную науку, сделав так, чтобы она впредь не меняла своих понятий и выводов. Но я показываю, что несмотря на то, что наука меняет свои понятия и выводы (и должна их менять при переходе к новой фундаментальной теории), она не меняет метода обоснования своих теорий (единого метода обоснования). И что обоснованная по этому методу теория не перестает быть истинной при смене ее новой фундаментальной теорией (классическая механика – теорией относительности, теория относительности – квантово релятивистской теорией и т. п.). При таком переходе лишь уточняются границы истинности предыдущей теории (хотя, пользуясь единым методом, мы можем минимальные границы истинности теории знать заранее). Я уточнил также смысл истины, которую дает нам рациональная наука. Наконец, я показал возможность применения единого метода обоснования в гуманитарной сфере, с соответствующей адаптацией, связанной с невозможностью в этой сфере точных измерений.

Далее, опираясь на единый метод обоснования научных теорий, я построил рациональное обоснование морали («Неорационализм», Часть 4).

Я не стану здесь повторять все это построение, опишу только, на чем оно основано, его, так сказать, идею и результат.

Но перед этим я хочу отметить, что еще не строя это обоснование, мы имеем вескую причину полагать, что такое обоснование в принципе возможно. Причина эта – в реальной истории возникновения морали. Мораль была известна человечеству задолго до античных философов и до появления Христианства. Мало того, задолго до появления религии, как таковой, даже в самой примитивной форме ее. Даже в самых первобытных племенах прошлого и современных (там, где они сохранились) известны нормы «не убий» и «не укради». Они существуют и работают, в той или иной мере, даже в животной стае. В этой ранней стадии их существование не может быть вызвано никакой условностью, принятостью и т. п. Оно может быть только объективно обусловлено и вырабатываемо в процессе эволюции. Те племена, а до того стаи, в которых никак не работает «не убий» в отношении членов самой стаи, перестают существовать: распадаются, уничтожаются и т. п. Т. е. сам факт общественного бытия человека диктует, навязывает нормы морали. Другое дело, что в силу сложности природы человека и общества, это объективное навязывание, эта эволюция не ведет к единой, принимаемой всеми людьми и народами всех времен морали. Как и всякая эволюция, она как бы выбрасывает щупальцы в разных направлениях, образуя разные системы морали в разных обществах и предоставляя дальше естественному отбору отбросить те из них, которые в своем моральном выборе далеко отошли от истины, от оптимума. Такой путь эволюции сослужил неплохую службу всему живому на этапе до появления человека и на раннем этапе самого человечества. Но современное человечество, развив с помощью науки свою мощь, в том числе и разрушительную, не может себе позволить определять свою дальнейшую судьбу естественной

эволюции, осуществляющей свой прогресс за счет гибели несчетного числа индивидов и видов. Помимо болезненности такого пути, мы рискуем просто уничтожить себя как вид, а заодно и нашу планету.

Из этого экскурса в историю происхождения морали следует, что строя рациональную теорию морали, начинать нужно с пристального рассмотрения природы человека и общества. С этого я и начал.

Конечно, моделирование человека и общества – задача в высшей степени сложная. И можно, даже не начиная этого моделирования, зацепиться за тот факт, что все люди очень разные, отличаются друг от друга, тоже и общества и народы, и сделать отсюда вывод, что мораль индивидуальна, у каждого своя, или что она должна быть разной для разных обществ, например, для обществ с разным строем, как то и полагал Маркс, или для разных народов, как считал Ницше. Ну, индивидуальная мораль – это, вообще, бессмыслица. Не может быть морали, по которой «я на вас плевал, а вы на меня не смейте». Мораль – это нечто, что считается принятым в отношениях между людьми некоего сообщества, народа, например. (А сегодня в силу глобализации необходима общечеловеческая мораль). Возможна же такая общая, а не индивидуальная, мораль в силу того, что, поскольку все люди принадлежат к одному виду, то общего в их природе больше, чем индивидуального, несмотря на все богатство человеческих индивидуальностей. Также и у любого общества и у всех народов общего больше, чем отличий (при всей важности этих отличий). Вот то общее, что есть в природе каждого человека, и то общее, что есть в природе любого общества, и должно быть положено в основу модели для определения оптимальной морали.

В природу человека общую для всех людей входят, прежде всего, его физиологические потребности: попить, поесть, поспать, удовлетворить половой инстинкт. Но также потребности в интересной жизни: развлечения, приключения, риск. Потребность в свободе. Наконец, душевные (семья, родственники, друзья, любимые животные и т. д. и т. п.) и духовные (служение надличному: народу, Родине, Богу, истине, красоте и т. п.) потребности. По поводу последних может быть спор, т. к. не все их ощущают в себе, но я показываю, что они есть и обладают значительным потенциалом.

Природу общества я ввел в модель через те связи, которые не зависят от строя, уровня технологии и т. п., а обусловлены самим фактом общественной жизни, необходимостью во взаимодействии людей, ведущих общественную жизнь (в отличие от жизни Робинзона Крузо на необитаемом острове).

В модель входят также моральные параметры, соответствующие моральным нормам типа: «не убий» и «не укради», но представленные не как категорические указания, а как переменные величины, которые можно варьировать для отыскания оптимума и сравнивать друг с другом. Например, вместо «не укради» в модель входит «воровать не хорошо». Причем это «не хорошо» может иметь разные степени: от «настолько нехорошо, что за это надо руки отрубать», до, как в Румынии, «воровать, конечно, нехорошо, но если украдено талантливо, то это заслуживает даже восхищения».

Далее используется проторенный в естественных науках путь для отыскания оптимума. Строится функция цели, в данном случае функция качества жизни, выражаемая через степень удовлетворения рассмотренных выше потребностей человека в среднем по обществу. Функция эта имеет вид:

$$F = \sum f(i) \cdot \sum k(ij)$$

Здесь

$f(i)$ – числовой коэффициент, отражающий значимость, важность соответствующей (i – той) потребности, из числа перечисленных выше.

$k(j)$ – функционал, отражающий связь между i -той потребностью и j -тым параметром модели, в частности, некой моральной нормой.

Конечно, в отличие от естественных наук в гуманитарной сфере мы не можем найти количественные значения коэффициентов f и k . Распространено даже мнение, что мы не можем вообще соизмерять параметры, входящие в функцию качества жизни. Мол, как можно соизмерять моральные нормы со свободой или физическими потребностями? На самом деле, это не только возможно, но и делается в постоянной практике. Общественная форма жизни вынуждает нас к этому. Уголовный кодекс предусматривает наказание в виде лишения свободы, причем на разные конкретные сроки, за нарушение разных норм морали. А за нарушение других норм – денежные штрафы, т. е. ущемление удовлетворения физиологических и некоторых других потребностей.

Но точных количественных значений указанных параметров мы, конечно, дать не можем, поскольку нет, и принципиально не может быть единиц измерения, вроде килограммов или метров, для таких параметров, как свобода, справедливость, дух, любовь и т. д. И это не позволяет нам применить здесь математический аппарат, предназначенный для решения задач на оптимум в естественных науках. Но ведь математика – это лишь форма записи соответствующих логических построений. Логику же решения задач на оптимум, выработанную в естественных науках, мы можем применить и здесь в виде качественного варьирования переменных.

Это я и сделал. Как, именно сделал, желающие могут посмотреть в упомянутой книге «Неорационализм».

Что касается полученных из этого рассмотрения выводов, то, естественно, они не могут претендовать на абсолютную точность. Но полезно вспомнить, что и выводы естественных наук не обладают абсолютной точностью, что связано с неабсолютной точностью измерений. Конечно, в данном случае степень неточности гораздо выше. Но нам и не нужна здесь точность естественных наук. Я бы сказал, что она была бы здесь даже вредна, она бы обеднила яркость и красочность жизни, ее игру, слишком сковала бы свободу выбора. Тем не менее, и та точность, которую можно достичь при качественном (без числовых значений коэффициентов) построении функции качества жизни и качественном же решении задачи на оптимум (с помощью качественного варьирования параметров), позволяет получить важные теоретически и практически выводы. Они таковы.

Во-первых, доказана сама возможность рационального обоснования оптимальной морали. Смысл оптимальности здесь в том, что если общество принимает оптимальную мораль и придерживается ее, то качество жизни его членов, при прочих равных, будет выше, чем при принятии им любой неоптимальной морали. Естественно, речь идет не о качестве жизни каждого члена общества в отдельности, а о среднем для данного общества качестве жизни. Персональное счастье каждого человеку, не может гарантировать никакая мораль и никакое устройство общества, а обещать такое могут только нечестные философы и политики или Бармалей из известного кинофильма, говоривший, что он может в 5 минут сделать всех счастливыми. «А кто не хочет быть счастливым, того к акулам». Конечно, такое обоснование оптимальной морали не каждого вдохновит

на соблюдение ее норм. Всегда найдутся люди, которым наплевать на среднее в обществе качество жизни и которых интересует только их персональное счастье. Но если это вдохновит большинство людей, то остальные вынуждены будут присоединиться вопреки их желанию. «При прочих равных» в этом определении означает – при одном и том же уровне развития промышленности и сельского хозяйства, при одном и том же общественном строе и т. д. Понятно, что не одной моралью жив человек и обеспеченность его физиологических потребностей зависит, прежде всего, от состояния экономики, а обеспечение потребности в свободе – от того, живет ли он в демократическом или тоталитарном обществе и т. д. Но и от принятой морали тоже зависит качество жизни в конкретном обществе, при прочих равных.

Во-вторых, решена проблема абсолютности – относительности морали и тем самым – давний, можно сказать, вечный спор между жаждущими абсолютизировать мораль и склонными полностью релятивизировать ее. Мораль имеет абсолютное ядро в виде норм в категоричной форме, типа «не убий» и «не укради», которые не зависят от того, о каком народе идет речь или о каком общественном строе. Абсолютность здесь, конечно, тоже не абсолютная. Абсолютно абсолютного, вообще, ничего не бывает. Абсолютность в данном случае имеет смысл инвариантности, т. е. независимости от строя, народа, уровня технологического развития и т. д. В то же время эта нормативная мораль абсолютна и в указанном смысле лишь для людей, живущих в обществе, для отношений между этими людьми. Она не распространяется на отношение людей к животным (попытки чего сегодня, кстати, наблюдаются) или к гипотетическим инопланетянам, буде таковые появятся. В этих случаях также уместно искать

оптимальные нормы взаимоотношения, но, ни в коем случае, нельзя автоматом распространять на эти случаи оптимальную мораль для человеческого общества.

Но оптимальная мораль имеет и относительную сторону или часть, относительную в двух смыслах. Во-первых, кроме инвариантного ядра морали, есть отдельные нормы морали, которые так зависят от общественного строя, либо уровня технологии и даже от народа, для которого они принимаются. Не буду здесь разбирать все эти случаи, отсылая желающих к тому же «Неорационализму», приведу лишь один пример такой зависимости. Справедливость в распределении материальных благ, т. е. так называемого совокупного общественного продукта, безусловно, зависит от строя или экономической формации и не может быть одной и той же для рабовладения, феодализма, капитализма и социализма. Для каждого строя существует своя оптимальная справедливость распределения и, кстати, определение ее — задача нелегкая и в то же время очень важная для успешного и бескризисного развития экономики.

Во-вторых, нормы морали из инвариантного ядра ее обладают той условностью, что они справедливы, истинны и т. п. только для некоторых нормальных условий их применения. А могут быть и такие обстоятельства в жизни, при которых и эти нормы отменяются или изменяются. Даже «не убий» означает не убий просто так, ни за что, корысти ради и т. д. Но на войне, справедливой, навязанной войне или при самообороне, когда нет другого средства защитить жизнь, тогда можно или даже бывает нужно убить. Разработка этой обусловленной морали — сложнейшая задача, которой человечество вынуждено заниматься с давних пор, скажем, разрабатывая уголовный кодекс. И не только. Отдельные элементы обусловленной морали содержатся в

Библии, во Второзаконии Моисеевом. Много и успешно занимался обусловленной моралью Конфуций, что сослужило и продолжает служить хорошую службу китайскому народу. Но все эти разработки не покрывают и малой части того, что требует живая жизнь во всем бесконечном разнообразии порождаемых ею ситуаций. Теория оптимальной морали дает эффективный инструмент для дальнейших разработок в этом направлении.

Предложенная модель позволила также конкретизировать нормы морали, входящие в ее инвариантное ядро. Ядро это, в общем, совпадает с 10-ти заповедной моралью. В него вошли, например, «не убий» и «не кради», «возлюби ближнего» (в смысле относись к нему с приязнью и не делай гадостей), не лги, не сплетничай, не лжесвидетельствуй, не прелюбодействуй, запрет на все половые извращения и т. д. Некоторые из этих норм получили уточненный по сравнению с распространенным во многих христианских конфессиях смысл. Например, «не прелюбодействуй» не означает запрета на внебрачные половые связи при условии, что обе стороны не связаны браком. Такое по большому счету совпадение, можно сказать, ожидаемо. Ведь Бог по идее всеблаг, а, следовательно, не может учить людей плохому. Если же Библия не от Бога, а творение самих людей, тогда предложенная в ней мораль – результат эволюционного отбора. И поскольку народы, принявшие Христианство, создали западную цивилизацию, доминирующую сегодня в мире, и достигли (по расхожему мнению, по крайней мере) наивысшего качества жизни, то и христианская мораль должна быть близкой к оптимальной. Такое совпадение благоприятно и для принятия всем человечеством оптимальной морали. Ведь мусульманская мораль весьма близка к христианской, да и буддистская не далека от нее. Такое

совпадение очень важно и для примирения науки с религией. Получается, что и наука и религия, хоть и с разных позиций, но учат одному тому же.

Еще эта модель позволяет уточнить то поле морали за пределами инвариантного ядра ее, где возможна этноэтика, не противоречащая общечеловеческой. Например, у разных народов может варьироваться принятая степень свободы внебрачных половых связей людей, не связанных браком: от полного запрета их до полного отсутствия осуждения их количества и качества. Все это не будет противоречить оптимальной общечеловеческой морали. Возможны различия между народами и странами в отношении к алкоголю и наркотикам (Не путать с отношением к преступлениям, творимым в состоянии опьянения или под влиянием наркотиков). Это моральное поле за пределами ядра общечеловеческой морали позволяет также определить меру терпимости в отношении разных явлений, подлежащих моральному суждению.

И, пожалуй, самое главное, что дает теория оптимальной морали, это возможность определения и рационального обоснования отличия «хорошо» и «плохо», добра и зла, для бесчисленного количества ситуаций, порождаемых жизнью и не подпадающих, не описываемых уже существующими нормами морали. Это особенно важно сегодня, когда с помощью науки мы все быстрее преобразовываем действительность, в которой живем, (ГМО, клонирование, возможность генетического модифицирования самого человека и т. д.) и все актуальней становится вопрос: «Камо грядеши?» – «Куда идешь, Человек?».

Глава 8

Место духа

в рационалистическом мировоззрении

Мировая философия издавна занята проблемой первичности-вторичности материи и духа (или в другой терминологии – идеи). Проблема эта всегда представлялась настолько кардинальной, что в соответствии с тем, как та или иная философия решала ее, все они с древнейших времен подразделялись на материалистические, идеалистические и дуалистические (в последних признавалась независимость этих двух глобальных начал).

По сложившемуся и весьма распространенному стереотипу рационализм отождествляется с материализмом. Поскольку моя философия является, безусловно, рационалистической (хотя содержание рационализма уточнено по сравнению с классическим), то инерция мысли толкнет многих к предположению, что я исповедую первичность материи. Однако, это не так. Более того, сама постановка проблемы первичности представляется мне неверной и уводящей философию от ее истинных задач.

В самом деле, как показано в моей теории познания («Неорационализм», глава 1), все наши понятия, включая «материю», «дух» или «идею» имеют условные границы. Что касается материи и духа, то тут границы настолько условны, что дай Бог сформулировать эти понятия так, чтобы осталось что-то содержательное от них, хоть в каких-то границах. Для материи я и не берусь этого делать. Читатель легко может убедиться, что нигде выше я не пользовался этим понятием. В свое время, лет 200 .назад и прежде, понятие материи казалось самоочевидным, поскольку она отождествлялась со всем тем, что имеет массу покоя. Однако, со времени

открытия силовых полей, со времени введения понятия энергии не связанной обязательно с массой покоя, со времени установления превращения массы в энергию и наоборот, со времени обнаружения факта, что интеллектуальная и психическая деятельность вызывают изменения определенных физических полей, подразделение сущего на материю и дух или идею стало не то чтобы невозможным (это можно сделать проведением границы произвольно там или сям), но не дающим никакой пользы познанию. Тем более нелепо сегодня рассуждать о первичности – вторичности материи и духа.

Отмечу здесь, что не следует путать подразделение сущего на материю и дух (или идею) и проблему познания, занимающуюся соотношением между всем сущим вообще, включая идею и дух, и нашим восприятием его, и отражением в сознании.

Цель данной главы – вычленив из всего сущего с помощью определения понятие духа (а заодно и души), указать способ включения его в модели общественных процессов и в самом общем виде описать его взаимодействие с прочими параметрами этих моделей или иными словами описать его влияние на общественные процессы с одной стороны и на индивидуума, участвующего в этих процессах, с другой.

Я хочу напомнить, что научное познание не является единственно возможным. Другим способом познания является, например, искусство. Поскольку есть альтернативные виды познания, то уместно говорить об их сравнительных достоинствах и можно предположить, что для каждого вида есть своя сфера действительности, которой он наиболее адекватен. Очевидно, что в эмоциональной сфере духа и души искусство обладает несравненно большими возможностями передачи всех оттенков предмета, чем любая рационально научная

модель. Отличным тому примером служит для меня знаменитый дуалистический принцип Бубера («Я и ты»). Методом философии, т. е. по сути, рациональным методом, хотя и не без художественности стиля, Бубер отобразил определенную сферу действительности, тесно связанную с душой и духом. Но упомянутая сфера отражалась уже много, много раз и до него, но иными средствами, а именно искусством и прежде всего поэзией. И как по мне, несколько строк из Данте, Петрарки, Шекспира или Пушкина, («Я помню чудное мгновенье, Передо мной явилась Ты...») гораздо лучше выражают суть дуалистического принципа, чем посвященная предмету и доставившая известность автору работа Бубера. Кстати, вышесказанное не уменьшает значимости его, как философа, в моих глазах, но упомянутое «Я и ты» очаровывает меня гораздо меньше других его работ.

Зачем я сделал вышеупомянутую оговорку? Прежде всего, чтобы показать, что адекватно определить понятия души и духа в рационалистической модели не легко. Затем, чтобы заявить заранее, что я не собираюсь соревноваться с искусством в исследовании души и духа во всех нюансах. В чем я да собираюсь соревноваться с искусством, осознавая при этом полное преимущество моего метода для предмета, это в установлении взаимосвязи и пропорций между явлениями души и духа и явлениями общественной жизни и жизни индивидуума.

Как уже показано в моей теории познания, любое определение не является ни хорошим ни плохим само по себе. Оно является хорошим или плохим лишь для той задачи, для которой оно строится. Теперь, когда ясно, что именно я хочу исследовать, я могу позволить себе сформулировать определение духа.

Духом и душой я буду называть в дальнейшем эмоциональную привязанность человека к надличному. Определение не блещет излишней строгостью, но таков предмет. Для того же, чтобы было яснее, что я имею в виду (а также, чтобы «отделить» душу от духа) я буду вынужден пуститься в более или менее многословные объяснения.

Я буду называть душевными привязанности к конкретным людям: любимой женщине, детям (своим), родителям, друзьям, товарищам и даже более дальним, но все же конкретным, зримым, а не абстрактным людям вообще, и, наконец, к конкретным животным, местам и вещам.

Духовной я буду называть привязанность к некоей абстрактной идее, содержание которой может быть самое разное: Бог, благо всего человечества, причем ответственным образом понимаемое (скажем социализм или технический прогресс), благо своего народа (его освобождение, или культурное развитие, или экспансия и мировое господство), отвлеченная справедливость («пусть рухнет мир, но торжествует справедливость»), истина, наука, искусство, всевозможные фетиши вроде отдельно взятых правил морали (семья), традиции (шабат, хождение в Мекку, христианский Новый год), правил, запретов и требований к поведению (например, рыцарская честь, кодекс самураев, правила джентльмена, китайская церемония питья чая и даже воровской «закон»), природа как таковая (пантеизм), конкретный вид животных, как таковой (священная корова в Индии), и даже конкретный предмет, но в функции фетиша, святого (священный камень в Мекке; Иерусалим не просто, как любимый город, а как священный город; священный дуб языческих Полян; священные идолы; иконы) и т. д.

Одни и те же люди и вещи могут быть объектами порознь душевной, либо духовной привязанности, либо и той и другой вместе взятой, либо, естественно ни той, ни другой. Например, можно любить жену свою и членов семьи своей в силу душевной привязанности к ним как таковым, но это будет одновременно и выражением духовной привязанности, служения надличной идее, например, Богу, который заповедовал «Возлюби жену свою» или абстрактной морали или фетишу семьи. Может также быть ситуация, когда человек не любит душевно свою жену или даже всю семью, но относится к ним хорошо, выполняя свой долг перед великой идеей. И, наконец, у человека могут быть заглушены, подавлены и душевная и духовная привязанности, и тогда его близким нечего ждать от него ничего хорошего, да и сам он рано или поздно станет себе тошен.

Еще примеры: Иерусалим может быть предметом и душевной и духовной привязанности. Человек может любить Иерусалим, потому что он в нем родился и вырос. В другом случае он его в глаза не видел, но любит как символ. Аналогично, природа, народ, родина и т. д.

Теперь можно перейти к рассмотрению способа включения понятий души и духа в рационалистические модели. Для этого я использую тот же прием, который был использован при построении теории оптимальной морали и изложен вкратце в предыдущей главе, где указывалось, что в числе внутренних потребностей природы человека, обуславливающих структуру функции качества жизни, наряду с физиологическими потребностями, потребностями в свободе и прочими, есть также душевные и духовные.

Существование, по крайней мере, некоторых из душевных потребностей в природе человека легко может быть проиллюстрировано. Например, такой вид ду-

шевной привязанности (т. е. потребности в такой привязанности), как любовь родителей к детям, хорошо известен и принят под названием материнского и вообще родительского инстинкта, тем более, что он существует не только у людей, но и у многих высших животных.

Точно так же любовь детей к родителям не есть лишь результат воспитания. Хорошо известно, что рано осиротевшие люди, у которых это чувство не могло быть воспитано, как правило, пронесут через всю жизнь жажду этой любви, тоску по ней, ощущение неудовлетворения этой душевной потребности.

Что касается любви между мужчиной и женщиной, любви хоть и связанной с сексуальным влечением, но не сводящейся вполне к нему, то нет нужды приводить примеры, что таковая существует у людей и может достигать необычайной силы, превзойдя по потенциалу все прочие потребности, включая инстинкт жизни. Можно сослаться на примеры избирательной любви (сама избирательность которой свидетельствует о том, что она не сводится к одному лишь либидо) в мире животных, например лебедей, у которых, как известно, самец погибает от тоски, утратив возлюбленную, и никогда не спаривается с другой. Все это, однако, не будет доказательством (даже не математическим) того, что любовь между мужчиной и женщиной есть обязательная, нормальная часть природы человека, поскольку есть очень много людей, которые проживают всю свою жизнь без нее и по крайней мере не жалуются, что им ее не доставало.

То же самое, и даже в большей мере, можно сказать о большинстве других видов душевных привязанностей, а именно, можно дать много ярких примеров существования и силы их, но при этом окажется, что многие люди, а для некоторых видов привязанностей —

подавляющее большинство, проживают свою жизнь, не испытав их и не осознавая своей обездоленности при этом. Например, бывают случаи сильной привязанности к любимой собаке, но те, кто не имел такой привязанности, не чувствуют себя обездоленными.

Еще в большей мере это относится к духовным привязанностям. Мы знаем, что во имя служения истине, Богу своему народу, Родине, кодексу чести и т. д. люди всходили на костры, закрывали грудью амбразуры, проходили через невообразимые пытки, истязали себя голодом, заточались добровольно в пещеры, дрались на дуэлях и даже приносили в жертву детей своих. С другой стороны, именно в наш бездуховный век крайне тяжело убедить среднего человека Запада, зачастую не имеющего ничего за душой, не говоря о духе, убедить его, что ему чего-то не хватает, особенно, если у него есть хороший «джоб», вилла, машина и т. д. Правда, можно сослаться на другие эпохи, например, средневековье, во время которого вряд ли кому-нибудь в христианской Европе пришло бы в голову отрицать наличие в человеке духовной потребности. Да и в наши дни положение аналогично для многих мусульманских стран, например, хумейнистского Ирана.

Можно продолжить исследование вопроса, существуют все же или нет рассматриваемые душевные и духовные потребности в природе человека, в том же смысле, как в ней существует потребность в еде и питье, но я этого делать не буду. Я лично считаю, что существуют, хотя они и моложе по происхождению в эволюционном смысле, чем физиологические, а что касается духа, то я считаю, что потребность в нем еще не закончила процесса формирования.

Кроме того, эти потребности, если существуют, то, конечно, не в такой дифференциации, как они перечислены в пояснении к определению. Т. е. материн-

ский инстинкт и потребности в некоторых других видах душевных привязанностей существуют как таковые, но вряд ли существует в чистом виде потребность в привязанности, скажем, к собаке. Точно также не существуют в дифференцированном виде конкретные духовные потребности. Скорее всего помимо упомянутого материнского инстинкта и некоторых других видов, существует еще недифференцированная душевная и духовная потребность, которая может проявлять себя в привязанности к друзьям, животным; конкретным предметам, местам и т. д., и в привязанности к одному или нескольким вышеперечисленным объектам духа.

Но как я уже сказал, доказывать этого я не буду, поскольку для моей модели неважно, существуют ли эти потребности в природе человека в том же смысле что, скажем, потребность в пище или являются результатом воспитания и обстоятельств жизни. Замечу только, что если даже они и существуют, то уж, во всяком случае, их дифференциация, т. е. обращение на тот или иной конкретный объект, включая идею, есть, безусловно, результат воспитания и внешних обстоятельств, что особенно очевидно для духовных привязанностей. Человек не рождается ни с верой в Бога, тем более в конкретного, иудейского, скажем, или христианского, ни с любовью к Родине, ни с кодексом джентльмена.

Что же да, важно для модели? Важно то, что качество жизни человека, при прочих равных, безусловно, выше, у того, кто имеет или осознает свои душевные и духовные потребности и удовлетворяет их, по сравнению с тем, кто осознает, но испытывает неудовлетворение этих потребностей, или по сравнению с тем, кто не имеет или не осознает их. Доказательством этого служит как сила положительных эмоций человека, имеющего душевные привязанности и живущего духовной жизнью, так и сила отрицательных эмоций, а

проще глубина страдания и горя человека, у которого по каким-то причинам разорвана упомянутая привязанность или разрушен идеал, бывший объектом духа его. Кстати, хоть я и сказал, что не намерен доказывать наличие душевных и духовных потребностей в природе человека, но не могу все же по ходу не отметить, что могучий потенциал соответствующих переживаний является, безусловно, аргументом в пользу наличия их. Коль скоро потребности душевные и духовные, независимо от того, той же они природы, что и физиологические, или нет, удовлетворяясь, повышают качество жизни, то и входят они в функцию качества жизни так же, как и прочие потребности в виде слагаемых с поправочными коэффициентами. Это и дает ключ к включению души и духа в рационалистические модели.

Я не буду и не могу, естественно, строить точно функцию качества жизни, а воспользуюсь для дальнейшего лишь существованием ее и знанием ее структуры, включающей, как было сказано, душевные и духовные потребности человека. Для того же, чтобы по возможности представить, как эти последние влияют на упомянутую функцию в сравнении с прочими, а также во взаимосвязи с ними, рассмотрим свойства души и духа, имеющие отношение к модели.

Прежде всего, замечу, что душевные и духовные потребности гибче, чем физиологические (особенно такие, как в пище). Гибче — это значит, что их удовлетворение может откладываться на более долгий срок, особенно, если они не разбужены изначально. В последнем случае их неудовлетворение может не замечаться и всю жизнь. Однако эта большая гибкость не означает меньшего потенциала. Скорее, верно обратное. Как уже сказано, подвижные душевными порывами и во имя служения духовным идеалам люди способны жертвовать своей жизнью. (Что касается чужих жизней,

то жертвование успешно происходит и по причинам душевно-духовным и под влиянием физиологических и прочих потребностей). Это в индивидуальном плане. Что касается потенциала влияния на общественные процессы, то здесь дух и живот, а заодно и либидо и жажда свободы успешно соревнуются, хотя, как по мне, дух оказал более сильное влияние на человеческую историю, чем живот и прочее. Конечно, не мало значительных и кровавых событий истории происходили под влиянием голода или угнетенной свободы – мятежи, войны, революции, массовые миграции и т. д. Но из них разве одни только голодные бунты и миграции могут быть отнесены целиком за счет недуховных потребностей. Уже освободительные войны – явление более духовного, чем иного плана, ибо главная цель их – свобода своего народа намного превалирует над вспомогательной целью – индивидуальной свободой, которая для многих была, возможно, изначальным импульсом борьбы, зато для многих других она не только не возростала, но даже убывала в процессе борьбы (военная дисциплина). В различных революциях духовный и недуховный элемент переплетены сильно и разнообразно. Конечно, почти во всех них работал потенциал голодного желудка и жажда свободы личной, но поверх этого непременно накладывался и господствовал дух, в виде заботы о свободе и желудке не только своих, но и всего народа, а также в виде таких идеалов, как равенство, справедливость, достоинство и проч.

Наконец, история знает и мощнейшие и продолжительнейшие чисто духовные движения, прежде всего религиозные, включая религиозные войны, но еще более того внутренние не военные, но глубокие и существенные изменения человеческого общества под влиянием религий, а также великих нерелигиозных

учений, как то идеология буржуазных революций, марксизм, экзистенциализм.

Говоря о потенциале душевно-духовных потребностей, нужно отметить еще одну их особенность. Потенциал большинства прочих потребностей по мере его удовлетворения убывает, или, если растет, то ограничено. Поэтому возможности повышения качества жизни человека и общества за счет удовлетворения большинства потребностей, кроме душевно-духовных, представляются также ограниченными. Т. е. на этапе острой неудовлетворенности этих потребностей их потенциал может быть огромен: в минус, к аду жизни мы можем сползть сколько угодно. Но когда мы находимся в области приличного среднего уровня, скажем, в современных промышленно-развитых странах, то возможности существенного дальнейшего повышения качества жизни за счет еще большего удовлетворения этих потребностей становятся все более ограниченными, хотя инерция жизни потребительского общества и мешает это понять (значительную роль здесь играет и искусственное разжигание потребительских страстей). Замена холодильника еще лучшим холодильником, а машины еще более шикарной машиной имеет отношение лишь к весьма иллюзорному счастью и удовлетворяет по преимуществу относительно слабую и лишь искусно раздуваемую потребность быть не хуже других или лучше других, причем лучше или не хуже – только в смысле материального уровня. В отличие от прочих потребностей удовлетворение душевно-духовных не только не приводит к снижению их потенциала, но даже наоборот. И хотя дух зачастую разгорается, наталкиваясь на препятствия, но неизвестно, нужно ли считать эти препятствия неудовлетворением духа или его пищей, т. е. удовлетворением. Интересен в этом отношении пример Сэнт Экзюпери в «Ночном полете», где

он описывает отношение арабов к Лоуренсу. Лоуренс был их заклятый и горячо ненавидимый враг и борьба с ним давала пищу духу и наполняла их жизнь содержанием и острым интересом. Когда же он уезжал, эта жизнь погружалась в сонную спячку. Главное же, что во многих случаях удовлетворение потребностей души и духа и без упомянутых препятствий и остроты способствует разгоранию, усилению и углублению их потенциала. Так происходит и в случае любви к детям и в случае любви к женщине (не всегда), и в случае любви к Родине и любви к искусству и т. д. Причем существенно, что разгорание это может происходить, очевидно, в неограниченных масштабах. Поэтому хоть душа и дух играли существенную роль и на всех предыдущих этапах истории, но, начиная с какого-то момента, душевно-духовная сфера должна будет стать основным и чуть ли не единственным поприщем поисков дальнейшего улучшения качества жизни человека и общества.

Тут следует заметить, что вообще-то не только духовные потребности могут расти вследствие их удовлетворения, разжигания, пробуждения, воспитания и т. п. Даже такую фундаментальную потребность, как в пище, можно развивать доводя до обжорства. Тем более это относится к потребностям не чисто физиологическим, но и не душевно духовным, а, например, таким, как потребность в развлечениях, приключениях, азарте, риске, успехе и т. д. Более того, следует заметить, что существуют потребности изначально решительно не присущие человеческой натуре, а являющиеся результатом исключительно воспитания, привития и разжигания, и посему вообще встречающиеся лишь у тех, у кого они привились. Это такие потребности как в курении, алкоголе, наркотиках и т. п. Однако потенциал всех этих потребностей (за исключением потребности

в свободе) не может быть развит до такой степени, как потенциал духовных потребностей. Человек, будучи голодным, может убить другого из-за пищи, но не пожертвовать собой. Можно рисковать собой во имя риска, как такового, в азарте борьбы за успех, в погоне за красивой женщиной, из-за наркотиков, даже из-за бутылки водки и сигареты. Но! Но не сознательно жертвовать собой, как во имя души и духа (и свободы).

Есть и другой путь сравнения возможного максимального потенциала духовных и недуховных потребностей. Многочисленные мемуары, художественная литература и личный опыт, подтверждают, что, если в юности, скажем, человек вел богатую духовную жизнь с борьбой за идеалы, но одновременно и с физическими лишениями, связанными с этой борьбой, а со временем «остепенился», т. е. дух угас, а материальное положение стабилизировалось, то всю свою жизнь он будет вспоминать тот духовный период не только, как лучшую часть жизни, но и вообще как единственную часть, которую только и можно по настоящему называть жизнью, в отличие от сыто спокойного существования.

Следует отметить, что любые потребности под влиянием внешних обстоятельств могут не только разжигаться, но и подавляться и увядать. Классический пример тому – увядание сексуальных потребностей в старости. Для нашей модели существенно, что не только удовлетворение одних потребностей может сокращать удовлетворение других, но и разрастание одних потребностей может подавлять другие. Крайние примеры – это, скажем, разрастание потребности, а проще говоря, чрезмерное употребление наркотиков или алкоголя, которое может приводить к разрушению организма и вместе с тем и к увяданию жизненно важных его функций и потребностей.

Разрастание духовных потребностей может также приводить к увяданию прочих потребностей. Это в сильной степени зависит от того, на что направлен дух, от его идеи. Опять же в качестве крайнего примера можно привести различные изуверские секты, изнуряющие плоть и даже толкающие своих членов на самоубийство (хлысты, адвентисты седьмого дня и проч.). Но даже если идея духа не направлена непосредственно против каких-либо потребностей человека, экзальтированное, неуравновешенное, нарушающее гармонию служение этому духу может приводить к увяданию многих, так сказать, нормальных потребностей, к увяданию самого интереса к жизни.

Правда, тут зависимости сложны и эффекты экзальтированного духа могут быть самыми разнообразными и неожиданными, в том числе и прямо противоположными тому, о котором идет речь. К тому же здесь мы вступаем в сферу большого индивидуального отличия людей.

Продолжая тему потенциала душевно-духовных потребностей, следует отметить еще, что упомянутое разрастание их по мере удовлетворения имеет и отрицательную сторону, а именно, если удовлетворение прекращается, это приводит к снижению качества жизни, причем чем больше был потенциал, тем резче снижение, что в принципе вызывает неустойчивость жизни человека и общества и может приводить к катаклизмам и трагедиям. Все зависит от того, на что направлена духовная потребность и каковы возможности ее удовлетворения в настоящий момент в обществе вообще и у индивидуума в частности. Это обстоятельство является причиной того, что во многие века для большинства населения такие потребности, как любовь мужчины и женщины, любовь к искусству и даже жажда справедливости и чести считались и действительно

являлись недопустимой роскошью и были уделом аристократии (всяких там Нифертити). Более того, и сегодня и в развитых и просвещенных странах есть немало людей, которые добровольно отказываются от этих потребностей, от развития их потенциала, опасаясь, что их неудовлетворение сделает жизнь хуже, чем она есть, не желая рисковать неустойчивостью, не желая бороться, и обрекая себя на серое существование.

Следует, однако, отметить, что в тех случаях, когда обстоятельства позволяют удовлетворение тех или иных душевно-духовных потребностей, их наличие и потенциал делают жизнь человека, а заодно и его самого, не только богаче, но и устойчивей. Не случайно поэтому не только в суровые давние времена, когда семейный союз был необходим для выживания, как самая удобная форма кооперации (муж гоняется с дубиной за дикими зверями, а жена пьет из их шкур одежды), но и сегодня в развитых странах семейные люди считаются в среднем более надежными и устойчивыми в жизни. Примеров необычайной устойчивости, которую придает людям подлинный и высокий дух, помогаая им проходить через невообразимые испытания, не стану приводить: их слишком много и они хорошо известны из истории и литературы.

Еще одно свойство духа, именно духа, а не души, отличающее его, от всех прочих потребностей человека, это его возможная нетерпимость к другому духу, духу направленному на другой объект или идею, зачастую весьма близкую идее или объекту данного духа. Примеров этому несть числа в истории. Это – и многовековая вражда христианства и иудаизма и протестантизма с католицизмом внутри христианства, и фарисеев и саддукеев внутри иудаизма, и марксизма с буржуазной идеологией, и большевиков и меньшевиков внутри марксизма и т. д., и т. д., и т. д. Эти свой-

ственные духу (хотя и необязательные) фанатизм и нетерпимость, как уже сказано, не имеют места у прочих потребностей человека, как, (например, физиологических, что порождает иллюзию преимущества последних и опасности духа для человечества, иллюзии, широко использованной в модернистской и постмодернистской культуре в борьбе с духовностью. Я хочу подчеркнуть, что это все-таки иллюзия, ибо как ни много бедствий знало человечество от фанатичной духовности, еще больше бедствий происходило от такой недуховной потребности, как жажда власти и подобные, которые всегда расцветают там, где слабеет дух.

Теперь перейдем к рассмотрению связей духа и души с другими потребностями человеческой природы и прочими параметрами модели, естественно под углом зрения, как эти связи могут отражаться на качестве жизни и на общественных процессах.

Прежде всего, нужно отметить, что наличие душевно-духовных потребностей и их удовлетворение, как правило, сочетается, способствует и усиливает, причем в немалой степени, и удовлетворение некоторых других потребностей человеческой природы, таких как потребность в общении, потребность в глубоких, сильных положительных эмоциях (вспомним, например, рублевскую «Троицу») потребность в ощущении принадлежности и некой человеческой общности. Все это дополнительный вклад в улучшение качества жизни, помимо того, что дает непосредственно само удовлетворение потребностей души и духа.

Противоположно этому работает связь душевных и духовных привязанностей со свободами. И те и другие привязанности ограничивают определенные свободы. Правда, ограничения привязанностью отличается от ограничений законом или моралью и принятой тем, что последние являются ограничениями внешними,

навязанными, даже если и осознается их необходимость. Ограничения привязанностью являются самоограничениями, ограничениями добровольными и все-таки ограничениями. Подтверждение тому встречающийся тип крайних ценителей свободы, сознательно избегающих любви, семьи и прочих привязанностей душевных и духовных во имя максимальной свободы. Насколько правильно они понимают свою собственную натуру – это уже другой вопрос. Многие из них жестоко раскаиваются в избранном пути на определенном этапе жизни. Другим подтверждением, что рассматриваемые привязанности ограничивают свободу, служит ощущение облегчения и освобождения, испытываемое человеком, избавившимся от неудачной любви.

Удовлетворение душевных и духовных потребностей ограничивает также, как правило, удовлетворение физиологических и некоторых других эгоистических потребностей (в развлечениях и отдыхе, скажем), хотя с другой стороны может и увеличивать. Но, вообще говоря, мы жертвуем чем-то ради своих близких, тем более во имя идеи, которой служим.

Жертвуем временем, которое могло бы быть потрачено на зарабатывание денег и вообще на личный успех, жертвуем и «материей».

Все прочие связи душевно-духовных потребностей, а также и уточнение вышерассмотренных, зависит от того, что является объектом соответствующих привязанностей. В этом смысле есть существенная разница между привязанностями душевными и духовными, особенно если учесть, что мы рассматриваем эти связи с точки зрения, в какой степени душа и дух отражаются на качестве жизни индивидуума и общества. Как уже было показано, при прочих равных они повышают качество жизни и очевидно могут повышать его в силь-

нейшей степени. Однако существенно, что прочих равных в жизни нет. И нет их именно потому, что есть связи. Так вот разница в этом смысле между душой и духом в том, что удовлетворение душевных потребностей может ограничивать свободу, материальное потребление и прочее, как правило, только того индивидуума, который соответствующие привязанности имеет, ну и, максимум, тех людей, на которых они направлены, хотя в последнем случае, как правило, больше дается, чем берется. Т. е. в основном душевные привязанности существенны лишь в личном плане, повышая, как правило, качество жизни индивидуума, их имеющего. Что же касается качества жизни всего общества, то влияние на него индивидуальных душевных привязанностей в высшей степени ограничено, если только соответствующий тип душевной привязанности не становится объектом духовной идеи, как это было, скажем, с романтической любовью в рыцарские времена, как это было и есть с почитанием родителей и вообще с семейными узами у некоторых народов и т. п.

Что касается духа, то он способен увлекать огромные массы в едином направлении и поему оказывать сильнейшее влияние на уровень качества жизни целых народов и цивилизаций, причем как в ту, так и в другую сторону.

Между духом и объектом, на который он направлен, есть прямая и обратная связи. Прямая – это если дух направлен на свободу, то он способствует вообще говоря увеличению свободы в обществе, если на справедливость, то справедливости, если на патриотизм, то процветанию Родины.

Обратная связь состоит в том, что сила духа тем большая и дух тем выше, чем он более надличен, чем более всеобщую потребность он отражает и чем острее эта потребность в настоящий момент. Так, например,

идея перераспределения имущества в сторону выравнивания, если она служит основанием для конкретного грабежа, то это вообще не дух, не надличное, это злоумышление, преступный замысел и т. д. Если же она обобщается до перераспределения имущества в масштабах всего человечества, то она становится объектом духа и, как нас учит недавняя история, еще какого духа. Как писал в нашумевшей в 20-е годы в России книге «Шоколад» Родионов-Никитин: «самые высокие взлеты духа рождаются из самых низменных потребностей масс».

С другой стороны сила духа зависит от насущности той потребности, на которую он направлен, и если речь идет о потребностях материальных, то он слабеет по мере их удовлетворения. Это одна из причин, по которой дух марксизма ослабел в целом в Союзе, где материальный уровень достиг некоторого относительно сносного уровня, и силен в странах третьего мира, где, грубо говоря, многим есть нечего. Конечно, для ослабления духа марксизма в Союзе есть и другие причины и, прежде всего то, что марксизм не выполнил обещанного равенства ни материального, ни в правах, что в среднем материальный уровень в бывшем Союзе был ниже, чем в западных странах, и что он ущемил другие насущные потребности, а именно в свободе, но подробнее об этом ниже.

Потенциал духа зависит также от убедительности истинности его идеи. Всегда есть сомнение, поддерживаемое опытом, что, послушавшись велению духа, мы можем прийти к негативным результатам. Поэтому для распространения духа, укрепления его авторитета, усиления веры, в общем, для увеличения потенциала очень существенна привязанность духа к некоей общей и авторитетной концепции, объясняющей по возможности все в мире, т. е. к религии, философии, в крайнем слу-

чае, истории и традиции, которые хотя бы уж тем убедительны, что вот так жили наши предки и, в общем, как-то жили и что-то хорошее от жизни имели, так давайте, чтоб не было хоть хуже.

Теперь рассмотрим связь духа с таким объектом или параметром жизни общества как организация. Дух, как уже сказано, всегда направлен на некоторый объект, идею, идеал, как правило, общий для большого количества людей, зачастую соизмеримого со всем обществом. Именно эта едино направленность сильной привязанности многих людей делает дух мощным фактором общественных процессов (как писал Маркс: «Идея овладевшая массами, становится силой»). Как правило, эти идея, идеал и т. п. имеют внешние препятствия для их реализации. Эмоциональная привязанность требует действия для преодоления этих препятствий и такое действие является, кстати, пищей духа, удовлетворением его. Например, идея национального освобождения и возникает как следствие внешнего ограничения на свободу народа, т. е. порабощения его другим народом, и привязанность к этому идеалу требует свержения ига. Идея социальной справедливости требует свержения социальной революции или социальных реформ или филантропической деятельности.

Иногда эти препятствия являются следствием упомянутого выше фанатизма духа, его нетерпимости к духу другому. Так было в случае всех религиозных войн, когда носителям одного духа стремились силой навязать другой дух, так сказать, осчастливить их вопреки их желанию, поскольку носители второго духа видели врага в первом и считали, что он представляет опасность для их духа, независимо от того, были ли объективные основания для такой предпосылки или нет.

Коль скоро из-за препятствий для группового, массового духа, появляется общая цель и деятельность по ее достижению, возникает необходимость в организации. Т. е. необходимость ли, это еще вопрос, но совершенно очевидно, что организация, координирующая действия многих в одном направлении, необычайно повышает эффективность этих действий... при прочих равных. Вот на эти то «прочие равные», которых вообще никогда не бывает, тем более в данном случае, никто, как правило, не обращает внимания. Почему нет прочих равных в данном случае? Потому, что есть очень существенная обратная связь между организацией и духом. Связь эта в двух словах сводится к тому, что организация убивает дух, умерщвляет его, выхолащивает, заменяя живую привязанность к идеалу, навязанной обязанностью. Процесс этот не происходит мгновенно с возникновением организации. Поначалу люди сознают необходимость организации и это не уменьшает их энтузиазма к идее. Это самый эффективный этап реализации идеи, когда дух, энтузиазм, преданность и подъем, сочетаются с организацией их направляющей.

Однако, организация означает разделение обязанностей, управление и значит власть. Власть удовлетворяет одну из специфических потребностей человеческой натуры – инстинкт власти, который подобно духу и в отличие от физиологических инстинктов разгорается по мере его удовлетворения. Инстинкт этот можно назвать анти духом. Если дух требует служения общему интересу, вплоть до пожертвования сугубо личным, то инстинкт власти требует подчинения интересов всех интересу одного. Однако, связи общественного процесса таковы, что в определенные периоды интерес одного, стоящего у власти и интерес многих, ему подчиненных, могут совпадать, по крайней мере формально.

И это, как правило, бывает при зарождении организаций, обслуживающих дух. При этом те, кто стоят вначале во главе таких организаций, они же их создатели и они же наибольшие выразители духа и служители его. Поэтому вначале, как правило, налицо полная гармония. Однако организации существуют долгое время, часто – многие поколения.

Вдохновенные создатели организаций сменяются их менее одухотворенными последователями, которые к тому же, чтобы занять освободившееся место, помимо служения идее должны были еще бороться за это место с конкурентами, т. е. бороться за власть. Постепенно происходит вырождение верхушки организации. В силу формального совпадения интересов того, кто рвется к власти или владеет ею с интересами всей организации, на первом этапе окостенения низы не замечают подмены и сохраняют энтузиазм. Однако, по мере усиления борьбы за власть внутри организации, интересы борющихся за власть и властвующих все более расходятся с интересами масс носителей духа. Тогда наступает следующий этап, на котором массы осознают, что они обслуживают не столько идею, сколько верхушку организации и тогда энтузиазм начинает слабеть, хотя еще не исчезает вполне. На этом этапе стоящие у власти, сила которых базируется на эксплуатации идеи и духа, и потому заинтересованные в сохранении энтузиазма, предпринимают меры, естественно, организационные меры (поскольку на чисто духовное воздействие они уже не способны) к сохранению и внедрению духа. Меры эти сводятся к созданию всевозможных институтов по изучению, консервированию, детализации и распространению идеи, ставшей уже официальной. Это и написание бесчисленных толкований основной идеи, и толкований толкований и т. д., и создание учреждений, в которых эти толкования

изучаются, а заодно и фабрикуются и оцениваются, и введение всякого рода ученых степеней и должностей, связанное с изучением, толкованием и распространением, и введение соответствующего предмета в обязательное образование или, в худших случаях, сведение обязательного образования к изучению предмета и, наконец, введение бесконечно детализируемых норм поведения для рядовых членов организации (или общества в целом, если идея победила), выполнение которых должно символизировать духовную привязанность рядового члена к идее. Введение этих норм и контроль за выполнением их является логическим завершением взаимоотношений организации и духа, его обслуживаемого, вытекающей из их природы. Организация, призванная разделить обязанности ее членов, осуществить управление и, следовательно, контроль за выполнением, тяготеет проконтролировать и сам дух в его носителях. Но, дух невозможно проконтролировать как таковой, посему вводятся формальные признаки его наличия и степени: сколько благих дел человек сделал за год и т. п.

Введение всех этих мер имеет двоякое действие. Какую-то часть населения оно возвращает в лоно организации, вытащив из кабака, зато подлинных и изначальных носителей духа оно, как правило, отталкивает. Кроме того, происходит перерождение духа, его переориентация с изначальной великой идеи на выполнение формальных правил, на служение системе, на усердное выполнение роли винтика в машине, и т. д. И тогда подлинный дух в общем то уходит из системы, а остается его оболочка – организация с ее институтами и его вышеупомянутые эрзацы.

На этом этапе эффективность организации значительно снижается, однако она еще долго может существовать, используя созданные механизмы управления

и, как правило, подавления, (причем последние со временем приобретают все больший вес) и эрзацы духа.

Тут следует заметить, что продление жизни этих омертвевших конструкций ушедшего духа способствует то обстоятельство, что альтернативой им является, как правило, не новый, вызревший, могучий дух, а полная бездуховность и отрицание духа, которые приводят при прочих равных к еще более низкому уровню качества жизни, чем эрзацы и скорлупы практически мертвого, но великого в прошлом духа.

Еще следует заметить, что если эти скорлупы имеют яркие формы церемоний и обрядов, то за периоды времени, соизмеримые с жизнью нескольких поколений, они обретают, если так можно выразиться, вторичную духовность, духовность традиции, привязанность к которой основана не на смысле традиции, а на том, что так делали предки и так делает весь народ. Это, безусловно, — тоже надличное и следовательно дух.

Дальнейшее развитие сюжета возможно уже во многих вариантах в зависимости от внешних обстоятельств и субъективного человеческого фактора. Возможны реформации со сбрасыванием омертвевших скорлуп культа и с наполнением свежей кровью изначальных идей. Возможно появление новых великих идей и разгорание нового духа и повторение всей истории сначала. Возможна просто гибель общества и создание на его развалинах новых формаций.

Кстати, вышерассмотренный процесс взаимосвязанной эволюции духа и организации сочетается, также с эволюцией морали. А именно процесс зарождения идеи и разгорания духа сопровождается и выкристаллизовыванием новой морали и взлетом ее авторитета. Процесс увядания духа идет одновременно с энтропийным процессом деморализации.

Еще ряд замечаний по поводу духа и организации. Дух не обязательно требует возникновения организации и не обязательно вызывает ее. Например, джентльменский кодекс, освящение морали или только семьи и т. п. не требуют организации. С другой стороны, организация отнюдь не является прямым порождением духа. Она является прямым порождением необходимости ведения общих дел, которая существовала и существует независимо от духа и которая, кстати, гораздо более чем дух ограничивает свободы. С другой стороны, необходимость ведения общих дел способствует разгоранию духовности, осознанию и удовлетворению ее, поскольку когда человек участвует в общем деле, то хочет он или нет, он работает не только на себя, но и на других и это объективно является удовлетворением духа, которое, как уже сказано выше, разжигает саму потребность в нем. Таким образом, дух не всегда вызывает, а также не всегда предшествует возникновению организации. Возможно и одновременное их развитие и предварительное организации, причем в последнем случае организация сама может, так сказать, оформить дух, дать ему идею, направленность.

Так было, например, в случае с духом монархическим, т. е. с эмоциональной привязанностью к монарху, суверену и т. п. и преданным служением ему. В основе этого духа, как и всякого другого, лежит, конечно, сама потребность в служении надличному, но направленность этому духу, идею дала конкретная организация, именуемая монархическим государством, которая исторически возникла отнюдь не для обслуживания ни этого конкретного духа, еще не существовавшего в период ее возникновения, ни духовной потребности, как таковой. Она возникла как наилучшая и наиболее эффективная форма кооперации людей в определенный исторический период.

Кстати, организации, возникшие не вследствие великой духовной идеи, а по причинам кооперации как таковой, также эволюционируют и эволюция эта подобна вышеописанной, хотя есть и особенности. Основная особенность в том, что такая организация не начинается с наивысшего подъема духа, а дух этот разгорается в начальный период существования сравнительно медленно, причем в значительной степени сам собой, т. е. просто в результате совместной деятельности всех звеньев организации, направленной на общую цель. Как правило, к тому же те, кто стоят во главе в этот период сравнительно честно работают на общий стол (иначе организация терпит провал). Разгорание духа в этот период осуществляется также и в результате прямого (организационного) воздействия стоящих у власти, цель которого – усиление и организации и власти. Начиная с некоторого периода – максимальной точки, начинается вышеописанный процесс омертвления и окостенения духа, сопровождаемый и процессом одряхления организации. Еще точнее этот процесс сползания идет с самого начала, но сначала превалирует процесс разгорания.

Другое замечание. Вышеупомянутый фанатизм духа часто является следствием умерщвления и искривления духа организацией и появляется на соответствующем этапе. Происходит это потому, что стоящие у власти и эксплуатирующие идею, видя угасание энтузиазма и стремясь разжечь его вновь, ставят духу ложные препятствия и придумывают ложные опасности со стороны другого духа (как мы знаем, препятствия разжигают дух).

Примеров вышесказанному опять же несть числа, но особенно яркие – это захватнические войны, осуществляемые властителями народов с целью разжечь угасающий патриотизм в условиях, когда авторитет

власти внутри страны подорван. Такова, например, русско-японская война 1905 г. и многие прочие.

Еще одно свойство духа, характеризующее его связь с организацией, это его способность расщепляться, ветвиться на близкие направления, каждое со своей организацией и с враждой между ними. Примеры тому были даны уже выше, когда я говорил о фанатизме духа вообще. А именно: христианство – ответвление иудаизма, католицизм и протестантизм – результат расщепления христианства (а заодно и православие и еще ряд более мелких направлений), большевики и меньшевики – расщепление марксизма и т. д. и т. п. В основе этих расщеплений лежат вариации самого духа, его объекта, идеи (иудаизм и христианство) либо вариации путей достижения соответствующей цели (большевики, меньшевики). И в том и в другом случае расщепления происходят, как правило, на этапе, когда уже есть организация (и сопровождаются и организационным же расколом), и когда налицо та или иная степень загнивания духа. Примеры приведу в дальнейшем.

Теперь я попытаюсь, отпаваясь от предложенной выше модели, рассмотреть в самом общем виде историю человеческого духа и связанную с ней историю общества, анализируя, как та или иная направленность духа изменяла посредством выше рассмотренных связей качество жизни и влияла на общественные процессы и судьбу человечества.

У первобытных племен привязанность к членам племени была душевной, к конкретным зримым людям, к тому же родственникам. Она поддерживалась также необходимостью взаимодействия и взаимозащиты: сегодня я помог тебе или спас, завтра ты меня, – но не сводилась, конечно, только к кооперации. Сила душевных привязанностей, как мы знаем, даже у животных может превосходить инстинкт жизни, тем более такое

должно было встречаться у первобытных племен (Горьковский Данко – подтверждение хоть не научное, но яркое). По мере разрастания племен эта привязанность все более одухотворялась. Она уже была не к конкретным и знакомым людям, а к абстрактному понятию «людей племени», т. е. к своему народу. Это уже дух.

Другой путь развития духовности – через религию. Изначально страх заставлял людей поклоняться силам природы с целью задобрить их, избежать наказания и вымолить себе лучшую судьбу. Это было корыстное поклонение, даже в случаях, когда во имя коллективной корысти приносился в жертву богам человек. Однако из благодарности богам за якобы оказанные ими благодеяния, рождалась приязнь, которая в силу абстрактности объекта являлась уже зачатком духовности.

Рассмотрим, что давала людям эта ранняя духовность (на племенном этапе) и как она отражалась на общественных процессах. Нет сомнения, что она повышала качество жизни соответствующих племен не только за счет удовлетворения самих душевно-духовных запросов, и улучшения общения, но и за счет улучшения столь жизненно важной тогда кооперации членов племени, надежности ее. А она важна была для самого выживания, не говоря уже о физиологических потребностях. Что касается ранней религиозной духовности, то вера в языческих богов, помимо того, что делала жизнь людей красочнее и способствовала развитию искусства, которое в свою очередь обогащало дух, делала также людей психически более устойчивыми, т. к. помогала переносить несчастья, благодаря вере в помощь богов.

Ущемление индивидуальной свободы, которое непременно вызывается душевностью и духовностью, со стороны ранней не религиозной духовности было

пренебрежимым. Дело в том, что соответствующие свободы и так были сильно ущемлены в те времена суровыми внешними обстоятельствами, борьбой за жизнь со стихиями, с дикими зверями, с другими племенами. Во имя выживания человек должен был принимать племенной образ жизни вместе со всеми его ограничениями и то, что он испытывал к членам своего племени душевную или духовную приязнь, не только не ограничивало его свобод дополнительно, оно лишь психологически облегчало ему примирение с теми несвободами, которые так или иначе он должен был терпеть. Другое дело ограничения на свободу, вызываемые ранней религиозной духовностью. Они всегда были дополнительны по сравнению с ограничениями, вызванными племенным образом жизни и внешними обстоятельствами. Степень их зависела от характера культа. Жертвоприношения потому и называются жертвоприношениями, что при этом люди чем-то жертвовали богам. Если это была пища, то это была жертва материей, если живой человек, то для последнего это была жертва и свободой и животом. Кроме жертвоприношений бывали и всякие другие культовые ограничения, знаменитые табу. И все же надо полагать, что в те суровые времена даже такие дополнения к ограничениям на свободу были несущественными в сравнении с объективно существующими природными (смерть отдельного человека была тогда еще не «биг дил» и табу были мелочь в сравнении с ограничениями внешней опасностью). Так что можно предположить, что в балансе качества жизни и ранняя религиозная духовность приносила положительный результат.

Что касается влияния на общественные процессы, то племена с большей душевностью и духовностью были при прочих равных (как всегда «при прочих рав-

ных») более жизнестойкими, побеждали и выживали. Выживание же было в те времена содержанием общественного процесса.

Следующий этап развития духовности был связан с влиянием организации. В межплеменной борьбе и борьбе с природой решающим фактором в те времена оказался отнюдь не душевно-духовный, который, конечно, тоже играл роль при прочих равных, а фактор организации. Наиболее эффективной организацией для зарождающихся народов в тех условиях и на долгие века оказалась монархия и вообще тоталитарный строй. Они же и оформили развитие соответствующей духовности. Монархии и прочих названий деспотии жестоко ограничивали существеннейшие свободы человека и для огромного количества людей означали и снижение материального уровня по сравнению с племенным образом жизни. О таких вещах, как достоинство, честь, справедливость, равенство и говорить не приходится. В чем монархии да улучшили качество жизни по сравнению с племенным строем – это, выражаясь современным суконным языком, в деле страхования жизни. Т. е. безопасность жизни несравненно возросла, конечно. Первобытные племена больно уж успешно истребляли друг друга (что известно и из истории американских индейцев и африканских племен), да и в борьбе с природой были не слишком сильны. Деспотии покончили с племенной враждой, не говоря о диких зверях. Улучшили ли деспотии качество жизни в целом по сравнению с первобытно общинным строем, вопрос не столько сложный, сколько несущественный на сегодня, посему я его рассматривать не буду. Что касается монархической духовности, то она, конечно, улучшала качество жизни... при прочих равных. Если уж надо было терпеть монархию, так лучше было верить в то, что она наилучший строй и любить

монарха. О том, чего стоит соответствующее монархическое духовное наполнение, можно судить по тому, что даже в период свержения монархий, были их истинные сторонники, причем не только из числа правящих классов, которые сражались за них не на живот, а на смерть. Что касается влияния этого духа на общественный процесс, то он укреплял монархию.

К концу эпохи развития духа, которую можно назвать монархической или деспотической, возникает такое интересное и важное для человеческой цивилизации явление духа и организации, как античная демократия и связанная с ней культура. Оговорюсь, что под концом эпохи монархического духа я не имею в виду конец монархий и деспотий в мире (они еще и сегодня не кончились). Я имею в виду конец исключительного доминантного господства этого духа и появление сравнимых ему по мощи духа и идей, которые к тому же со времен своего появления определили в значительной степени развитие человеческой цивилизации явилась античная демократия.

Появилась ли античная демократия вследствие естественного развития одной из форм организации общества, конкурировавшей с другими и выстоявшей, а уж затем породившей соответствующий дух, или возникновению организации предшествовали идея и разгорание духа, я не могу сказать по недостаточности известного мне исторического материала. И то и другое в принципе возможно. Демократическая форма управления, хоть и не государствами и народами, так племенами, исторически предшествовала тоталитаризму и деспотии, и первобытнообщинными племенами правили выборные вожди и старейшины. Исторический процесс не протекал одновременно в равном темпе по всему земному шару и в то время, как в Египте уже тысячелетия существовала империя, голубоглазые пеласги

бежали по своему Пелопонесскому полуострову еще в первобытно общинном состоянии, т. е. с первобытно демократическим управлением. Когда они стали объединяться или разрастаться в народы и строить свои государства, то, естественно, что демократическая форма организации должна была бы быть опробована ими в первую очередь. Однако если учесть, что среди древнегреческих государств были не только демократии,; но и царства, а вокруг так вообще были сплошные царства (или сплошная дичь), то ранним демократиям несомненно приходилось выдерживать борьбу с деспотиями. Деспотия зиждется на том, что она заставляет силой всех работать на общую цель (и дух там играет второстепенную роль). Демократия может быть сильна лишь добровольным желанием граждан служить общему интересу. Добровольным, осознаваемым и эмоционально переживаемым. Но это уже, безусловно, – дух. Так что не выясняя вопроса, что была раньше: курица или яйцо, можно сказать, что с самого начала греческая демократия несла, и тем сильная была, высокий дух, направленный на свободу, равенство, достоинство и ответственность каждого за общую судьбу, те вещи, которые и до сих пор глубоко волнуют многих людей. Насколько высоки были эти идеалы можно судить по тому, что в античной, в частности афинской демократии была манера изгонять из страны людей, избегавших участия в общенациональных спорах и раздорах, и лишать их гражданства.

Помимо идеалов демократии, древние греки и римляне высоко ценили гармоническое развитие личности, что было также одним из элементов их духовности. Еще одним элементом ее была религия, точнее религии, которые были языческими, как у примитивных народов, однако у греков и римлян они были гораздо богаче по фантазии и красочнее по обрядам. Это

богатство фантазии культов, вместе со стремлением к красоте и гармонии дали толчок великому античному искусству, непревзойденному в смысле гармонии и поныне. Оно в свою очередь являлось объектом преклонения т. е. духа. Если мы добавим к этому еще античную философию, то увидим, что античное общество было необычайно богато духовно. Причем разнообразно богато, т. е. и пробуждало дух в разных направлениях и давало удовлетворение этим разным стремлениям духа, хотя основная направленность как уже сказано, была сама демократия, как форма общественного устройства, вместе с ее идеалами свободы, равенства и достоинства. Это духовное богатство отражалось на жизни каждого гражданина, улучшая ее качество, как за счет непосредственного развития и удовлетворения духовных потребностей, так и благодаря основной направленности античной духовности, которая обеспечивала демократическую форму правления, а та в свою очередь высокое удовлетворение потребностей в свободе, достоинстве и даже материальных потребностей в сравнении с жизнью среднего гражданина соседних деспотий. У нас нет инструментов для измерения качества жизни, но и без них вряд ли кто станет оспаривать, что жизнь среднего афинянина была несравненно лучше жизни среднего египтянина, тех же времен.

Что касается влияния на общественные процессы, то именно высокий дух обеспечил античным демократиям долгую жизнь в море деспотий. Без него они погибли бы при зарождении. Они и так погибли после того, как дух этот завял в выше описанном процессе взаимодействия духа и организации. Но благодаря необычайно высокому изначальному взлету его и ряду реформации и возрождений (например, переносу центра развития в другое место и к другому народу – Рим),

античная демократия просуществовала столь долго и дала такие прекрасные плоды, как для тех, кто жил при ней, так и для всего человечества в поколениях.

Существеннейшим, грандиозным скачком в развитии религиозной духовности, а заодно и духовности вообще, явилось возникновение монотеистической религии – иудаизма и ее дальнейшее развитие, в особенности переход к христианству. Я уже сказал выше, что даю здесь картину эволюции человеческого духа в самом крупном масштабе, что с неизбежностью ведет к опусканию многих деталей, которые при другом масштабе рассмотрения были бы вовсе не деталями, а весьма важными моментами, этапами развития и т. п. Я должен лишний раз подчеркнуть это, приступая к рассмотрению Иудаизма и Христианства, из-за того, что обе эти религии разбиты сегодня на множество конфессий с разным толкованием сути своей религии и ее эволюции и очень ревнивы к любым толкованиям, отличающимся от принятых в их конфессии. Предваряя возможную критику со стороны таких оппонентов, позволю себе заявить, что я готов развернуть даваемую мной здесь сжатую картину и обосновать ее.

Монотеистическая религия, в частности иудаизм, передала полномочия всех богов единому и всемогущему и тем необычайно повысила его авторитет. Она дала также единую и стройную картину устройства мира, включая его возникновение и место человека в нем, что способствовало убедительности соответствующей концепции в глазах верующих, а значит устойчивости, крепости духа. Затем она потребовала любви к Богу бескорыстной, не ждущей вознаграждения (Иов, а затем все христианство в целом). И, наконец, авторитетом Бога она потребовала «возлюбить ближнего своего», т. е. сомкнулась с той духовностью, которая складывалась на основе превращения племен в народы

и осознания сопричастности всех к общечеловеческой судьбе, освятила ее и подняла на несравненную высоту в системе человеческих ценностей.

Монотеизм в лице иудаизма впервые отнесся к духу, как к потребности человеческой природы: шесть дней недели он отвел на заботу человека о хлебе насущном и теле своем и один день – субботу, на заботу о душе и духе.

Вообще изначально иудаизм представлял собой высоко гармоничную религию, прекрасно соответствующую природе человека и общества. Кстати, он же сформулировал и весьма близкую к оптимальной мораль и осветил ее авторитетом Бога. На этом этапе влияние иудаизма на качество жизни было исключительно положительным. Прежде всего – благодаря необычайному развитию и углублению духовной потребности, которую осуществила монотеистическая религия и которую она же удовлетворяет для искренне и глубоко верующих людей в степени, которая, очевидно, до сих пор не превзойдена. О глубине и мощи этих духовных привязанностей свидетельствуют те невообразимые преследования и мучения, которые добровольно принимались и выносились ревнителями как иудаизма, так и христианства и ислама, во имя их веры, а также величайшее искусство, вдохновленное этим духом, и прежде всего духом христианства: симфоническая музыка с Бахом и Вивальди, готика, архитектура православных церквей, живопись со всеми мадоннами Рафаэля, Спасами Рублева и Дионисия и т. д. и т. д.

Исключительную роль сыграло и введение и освящение морали, близкой к оптимальной, которая оптимизировала для тех условий часть функции качества жизни, определяемую физиологией и свободой, улучшила качество общения и проч.

Однако эта идиллическая гармония длилась в иудаизме, судя по всему, недолго и вскоре этот высокий и гармоничный дух стал отмирать, обрастая скорлупами толкований, ограничений, предписаний, ритуалов, традиций, инстанций и мицвот и одновременно фанатизироваться. Причиной был вышеописанный процесс взаимодействия организации и духа. Фанатизации иудаизма и происхождению некоторых специфических форм его омертвления способствовали и внешние обстоятельства: прежде всего его борьба с духом языческой античной культуры, которая началась практически с момента появления иудаизма, и более поздняя борьба с христианством. Причем в обоих случаях иудаизм был в обороне и в обоих случаях борьба духа сопровождалась физической борьбой соответствующих народов за территорию и выживание. Последнее обстоятельство значительно ускорило процесс омертвления и фанатизации иудаизма: представителям культа гораздо легче было настроить свой народ против другого духа, в ситуации, когда носители его были воюющая с евреями сторона (или преследующая их). Поэтому гармония иудаизма нарушилась почти с самого начала введением запретов, сильно ограничивших ряд важных свобод, на которые внешние обстоятельства тогдашней действительности этих ограничений не накладывали: свободы любви, свободы заниматься живописью, спортом и т. д. Эти ограничения, в какой-то степени, были следствием желания отгородиться от противостоящего, воспринимаемого как враждебный, античного духа, который эти свободы высоко ценил и культивировал.

Дальше быстро потек процесс омертвления организацией и к моменту появления христианства дух иудаизма переживал сильнейший упадок. Упадок этот прекрасно описан в христианских Евангелиях, которые являются, конечно, односторонним источником. Однако

и история, в том числе и история, поданная в самом Танахе, подтверждают это: причиной падения Второго Храма, случившегося вскоре после зарождения христианства, была «синат ахим», т. е. взаимная ненависть в стане евреев, а в основе ее лежали религиозные распри, само наличие которых свидетельствует о значительной степени подчинения духа организации, и фанатизации его, как следствия этого подчинения.

Сравнивая дух иудаизма с античным по влиянию на качество жизни, следует отметить, что с одной стороны он развил духовные потребности верующих евреев и удовлетворил их в еще большей степени, чем античный сделал то же самое у греков и римлян. Далее, иудаизм освятил мораль в целом и такой ее компонент как справедливость, в частности, причем в жажде справедливости дух иудаизма не знает себе равных ни среди предшествующих, ни среди последующих. (Еврейские пророки и среди них Иеремия, восставший против самого Бога в защиту справедливости). Но с другой стороны, иудаизм не имел той, очень существенной для функции качества жизни, направленности на демократию, свободу и равенство, которую нес античный дух и которая, как уже было сказано, очень способствовала поднятию этого качества не только за счет удовлетворения духовных, но практически и всех прочих потребностей. Это помимо того, что, быстро фанатизировавшись, дух иудаизма и, особенно, порожденная им религиозная организация ущемили ряд существенных свобод верующего еврея в сравнении, скажем, с афинским гражданином.

Что касается влияния на общественные процессы, то тут следует отметить, помимо упомянутой индифферентности иудаизма в отношении формы правления, две его дополнительные направленности: одна на еврейский народ как таковой, другая на его националь-

ную свободу. Первая направленность приводила к тому, что иудаизм при высокой, в общем, степени фанатизма на большей части его истории, не имел никогда ни малейших экспансионистских тенденций, духовных прежде всего, но как следствие и физических, в отличие, скажем, от христианства и ислама. Т. е. фанатично борясь с античной и христианской духовностью за влияние над душами евреев, иудаизм был не только терпим, но попросту безразличен, к тому каким богам поклоняются не евреи. Вторая направленность, на национальную свободу, сыграла существенную роль в истории народа, приведя сначала к окончательному рассеянию евреев по всему свету после заранее обреченного на поражение восстания за независимость под руководством Бар-Кохбы против могущественнейшего в то время Рима, а затем к возрождению еврейского государства через 2000 лет после этого рассеяния. И обе вместе они в сильнейшей степени определили изолированность и не сливаемость еврейского народа с другими в период двух тысячелетнего рассеяния.

Христианство, появившееся в период увядания духа иудаизма внутри удушающих его скорлуп и явившееся по сути реакцией на это увядание, было реформацией иудаизма, сохраняющей в основном его изначальную направленность, но усиливающей акцент на духовность, как таковую. Поэтому христианство обеспечило еще более высокий взлет, и как по мне, самый высокий в истории взлет человеческого духа, но духовность эта с самого начала была лишена гармонии, была духовностью экзальтированной, не контролируемой рассудком (религия откровения) и не заботящейся о соответствии со всеми прочими потребностями человека.

В своем отношении к свободе, к равенству, достоинству и демократии, как форме правления их обеспечивающей, христианство еще более пренебрежительно,

чем иудаизм: человек — это «раб божий», «блаженны нищие духом», «всякая власть от Бога» и т. д. И в отношении справедливости христианство куда как менее ревностно, чем иудаизм, предпочитая ей милосердие и всепрощение.

Вообще христианство, хоть и появилось как реакция на упадок духа иудаизма, но распространилось не среди евреев, а в Римской империи и ее владениях в период упадка последней, причем распространилось изначально среди рабов после подавления ряда отчаянных попыток освободиться путем восстаний. Для рабов, которые и без христианства были лишены и свободы, и достоинства, и справедливости, и равенства, и надежды на них в этом мире, христианская духовность давала безоговорочное улучшение качества жизни. Однако это было отнюдь не так безоговорочно в отношении евреев, жаждавших и справедливости и национальной свободы и не утративших веру в возможность их достижения. Поэтому, несмотря на упадок духовности в тот период, еврейский народ в массе своей не принял христианства, а пошел за прежними духовными вождями, хоть они и отравляли его жизнь чрезмерной регламентацией и фанатичными распрями между различными ветвями духа иудаизма (типа фарисеев и садукеев) и их организациями.

Христианство же вслед за распространением среди рабов Рима, распространилось среди его свободных граждан (на этапе упадка империи, когда и последним стало тошно жить), а затем среди народов Европы, подчиненных тогда Риму. Со временем христианство породило свою организацию, которая по мере его распространения, становилась все большей силой и по мере усиления все более омертвляла и фанатизировала дух. Это в сочетании с тем, что христианство в отличие от иудаизма не имело направленности на один народ,

привело не только к сильной нетерпимости христианского духа к любым другим, но и к экспансионистской тенденции его, сначала в виде миссионерства, а затем в виде многочисленных и кровавых религиозных войн, как с иноверцами, прежде всего мусульманами (крестовые походы), так и, по мере ветвления религии, вследствие ли ее географического расположения (Византия и православие) или расколов на основе реформации (протестантизм) – между христианскими народами и государствами.

Помимо религиозных войн омертвление и фанатизация духа христианства приводили к таким явлениям, как инквизиция, обогащение церковной верхушки и ограбление ею масс верующих, и безоговорочная поддержка самых варварских и жестоких форм власти.

Что касается влияния на качество жизни, то христианство, сильнее развив духовность и дав ей богатейшую пищу, в том числе и через искусство, вдохновленное этой духовностью, и через обрядность, с другой стороны сильно сократило свободу даже в сравнении с иудаизмом (не считая свободы заниматься живописью, однако тоже сильно урезанной до Возрождения), не говоря об античной демократии. Как уже было сказано, христианство изначально являло собой дух негармонический, экзальтированный. Оно не только относилось с пренебрежением к вышеупомянутым демократическим свободам и таким понятиям как равенство, достоинство, честь и даже справедливость, оно пренебрегало и физиологическими потребностями человека. Более того, в отличие от иудаизма, христианство изначально противопоставило дух плоти, объявив все нормальные физиологические потребности человека греховными, а удовлетворение их в лучшем случае печальной необходимостью, которую можно разве лишь терпеть (и то не всегда). В результате христианство не только породило

такие формы жизни с ущемлением физиологических потребностей, как монастыри, скиты, добровольные заточения в пещеры и даже изуверства, вплоть до массовых самоожжений (в отдельных христианских сектах), но и в целом (вместе с монархическим строем, который оно поддерживало) необычайно ущемило удовлетворение всех потребностей человека кроме духовных, в период своего максимального господства, т. е. в эпоху средневековья. Конечно, как всегда, у нас нет инструмента для точного измерения качества жизни, однако представляется почти очевидным, что жизнь рядового европейского жителя времен средневековья, несмотря на высокое развитие и удовлетворение духовных запросов, была довольно мрачна, а иногда и невыносима, в сравнении как с жизнью среднего афинянина времен Перикла, так и с жизнью еврейского пастуха или земледельца времен царя Соломона или периода Хасмонеев.

Что касается влияния на общественные процессы, то христианство, полагающее всякую власть от Бога, послужило весьма существенной и надежной опорой самодержавия в средневековой Европе, хоть и не оно его породило. Всякое восстание против этой власти оно считало неугодным Богу, даже если власть была жестока и невыносима («Непротивление злу насилием»). Кроме того, христианство в силу его крайнего фанатизма, сильнее тормозило развитие науки и в этом смысле отбросило средневековую Европу назад в сравнении с античным миром.

Как уже сказано, по ходу омертвления христианства и как реакции на это омертвление и на изначальную негармоничность были реформации, среди которых главнейшая – протестантизм. Стали также развиваться и другие направления духа, не отрицавшие прямо хри-

стианства, а сначала сочетавшиеся с ним, но со временем сильно сократившие сферы его влияния.

Первым из них было Возрождение. Как следует из самого названия, дух этот был возрождением духа античного, естественно не в полном его объеме и с другими акцентами. Интересно, что зарождение этого духа, как и его античного предшественника связано с демократической формой правления, на сей раз среди средиземноморских торговых республик Венеции, Генуи и т. д. Как и в предшествующем случае тяжело в точности сказать, что там было раньше, дух или организация, но если говорить об основном содержании этого духа, так как мы его сегодня представляем, то он сложился заметно позже, чем зародились итальянские республики, тем более, что дух этот распространился и оказал влияние на всю европейскую цивилизацию, не изменив однако монархической формы правления большинства стран Европы. Соответственно и основная направленность этого духа была уже не на демократию, как форму правления, а на гармоническое развитие человеческой личности. Возрождение противостояло прежде всего не монархической форме правления, а духу христианства, хотя и не во всем и не восстало против него прямо. Против чего дух Возрождения действительно восставал – это против свойственного современному ему христианству пренебрежения не духовными потребностями человеческой природы, в частности в любви между мужчиной и женщиной и в свободе, в частности свободе искусства и науки. «Я верую» Возрождения был Человек гармонический вместе со всеми его потребностями, как духовными, так и физиологическими и в свободе.

Эта гармоничность Возрождения способствовала смягчению христианства в его нетерпимости и фанатизме и послужила основой новому мощному всплеску

искусства и развитию науки. Влияние Возрождения на качество жизни было исключительно положительным. Дух Возрождения не породил никакой специфической организации и поэтому не проходил процессов омертвления и фанатизации. Благодаря этому дух христианства в эпоху Возрождения и под его влиянием не только не завял, но достиг своих вершин, особенно в сфере искусства (Вивальди, Бах, Рафаэль, Данте и т. д.). Но параллельно с религиозным расцвел дух чисто человеческий, восславивший красоту человека, его деяний и чувств, но особенно любовь к женщине. (Гот же Данте, Петрарка, Боттичелли).

Возведение Возрождением на пьедестал любви к женщине, а заодно и вообще человеческой любви, например, материнской (все эти мадонны, в которых земная любовь к своему земному сыну соревновалась с любовью к Сыну Небесному) сыграло исключительную роль в обогащении духовной и душевной жизни как современников Возрождения, так и всех последующих поколений, вплоть до наших дней. Атмосфера Возрождения способствовала раскрытию душ, замороженных христианством, которое всякую сильную душевную привязанность, даже мужа к жене и матери к сыну, склонно было рассматривать как греховную, покушающуюся на привязанность к Богу. В атмосфере Возрождения легко было цвести обыкновенной земной человеческой любви и она цвела. Цвели заодно и дружба и привязанность к своему дому и городу и т. д. Теплая, богатая чувством человеческая эпоха. Возрождение повлияло положительно и на общественные процессы, расширив свободы, смягчив фанатизм и подготовив почву для будущих буржуазных революций. Напомню, что хоть дух Возрождения и не был так акцентирован на демократии как античный, но, безусловно, тяготел к ней. Вообще Возрождение создало

прекрасные условия жизни для тех, кто жил в его эпоху и оставило неизгладимый след на всей дальнейшей человеческой цивилизации.

Следующим за Возрождением крупным духовным явлением (в принятом мною здесь масштабе) была идеология буржуазных революций и ее дух. Как уже сказано буржуазные революции были, в значительной степени, подготовлены Возрождением и поэтому их идеология во многом явилась преемницей идей Возрождения. Однако не следует представлять дело так, будто буржуазные революции явились попросту средством удовлетворения соответствующего духа на определенном этапе его разгорания. Как сказано выше, возможны и бывали явления человеческой истории, и исключительным двигателем которых был дух (упомянутые крестовые походы, например), были явления, где основным двигателем являлся желудок (голодные бунты) и были явления, в которых различные духовные и недуховные факторы перемешивались в разной пропорции. В случае буржуазных революций, существенную и возможно главную роль сыграл процесс сугубо материальный, именуемый технической революцией. Хотя сугубо ли он материальный это еще вопрос, поскольку в основе его лежали научные открытия, ну а развитие наук было обязано своей возможностью духу Возрождения. Во всяком случае, нет сомнения, что буржуазные революции были бы невысказаны без революции технической, породившей буржуазию, которая стала основной движущей силой их. Но она стала этой силой не только по причине власти денег, которыми располагала благодаря технической революции. Это был существенный фактор, но не настолько существенный, чтобы политическая власть свалилась в руки буржуазии, как переспелая груша, и буржуазии пришлось бороться за эту власть, бороться, рискуя и

кошельками и жизнями и жертвуя ими. Причина готовности и способности буржуазии на борьбу и на жертвы и не готовности других групп – в том, что потребность буржуазии в свободе оказалась наивысшей в сравнении с прочими слоями общества того времени. Мы знаем, что потребность в свободе обладает мощным потенциалом, но одновременно большой гибкостью и ее удовлетворение может откладываться на долгие сроки и даже на всю жизнь. Мы знаем также, что потребность эта может угнетаться до такой степени, что она даже и не воспринимается, не осознается человеком. Наконец, мы знаем, что качество жизни наилучшее, если потребности развиты и удовлетворены, но если они не развиты, угнетены, не осознаются и не удовлетворены, то это еще не наихудшее качество жизни. Хуже когда они развиты, осознаются, но не удовлетворены. Так вот, в эпоху буржуазных революций и предшествующую ей свободы подавляющего большинства населения были жестоко ущемлены, но для основной массы – крестьянства потребность в свободе была также не развита и не осознавалась в эту эпоху, как и в предшествующую средневековую. Они не имели свободы, но и не чувствовали в ней необходимости. Длительным угнетением потребность в ней была как бы атрофирована. Другое дело буржуазия, в которой свободный по природе своей характер ее предпринимательской деятельности пробудил жажду свободы и, хотя потребность эта удовлетворялась у буржуазии больше, чем у крестьянства, но неудовлетворенный потенциал все равно оставался намного выше. Этот потенциал и создал почву для воспламенения духа буржуазных революций, стержнем которого была свобода, именно среди буржуазии.

Слияние неудовлетворенных индивидуальных потребностей в свободе с потребностью духовной в сво-

бодe для всех, как идеала общественного устройства, и было основным двигателем буржуазных революций.

Что же представлял собой дух этих революций более детально? Как уже сказано, основной его направленностью были свобода и демократия, как политическое устройство, наиболее обеспечивающее ее. (Не случайно, поэтому часть наших современников, вообще, отождествляет демократию со свободой, в чем делает, конечно, ошибку). Превыше всех свобод ставилась, конечно, свобода предпринимательства, та самая, потенциал которой был наиболее высок у буржуазии. Но и политические свободы: печати, высказываний, демонстраций были высоко вознесены и освящены. В отличие от Возрождения, идеологи буржуазных революций открыто восстали против засилья религии, провозгласив и освятив свободу совести и отделив религию от государства. На высокую ступень, по крайней мере, изначально, возносился идеал всеобщего равенства перед законом. Еще одним из идеалов, не уступающим по значимости вышеперечисленным, была неприкосновенность частной собственности.

Что касается прочих идеалов Возрождения и античности, таких как гармоническое развитие человеческой личности, идеал любви и красоты, то они были наследованы лишь постольку – поскольку и в дальнейшем сильно трансформировались. Все же до того, как они существенно выродились, они успели послужить основанием для богатейшего развития европейского искусства XVIII–XIX веков, в особенности литературы и поэзии. По крайней мере, в литературе и поэзии идеал любви к женщине получил дальнейшее развитие. (Заметим кстати, что он впитал в себя и традицию средневекового рыцарства и отчасти кодекса джентльмена – направлений, на которых, в связи с краткостью этого очерка истории духа, я не останавливаюсь).

Что касается влияния духа буржуазных революций на качество жизни, то, прежде всего, следует отделить его от влияния самих этих революций, которые, как уже было сказано, не являлись следствием одной лишь реализации этого духа, и от влияния научно-технического прогресса.

Последние привели, в конечном счете, к значительному изменению материального уровня жизни и прочих внешних обстоятельств, что безусловно отразилось на удовлетворении физических и некоторых других недуховных потребностей (см. предыдущие главы). Непосредственно дух буржуазных революций существеннейшим образом способствовал удовлетворению потребностей в свободе, в достоинстве, в равенстве перед законом, отчасти справедливости, но не материальной. Что касается собственно духовной жизни, то она была достаточно богата поначалу и в связи с горением самих идеалов и в связи с сильным развитием искусств и возможностью доступа к ним широких слоев населения благодаря всеобщему образованию, например. Все же духовность в целом была существенно ниже уже изначально и чисто христианской (средневековой, скажем), и Возрождения, и, что существенно, она сравнительно быстро стала убывать.

Дело в том, что в отличие от Возрождения, дух буржуазных революций породил свою организацию, прежде всего класс, затем государства, правительства и правительственные учреждения. Начался процесс омертвления и фанатизации духа со всеми вытекающими последствиями. Во вне это выразилось в захватнических войнах за овладение и передел колоний. Внутри это выразилось в том, что идеалы не только любви и красоты, но и достоинства, равенства, справедливости и даже самой демократии стали блекнуть,

уступая место идеалу наживы. Это в сочетании с сильной эксплуатацией и экономическим неравенством создало благоприятную почву для возникновения новой идеологии и ее духа – марксистского социализма.

Дух марксизма начинался с идеологии, еще точнее, с теории, с философии. Это, казалось бы, должно было дать ему преимущество в смысле не слишком быстрого омертвления и фанатизации. Однако этого не случилось из-за специфики самой теории, которая лишь взяла разгон от некоторых идеалов и тут же перешла и посвятила себя, если не целиком, то по преимуществу, путям их реализации, в основе которых было создание организации и определение способа ее действия. Таковая организация – коммунистическая партия и была создана самими основоположниками духа причем еще до того, как философия была вполне закончена. Организация эта, направляемая теорией не только на определенные идеалы, но и к вполне определенным, в смысле общественного процесса, целям (пролетарская революция), в высшей степени преуспела, как в распространении марксизма и достижении упомянутых целей, так и в омертвлении породившего ее духа. Причем в последнем – настолько, что воскресни отцы марксизма и появились в «стране победившего социализма», их бы там, очевидно, упрятали за решетку.

Что собой представляла основная, изначальная направленность марксистского духа и был ли вообще таковой, когда-либо? Последний вопрос уместен потому, что наличие духовности в марксизме отрицалось изначальное, и до сегодня отрицается, его политическими противниками, как русскими монархистами, так и такими мыслителями, как Солженицын.

Позволю себе воспользоваться словами поэта для иллюстрации того, что был дух и что, хоть на короткое время, это был могучий и чистый дух:

«И где бы, не пришлось мне драться,
Какой бы я ни принял бой,
Я все равно паду на той,
На той далекой, на гражданской
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной».

Так написал Окуджава, советский поэт той эпохи, в которой дух этот, трижды распятый Сталиным, омертвел и окостенел «под руководством коммунистической партии», поэт великий, поэт опальный, и безусловно оппозиционный к власти. Не будь этого духа и не будь он так силен, революция 17-го года не могла бы победить в России, несмотря на наличие всех прочих моментов, способствующих ей: слабости режима, войны, разрухи, недовольства масс, пропаганды и демагогии. Не будь его, не устояла бы новорожденная советская власть в жесточайшей гражданской войне, не сумела бы достичь в развитии промышленности того, что сумела (это при всех экономических минусах несвободной системы) и даже не выстояла бы во Второй Мировой войне. Те самые известные «за Родину, за Сталина» были выражением все того же, хоть и перерожденного и ослабленного, но все еще могучего духа, который позволил Союзу выстоять против немцев.

Что же касается упомянутых Окуджавой «комиссаров в пыльных шлемах», то сила и чистота их духа и готовность на жертвы и на муки во имя общественного идеала соизмеримы с тем же у самых великих ревнителей духа всех времен, таких как первые христиане, защитники Масседы, итальянские карбонарии Гарибальди.

На что же направлен дух марксизма. Изначально в нем было всего понемногу: и все демократические свободы, завоеванные буржуазной революцией и гармоническое развитие человеческой личности, и человеческое достоинство и идеал любви (два последних, как уже было сказано, оказались изрядно заплеванными в буржуазном обществе, к моменту появления марксизма). Но главным идеалом и объектом духа оказалась экономическая справедливость («от каждого по способностям, каждому по труду»).

Справедливость эта, как мы знаем, не принадлежала к числу идеалов буржуазных революций, и вообще никогда так сильно не была акцентирована в прошлом, за исключением учений утопического социализма, которые марксизм, в этом смысле, наследовал. Но те, в силу их откровенной утопичности, не стали объектами великого духа, авторитет же марксизма базировался на якобы его научности. Даже иудаизм, превыше всех возносивший справедливость вообще, не акцентировал столь сильно внимание на именно экономической справедливости. Это не помешало, кстати, противникам марксизма из числа русских черносотенцев называть марксизм жидовским учением, усматривая, очевидно, преемственность по части справедливости. Преемственность эта была, однако, весьма условной не только потому, что из всей справедливости марксизм особенно выделил экономическую, но и потому, что всю прочую справедливость, в соответствии со своей философской концепцией, марксизм объявил относительной, заменив справедливость вообще, пролетарской справедливостью, что послужило основанием и для «красного террора» и для сталинских лагерей. Ни тех, ни других явлений иудаизм не знал и не мог породить благодаря отличному от марксизма пониманию справедливости.

Отсутствие экономической справедливости и экономическое неравенство, трактовались марксизмом как источник всех бед, всех времен и народов, в том числе как источник пороков современного Марксу буржуазного общества: бездушности, продажности, лицемерия, фактического ущемления ряда свобод властью денег и т. д.

История хорошо показала ошибочность этой концепции марксизма, особенно по части свобод, достоинства и лицемерия. В стране победившего социализма, где по Марксу просто автоматически должна была бы быть демократия наивысшей пробы, установилась одна из жесточайших в мире диктатур, растоптавшая свободу и достоинство и породившая лицемерие, превзойденное лишь коммунистическим же Китаем.

Этот акцент марксизма на экономической справедливости и вообще на экономическом факторе с неизбежностью приводил его к принижению значения духовного в природе человека и в общественных процессах. Последнее и есть причина ошибочного обвинения марксизма в бездуховности. Но Духовность, как мы знаем, была и на определенном этапе поднималась до вершин человеческого духа. Причина этого в том, что как уже сказано, самые высокие взлеты духа могут расти из самых низких потребностей масс. Марксистский дух был направлен хоть и на материальные потребности, но не Маркса и Энгельса лично, а всех нуждающихся, которых в то время было очень много (и сейчас хватает) и потребность эта была в стадии высокого неудовлетворения. Напомню еще, что эта потребность не угнетается от неудовлетворения, а лишь разрастается. Это вполне объясняет, почему марксизм, будучи по направленности как бы анти духом, породил столь могучую (хоть на время) духовность. Но, прежде всего, марксизм, хоть и принизил значение духовного,

анти духом не является и по содержанию своего учения. Как уже сказано, Маркс изначально хотел и свободу и достоинства и т. д. хоть и видел все это, как производное от экономической справедливости. И в смысле влияния на общественные процессы Маркс не отрицал вполне духа. Напомню его знаменитую «идею, овладевшую массами». Однако, как в человеке, так и в обществе дух, по Марксу, был соподчинен, вторичен в отношении физических потребностей, желудка, экономики, способа производства. Пресловутые марксистские «первичность материи и вторичность духа», «базис и надстройка» и т. д.

В этом смысле марксизм и в теории своей представлял шаг к дальнейшему снижению духовности общества в сравнении даже с идеологией буржуазных революций, не говоря о Возрождении и Христианстве.

Что касается влияния на качество жизни и на общественные процессы, то, как известно, упомянутые ошибки марксизма привели к созданию тоталитарного режима, угрожавшего свободе во всем мире, и даже обожаемая экономическая справедливость при этом не была достигнута. Принижение значения духа вместе с омертвлением его организацией привели, в конечном счете, к изрядно низкому уровню духовности в советском обществе менее чем за 50 лет после реализации марксистской идеи в нем. Необычайный рост преступности и алкоголизма, тому подтверждение. Еще более глубокой деградации препятствовали лишь прекрасные традиции русской литературы, не умершие даже под властью советского режима, и зародившееся диссидентское движение, которому, однако, не хватало теоретической основы.

С другой стороны, дух марксизма все-таки способствовал осуществлению экономической справедливости, большей, чем в любые предшествующие времена.

Причем не только, и может быть даже не столько в «странах победившего социализма», но и во всем мире, где под влиянием этого духа усилились профессиональные союзы и были приняты законы, защищающие экономические права трудящихся, были существенно увеличены налоги на капиталистов и развито социальное обеспечение. Так что, в конечном счете, в ряде капиталистических стран было больше социализма в этом смысле, чем в Советском Союзе.

Но вершин бездуховности хватил все же не марксизм, а дух, точнее анти дух, так называемой «новой ментальности», либерализма, неолиберализма, распространившейся и господствующей в западном обществе и отчасти во всем мире уже после марксизма, ментальности, в основе которой лежат фрейдизм, экзистенциализм и ряд смежных философий.

Основанием для распространения этой «новой ментальности» послужило, прежде всего, ослабление и увядание всех тех великих направлений духа, которые ему предшествовали: монотеистической религии, Возрождения, идеологии буржуазных революций и марксизма. Ослабление это было, конечно, следствием вышеупомянутого процесса омертвления духа организацией, но не только его (напомню, что процесс этот не обязательно идет в одну сторону, но допускает реформации, возрождения и т. д.). Существеннейшую роль сыграл также подрыв тех общих концепций, мировоззрений, авторитет истинности которых укреплял соответствующий дух. Прежде всего это произошло с монотеистической религией по мере того, как развитие естественных наук поставило под сомнение даваемую религией картину мира (хотя самого духа религии оно, заметим, не касалось) и противопоставило ей естественно научную Ньютоно-Дарвинистскую картину. Нерелигиозные направления духа, начиная в опреде-

ленной мере уже с Возрождения, в еще большей мере идеология буржуазных революций и особенно марксизм, опирались на авторитет науки, научное мировоззрение и картину мира, даваемую современной им наукой. Успехи естественных наук способствовали распространению этих направлений духа.

Кризис рационалистического мировоззрения, вызванный сменой физической картины мира Ньютона, соответствующей Эйнштейна, привел к подрыву авторитета тех общих концепций, на которых базировались перечисленные направления духа. Кроме того, поскольку эти направления, за исключением Возрождения, носили конструктивный характер и привели к созданию определенных политических и социальных систем, а те оказались далеко не столь идеальными, как должны бы были быть по теории, то это дополнительно подорвало авторитет соответствующих учений. И, наконец, две мировые войны, по масштабу и количеству жертв и бедствий (абсолютному) превзошедшие все, что знала прежде человеческая история, также в высшей степени способствовали подрыву авторитета этих мировоззрений. Замечу здесь по ходу, что за всю свою историю человечество не знало длительного периода без войн. Что войны были тем чаще, чем, в общем то, в более диком состоянии находилось человечество (дикие племена Африки или индейцы времен завоевания Америки). Что разрушительность последних войн обусловлена, прежде всего, научно-техническим прогрессом, а не мировоззрением. Что количество жертв лишь в абсолютном выражении превышает все, что было в прошлом, и это лишь потому, что, благодаря все тому же научно-техническому прогрессу, и даже прогрессу гуманитарному (снизилось количество войн) необычайно выросло население земного шара в целом. Что, относительно, войны прошлого

бывали гораздо более жестокими и истребительными: истреблялись целые племена и народы и количество населения на огромных территориях оставалось весьма разреженным в течение тысячелетий именно благодаря высоко успешному взаимному истреблению.

Тем не менее, только настоящая боль – это боль. Боль прошлого уже не болит.

Итак, к моменту появления «новой ментальности», авторитет всех прежних направлений духа и мировоззрений, на которые они опирались, был подорван, а свято место не бывает пусто. Новое направление духа, точнее анти духа базировалось на упомянутом кризисе рационалистического мировоззрения и рожденной, в значительной степени из этого кризиса, экзистенциалистской концепции познания, а также представлении о природе человека и общества, вытекающем из фрейдизма и из неверного обобщения опыта 1-й и 2-й мировых войн.

Что касается теории познания экзистенциализма и выводов из нее по части свободы и морали, то это уже разобрано выше (а более подробно в книге «Неорационализм»). Здесь я остановлюсь на отношении экзистенциализма к духу. Заменяя чувства ощущениями, экзистенциализм уже не оставил никакого места духовному. Кроме того, по определению нашей модели, дух – это надличная эмоциональная привязанность. Подвергнув в своей теории познания сомнению достоверность существования чего бы то ни было за пределами индивидуума, экзистенциализм навалил еще груду камней на то место, где раньше рос дух.

Другим теоретическим основанием «новой ментальности» является фрейдизм. Заметим, кстати, что экзистенциализм в сильной степени воспринял идеи фрейдизма и многие столпы экзистенциалистской литературы, Кафка, прежде всего, считали себя учениками

Фрейда. Здесь не место разбирать фрейдизм, как учение, в целом, поскольку этому должна быть посвящена отдельная работа. Замечу лишь коротко еще раз: там, где фрейдизм более – менее восторжествовал и был принят, он не решил не только глобальных проблем общества, на что отважился воспретендовать, но и тех более частных проблем, для разрешения которых он предназначался изначально. С распространением сексуальной свободы в Европе и Америке, агрессивность населения, включая даже собственно сексуальную агрессивность, т. е. изнасилования, не только не убывала, но, наоборот, возросла. Количество же психических расстройств, включая знаменитые фрейдовские сексуальные неврозы, со снятием сексуальных запретов, опять же не убывало, а возросло и возросло кошмарно.

На чем я намерен остановиться здесь более подробно, это на влиянии фрейдизма на «новую ментальность» в смысле отношения последней к духу. Фрейдизм не является сам по себе абсолютно бездуховным учением, тем более Фрейд не был бездуховным человеком. Он заботился о благе всего человечества, независимо от того, как он его понимал. Влияние же его на «новую ментальность» в направлении бездуховности связано с тем, как он понимал и представлял природу человека.

Представлял он ее, как известно, так, что главной, доминантной, самой сильной и подчиняющей себе все остальные потребности человеческой природы является либидо. Что касается духовных и душевных потребностей и влечений, то они не более чем сублимация неудовлетворенного сексуального желания. Не знаю, осознавал ли Фрейд, что при такой трактовке и вся его философия, направленная на благо человечества (в его понимании), и посему являющаяся плодом духа, была ничто иное, как сублимация подавленного секса. Во

всяком случае с легкой руки папы Фрейда и не только по его теории но и по его примеру, все современное западное искусствоведение, исследуя какое-либо произведение искусства, задается прежде всего вопросом: а кого хотел понять автор шедевра в момент создания его и почему не мог этого сделать, т. е., что было источником сублимации, приведшей к творческому акту.

При такой трактовке человек с развитыми духовными потребностями становится ненормальным, а двумерные бездуховные существа, удовлетворяющие свои сексуальные желания хотя бы даже за деньги или с помощью аксессуаров, купленных в магазине сексуальных принадлежностей (само появление которых – прямое следствие распространения фрейдизма), но регулярно – образцами нормальности.

Понятно поэтому, как способствовал фрейдизм «одоухотворению» новой ментальности.

Фрейдизм и экзистенциализм заложили теоретический, мировоззренческий базис «новой ментальности», придав ему авторитет научности. Что касается потенциала неудовлетворенных потребностей, к которым взывала «новая ментальность», на удовлетворение которых она была направлена, и существование которых служило базисом ее распространения и власти (аналогично тому, как, скажем, потенциальным базисом марксизма является существование огромного количества экономически обездоленных людей), то таковыми были в данном случае потребности в свободе и сексуальные. Нюанс тут заключается в том, что к моменту появления «новой ментальности» ни потребности в свободах, ни сексуальные не были ни подавлены ни ограничены в странах Европы и Америки, где эта ментальность распространилась, более, чем, скажем, в других странах мира или в той же Европе и Америке в предшествующие эпохи. Наоборот, развитие духа и

законодательства, начиная со средневековья, шло в общем только в направлении расширения свобод, включая сексуальные.

Однако, как я показал в моей теории детерминизма («Неорационализм», глава 2) процесс развития общества не является полностью детерминированным, и наименее детерминированной частью в нем является движение духа и идей. Т. е. зарождение того или иного духа не определяется вполне полем общественных сил, потенциалов и содержит несводимый субъективный момент. Наличие же потенциалов лишь способствует восприятию соответствующих идей и разгоранию духа. Что касается потенциала потребности в свободе, то, как показал в моей теории свободы («Неорационализм», глава 3), он принципиально не может быть удовлетворен полностью в рамках человеческого общества и потому всегда существует. Потенциал сексуальных потребностей также практически не может быть удовлетворен полностью. Кроме того, мы знаем, что потенциал потребности в свободе при сильном ограничении ее может быть ниже, (благодаря угнетению самой потребности), чем в случае меньшего ограничения (буржуазия и крестьянство периода буржуазных революций). Наконец, потенциал сексуальных потребностей может искусственно разжигаться сверх его естественной нормы, что и осуществила «новая ментальность».

Таким образом, потенциал неудовлетворенных потребностей, на которые опирается «новая ментальность», существовал и будет существовать всегда. Другое дело привела ли эта ментальность к их лучшему удовлетворению, в какой степени и какой ценой? Но об этом несколько позже. Сейчас я хочу отметить, что распространение и власть «новой ментальности» опираются и на еще один, так сказать, потенциал. Потенциал

лени, малодушия, вообще на торжество посредственности и ничтожества. Дело в том, что, как уже упоминалось, наличие духовных потребностей и их осознание требуют от человека усилий, направленных на служение надличному (Богу ли, людям ли), самоограничения и иногда даже риска и жертв. Ну а признание их отсутствия в нормальной природе избавляет человека от всего этого.

Далее, служение Богу ли или, скажем, идеалу гармонической личности, даже идеалу любви требует от человека самосовершенствования. В мировоззрении «новой» само понятие совершенствования потеряло смысл. Совершенствоваться куда? Где верх, где низ? К отправлению естественных потребностей и копанию в ощущениях понятие совершенствования не применимо. (Применимо лишь понятие усовершенствования).

Теперь рассмотрим, как повлияла «новая» на качество жизни и на общественные процессы.

Что касается духовных потребностей, то они оказались заплеванными до невозможности дышать. По поводу душевных потребностей я уже писал, что в атмосфере «новой» крайне тяжело цвести нормальной человеческой любви, дружбе и проч.

Свобода – главный аргумент «новой», ее главное достижение. Но, как я показал в моей теории свободы, невозможно увеличивать ее неограниченно, и преувеличенное освобождение в ряде областей привело не только к ограничению других свобод, но и к снижению интегральной свободы общества в целом, не говоря об ущербе морали, а из-за этого и другим потребностям.

В целом «новая ментальность» антиобщественна от начала до конца и привела почти исключительно только к снижению качества жизни. Даже в тех аспектах, в которых качество жизни, безусловно, выросло в период господства «новой ментальности», например, матери-

альный уровень, произошло это не благодаря ей, а благодаря научно-техническому и социальному прогрессу и вопреки «новой», которая привела лишь к усилению коррупции, отчуждения и безразличия, тормозящих процесс.

В смысле влияния на общественные процессы «новая ментальность» сильно ослабила демократии в Западной Европе, Америке и Израиле, поскольку последние, как уже сказано, нуждаются в духе гражданства гораздо более, чем тоталитарные режимы.

Это утверждение для многих сегодня не является очевидным по причине произошедшего недавно краха тоталитарной социалистической системы, противостоящей демократии. Крах этот подчеркнул превосходство демократии и свободно-рыночной экономической системы над тоталитаризмом с социалистической экономикой. Представители «новой ментальности» пытаются спекулировать на этом, представляя развал советской системы, который является фактически само развалом, даже не как победу демократии над социализмом, а как победу над оным рок энд рола. Из всего вышесказанного ясно, что в действительности «новая ментальность», только что не успела еще развалить демократический строй, но потенциал для этого она сохраняет.

В заключение несколько общих выводов. Мы видели, что направленность духа может приводить к снижению качества жизни и непосредственно (изуверский дух каких-нибудь сект) и опосредствовано, через омертвление и фанатизацию духа организацией. В этом смысле направления духа, не требующие и не тяготеющие к организации, такие как стремление к гармонической личности, достоинству, справедливости (вообще) и любви, предпочтительнее. Однако нельзя пренебречь и направлениями духа на определенное представление о наилучшем устройстве общества,

направлениями, требующими организации. Тут существенно, конечно, что считать за наилучший строй и форму правления, но эта тема выходит за рамки данной работы. Нужно только понимать, что как бы ни было хорошо устройство общества, оно само по себе не может решить всех проблем. Точно также, как не решают всех проблем отдельно взятые, закон ли, мораль ли, дух ли или технический прогресс. Нужны все эти компоненты с учетом связи между ними и даже тогда это не будет означать решения всех проблем, удовлетворения всех потребностей для каждого человека. Не вызывает, однако, сомнения, что жизнь – прекрасная штука, если не слишком портить ее и дать хорошую пиццу душе и духу, не угнетая без нужды, плоть и свободу. И хотя в духе и заложена опасность фанатизации и омертвления, но нужно помнить, что бездуховность не избавляет общество от этой опасности, а лишь добавляет новые, и самое главное, что, при прочих равных, утрата духа – утрата величайшей ценности.

«Не хлебом единым!»

Глава 9

Биоэтика или оптимальная этика?

Биоэтику можно условно подразделить на теоретическую и практическую. Практическая – это будирование в сознании широких масс тех реально существующих и важных для человека и человечества проблем, которые биоэтика включила в сферу своего интереса, и создание институтов и нормативного базиса для практического разрешения этих проблем. Отвлекаясь от теоретической части биоэтики, эту её практическую часть можно только приветствовать, отмечая заодно её несомненные успехи, в частности, в создании комитетов по биоэтике, которые не только появились в изобилии во многих странах, но и успели наработать кодексы этических норм в отдельных областях, типа медицины, фармакологии и т. п. Оправданность создания этих комитетов и выработки норм, даже при отсутствии или незавершенности теоретического базиса биоэтики вытекает из остроты проблем, о которых идёт речь, и насущной необходимости их практического решения сегодня. К числу таких проблем относятся, скажем, экология и трансгенетика. Сегодня, практически ежедневно исчезают отдельные эволюционно возникшие виды живого и появляются искусственно генетически модифицированные. Естественно, что человечество не может себе позволить, с одной стороны творя этот процесс, с другой пребывать в неведении, куда это нас ведёт в конечном счёте. Оно обязано дать ответ себе на вопрос: что можно разрешить, а что нужно запретить в генетике и т. п. И оно обязано дать этот ответ сегодня, а не завтра, ибо завтра может быть поздно. Кроме того в немалом числе случаев, для решения практических этических и биоэтических проблем не требуется ничего кроме опыта и здравого

смысла. Базовые постулаты классической этики, типа «не убий и «не укради», известные нам из 10 заповедей Пятикнижия Моисеева, безусловно возникли гораздо раньше Пятикнижия и именно на основе опыта и здравого смысла. Уже первобытные племена сообразили, что убивать почём зря своих соплеменников, себе, т. е. племени, дороже обходится. И даже в стае диких животных, например волков, убийство своих соплеменников в той или иной степени табуировано.

Однако, действительность, в которой живёт человечество сегодня, действительность, сотворенная самим человеком, несравненно сложнее действительности, в которой жил первобытный человек. Поэтому нет оснований надеяться на то, что все проблемы, стоящие перед современным человеком, в том числе и те, что поднимает биоэтика, можно успешно разрешить только на основе опыта и здравого смысла. Пусть даже и с помощью институтов, вроде упомянутых комитетов, созданных для этого. Мало того, и постулаты Декалога далеко не все однозначно выводимы на основе лишь опыта и здравого смысла. «Не убий и «не укради» да выводимы, потому что любое общество, начиная с первобытного племени, отказавшись от этих постулатов, очень быстро становится на грань самоуничтожения. Но «не прелюбодействуй» и все нормы половой морали далеко не так жёстко связаны с выживанием, как «не убий и «не укради» и поэтому во всей человеческой истории, начиная от первобытного строя и кончая современным обществом, то, что реально принималось в этой области у разных народов и даже у одного и того же народа, в разные периоды его жизни, варьировалось в самых широких пределах от абсолютной вседозволенности Содома и Гоморры, Римской империи времён её упадка и современного либерального западного общества, до средневековой аскезы и русского Домо-

стройка. Тем более не следует ожидать, что можно не просто прийти к некому соглашению, которое неизвестно к чему нас приведёт завтра, а принять обоснованное решение по таким вопросам как, что разрешать, а что запрещать в генетике, на основе лишь здравого смысла и с помощью хороших институтов. Т. е. кроме комитетов нужна теория.

И тут возникает прежде всего далеко не праздный вопрос, что, вообще, есть теория, и что есть наука, считающаяся царством теорий. Что отличает науку от не науки и существует ли вообще такое отличие? Вопрос этот не праздный потому, что в современной западной философии восторжествовали концепции релятивизирующие науку вплоть до небезызвестного выражения Фейерабенда: «не существует никакого научного метода; не имеется никакой простой процедуры или множества правил, которые лежат в основе какого-либо исследования и гарантирует, что оно является научным и тем самым заслуживает доверия. (1)

Релятивизация науки сама по себе породила одну из глобальных проблем современного человечества, которую некоторые называют возвратом средневековья. Подрыв авторитета науки привёл сегодня к возрождению и большому распространению в западном мире почти исчезнувших мистических учений, вплоть до чёрной и белой магии, и всевозможных псевдонаук вроде астрологии, космофнии и т. п., а также к появлению бесчисленного числа новых. И все они рвутся добиться признания себя науками наравне с физикой, открывают академии, колледжи и т. п., вплоть до 3-х месячных курсов, выпускающих дипломированных колдунов. Всё это приводит к дебилизации общества.

Вот только один пример. Популярная воскресная газета «Обсервер» опубликовала статью Робина МакКи «США выгнали Дарвина из начальных классов» (2), в

которой речь идёт о наступлении в Америке клерикалов, добившихся запрещения преподавания теории эволюции в школах многих штатов. 45% американцев верят в сотворение в буквальном смысле, т. е. не более 10 тыс. лет назад, вопреки данным науки. Не менее, если не более успешно идёт наступление клерикального мракобесия и в России и в Украине.

Мы знаем, к чему привела дебилизация, основанная на суевериях, псевдонауке и клерикальном мракобесии, средневековое общество. Но то были просто цветочки по сравнению с тем, к чему может подобная дебилизация привести современное общество, обладающее атомными игрушками и вступившее в соревнование с Творцом, пытаясь переделать сотворённый им мир, теперь уже на генетическом уровне. Эта дебилизация имеет прямое отношение и к биоэтике. Согласно В. Поттеру забота глобальной биоэтики – это сохранение жизни на земле, а дебилизация ей непосредственно угрожает. Возьмём, например, те этические нормы, которые разрабатывают биоэтические комитеты. Комитеты не могут навязать их обществу. Они могут только предложить эти нормы правительству, чтобы оно их утвердило. Но в демократическом обществе правительство избирается большинством и, если это большинство дебилизировано, то соответствующим будет и правительство и оно эти нормы может не принять. Но даже если правительство примет эти нормы, то это ещё не всё. Ведь этические нормы отличаются от юридических законов и хотя некоторые из них и можно подкреплять юридическими законами, но главный смысл этических норм в том, чтобы они стали внутренней сутью человека. Тем более, что никакими юридическими законами невозможно подкрепить требование любить своего ближнего или требование врачу с теплотой относиться к пациенту. Поэтому надо ещё убедить обще-

ство, что данные нормы хороши. Но общество дебилизированное, со множеством неправильных стереотипов, убедить в правильных нормах гораздо тяжелее.

И, наконец, главный вопрос, связанный со статусом и авторитетом науки в обществе: а как комитеты будут определять, какие нормы хорошие, а какие плохие в мало-мальски нетривиальных случаях?

Я знаю только два способа принятия решений, заслуживающих внимания: демократическим голосованием и рационально-научный через обоснование. (Прочие, вроде подбрасывание монеты и монаршим волеизъявлением, я не рассматриваю). Разница между этими двумя способами видна из простого примера: инженерия, основанная на рациональной науке, решая вопрос, строить ли мост дугой вверх или дугой вниз, никакого голосования не устраивает, ибо наука доказала, что только дугой вверх. Метод демократического голосования является наилучшим в сравнении с теми, которые я не стал рассматривать. Но ясно, что в нетривиальных случаях правыми, как правило, оказываются одиночки, а не большинство. Обсуждения, предшествующие голосованию, с привлечением специалистов разного профиля, как то представителей разных религий, философов и учёных помогает делу, но, как видно из многих подобных обсуждений, вошедших сегодня в моду в случаях межнациональных и межрелигиозных конфликтов, не очень. Поэтому можно сказать, что желательнее было бы, чтобы комитеты по биоэтике вырабатывали свои нормы с помощью рационального научного обоснования их. Но в связи с вышеупомянутым господством релятивизаторов науки возникает вопрос: возможно ли это хоть в какой-то мере. Для того, чтобы это было возможным, необходимо выполнение следующих условий.

Во-первых, нужно чтобы рациональная наука в своём собственном царстве, в сфере естественных наук, обладала, вопреки мнению Фейерабенда, методом обоснования, отличающим её от гадалки на кофейной гуще, и чтобы этот метод был единым и не изменялся в соответствии с представлениями Куна и других релятивизаторов от парадигмы к парадигме, от одной области знания к другой и от одного сообщества учёных к другому.

Во-вторых, необходимо чтобы метод этот можно было перенести (пусть с соответствующей адаптацией) из сферы естественных наук в гуманитарную сферу (или какую-то часть её).

И в третьих, нужно, чтобы биоэтика была наукой и владела и пользовалась этим методом.

Начну с последнего. В какой степени биоэтику в её нынешнем состоянии можно рассматривать как науку? Для того, чтобы дать строгий и точный ответ на этот вопрос, нужно сначала дать строгое же определение того, что есть наука, а это отбрасывает нас к вопросу, чем наука отличается от ненауки, если отличается. Но этим вопросом я хочу заняться потом. Поэтому я пока ограничусь рассмотрением того, как сама биоэтика, точнее её представители, пытаются обосновать её научность. Вот, например, В. Кулиниченко (4) пытается доказать научность валеологии (а биоэтику он рассматривает, как часть валеологии), отправляясь от критерия научности по К. Попперу. Спрашивается, а почему по Попперу? Нет проблемы показать, что принцип фальсифицируемости, являющийся стержнем поппернанского фоллибилизма, решительно недостаточен для установления научности теории. Можно с лёгкостью насочинять сколько угодно теорий, которые безусловно будут фальсифицируемы, но не будут тем не менее иметь никакого отношения к науке. Например, утвер-

ждение, что Волга впадает в Северный Ледовитый Океан легко фальсифицируемо, но помимо того, что оно неверно оно также никакого отношения к науке не имеет. Так что получается «по Попперу», потому что модно. Но пусть будет по Попперу, посмотрим, как это делается. После изложения требования фальсифицируемости теории В. Кулиниченко пишет: «Отрицаний валеологии достаточно, как в научных публикациях, так и средствах массовой информации, что является причиной размежевания учёных на два непримиримых лагеря: последовательных адептов валеологии и её не менее последовательных врагов. (5)

И этим заканчивается обоснование научности валеологии по Попперу. Получается, что, чем больше есть отрицаний научности данной теории, тем она на самом деле научней.

Конечно, строго говоря, этот пример не доказывает ненаучности биоэтики (или валеологии). Строго он доказывает лишь несостоятельность попытки Кулиниченко доказать её. Но он свидетельствует об атмосфере весьма далёкой от науки, которая имеет место, не только в биоэтике или валеологии, но в большей части гуманитарной сферы сегодня. В атмосфере нормальной науки такого рода «доказательства» просто немыслимы. В то время как гуманитарная сфера в целом и биоэтика и смежные ей области, в частности, изобилуют ими. Вот ещё пример из того же Кулиниченко.

В начале своей книги он заявляет, что в основании валеологии среди прочего находятся психоаналитические теории Фрейда, Юнга и Адлера. В дальнейшем он пишет: «...в 20-м веке в европейской культуре возникает и развивается точка зрения, ставшая после работ З. Фрейда почти азбучной, о том, что нравственность – нередко фальшивая поза, имидж, маска на истинном лице человека. Мораль начинают понимать,

как социальную форму внешнего давления и культурного насилия, как навязывание стереотипов мысли и поведения, как цензуру». (6) Ясно, что Кулиниченко против этого. Я тоже. Но я могу доказать, доказать так, как это доказывается в рациональной науке, что Фрейд не прав, и что его теория далека от научной обоснованности. А если бы я не мог этого доказать и не привёл бы тут же этих доказательств, то я не имел бы права голосовно отвергать выводы теории, до сего дня считающейся научной. Это классическая норма научной этики и нет сомнения, что научная этика должна быть частью биоэтики и важной частью, учитывая исключительную роль науки в жизни современного общества. Кулиниченко же не только и здесь ничего не доказывает, он вообще не приводит никаких аргументов в пользу своего разгрома фрейдизма. Вот он так считает и всё. Ну а немало других учёных и философов до сих пор считают прямо противоположно Кулиниченко и вполне согласны с Фрейдом. Несколько лет назад, например, в Израиле обсуждалась на телевидении проблема проституции. Учувствовавшая в обсуждении профессор-сексолог заявила что наука, в частности Фрейд, доказали общественную полезность проституции. После чего ведущему ничего не осталось как только развести руками и резюмировать: «С наукой спорить нельзя». Спрашивается, а какому из профессоров должен верить рядовой член общества? И какая мораль может быть в нём воспитана зомбированием ему мозгов с противоположных направлений с использованием авторитета науки и разглагольствований о плюрализме. И как можно вводить в основание науки (научность которой ты доказываешь) теории, которые сам же признаешь неверными?

И наконец, свойственная биоэтике манера исходить из всех мыслимых и немыслимых теорий и учений, в

том числе религий, и из чем большего числа, тем лучше. И при этом называть себя наукой. Намерение опереться на всю человеческую мудрость – похвально, но благими намерениями, как известно, дорога в ад вымощена. В принципе можно строить научную теорию, базируясь на нескольких уже существующих. Можно и религию сочетать с наукой. Но ведь это нужно делать, а не только декларировать намерение это сделать. Ведь между не только религиями, но даже между конфессиями одной религии, скажем христианства, существуют противоречия, которые они уже много столетий не могут утрясти.

Рациональная наука может быть построена на нескольких противоречащих друг другу теориях – гипотезах. Но она при этом переделывает теории – гипотезы, уточняя их понятия и таким образом устраняет противоречия между ними и достигает синтеза. Так, например, произошло, когда квантовая теория синтезировала волновую и корпускулярную теории света. Но я пока что не видел в биоэтике (также как в валеологии) синтеза с устранением противоречий, ни между католицизмом и православием или протестантизмом, ни между Фрейдом и Адлером, ни тем более между христианством в целом и психоанализом в целом.

К сожалению эта подмена науки благими намерениями в сочетании с её релятивизацией в философии и вытекающим из неё отсутствием четких критериев научности приводит не только к падению авторитета науки в обществе. Она приводит к очень опасному явлению внутри самой науки, особенно гуманитарной. А именно к зашлаковыванию науки огромным количеством людей, которым в науке места не должно быть. Которые, не обладая соответствующими способностями, обладают лишь непомерными амбициями и жадной властью и, благодаря упомянутому отсутствию

критериев, весьма успешно делают карьеру, а украсившись желанными степенями и званиями, вплоть до академиков, начинают душить и не пускать всех тех, кто способен делать науку. В результате возникает ситуация, которую я считаю едва ли не главной из глобальных проблем, стоящих сегодня перед человечеством: с одной стороны человечество как никогда нуждается в новых учениях глобального характера, причем не в благостных утопиях, а в научно обоснованных теориях, с другой стороны, на пути таких теорий стоит пробковый слой философского истеблишмента, не способного и не желающего принимать настоящих теорий. Как я уже сказал, эта ситуация глобальна, но в Украине и России она усугубляется ещё недавним 70-летним господством «единственного и непогрешимого» марксизма и доходит временами до маразма, до наукообразных словоизвержений, начисто лишённых смысла. Вот пример: «Информация – это фундаментальный генерализационно-единый, безначально-бесконечный, законопроект автоосцилляционный, резонансно-сотового, частотно-квантового и волнового отношения, взаимодействия, взаимопревращения и взаимосохранения (в пространстве и времени) энергии, движения, массы и антимассы на основе материализации и дематериализации в микро- и макроструктурах Вселенной. (7)

Как можно пользоваться таким определением информации, известно одному лишь автору, который, кстати, является не гуманитарием, а доктором технических наук, профессором, зав. кафедры МИРЭА и президентом Международной Академии Информатизации. Что свидетельствует о том, что процесс не просто пошёл, как говаривал Горбачёв, а зашёл слишком далеко.

Выход из этой ситуации даёт единый метод обоснования научных теорий и вытекающие из него критерии научности. Как уже сказано, этот метод может приме-

няться с соответствующей адаптацией и в гуманитарной сфере. В связи с его применением в биоэтике уместно разъяснить один из аспектов этой адаптации. Прежде всего, нужно уточнить, в чём состоит разница между науками естественными и гуманитарными. Я вижу три основных отличия. О двух из них я уже писал выше, но напомним и здесь.

Во-первых, широкое применение количественных методов в сфере естественных наук возможно благодаря тому, что свойства объектов и явлений, изучаемых этими науками обладают не только принципиальной измеримостью (допускают введение отношения больше – меньше, но и позволяют введение единиц измерения (килограммов, метров и, т. п.) Многие полагают, что объекты и явления, изучаемые гуманитарными науками, не обладают ни тем, ни другим. На самом деле невозможно только установление единиц измерения в этой сфере, не существует килограммов любви и метров справедливости. Но принципиальная соизмеримость, установление отношения больше-меньше возможна и здесь. В большинстве случаев мы отлично знаем для себя, что эту женщину мы любили лишь слегка, а ту – до глубины души или «больше жизни», что эти стихи неплохи, а те – гениальны и т. п. Мы не можем только точно сказать, во сколько раз эти стихи талантливее тех. Но нужно заметить, что и физика не измеряет свои объекты с абсолютной точностью. Существует погрешность измерения, которая по мере развития науки и техники становится всё меньше, но принципиально никогда не станет равной нулю. Таким образом разница в этом отношении между гуманитарными и естественными науками лишь количественная. Поэтому мы не можем в гуманитарных науках применять количественные расчёты (как правило, хотя в социологии, скажем, ещё как применяем). Но эта разница

не мешает нам применять методы естественных наук и в частности единый метод обоснования в гуманитарной сфере на качественном уровне. Как это делается, я показал в (8).

Есть ещё одна сторона в вопросе соизмеримости в естественных и гуманитарных науках. Физические и прочие естественнонаучные соизмерения (измерения) объективированы настолько, что почти не зависят от субъективного фактора, от личности измеряющего. В то время как оценки разными людьми тех или иных стихов или справедливости в том или ином случае являются откровенно субъективными. На уровне индивидуума разница здесь действительно принципиальна. Но наука, как естественная так и гуманитарная, занимается не частным, а общим. Комитеты по биоэтике вырабатывают этические нормы не для каждого врача в отдельности, а для врача вообще. И вопрос о том, клонировать или не клонировать людей решается не для каждого генетика в отдельности, а для всей генетики, а точнее для всего человечества. При осреднении же оценок отношения по всем индивидам некоего общества или его части, мы получаем уже некую объективную оценку, характеризующую данное общество, его состояние на данный момент. Характеристика, которая объективно влияет на протекание в обществе тех или иных процессов. Таким образом, как я уже сказал, соизмеримость объектов по степеням их свойств не являются принципиальным водоразделом между естественными и гуманитарными науками (хотя и требует адаптации методов при их переносе из одной сферы в другую).

Второе отличие состоит в том, что естественные науки развили методы однозначного определения своих понятий, однозначной привязки этих понятий к опыту, однозначности постулатов, выводов и их вери-

фикации. Требования всех этих однозначностей являются требованиями единого метода обоснования (9, 10, 11). Гуманитарным наукам эта однозначность не только не известна, но она в них принципиально недостижима, поскольку она связана с возможностью введения количественной меры свойств. Однако, в связи с существованием принципиальной (неколичественной) соизмеримости свойств в гуманитарной сфере существует своя мера однозначности, которая может быть в ней достигнута. Эта мера опять же не может быть количественно выражена, зато всегда можно показать, что в такой-то конкретной теории можно сформулировать понятия (или постулаты или выводы) более однозначно, чем они сформулированы и таким образом осуществить оценку степени научности данной теории по этому признаку. Т. е. и это отличие не мешает применению метода естественных наук, в частности единого метода обоснования, в гуманитарную сферу, хотя опять только на качественном уровне.

Но есть и ещё одно важное различие между естественными науками и гуманитарными. Это так называемая аксиология, ценности, от которых рациональная наука отвлекается (хотя постпозитивисты пытались доказать, что выводы естественных наук влияемы со стороны аксиологических установок, но я это опроверг), а в гуманитарных науках это – та печка, от которой танцуют. Ценности же, как мы знаем, в истории человечества менялись от эпохи к эпохе и от общества к обществу. А тогда спрашивается, какой тут может быть единый метод обоснования и какой вообще рационализм, если, поменяв ценности, мы можем поменять выводы на прямо противоположные. Скажем, Маркс обосновал свой социализм на главной ценности, именуемой равенство. Россиянам эта ценность на определённом этапе их истории пришлась очень по душе и

они вчинили революцию (отвлечёмся пока от того, получили ли они при этом обещанное равенство). Но американцев эта ценность никогда особенно не волновала. Их гораздо больше всегда волновала индивидуальная свобода и возможность каждому разбогатеть и тем самым добиться неравенства в свою пользу. Поэтому идеи социализма в Америке никогда особенно не распространялись.

На первый взгляд кажется, что аксиология создаёт непреодолимое препятствие на пути применения не только единого метода обоснования, но и вообще какого-бы то ни было рационализма в гуманитарной сфере. На самом деле это не так и элементы рационализма присутствуют в любом даже самом гуманитарном из гуманитарных учений, в религии. Возьмём любую богословскую полемику, например, полемику Кальвина с его католическими оппонентами. И мы увидим, что аргументация каждой из сторон, хоть и начинается от неких ценностных по своей природе постулатов, кстати, общих для обеих сторон, но далее делается по тем же правилам дедуктивного построения выводов, по которым и физика извлекает свои выводы из своих постулатов. Только качество дедуктивных построений у отцов церкви похуже, чем у физиков. Но это не от того, что они пользуются другой логикой или другой дедукцией, чем физики, а оттого, что владеют ею хуже в общем, чем физики. Но и физики не владеют ею в совершенстве. Один пишет: отсюда следует то-то, а другой возражает: нет, вы тут допустили логическую ошибку и отсюда это не следует. И Кальвин тоже не оспаривает изречений Иисуса Христа и апостола Павла, от которых танцуют его оппоненты. Он только доказывает, что у его оппонентов хромает логика и дедукция и из этих же самых изречений Иисуса Христа и Павла следует нечто другое. Таким образом одна часть

рационализма (дедуктивное построение выводов) обязательно присутствует в любом гуманитарном учении и теории (пусть и в неявном виде) и мне не нужно её туда приносить. Хотя сознательное применение дедуктивного метода причём в полном его объёме (кроме количественных расчётов) в гуманитарной сфере позволит улучшить общий уровень её построений и уменьшить количество пустоговорения.

Но то, что в гуманитарной сфере применяется явно или неявно, сознательно или несознательно дедуктивное извлечение выводов из исходных посылок, ещё не делает её теории вполне рациональной наукой и не подтверждает возможности применения единого метода обоснования хотя бы на качественном уровне, поскольку вышесказанное об аксиологии гуманитарных постулатов пока остаётся в силе. Поэтому зададимся вопросом: чем отличаются постулаты-аксиомы естественных наук от аксиологических постулатов религии или любого гуманитарного учения. Релятивизаторы – постпозитивисты утверждают, что ничем не отличаются. Но не потому, что гуманитарные постулаты не связаны с аксиологией, а потому, якобы, что постулаты физики (и прочих естественных наук) не вытекают из опыта и поэтому тоже имеют аксиологическую нагруженность. Я показал (9, 10, 11), что наука, только тогда вполне наука, когда её постулаты полностью определяются опытом. Нарушая это требование, наука изменяет своему собственному методу – единому методу обоснования и это ведёт её, как правило, к парадоксам и противоречиям. Это всё ещё иногда случается в физике, несмотря на то, что естественная наука, и прежде всего физика, породила в своём развитии этот метод. Но до сих пор он существовал лишь на уровне стереотипа естественно научного мышления. А связаны ли постулаты гуманитарных учений, включая религию, с

опытом? Ну, конечно, нет, воскликнет читатель. Ведь они же от Бога. А может всё-таки да? Я не собираюсь в очередной раз столкнуть лбами религию и науку. Я не покушаюсь на утверждение иудаизма и христианства, что 10 заповедей даны еврейскому народу Богом через Моисея на горе в Синае. Но ведь выше я уже упомянул, что заповеди «не убий» и «не укради» были известны человечеству задолго до Моисея и известны они были, именно, из опыта. Я позволю себе высказать такую парадоксальную на первый взгляд мысль: постулаты религии имеют божественное происхождение, но это вовсе не исключает их связи с опытом. Только связь эта отличается от связи постулатов физики с опытом тем, что в физике речь идёт об уже имеющемся опыте, а постулаты религии связаны не только с уже имеющимся опытом, но и с потенциально возможным опытом человечества.

Если статья на эту точку зрения, то может показаться, что задача переноса методов естественных наук в гуманитарную сферу уже решена (я отвлекаюсь от того, что не все верят в Бога и готовы принять исходные постулаты религии). Но на эту точку зрения не так то просто стать.

Мало того, что я пока никак не обосновал предположение о связи постулатов религии с опытом, но сразу возникает возражение. Дело в том, что привязанные к опыту (если привязка сделана по правилам единого метода) постулаты естественных наук – не противоречат друг другу (т. к., выражаясь языком формальной логики, имеют область существования своих предикатов). И выводы, извлекаемые из них дедуктивно, если нет ошибок выведения, также обязаны быть непротиворечивыми. Но постулаты религии, скажем христианской, содержат много видимых противоречий, а выводы из них – тем более. И именно это является главной при-

чиной бесконечного ветвления христианства на конфессии и секты, гораздо больше, чем не совершенное владение методом дедукции. Каждая из конфессий выбирает себе, акцентирует, делает упор на постулаты, которые ей больше по душе, отвлекаясь от постулатов, также имеющих в Писании, но противоречащих этим. Например, знаменитое «Не судите, да не судимы будете» по видимости противоречит заявлению Христа «Я не пришёл отменить закон и пророков». Мало того, Иисус пришёл исполнить волю Отца Своего, но Бог Отец как раз и дал закон и повелевал судить. Таких противоречий можно указывать ещё много. И для того чтобы сделать биоэтику (которая пытается синтезировать религию с рациональной наукой) рациональной науке эти противоречия надо устранить. Кстати, отцы церкви утверждают, что Бог и есть истина, а поскольку истина не может быть противоречивой, то, следовательно, все упомянутые противоречия – лишь видимые. И церковь, сколько она существует, пыталась эти противоречия устранить и в некоторых случаях даже успешно. Так достигнут более менее консенсус по поводу понимания «Не мир, но меч принёс Я вам». Принято, что здесь имеется в виду духовный меч и это устраняет видимое противоречие этого утверждения Иисуса Христа с Его призывами к миру и любви. Но в большинстве случаев мы имеем разную трактовку таких противоречий не только разными конфессиями, но и разными трактователями внутри одной конфессии и даже у одного и того же трактователя. Такова судьба вышеупомянутого «Не судите, да не судимы будете, по поводу которого исписаны тонны бумаги, начиная с апостола Павла и до наших дней и тем не менее, что имел в виду Иисус Христос, говоря «не судите», остаётся практически столь же неясным, как это было для простых рыбаков с Кинерета, будущих апостолов.

Кроме того даже достижение консенсуса не гарантирует нам истинности трактовки. Привязка же к опыту, если бы она была достижима, обеспечивала бы и консенсус и подводила бы под него обоснование. Но невозможно же привязываться к будущему опыту. Мало того и привязывание к прошлому опыту здесь далеко не тривиальная задача. Это же не то, что в физике, где мы сами делаем опыты и именно те, которые должны прояснить интересующий нас вопрос. Здесь опытом является история, которую нельзя ни повторить, ни переделать, ни тем более прокрутить в ней какой-нибудь интересующий нас вариант. Может быть именно поэтому никто до сих пор (насколько мне известно) и не пытался осуществить эту привязку. Я попытался это сделать (13). Замысел работы такой: отслеживать духовную эволюцию, приводящую к современной западной цивилизации, начиная от иудаизма, через христианство и далее через нерелигиозные духовные (и антидуховные) идеи и их ветвление, а также влияние этих духовных идей на состояние общества. При этом выяснилось, что привязка гуманитарных постулатов к опыту в принципе осуществима. Естественно, только на качественном уровне. Но в гуманитарной сфере количественные методы и не нужны. Более того, я бы сказал, что если бы применение количественных методов было возможным в гуманитарной сфере, то это просто обеднило бы жизнь. Примером тому – компьютерное сочинение музыки и стихов и попытки компьютеризированной оценки поэзии. Естественно также, что поскольку привязка идёт только к прошлому опыту, то о полном и окончательном раскрытии премудрости Божьей не может быть и речи. Да было бы кощунственно ставить такую задачу. Но задача людей – продвигаться в познании настолько, насколько это возможно на каждом этапе. И самое главное, мне ка-

жется, эта работа позволит получить ответ на насущные вопросы современности, в частности те, которые ставит биоэтика. Ведь биоэтика, как и прочие гуманитарные науки, исходит из постулатов (посылок), которые, с одной стороны, не освящены авторитетом Бога, а с другой, не привязаны и к опыту. Так откуда же они берутся?

Ницше сказал, «...но тихо вращается мир вокруг создателей новых ценностей». Создаваться то эти постулаты – ценности создаются и мир вокруг них так движется. Весь вопрос только куда он движется. Вот, Маркс объявил наивысшей и абсолютной ценностью равенство и пол мира пришло к тоталитарному социализму. Вот, Ницше объявил наивысшей ценностью волю к власти и приключился фашизм. Вот, экзистенциализм с фрейдизмом объявили наивысшими ценностями свободу и чувственные наслаждения и произошла сексуальная революция. А почему вдруг равенство или свобода или воля к власти – наивысшие ценности? А потому что в природе человека есть потребность во всём этом и во многом другом. И в определённых обстоятельствах, сложившихся в ту или иную эпоху, можно одну из этих потребностей раздуть непропорционально другим. Т. е. есть возможность убедить людей в этом, внушить им, но это не значит, что это истина, что это пойдёт людям на пользу.

Биоэтика провозгласила наивысшей ценностью жизнь. Это звучит красиво и это соответствует моменту и порождаемым им настроениям. Ведь впервые в истории человечества жизнь всего человечества и даже всего живого на Земле оказалась под угрозой. Но ведь и равенство и свобода и воля к власти в своё время звучали красиво, соответствовали моменту и тем убеждали. И опять, как и тогда, постулат «жизнь – наивысшая ценность» не привязан к опыту. Нет сомнения, что

жизнь – это ценность, но наивысшая ли, абсолютная? Нет нужды перелопачивать всю человеческую историю, чтобы показать, что это не совсем так. Одна только проблема эвтаназии ставит это под сомнение. А если не воспринимать сотворение мира, описанное в Писании, буквально, а видеть в эволюции (направленной, как доказывают многие учёные эволюционисты, начиная с Берга) сотворение Богом мира и человека и соотносить с этим опытом постулат об абсолютной ценности жизни, то мы увидим, что он этому опыту противоречит. Эволюция, хоть и направленная, осуществлялась всё таки в немалой степени через истребление и индивидов и даже видов. Провозглашая в биоэтике святость жизни не только человека, но и животных и даже растений, мы надеемся превзойти самого Творца, что кощунственно с точки зрения религии и является благоглупостью и утопией с рациональной точки зрения. Да не сделают отсюда вывод, что я призываю мучить животных, разрушать естественную сферу обитания и тем более убивать по чьём зря людей. Стремясь душой в небо, мы должны твёрдо стоять ногами на земле, а это значит соотносить знание, даже полученное из Писания, с опытом. Иначе мы будем приходить к результатам, подобным тем, когда абсолютизировали равенство, или свободу, или волю к власти.

Упомянутая моя работа показывает, что наивысшей ценностью является приближение Человека, всего человечества к образу и подобию Божию. Все остальные ценности подчинены этой, а по отношению друг к другу выстраиваются в определённую иерархию.

После всего возникает вопрос, а что это такое «образ и подобие Божие» и можем ли мы найти на него ответ на том пути, который я предлагаю. «Образ и подобие Божие» – это оптимальная иерархия ценностей духовных и моральных, которую человек должен при-

нять в идеале. На основании сказанного выше ясно, что мы не можем получить исчерпывающий ответ на этот вопрос. Но мы можем на него ответить в степени, достаточной для разрешения проблем, стоящих перед человечеством сегодня.

Литература:

1. Feysrabend P. «Science in free society, London N.Y/ 1978.
2. «В Штатах Господь Бог наступает на Дарвина Вечерние Вести, Киев 6. 3. 2002.
3. Кун Т. «Структура научных революций, М. 1975.
4. Кулиниченко В. «Современная медицина: трансформация парадигм теории и практики, Киев, 2001.
5. I bid, с. 76.
6. I bid, с. 102.

Глава 10

Проблема толкования Священных Писаний и конфликт исламского фундаментализма с Западом

Проблема толкования Священных Писаний имеет отношение не только к конфликту исламского фундаментализма с Западом, но гораздо шире – к взаимопониманию между представителями разных религий, разных конфессий и даже верующих и атеистов. Но, конечно, конфликт между исламским фундаментализмом и Западом, сопровождаемый террором и угрозой мировой атомной войны наиболее важен. И в силу его важности и опасности для человечества в СМИ и научных трудах потрачено уже немало слов на объяснение его причин с рекомендациями по их устранению. И неправильное толкование Корана исламскими фундаменталистами и террористами объявлено многими причиной этого конфликта, а правильным объявлено его толкование умеренными исламскими богословами, а еще лучше западными религиоведами. И в качестве доказательства правильности умеренного толкования приводятся цитаты из Корана. Но фундаменталисты в ответ приводят другие цитаты из Корана, подтверждающие их точку зрения и таких цитат гораздо больше. И тогда начинают раздаваться голоса, что Коран – это злобедная книга. Но, ясно, что при таком подходе, ни о каком мирном разрешении конфликта не может быть и речи. И это возвращает нас к вопросу, что есть правильное толкование Корана и, вообще, Священных Писаний.

Исследование этой проблемы удобнее начать с Библии, а не с Корана, поскольку Библия, а тем более Ветхий Завет, написаны намного раньше Корана и здесь накоплен гораздо больший опыт толкования.

Мало того, толкования Библии со временем превратились в науку, которой занимаются не только богословы, но и ученые атеисты. И эта наука называется герменевтикой. Это – герменевтика в классическом понимании ее. Есть еще расширенное понимание и тогда речь идет о толковании любых текстов. Я ограничусь рассмотрением только классической.

Потребность в правильном толковании Библии появилась не только раньше герменевтики, но и раньше самой Библии в ее нынешнем виде. Едва только евреи заключили завет с Богом в Синае, приняв на себя исполнение Заповедей и Закона, как возник практический, жизненный вопрос, как их понимать и применять в каждой конкретной ситуации, которых жизнь обеспечивает бесконечное разнообразие.

Вот, например, одно из племен – колен израилевых, вениаминово, погрязло в содомском грехе и прочем разврате, что запрещено Законом.

Остальные, узнав об этом и желая исполнить Завет наилучшим образом, пошли против вениамитян войной и истребили их почти полностью, включая женщин и детей (осталось 400 человек). Потом они схватились за голову. Что ж мы наделали? Ведь в законе не сказано, как именно надо наказывать за этот грех, а мы, похоже, перегнули, истребили целое племя, да еще и невинных детей. Пожалуй, Бог накажет нас за это. Надо как-то исправить положение и самим наказать виновных в содеянном. И нашли как, и наказали. Истребили еще целый город Иавис Галаадский, жители которого как раз отказались принять участие в походе против вениамитян. Да, – вздыхает летописец – «в те дни... каждый делал то, что ему казалось справедливым».

Этот пример сразу вырисовывает нам всю проблему толкования Библии и любых Священных Писаний: Закон (ветхозаветный) требует справедливости (ну и

разных других вещей), но что такое справедливость в каждом конкретном случае, он не устанавливает. И, добавим, он принципиально не может этого сделать, ибо число различных возможных случаев бесконечно – непрерывно и всегда изменяющаяся жизнь подбрасывает, как уже сказано, все новые и новые. Выход может быть только один – установить правила, с помощью которых мы могли бы извлекать из писаного Закона, вообще из Библии, выводы для всех случаев жизни. А это как раз и будет герменевтика по определению.

Но до герменевтики, как науки, пока еще далеко. Пока что идут непрекращающиеся попытки толкования того, что уже дано Богом и что потом станет частью Библии, попытки, которые, по сути, являются занятием герменевтикой, но которые, как таковые, еще не осознаются, да и сам этот термин на это занятие еще не навешен.

Заметим, что с самого начала толкованию поддаются не только Заповеди и Закон, но и другие аспекты Писания. Так, например, на всем этапе истории, описанном в Ветхом Завете, евреев волнует и ими осмысливается и переосмысливается вопрос о том, как нужно понимать сам их Завет с Богом. В Завете сказано, что, если евреи будут следовать Заповедям и Закону, то им будет хорошо. Сначала евреи воспринимают это, как обещание Бога вознаграждать каждого праведного еще в этой жизни. Но действительность быстро опровергает такое их толкование Завета. Жизнь показывает, что и хорошо и плохо бывает и праведным и неправедным и чаще неправедным бывает хорошо, а праведным плохо. И через весь Ветхий Завет проходит вопль евреев к Богу по поводу этой несправедливости.

И только в самом конце ветхозаветного периода истории евреев Исайя и Иеремия догадываются до другого возможного толкования Завета, а именно, что не каждо-

му еврею воздастся при жизни за его праведность, а только всему народу, за праведность его в целом.

Толкования продолжаются и после окончания времен Ветхого Завета и возникновения Христианства. Причем продолжают они и у евреев, оставшихся при Ветхом Завете и продолжающих толковать его, и у христиан, толкующих и Ветхий и Новый Заветы вместе. И там и там эти толкования вырастают в горы книг высотой с Монблан. Что касается христиан, то Учение Иисуса Христа, как таковое, уже есть ни что иное, как толкование, причем революционное толкование Учения, данного Богом евреям в Ветхом Завете. Ведь Иисус Христос говорит, что Он «не пришел отменить закон и пророков», и в то же время Он формулирует положения этого закона иначе, чем они были сформулированы в Ветхом Завете и понимались до этого евреями.

«Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего». А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.... (Мат. 5. 43–48). И таких толкований – изменений закона у Иисуса еще много.

Революционно новое толкование, в частности, дает Иисус Христос смыслу Завета людей с Богом, вопросу, который так волновал евреев весь предыдущий период. Теперь оказывается, что вознаграждение за праведность получит опять не народ, а каждый сам за себя, но не в этой жизни, как сначала думали евреи, а в той, которая наступит после воскресения и Страшного Суда, т. е. в Царстве Небесном. Еще одним революционно новым толкованием у Иисуса Христа является утверждение, что и неправедные, но раскаявшиеся и поверившие в Него, будут прощены и тоже попадут в Царство

Небесное. В этом, в общем, и есть главный смысл Благой Вести, которую принес Иисус людям.

Толкования же слов самого Иисуса начинаются Его учениками немедленно по их произнесении и еще до того, как они будут записаны. Ученики – Апостолы, как правило, не понимают своего Учителя и перекручивают смысл его слов. Об этом свидетельствуют Евангелия, как словами Евангелистов, так и словами самого Иисуса Христа: «Переправившись на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов.

Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской.

Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не взяли...

Как не разумеете, что не о хлебах сказал Я вам, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской?

Тогда они поняли, что он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского». (Мат. 16, 5–7, 11,12) И т. п.

Толкования вкривь и вкось продолжаются и Евангелистами в процессе написания Евангелий. Нет сомнения, что Евангелисты, когда записывали свои воспоминания, не помня многого, с другой стороны добавляли кое-что от себя, что казалось им соответствующим духу Учения или подкрепляющим, делающим более убедительным его. А для придания веса этой отсебятине они часто ссылались на отдельные места из Ветхого Завета, толкуя их по своему усмотрению и, как легко показать, неверно.

Вот пример такого «рвения» у Матфея: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведal от волхов. Тогда сбылось реченное чрез пророка Иеремию, который говорит: «Глас в Раме слышен,

плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (Мат. 2. 16–18). Матфей хочет сказать, что «плачем Рахили» Иеремия предсказал избивание младенцев Иродом, а, значит, и рождение Иисуса Христа. Но это – грубое насилие над текстом. Достаточно прочитать у Иеремии абзац, следующий за процитированным Матфеем, чтоб увидеть это. Вот как это выглядит вместе: «Так говорит Господь: голос слышен в Раме; вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет. Так говорит Господь: удержи голос твой от рыдания и глаза твои от слез, ибо есть награда за труд твой, говорит Господь, и возвратятся они из земли неприятельской» (Иер. 31. 15, 16) Т. е. дети Рахили не истреблены, а уведены в вавилонское пленение, об исходе из которого и пророчествует здесь Иеремия. А к Иисусу Христу это не имеет ни малейшего отношения. Еще много таких примеров я привожу в моей книге «от Моисея до постмодернизма. Движение идеи» (Киев, 1999).

Много толкований Учения Иисуса Христа мы находим в посланиях апостолов, особенно Павла, причем, не всегда правильных. Их я разбираю в упомянутой книге, здесь повторять не буду.

После смерти последнего из апостолов Иоанна наступает трехсотлетний период анархии, вакханалии толкований, отличающихся необычайным буйством фантазии и заимствованием и внесением в Учение стиля и сути как рабинистических толкований Ветхого Завета, т. е. того самого фарисейства, против которого выступил Иисус, так и античного язычества, в частности, философии Платона. И даже влияние Кабалы четко прослеживается в толкованиях этого периода. Авторитет толкователя определялся на этом этапе только его умением впечатлеть своих последователей. Критическая

мысль, направленная на проверку соответствия толкований самому Учению, не наблюдается, или очень слаба.

Так, например, Барнабас видит в распростертых руках Моисея во время боя израильтян с Амалеком («Исход», 17) и в Медном Змие сооруженном Моисеем в пустыне («Числа» 21) прообраз креста, на котором будет распят Иисус Христос, и таким образом, предсказание Его пришествия и распятия. Почему? – Так ему хочется. Главное, что это впечатлило его современников христиан и посему дошло до нас в сохранившемся отрывке его «Послания». Он же рассматривает запрет евреям есть свинину, как указание истинным христианам избегать общения с не истинными, которые забывают своего Бога, когда им хорошо, и вспоминают только, когда им плохо. Действительно, это ж свинство, так вести себя; на это оказывается, и намекает Моисей, запрещая евреям есть свинину. А римский епископ Климент утверждал, что красное платье, которое Рахав повесила в окне своего дома в Иерихоне, как сигнал шпионам израильского полководца Иисуса Бен Нуна, пророчесствует о крови, которую должен будет пролить Иисус Христос. И т. д.

В моде были толкования, построенные на том, что в иврите каждой букве соответствует цифра. Заменяв в тексте Библии буквы в каком-нибудь слове, предложении или отрывке на цифры, и произведя с ними математические операции, которые ему хочется, толкователь получал какое-нибудь новое слово (чаще всего «Иисус») и этим доказывал, что и в этом месте Ветхого Завета было предсказано Его пришествие. Эта детская игра с цифрами заимствована из талмудических и даже кабалистических толкований, в которых отдельные верующие евреи упражняются по сей день, только с друзьями, естественно, результатами.

В этот период начинают входить в моду схоластические изыски на теологические темы, вроде божественной сущности, которые в принципе не могут привести нас к истине и только уведут от рационального содержания Учения. В средние века упражнения в схоластике достигнут совершенно фантастических размеров. Но вот как они начинались на этом этапе. Вот как доказывает Ориген («О началах») бестелесность Иисуса Христа и то, что Бог Отец породил Его раньше всего остального, т. е. раньше сотворения мира. Для начала он приписывает Соломону, что тот в своем гимне мудрости («Премудрость» у Оригена) под этой самой мудростью имеет в виду Иисуса Христа. Почему? Просто потому, что Оригену так хочется. Само собой, что у Соломона нет и намека на Иисуса Христа, ни в этом, ни в другом месте. Мало того, о мудрости Соломон писал очень и очень разное. Например, он писал «Во много мудрости есть много печали и, умножая знания, ты умножаешь скорбь». Что и это тоже надо относить к Иисусу Христу? А далее Ориген зацепляется за то, что в этом гимне мудрости Соломон говорит, что Бог сотворил мудрость раньше всего остального. У Соломона это всего лишь поэтический прием хвалы Богу за Его мудрость при сотворении мира. У Оригена это превращается в то, что ему хочется доказать, т. е. что Иисус Христос был сотворен раньше сотворения мира.

А в главе седьмой первой книги «О началах» Ориген выясняет, являются ли солнце, луна и звезды «начальствами» «или же нужно думать, что они имеют только начальство над днем и ночью, так как на их обязанности лежит освещать их, но, что к числу начальств они, однако, не принадлежат?» Это уже прямой пролог к средневековым дискуссиям на тему: сколько чертей может поместиться на конце иглы.

Еще одна линия, по которой происходило «развитие» Учения в это время, это включение в него элементов совершенно чуждых ему учений. Тот же Ориген, ничтоже сумняшеся и не задаваясь вопросом, как это можно увязать с Учением Иисуса, или где у Него есть хоть намек на что-либо подобное, принимает иудейское учение о перевоплощении душ.

Иногда толкователи этого периода включают в свои толкования доморощенные рассуждения, о чем попало, не имеющем никакого отношения не только к Учению, но к Библии вообще. Так тот же Ориген в первой главе второй книги «О началах» дает пространное рассуждение о материи, где среди прочего утверждает что «Материя имеет четыре качества: теплота, холод, сухость, влажность». Почему только эти четыре, почему не взять еще твердость, мягкость, объем, вес и мало ли еще чего? Неизвестно. И вообще, какое все это имеет отношение к Учению?

Я опускаю для краткости описание эволюции толкований Библии, происходивших после этого и до Нового Времени, когда появляется рациональная наука, как таковая, и герменевтика, претендующая быть рациональной наукой, в частности. Отмечу лишь, что такие печально известные явления этого периода, как инквизиция, индульгенции, священные войны и т. п., явились результатом неправильного толкования Церковью взятого ею на откуп Учения Библии.

Когда появилась рациональная наука, то представители ее попытались приложить свою руку к толкованию Библии, опираясь на методы, наработанные этой наукой в других ее областях. Поскольку и этих толкований накопилось с тех пор целые горы, то разбирать их подробно в рамках этой работы не целесообразно. Очерчу лишь пунктирно эволюцию этих толкований, что они дали и к чему привели.

Первое, чем занялись ученые рационалисты, обратив свой взор в сторону Библии, это доказательством того, что Бога нет, что Иисус Христос не существовал, а даже если существовал, то это был обыкновенный человек, а не Сын Божий, и, уж точно, Он не воскресал, не воскрешал, не ходил по морю, евреи не переходили посуху Красное Море, не могли есть манну небесную, потому что никакой манны нет, и т. д. Со временем выяснилось, что, по крайней мере, некоторые из этих доказательств несостоятельны. Красное Море, оказалось, при определенном направлении и силе ветра можно перейти, «манна небесная» оказалась семенами некоего растения, поднимаемыми ветром и выпадающими затем в пустыне и т. д. Не существование Бога (также, как и его существование) оказалось в принципе невозможным доказать рациональными средствами. И, наконец, по крайней мере, часть ученых догадалась, что главное в Библии – это ее Учение, указывающее людям, как они должны жить, и стало прилагать методы рациональной науки именно к этой части ее. Было признано, что для правильного понимания отдельных фрагментов Библии важно рассматривать их не сами по себе, а в контексте. (Пример того, как извлечение отдельного пассажа из контекста может приводить к неправильному толкованию, а учет контекста – к правильному, я привел выше для случая с «Плачем Рахили»). Далее сообразили, что Учение надо рассматривать не только в контексте книги, но и в контексте истории, т. к. отдельные слова и даже выражения могут изменять свой смысл с течением веков. Успехи лингвистики, археологии и, связанные с ними успехи истории в последние пару веков, помогли уточнить отдельные места в Библии. Но к единому, правильному толкованию Учения Библии герменевтика приблизила человечество до сих пор очень мало,

если вообще приблизила. Свидетельством тому – тот факт, что с появлением герменевтики (как науки), число христианских конфессий, равно как и течений в иудаизме, по разному трактующих это Учение, не только не убывало, но, наоборот, возросло. Мало того, к ним еще добавилось множество герменевтических школ – направлений, также каждое по-своему трактующих Библию и не имеющих между собой общего языка.

Приведу в качестве примера только две такие школы, из числа, более-менее, современных, к тому же объединенных под общим названием «структурализм». Одна из них, зачинателем которой является А. Гримас (A. J. Greimas), имеет под названием актантный анализ, другая, главной фигурой которой является К. Леви-Стросс (Claude Levi-Strauss), – парадигмальный анализ. Структурализм в целом исходит из убеждения, что любое повествование (не только Библия) имеет одну и ту же для всех авторов всех времен глубинную структуру. И достаточно эту структуру в повествовании обнаружить, чтобы получить его правильное толкование. Но, что из себя представляет эта структура, это у актантных и парадигмальных структуралистов – по-разному.

Актантные структуралисты представляют себе эту структуру следующим образом:

Дающий ; Объект ; Получатель
;
Помощник ; Субъект ; Оппонент

Причем для конкретного сюжета отдельное фигурирующее в нем лицо может выступать не в одной, а в 2-х, 3-х ипостасях – элементах этой структуры. Вот как,

например, выглядит она у актантных структуралистов в приложении к толкованию притчи о богаче и Лазаре:

Бог ; счастье/рай ; богач
;
Моисей/пророки ; богач ; его удовольствие

Т. е. Бог (дающий) хочет принести вечное счастье (объект) каждому из людей (получатель), но богач (один из возможных получателей, но также субъект, посредством которого Лазарь также может стать получателем) не может получить этот дар, потому что его стиль жизни, заключающийся в погоне за наслаждениями (оппонент), мешает ему принять его. Моисей и пророки (помощник), если бы богач внял тому, чему они учили, могли бы помочь ему преодолеть его жажду наслаждений.

Из этого примера видно, что, да, какие-то сюжеты можно, более-менее, подогнать под эту схему. Но, во-первых, видно, что притча о богаче и Лазаре не слишком гладко лезет под нее. Роль богача, как субъекта, через посредство которого Лазарь приходит к вечному счастью, выглядит изрядно надуманной. А во-вторых, что эта актантная схема помогает нам вскрыть в притче такого, что не было бы очевидно и без нее?

Не лучше дело обстоит с парадигмальным структурализмом. Последний в любом писаном сюжете предлагает видеть структуру, которую Гегель в своей диалектике видел, как главную движущую силу развития в жизни. А именно – две противоположности и тот или иной путь разрешения противоречия между ними. Также как Гегель с легкостью находил противоположности с противоречиями в жизни, так и парадигмальные структуралисты находят их в библейских сюжетах. Но и у Гегеля и у парадигмальных структуралистов есть

одно общее слабое место. Гегель в изобилии показывает нам, какие бывали в прошлом противоречия (тезисы и антитезисы) и как они разрешались в синтезисе. Но он не дает нам рецепта, как определить, какой получится синтезис, если он еще не осуществился. Ведь любое противоречие может быть разрешено весьма по-разному. И если нет правила, позволяющего однозначно установить, предсказать, какой получится результат, то соответствующая теория – не более наука, чем та, с помощью которой воспитывали фонвизинского недоросля. И у парадигмальных структуралистов нет рецепта, как нужно правильно понимать то разрешение противоречия, которое имеет в виду автор текста в Библии. Они просто указывают на обнаруженное ими противоречие (противостояние, противоположность персонажей, точек зрения, путей в жизни) иногда действительное (их в Библии хватает), а иногда и кажущееся им, и далее предлагают свое толкование разрешения этого противоречия, которое, якобы, имеет в виду автор. Но это их толкование никак не следует из их метода. Это просто их субъективное толкование, которое может быть и верным и неверным и может сколько угодно разниться от одного структуралиста к другому. Это также как, исходя из диалектики, определяли генеральную линию партии, которая изгибалась как угодно в зависимости от того, кто был генеральным секретарем правящей партии.

И все-таки герменевтика, как наука, принесла один важный, на мой взгляд, результат. А именно, было признано, что толкование существенным образом зависит от *preposition*, т. е. от представления, что из себя вообще представляет Библия. Ну, например, подавляющее большинство верующих и богословов считают, что все, что записано в Библии, исходит непосредственно от Бога (или Его Сына Иисуса Христа). Т. е. либо оно

записано людьми со слов Бога (Иисуса Христа), либо Бог внушил тем, кто написал соответствующие тексты в Библии (летописцы, пророки, евангелисты, апостолы) их мысли и слова. И тогда каждое слово в Библии свято и любые противоречия, которые мы обнаруживаем в Библии, есть, по определению, видимые и допускающие и подлежащие преодолению с помощью толкования. И даже если мы не находим такого толкования, которое преодолело бы какое-нибудь противоречие, то это потому, что божественная мудрость бесконечна, а человеческий разум ограничен и когда-нибудь мы дорастем и преодолеем, а пока что «верую, потому что нелепо». Представители же научной герменевтики исходят в большинстве из того, что различные тексты в Библии написаны людьми, каждый из которых обладал достаточной автономией, как мыслящий субъект, даже если их объединяла идейная общность (вера в единого Бога и т. д.). И поэтому тексты, написанные этими людьми, не обязаны быть не противоречащими один другому. Крайний вариант этой точки зрения – это, что Библия – это просто сборник мифов, наподобие мифов древней Греции, которые вообще никак между собой не связаны, или связаны лишь достаточно расплывчатым мировоззрением. При такой *preposition* вообще нет нужды истолковывать противоречия между отдельными авторами Библии. Достаточно правильно истолковать только, что хотел сказать каждый автор в отдельности.

Слабость каждой из этих двух главных существующих на сегодня *preposition* очевидна. В первом случае отнесение совершенно очевидных противоречий в тексте (примеры некоторых я дал выше, а еще больше их в упомянутой моей книге) на счет Бога смахивает на ересь – возведение поклепа на Всевышнего. Во-вторых, согласно представлениям самих верующих, Библия дана

людям для того, чтобы они жили по ее Учению. А как можно жить по учению, содержащему неустранимые противоречия? Например, Павел во многих местах требует «не судить» в прямом смысле слова. Иисус же Христос, не говоря про Моисея, требует судить. Судить честно, непредвзято, нелицеприятно и т. д., но – судить. (И то, и другое я подкрепляю обильным цитированием в упомянутой книге, поэтому здесь не буду повторяться). Так судить все же или не судить?

Наконец, а кто сказал, что все канонизированные в Библии авторы (и только эти авторы) были боговдохновенны, да еще в том именно смысле, что каждое их слово свято и они неспособны добавить никакой отсебятины? Это сделала Святая Церковь триста лет спустя после смерти Иисуса Христа. При этом она сделала выборку из огромного числа имеющихся на то время Евангелий, Посланий и подобных писаний, не включив в канон многие писания даже таких почтенных авторов, как апостол Петр. Но Церковь сама же признает, что боговдохновение (в указанном выше смысле) закончилось со смертью последнего из апостолов. Значит те, кто решал, что включать в канон, а что не включать, были пусть сколь угодно почтенные, но все же обыкновенные, не боговдохновенные люди, которые могли и ошибаться. А значит, они могли включать в канон и не боговдохновенных авторов (а вдохновенных не включать). К этому надо еще добавить неоднократное предупреждение Бога Отца в Ветхом Завете о том, что кроме истинных пророков могут быть и лжепророки и надо остерегаться последних. А, следовательно, необходимо критически относиться к словам всех тех, кто претендует на боговдохновенность.

Что касается второй proposition, то какой вообще смысл заниматься толкованием Библии, если не видеть

в ней учения о том, как жить людям. Тогда эти толкования могут представлять интерес разве что для написания диссертаций.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на частные успехи, связанные в основном с опровержением некоторых особенно одиозных ошибок в предшествующих толкованиях, герменевтика не дала до сих пор универсального, признаваемого всеми метода толкования Библии. Как следствие, она практически никак не способствовала нахождению общего языка между представителями разных конфессий Христианства и уж тем более в ее нынешнем состоянии не может служить основой для нахождения общего языка между представителями разных религий. И, наконец, никак не может в таком состоянии послужить разрешению конфликта между воинствующим исламизмом и Западом. Но может ли быть герменевтика, которая бы справилась со всеми этими задачами? Можно ли дать научно обоснованное толкование Библии, принимая во внимание, что наука занимается изучением объективной реальности, а вот в каком отношении к этой реальности находится Библия – это само по себе вопрос? Наконец, для того, чтобы найти единое обоснованное толкование, нужно, чтобы оно существовало, а, напомним, что многие ученые придерживаются мнения, что его вообще нет и не может быть.

Я утверждаю, что такая герменевтика возможна, и я ее построил. Но прежде, чем приступить к ее изложению, я должен заметить, что речь идет о толковании не всего, что есть в Библии. Чисто теологические вопросы типа, Бог один или в трех лицах, не подлежат рациональному исследованию и толкованию и в моей герменевтике не рассматриваются. Для нахождения взаимопонимания между представителями разных религий и конфессий они и не важны по большому счету:

пусть себе одни верят, что Бог один, а другие – что Он в трех лицах. Это никому не мешает. Моя герменевтика рассматривает только ту часть Учения, которая касается того, как людям жить, и в частности, воевать или не воевать и с кем и за что воевать. Это те вопросы, которые важны сегодня для выживания человечества и для его нормальной жизни. И я утверждаю и показываю, что эта часть Библии может быть истолкована рационально обоснованно, не противоречиво и в то же время убедительно и для искренне верующих людей.

В моей герменевтике, которую я использовал при написании книги «От Моисея до постмодернизма. Движение идеи» (где в первых двух частях дал толкование Ветхого и Нового Заветов) я исхожу из предположения, что Библия содержит стройное и непротиворечивое Учение, данное Богом и Иисусом Христом. Всех прочих авторов ее можно рассматривать как боговдохновенных в смысле их воодушевленности Учением или Святым Духом, но не в смысле того, что каждое их слово свято и не подлежит критическому рассмотрению. Их воодушевленность не делает их равными Богу по разуму. Они излагают слышанное ими от Бога или Иисуса Христа, толкуют его и развивают в меру своего чисто человеческого понимания, т. е. с возможными ошибками, вследствие которых появляются вышеупомянутые противоречия. Повторю, это – пока что лишь предположение, предпосылка дальнейшего исследования, а не его результат. Исследование может, как подтвердить эту предпосылку, так и опровергнуть ее. Предпосылка не требует доказательств, само исследование будет ее доказательством (или опровержением), но аргумент в пользу такой предпосылки я, все же, приведу. Он состоит в истории Христианства или народов, принявших его и прошедших через него. Именно эти народы возглавили развитие человеческой цивилиза-

ции и не видно других причин для этого, кроме того, что Библия содержит, пусть и искаженное толкованиями, но, в общем, правильное учение как жить.

После того, как принята эта предпосылка, можно применить для дальнейшего толкования Библии разработанный мной единый метод обоснования научных теорий. Описание метода с отсылками к книге и статьям по нему дано уже выше, поэтому я не буду повторять его здесь. Укажу только, что по требованиям единого метода обоснований научная теория должна быть выстроена в идеале аксиоматически (а на практике максимально приближена к этому идеалу), аксиомы должны удовлетворять определенным требованиям (например, непротиворечивости) и должны быть привязаны по определенным правилам к опыту. Конечно, Учение, данное Богом в Библии – это не научная теория. Поэтому единый метод применяется к нему в видоизмененном (адаптированном) виде. Здесь аксиомы не извлекаются из опыта и не привязываются к нему. Здесь аксиомы извлекаются из слов Бога и Иисуса Христа. Но требование их непротиворечивости остается. (А иначе, будет противоречиво само учение и по нему нельзя будет жить). Значит первое, что надо показать, – это что Бог Отец и Иисус Христос нигде не противоречат сами себе и друг другу. Если это сделано и непротиворечивая система аксиом выстроена, то тем самым в принципе уже создана та герменевтика, которая удовлетворяет сформулированному выше требованию. Требуется, чтобы с помощью этой герменевтики мы могли получать однозначные ответы, как нам поступать в соответствии с Библией (ее Учением) тех или иных случаях жизни. (Конечно, речь идет не о всех возможных случаях выбора в жизни, а лишь о тех, которых касается Учение Библии. Выбор, что нам взять на закуску, например, к этой области не относится). Это вытекает

из свойства аксиоматически выстроенной теории, состоящего в том, что система аксиом определяет однозначно все выводы теории, как уже сделанные, так и те, которые могут быть из нее получены когда-нибудь. (Кстати, этим свойством обладает только аксиоматически выстроенная теория). Таким образом, имея библейскую, так сказать, систему аксиом, мы имеем принципиальную возможность, получить единственный соответствующий Учению вывод для любой жизненной ситуации, связанной с моралью, духом и т. п. Например, для той, в которую попали евреи в вышеупомянутой истории с истреблением племени вениаминова. Или, что гораздо важнее, для ситуаций, порождаемых современной действительностью.

Нужно, конечно, учесть, что система аксиом – это не готовый алгоритм, по которому и ученик школы может без труда получить правильный вывод. Получение выводов из системы аксиом это – то же самое, что формулировка и доказательство теорем, т. е. задача творческая и в большинстве случаев достаточно нетривиальная. (Достаточно вспомнить продолжающиеся столетие и более попытки доказательства теоремы Ферми). Но это – тот общий язык, который позволяет представителям разных конфессий договариваться о том, что будет правильным (в смысле соответствующим Учению Библии) в любой из бесконечных по разнообразию жизненных ситуаций, касающихся как отдельного человека, так и общества в целом.

Первое, что дает нам такая система аксиом, это возможность все высказывания авторов Писания, а также все существующие на сегодня толкования его проверить на соответствие этим аксиомам. Если они выводятся из системы аксиом, значит, они являются правильным толкованием или развитием Учения. Если не выводятся, а тем более противоречат аксиомам, значит

они – неверное толкование, заблуждение авторов, какими бы почтенными ни были эти авторы.

Но задача вычленив непротиворечивую систему аксиом из того, что записано в Библии непосредственно со слов Бога Отца и Иисуса Христа, тоже не проста. Ведь даже в этой части Библии есть достаточно видимых противоречий. Особенно много таких противоречий есть между Учением Моисея (т. е. Учением Бога Отца, переданным Им через Моисея) и Учением Иисуса Христа. Выше я уже приводил примеры такого противоречия в понимании любви к ближнему и дальнему (или врагам), в понимании смысла Завета с Богом и т. д. Не меньше видимых противоречий есть и внутри каждого из Учений (Моисея и Иисуса Христа). Ну, например, кажущееся противоречие между многочисленными проповедями Иисуса Христа любви к ближнему и Его знаменитыми «Не мечите бисер перед свиньями» или «Не мир, но меч принес Я». Ведь свиньи в этой цитате – это не те, что с копытами, а те самые ближние, любить которых Иисус призывает в других местах. По видимости противоречие. Аналогично, как бы противоречит любви к ближнему и «Не мир, но меч».

Часть из этих видимых противоречий уже разрешена успешно герменевтикой с помощью приемов разработанных ею до сих пор, как-то учет просто контекста, учет контекста исторического и т. д. Пример использования таких приемов (контекста, в частности) я уже давал выше. Но этих приемов недостаточно для устранения всех видимых противоречий между Учениями Моисея и Иисуса Христа и внутри каждого из них. Для разрешения оставшихся (которые к тому же являются главными) я прибегаю к еще одному предположению, истинность которого предварительно доказываю.

Я показываю (в книге «От Моисея...»), что Учение не дано в Библии в виде догмы, а эволюционирует по

ходу ее. Смысл эволюции состоит в том, что Учение дается порциями, каждая из которых соответствует своему историческому моменту и состоянию тех, кому она дается в этот период. Первая порция дается праотцам, прежде всего Аврааму. Вторая – евреям в Синае через Моисея. Третья – через Иисуса Христа. Порции эти являются частями единого Учения, цель которого довести человечество до «образа и подобия Божия». Но эти части отличаются от частей научной теории, которая выдается обществу целиком и без заботы о том, созрело ли общество для восприятия ее. Части Учения выдаются с разрывом в столетия и тысячелетия и каждая из них должна сработать, оказать воздействие на человечество, не дожидаясь пока дана будет следующая. Наоборот, ее задача как раз подготовить человечество (по крайней мере, часть его) к тому, чтобы ему можно было дать следующую порцию Учения. Каждая часть должна быть такой, чтобы общество, пусть с трудом, с усилиями и со временем, но способно было бы ее воспринять. В результате движение человечества к «образу и подобию», направляемое Учением, происходит подобно движению парусного судна против ветра, т. е. контргалсами. Направленность вектора каждой порции Учения не совпадает с направленностью вектора предыдущей, но при сложении они создают вектор, направленный к «образу и подобию». К этому надо добавить, что в промежутках между появлением порций Учения общество эволюционирует не только под влиянием Учения, но и под влиянием воли и разума отдельных людей, а точнее говоря, каждого из людей. Эта эволюция уже не обязательно идет в направлении локального или глобального векторов Учения, а может идти и в противоположном, выдавая такие явления, как фашизм и т. п. Возвращаясь к видимым противоречиям между различными частями Учения, я утверждаю, что

они обусловлены разной направленностью локальных векторов Учения, а разрешение этих противоречий может быть достигнуто с помощью учета этой разной направленности локальных векторов (Учений Авраама, Моисея и Иисуса Христа) и глобального вектора (на достижение «образа подобия Божия»). В книге я подробно разбираю направленность каждого из векторов Учения, и чем она обусловлена, и к каким видимым противоречиям это приводит, и как они устраняются с учетом глобального вектора. Здесь я ограничусь лишь отдельными примерами.

Прежде всего, о направленности локальных векторов Учения. Перед тем, как Бог заключил завет с Авраамом, человечество забыло своего Творца. Оно полностью впало в многобожие, в мире не существовало монотеистической религии. Для того чтобы направить человечество по пути к «образу и подобию» Бог решает произвести от Авраама новый народ, который пойдет по правильному пути и укажет этот путь другим. Но, поскольку человечество, которое (согласно Библии) когда-то знало своего Творца, но забыло Его, то, прежде всего, надо было привязать безоговорочно вновь создаваемый народ к Единому Богу. Это и определяет направленность локального вектора Учения, данного Аврааму и действующего на этапе до Моисея, точнее до вручения через него евреям второй порции Учения в Синае. На этом этапе Бог ни разу не говорит евреям и праотцам, в частности, про «не убий», «не укради» и т. п. Но это не значит, что эти требования Бог еще не придумал, что Он еще не имеет Учения в целом, не знает его глобального вектора, которому эти требования, безусловно, принадлежат. Свидетельством того, что Бог и на этом этапе знает, что человек не должен убивать, красть, обманывать, прелюбодействовать и т. д., является наказание Им Каина за убийство

Авеля. Но от праотцов ничего этого прямо, вербально, в виде текста в договоре, в завете с ними не требуется. А требуется только безоговорочная вера в единого Бога и безоговорочное же ему послушание, выполнение прямых его указаний (например, Аврааму принести в жертву своего сына Исаака). Мало того, за их безоговорочную преданность Богу и послушание Ему им прощается нарушение заповедей. Аврааму прощается соучастие в прелюбодеянии, когда он подставляет свою жену Сару то фараону, то ханаанскому царьку, выдавая ее за сестру. Иакову прощается обман своего отца и брата, и тестя. Между тем как фараон и ханаанский царек за участие (неосознанное к тому ж) в том же прелюбодеянии наказываются. Таким образом, возникает видимое противоречие между Учением Авраама и Учением Моисея. По Моисею нельзя обманывать и прелюбодействовать (и соучаствовать в прелюбодеянии), а по Аврааму, вроде бы, все это можно. Разрешение же этого противоречия с учетом локальных и глобального векторов состоит в том, что, конечно же, нельзя обманывать и прелюбодействовать, но Аврааму, и вообще до Моисея, это временно разрешалось с учетом, так сказать, исторической обстановки в те времена и выполнения ими главного требования Бога (главного, опять же, для тех времен), безропотно выполнять Его непосредственные указания.

Аналогичная ситуация с видимыми противоречиями между Учениями Моисея и Иисуса Христа. Направленность локального вектора Учения Моисея – на закон и справедливость. Направленность вектора Учения Иисуса Христа на дух и любовь к ближнему. Но это не значит, что, давая Учение в Синае, Бог не знал, что для приближения к «образу и подобию» человеку требуется и духовность и любовь к ближнему. И Иисус Христос «не пришел отменить закон и пророков». Но евреев

времен Моисея еще рано было «грузить» духовностью в той мере, как это сделал Иисус Христос, они еще не способны были это принять. А вот во времена Иисуса Христа это не только можно было, но и нужно было сделать, потому что фарисейство искривило моисеево Учение, вытравив из него или исказив и те зачатки духовности, что в нем были. Отсюда и пафос филиппик Иисуса Христа против фарисеев и видимое пренебрежение Им закона. Отсюда и разное отношение Моисея (моисеева Учения) и Иисуса Христа (Учения Иисуса Христа) к «дальним». Во времена Моисея «дальние» язычники не могли еще принять Учения от евреев, которые сами еще не укрепились в нем. Они могли только помешать евреям укрепиться в нем. И потому отношение к ним должно было быть только как к врагам, т. е. без всякой любви. А во времена Иисуса Христа евреи уже достаточно укрепились в вере в единого Бога. Но Учение исказили, в частности, очерствели душой. Поэтому нужно было разжигать в них любовь к ближнему и расширять ее на «дальних». Более подробно я разбираю и разрешаю это, а также другие противоречия между учениями Моисея и Иисуса Христа в упомянутой книге. Там же я объясняю, как отклонение локальных векторов Учений от глобального влияет на появление видимых противоречий в внутри этих Учений.

Этот подход, эту герменевтику можно применить и к толкованию Корана. И тогда станет ясно, почему в Коране наряду с призывами к миру, содержатся призывы к войне и какие из этих призывов действительны сегодня и в каких случаях.

Литература:

1. Библия. Синодальное издание.
2. Ориген. О началах. В русском переводе Н. Петрова, по изданию Рига 1936 г.
3. W. W. Klein, C. L. Blomberg, R. L. Hubbard. Introduction to Biblical Interpretation. Word Publishing, 1993.
4. Jones-Wake. N. T. Apocryphal books. Bell 1979 edition.
5. А. Воин. «От Моисея до Постмодернизма. Движение Идей», ч. 1 «От Моисея до Иисуса Христа», Феникс, Киев, 1999.
6. А. Воин. «От Моисея до Постмодернизма. Движение Идей», ч. 2 «Христианство», www.philprob.narod.ru

Глава 11

О цикличности экономических кризисов

Все в этом мире циклично. Солнце всходит и заходит – цикличность. Циклично появляется комета Галлея. Человек рождается, проходит детство, юность, зрелость, старость и умирает. Рождаются, расцветают и умирают цивилизации. Кругом цикличность. Только цикличность цикличности разнь.

Никому и в голову не придет отменить или изменить цикличность восходов и заходов солнца или появлений кометы Галлея. А вот продолжительность жизни человека или продолжительность его молодости мы уже пытаемся изменить. А ведь не мы сами себя сотворили, как вид. Но изменить, тем не менее, пытаемся и уже есть результаты. А экономику и финансы мы сотворили сами и, тем не менее, как только разражается очередной кризис, мы слышим о неизбежности таких кризисов, потому что «Циклично». И есть циклы Кондратьева и еще ряд циклов покорооче. Только почему-то каждый новый экономический кризис является неожиданностью и для экономистов и для руководителей государств. В то время, как восходы солнца ни для кого неожиданностью не являются.

Для того чтобы разобраться, неизбежны ли экономические и финансовые кризисы, и что делать, чтобы их избежать, надо исследовать природу этих кризисов и причины их возникновения. Ограничусь финансовыми кризисами. Они стали возникать с тех пор, как более-менее сложилась кредитно-финансовая система. Эта система возникла, естественно, не для того, чтобы отравлять людям жизнь кризисами. Наоборот, она дала сильное преимущество экономике тех стран, у которых она была, перед экономиками стран ее не имеющих. В странах, где отсутствует кредитная система,

для того чтобы начать новое дело, расширить существующее, произведя инвестиции, и т. п., нужно накопить соответствующую сумму денег, на что требуется время, по причине чего развитие идет медленно. Кредитная система позволяет ускорить это развитие в разы. Но одновременно появляется риск на уровне каждого конкретного кредитора в каждом конкретном случае, что кредит не вернут. Обобщением этого частного риска является риск финансового кризиса в масштабе государства или всемирного. Простейший вариант такого кризиса произойдет, если все (большинство) должников договорятся между собой и откажутся погашать кредиты. Банки, капитализация которых (их собственные, принадлежащие им деньги) намного меньше, чем суммы, которыми они оперируют, не смогут больше выдавать кредиты, а заодно и возвращать вклады, экономика остановится и... кризис.

Ясно, однако, что этот вариант кризиса является чисто гипотетическим и реально произойти не может (или, скажем, не более вероятен, чем то, что в Землю ударит комета). Точнее он реален и это случается с отдельными банками, но в масштабе государства, тем более в мировом масштабе, кризиса по этой схеме не случалось и вряд ли случится. Кроме того, не видно никакой причины, по которой кризис в этом варианте должен бы был повторяться циклически. Те же кризисы, которые происходили до сих пор и происходили, как кому-то кажется, циклично (хотя цикличность требует постоянного периода повторения кризисов, чего, конечно, нет, иначе как бы могло быть, что нынешний кризис явился для всех неожиданностью), происходили по другой схеме. Причиной реальных кризисов было не нежелание многих людей возвращать кредит (отдельные — не в счет), а их неспособность вернуть

одолженные деньги. Как же случается, что сразу многие люди оказываются не в состоянии вернуть долг?

Деньги берутся в кредит либо для того, чтобы пустить их в дело, либо для того, чтобы приобрести нечто, стоимость чего превосходит имеющийся у человека запас денег. В обоих этих случаях человек рассчитывает, что его доходы в соответствующий период превысят обслуживание долга. Но поскольку будущее принципиально не детерминировано полностью, то всегда есть шанс, что человек не сможет вернуть деньги вовремя.

Легко видеть, что в случае, если человек берет так называемый потребительский кредит, вероятность того, что он не сможет вернуть его, более-менее пропорциональна отношению суммы кредита (всех его кредитов) к его зарплате или постоянному доходу. А вероятность того, что банку не хватит наличности, чтобы рассчитываться с вкладчиками, пропорциональна этой же величине, но осредненной по множеству должников банка. Правда, если банку не хватит наличности, он может одолжить у другого банка или у государства. Но долг надо возвращать и с процентами, а ресурсы другого банка и государства тоже не бесконечны. Все это усложняет расчет, но ясно, что, как частному лицу, так и банку и государству не так уж сложно оценить риски кредитования и определить для себя безопасную зону, зону повышенного риска и красную черту, за которую нельзя переступать. Все это относится только к потребительскому кредитованию. В случае кредитования бизнесового, когда деньги берутся под бизнес проект, оценка рисков иная и более сложная. Пока что, чтобы легче было прояснить природу финансовых кризисов, я ограничусь рассмотрением только потребительского кредитования. (Тем более, что нынешний мировой финансовый – он именно такой природы).

Тут можно поставить вопрос: если все так просто, то отчего же случаются кризисы, да еще такого масштаба, что весь мир колотит, да еще падают они на нас так неожиданно, как кирпич на голову? Неужто умные дяди, стоящие во главе банков, во главе государств, во главе всемирных финансовых учреждений не способны вовремя заметить приближение кризиса и хотя бы заранее оповестить нас о нем, не говоря уж о том, чтобы предотвратить его? А, между прочим, они очень даже имеют инструменты для предотвращения кризиса (в предположении, что они знают об угрозе наступления одного и хотят его предотвратить). Мало того, это – инструменты, которыми и банки, и правительства, и мировые финансовые институты пользуются в своей ежедневной практике для того, чтобы обеспечивать нормальное функционирование финансовой системы. Банки, помимо того, что они в норме проверяют клиентов на предмет их способности вернуть кредит и ненадежным не выдают (а в предчувствии кризиса могут ужесточить требования надежности), они, когда считают, что есть опасность массового невозврата, повышают кредитную ставку. При этом одновременно уменьшается число желающих брать кредит и увеличивается сумма, зарабатываемая банком на каждом кредите. А значит, уменьшается вероятная сумма не возвращаемых кредитов, а с другой стороны – увеличивается размер того потенциального невозврата, который банк может покрыть своими заработанными деньгами. Вообще то эта схема требует уточнения, но в любом случае, риск банка попасть в критическую ситуацию из-за невозврата кредитов при этом уменьшается. Правительство, точнее власть страны в целом, обладает своими инструментами для предотвращения кризиса в масштабе страны. Во-первых, нацбанк может увеличивать кредитную ставку для коммерческих банков, понуждая

их тем самым увеличивать эту ставку для потребителей. Но это мягкая и в серьезных случаях недостаточная мера, потому что банки могут кредитоваться не только у нацбанка, но и друг у друга, у иностранных банков и еще из разных источников. Но власть может просто запретить коммерческим банкам, выдавать кредиты под проценты меньше такого-то. Т.е. не всегда, не в каждой стране правительство имеет законное право так делать, но я имею в виду власть в широком смысле, включая все ее институты. Если нет соответствующего закона, то парламент может его принять. Наконец, правительство может потребовать увеличения капитализации банков, что увеличивает их непотопляемость. Сейчас это делается, но делается-то с опозданием. Надо было это сделать до того, как начался кризис.

Что касается мировых финансовых институтов, то сегодня их возможности по предотвращению мирового кризиса ограничены. Если это необходимо и целесообразно, то эти возможности можно и нужно увеличить. И сегодня МВФ дает свои кредиты на определенных условиях. Но можно в принципе его полномочия расширить международным соглашением, разрешив ему ограничивать кредитную ставку в странах снизу. Я не говорю, что это непременно надо сделать, я лишь указываю на принципиальную возможность. Кроме того, можно предоставлять это право МВФ не на постоянно, а временно, в ситуациях предкризисных. А оценивать ситуацию и принимать соответствующее решение будет другой орган ООН. Но пока что речь не о том, какие еще права нужно предоставить международным организациям или национальным правительствам, а о том, почему все эти инстанции не воспользовались своими инструментами вовремя для предотвращения нынешнего и всех предыдущих кризисов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, вернемся назад к исходной точке, к вопросу, для чего возникла кредитно-финансовая система. Она возникла для того, чтобы быстрее развивалась экономика. Заметим, экономика свободно рыночной системы. Потому что в плановой экономике кредитная система практически отсутствует за ненадобностью, а та усеченная, что все-таки имеет место, действует по другой схеме. Но рыночная экономика — это конкурентная экономика. В ней каждый субъект экономической деятельности, и банки в частности, старается урвать по максимуму. Потому что, если ты не урвешь по максимуму, то это сделает твой конкурент, и он не только обойдет тебя, но и задавит. А чем больше банк выдает кредитов, тем больше он зарабатывает. Поэтому он стремится выдавать их как можно больше. А если он сам берет кредиты у государства или еще где, а затем выдает их малыми порциями под больший, чем взял процент, то он зарабатывает еще больше. А для того чтобы у него больше людей брало кредиты, чем у его конкурента, он должен сделать кредитную ставку ниже, чем у того. А тот старается сделать то же самое. И так все они потихоньку катятся к финансовому кризису.

Тут читатель может воскликнуть: «Ну, хорошо, так было в случае первого финансового кризиса, ну второго, но потом ведь должны были сообразить, в чем дело, договориться между собой, наконец, государство должно было навести порядок в этом деле». И действительно, потом сообразили и поняли. Насколько хорошо поняли, оставим пока в стороне. Но то, что осознали и государство вмешалось и приняло меры, мы знаем хотя бы из того, что по окончании кризиса 1932 года и преодолении его последствий (тут неважно, что этот кризис был экономический, а не финансовый чисто, в природе тех и других много общего) было объявлено

на весь мир, что, мол, все, мы научились и больше кризисов не будет. И были выработаны вышеупомянутые инструменты, которыми государство может регулировать кредитно-финансовую систему для предотвращения кризисов. Так почему тогда кризисы продолжились и приняли всемирный характер?

Прежде всего, потому, что вследствие глобализации экономика стала всемирной, а государства (правительства), продолжая стоять над рыночной стихией своей страны, в отношении мировой экономики стали субъектами рыночной стихии. Развилась и необычайно развилась экономическая конкуренция между государствами, и они также стали залезать в долг друг у друга (беря прямые кредиты и через дефицит торгового баланса, и другими способами) и за счет такого кредитования, ускоряя свое экономическое развитие, но одновременно рискуя дефолтом. Частные заимствования за рубежом предприятиями и банками являются частью этой игры. Также как и государственные заимствования они способствуют росту национальной экономики и, в общем, также (хотя и с отличиями в нюансах) они представляют потенциальную угрозу финансового кризиса в масштабах государства. Тут неважно, какую декларативную позицию занимает правительство и власть в целом. Она может заявлять, что это частное дело банков и предприятий, сколько и где они берут кредитов. Но если чрезмерное заимствование частными банками и предприятиями обрушит банковскую систему или важную отрасль промышленности, то это будет касаться экономики в целом, а значит страны и народа в целом. И посему власть может занимать какие угодно позы, но де-факто она отвечает за чрезмерное заимствование частными субъектами предпринимательской деятельности за рубежом и должна отслеживать этот процесс и вовремя регулировать его.

Теперь взглянем на ситуацию с морально психологической точки зрения. Когда кредит берет физическое лицо на предмет потребления или кустарь одиночка для своего бизнес проекта, в котором никто кроме него не будет занят, то в случае невозможности вернуть кредит он рискует только собой, скажем, имуществом, под залог которого он получил кредит. (На самом деле, если он имеет семью, то рискует ухудшением материального положения вся семья, но для простоты можно рассматривать семью, как одно лицо, принимающее коллективное решение брать кредит и совместно за него отвечающее). Но если кредитов набрал сверх меры банк и вследствие этого рухнул, то кроме его владельцев, принимавших решение о взятии кредитов, пострадает огромное количество вкладчиков, никакого влияния на принятие решений банком не имеющих. Да еще могут пострадать другие банки, связанные с этим кредитными отношениями и, наконец, в случае особо крупных банков, может разразиться финансовый кризис в масштабе государства или всего мира. По соображениям морали хозяева банка должны с этим считаться и уменьшать риск, который они могли бы себе позволить, если бы рисковали только собой. Но если мы будем полагаться только на моральность предпринимателей и банкиров, то ясно где мы окажемся. Тем более, что их интересы и конкуренция толкают их к тому чтобы рисковать по максимуму, в зоне красной черты, иначе конкуренты могут обойти.

Другое дело государство или власть. Власть (не корумпированная) не имеет интереса в процветании банка А и его победе в конкуренции с банком Б. Она имеет интерес в процветании экономики государства в целом. Банк за вычетом угрызений совести (которые могут быть или не быть) не волнуется, что в случае его краха пострадают его клиенты, государство и хоть весь

мир. После нас, как говорится, хоть потоп. «Если я разорился, то какая мне забота, что в государстве в целом станет плохо. Мне-то ведь все равно плохо». Государство же, т. е. власть тут имеет интерес отличный от частного-предпринимательского или банкирского. Потому что если в государстве станет плохо, то те, кто у власти, лишатся этой власти (в демократическом государстве). Поэтому на этапе, после того как была осознана возможность кризисов и худо-бедно понята их природа, и до того, как государства сами стали игроками в глобальной мировой экономике, они, блюдя свой властный интерес, совпадающий в данном случае с интересом общества в целом, сдерживали чрезмерные риски банков и предпринимателей. Благодаря этому кризисов, по крайней мере, такого масштаба, как нынешний, не происходило. Но после того, как государства сами стали игроками в мировой экономике, персональный интерес власти и ее отношение к рискам изменились. Теперь власть при определенной ситуации могла уже не только не сдерживать чрезмерную рискованность финансовой политики банков, но даже поощрять их к еще большим рискам.

Остается показать, как эта модель работала в разрывании нынешнего мирового финансового кризиса.

Этот кризис начался, как известно, с Америки. Возникает вопрос, как власти Соединенных Штатов могли допустить его? Неужели они не понимали, что движутся навстречу кризису? Для того чтобы ответить на этот вопрос, процитирую из статьи известного американского экономиста Френсиса Фукуямы: «В международных отношениях рейгановская революция породила «Вашингтонский консенсус», на основе которого Вашингтон и институты, находящиеся под его влиянием, — например, МВФ и Всемирный банк — побуждали развивающиеся страны открывать доступ к их экономике».

«Тут есть еще более важный момент: из-за глобализации изъяны в этой логике несколько десятилетий оставались незамеченными. Иностранцы, казалось, никогда не утратят желания владеть американскими долларами, что позволяло правительству США накапливать дефицит одновременно с экономическим ростом. Ни одной развивающейся стране такое не сошло бы с рук. Вот почему вице-президент Дик Чейни, по слухам, с самого начала сказал президенту Бушу, что «дефицит ничего не значит» – этому, мол, учат 1980-е годы».

«После 1997 года Китай и ряд других стран стали скупать американские доллары в рамках целенаправленной стратегии по ослаблению собственных валют, дабы обеспечить бесперебойную работу своих заводов и уберечься от финансовых потрясений. «Америку после 11 сентября» это отлично устраивало: это значило, что мы можем одновременно сократить налоги, финансировать безумный бум розничного потребления, оплачивать две дорогостоящие войны – и все это при фискальном дефиците. Колоссальный и неуклонно растущий торговый дефицит, возникший в результате – к 2007 году он составлял 700 млрд. долларов в год – очевидно, было невозможно выдержать; рано или поздно иностранцы пришли бы к выводу, что Америка – не самое надежное место для размещения их средств. Падение американского доллара указывает, что час пробил. Очевидно, Чейни не прав – дефицит кое-что значит». (http://www.kontinent.org/article_rus_48f922df4597b.html. Перевод из Newsweek/inopressa.ru).

Что здесь значит «дефицит торгового баланса с одновременным ростом экономики»? Что значит, что китайцы приняли выгодную им стратегию удешевления их валюты в отношении доллара (т. е. попросту скупили дешевеющий американский доллар, не давая ему упасть), но эта стратегия была выгодна и американцам

(точнее им в первую очередь, но до поры до времени), позволяя им, несмотря на дефицит и долг, быстро наращивать экономику? Все это – ни что иное, как непрямая форма кредита, который американцы брали у китайцев, а также у японцев и т. д. Как и прямой кредит, это до поры до времени, точнее, до определенной меры, выгодно обеим сторонам. Но только до определенной меры. Потому что, как и прямой кредит, это заимствование несет и риск, тем больший, чем больше объем долга. А объем этот по любым критериям в разы превзошел показатели Великого кризиса 1932–37 годов. И это, не считая того, что для взбадривания загнанной лошади экономики Буш требовал от своего нацбанка понижать процентные ставки на кредиты, выдаваемые коммерческим банкам. А те в свою очередь понижали ставки по ипотечным кредитам, пока не лопнул тот самый банк. Т. е. американское правительство вместо того, чтобы охладить пыл в конкурентной борьбе между собой потерявших чувство меры в одалживании своих банков и потребителей, само толкало их к еще большему риску. И одновременно само одалживало вне всякой меры за рубежом. И действовало при этом, как азартный участник свободного рынка в конкурентной борьбе. Только в отличие от банков и предпринимателей, оно участвовало в конкурентной борьбе между странами.

Таким образом, мы видим, что то, что произошло в случае нынешнего мирового кризиса, не противоречит предложенной модели. Но с другой стороны, из статьи Фукуямы, в том числе из уже приведенных цитат, вытекает необходимость доразвития модели. Потому что в таком виде, как она есть сейчас, она не все объясняет в произошедшем. Остается все же неясным, как даже будучи азартным игроком в мировой конкурентной борьбе между странами, американское правительство дошло

до таких совершенно немислимых степеней риска. Чувствуется наличие еще одного фактора, кроме азарта конкурентной борьбы. И он есть. О чем свидетельствуют такие слова из уже приведенных цитат из Фукуямы: «...вице-президент Дик Чейни, по слухам, с самого начала сказал президенту Бушу, что «дефицит ничего не значит» – этому, мол, учат 1980-е годы».

И «Очевидно, Чейни не прав – дефицит кое-что значит»?

Они свидетельствуют о том, что заявления американских и вообще западных экономистов и политиков после кризиса 1932–1937-го годов, что они все поняли и кризисов больше не будет, т. к. они теперь умеют их предотвращать, это – явное преувеличение. Что-то они, безусловно, поняли, но далеко не все и ряд важных вещей не понимают и сейчас. Поэтому описываемая ситуация, это не ситуация, в которой люди осознанно идут на большие риски из-за азарта и под давлением обстоятельств. Это ситуация, в которой люди, азартно рискуя, еще и не понимают, какие именно риски они берут на себя (и, к сожалению, не только на себя, но и на свою страну и на все человечество). То, что дело обстоит именно так, можно подтвердить еще многими цитатами из Фукуямы. Например, такими: «Идеи – это одна из главных статей нашего экспорта, а с начала 1980-х годов, когда на президентских выборах победил Рональд Рейган, на мировом уровне доминировали две идеи, американские по своей сути. Первая – это определенная концепция капитализма, гласившая, что двигателем экономического роста являются невысокие налоги, мягкие регулятивные механизмы и ограниченная по сравнению с прежними временами роль правительства. Рейганизм обратил вспять тенденцию ко все большему наращиванию мощи правительства, которая существовала последние

100 лет. Отказ от регулирования стал девизом современности не только в США, но и по всему миру...

Большие идеи рождаются в контексте определенной исторической эпохи. Им редко удастся пережить кардинальные перемены в обстановке.

Вот почему в политической жизни доминирование левых и господство правых обычно сменяют друг друга циклически, на памяти одного поколения. Для своего времени рейганизм (или тэтчеризм – его британская разновидность) подходил отлично. Со времен «Нового курса» Франклина Рузвельта в 1930-е годы государственные аппараты по всему миру неуклонно разрастались и разрастались. К 1970-м годам крупные «государства благосостояния» и экономические системы, скованные бюрократическими ограничениями, доказали свою огромную дисфункциональность... Благодаря революции, которую осуществили Рейган и Тэтчер, стало проще нанимать и увольнять работников, что причинило людям огромные страдания в условиях сокращения или полного упразднения производства в традиционных отраслях. Но одновременно это подготовило почву для почти тридцати лет экономического роста и возникновения новых секторов типа информационных технологий и геномной инженерии... Как и все движения, преобразующие общество, рейгановская революция сбилась с дороги, так как для многих сторонников она сделалась непогрешимой идеологией, а не прагматичным ответом на крайности государства благосостояния. Две идеи получили сакральный статус: «налоговые льготы себя окупят» и «финансовые рынки могут саморегулироваться».

До 1980-х годов консерваторы практиковали консервативный подход к фискальной системе: то есть не желали тратить больше, чем получали в бюджет в качестве налогов. Но рейганомика привнесла идею, что

практически любая налоговая льгота будет столь хорошим стимулом для роста, что в итоге доходы государства за счет налоговых отчислений только повысятся (это так называемая кривая Лаффера). На деле верен традиционный взгляд: если ты сокращаешь налоги, не сокращая расходов, то получишь опасный дефицит бюджета...

Второй священный принцип эпохи Рейгана – отказ от регулирования финансового сектора... но отказ от регулирования породил лавину новаторских невиданных продуктов типа коллатерализованных долговых обязательств, которые лежат в основе нынешнего кризиса».

Как видим, тут Фукуяма прямым текстом признает, что в основе нынешнего кризиса лежит не какая-то мистическая, от нас никак не зависящая цикличность, а вполне конкретные ошибки в экономической политике американского правительства и находящихся под его влиянием Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка. Но, признавая это, Фукуяма умудряется и некую цикличность, якобы объективно неизбежную, сохранять. Вот, мол, меняются в Америке правительства, республиканские и демократические, и каждое гнет свою экономическую политику. Каждая из этих двух политик верна и хороша при определенных обстоятельствах, но ее продолжают применять и когда обстоятельства изменились, аж до тех пор, пока не загонят экономику в тупик или кризис. И только после этого меняют на другую. Получается вроде, что, хотя в основе кризисов лежат ошибки, но совершение этих ошибок циклично неизбежно. Вот «100 лет», со времен Рузвельта и до Рейгана (хотя на самом деле со времен Рузвельта и до Рейгана прошло отнюдь не 100 лет) господствовала и нарастала политика государственного регулирования экономики, пока не довела эту экономи-

ку до полной «дисфункциональности». Тогда ударились в другую крайность, полностью освободили экономику от регулирования, включая финансовый сектор, и снизили налоги, не ограничивая при этом расходов. Не просто не ограничивая, а раздули их до небес, за счет заимствований где угодно, в какой угодно форме (включая ничем не обеспеченное печатание денег, что есть тоже форма заимствования). И вот вам «объективная» цикличность с «обязательными» ошибками.

Тут невольно хочется воскликнуть: пардон! Такая цикличность была бы объективной, если бы она была в дикой природе или среди нецивилизованных дикарей, методом проб и ошибок познающих полезность и одновременно опасность, скажем, огня. Но как можно считать такие вещи объективными в современном, обремененном наукой обществе? Неужели нет экономических теорий, которые бы указывали, в каких обстоятельствах какую экономическую политику применять, и до каких пор? Более того, неужели экономической науке известны только два не варьируемых вида экономической политики: одна – жесткое регулирование всего и вся государством, другая – полный отказ от регулирования с минимальными налогами и т. д.? Неужели нельзя это регулировать, а это не регулировать или регулировать это в такой степени, а это в такой, с точными цифрами, указанными этой самой наукой? Кто тут больше виноват: ученые экономисты или политики?

Недавно выступал по радио директор украинского института теоретической физики и на вопрос не то ведущего, не то кого-то из радиослушателей сказал, что наука никогда не претендовала, что она знает все. Большинство слушателей, я думаю, с ним охотно согласилось, ... имея в виду физику. Согласилось, имея в

виду такую, примерно, картинку: физика исследует и космос и микромир. И там и там бесконечность. До какого-то предела мы уже добрались нашими приборами, а дальше пока не проникли. Понятно поэтому, что дальше мы пока не знаем. Но, следуя этой же логике, большинство не понимает, как может наука экономика чего-то не разумеет в своей сфере. Ну, в мире есть много предприятий и банков, но не бесконечно же много. А уж видов собственности, производственных отношений, финансовых инструментов и т. п. хоть тоже подразвилось, но если не несколькими сотнями, то уж несколькими тысячами их перечень можно исчерпать. Главное же, что любой финансовый инструмент, он же не возник в момент Большого Взрыва, куда нам вплотную не подобраться. Он создан нами самими и совсем недавно (в сравнении с продолжительностью жизни вселенной). Так неужели те, кто создавал какие-нибудь коллатерализованные акции и кто разрешал их, не понимали, что будет, если такой инструмент запустить на финансовый рынок? Нет, восклицают они, это, конечно, злой умысел банкиров и американского правительства (от которого, кстати, оно само пострадало, уступив власть на очередных выборах).

Этой неспособности экономической науки все знать и понимать в своей области не понимают не только простые граждане, но и журналисты, политологи и политики. Отсюда этот постоянный рефрен о профессионалах. «В той партии не профессионалы, а у нас профессиональ». «Нужно, вообще, составить правительство не из политиков, а из профессионалов». Спрашивается, а кто профессионал? МВФ во время финансового кризиса конца 90-х дал Аргентине и еще некоторым странам неправильные рекомендации, в результате чего те пострадали от кризиса гораздо больше, чем могли бы пострадать? Это – профессионализм?

Каждый не только политик, но и политолог, журналист считает себя профессионалом и выдает рекомендации, как нужно поступить, чтобы выйти из кризиса. При этом ни один не ссылается ни на какую экономическую теорию из существующих и не предлагает свою, и практически не аргументирует своих рекомендаций. Все очень просто: нужно взять голову Ивана Ивановича, приставить к ней уши Ивана Петровича и нос Ивана Сидоровича и получится прекрасное лицо. В таком, примерно, духе выдаются рекомендации по вопросу, от которого зависит судьба огромного количества людей и всего государства. А то еще устраивают ток шоу на радио или телевидении и каждый, кому не лень и кому удалось дозвониться, предлагает чего-нибудь в духе: «Нет, ребята, а вот я считаю, что к этой голове надо приделать свиное рыло, тогда будет о'кей». И поговорив с пол часа или час таким образом, считают, что приблизили страну к пониманию того, что нужно сделать, чтобы выйти из кризиса.

Возьмем еще Фукуяму, которого я цитировал выше. Разве это – научный стиль (то, что я зацитировала)? Это стиль обыкновенного здравомыслящего человека с неплохой логикой. Вот, есть две идеи: одна регулировать, другая не регулировать, каждая хороша в свое время, а их применяли не в свое. И все. Это – наука?

Но мы знаем, понаслышке хотя бы, что есть кейсианская теория, фридмановская и другие и что они где-то там применялись с пользой. То есть дэ факто получается, что экономическая наука существует и польза от нее есть, но, как и физика, знает она не все. А на практике дело выглядит даже так, что она в своей области знает намного меньше, чем физика – в своей. Объясняется это тем, что экономика не только сотворена человеком, но человек является еще и действующим фактором в экономике. Одного этого

достаточно, чтобы экономика, как и физика принципиально не могла знать все в своей области.

Но тогда что, скажет читатель, признать, что в кризисах, цикличны они или нет, никто не виноват и нужно сносить их, как сносим мы смену времен года или стихийные бедствия? Это не совсем так.

Из выше рассмотренного ясно, что главная слабость нынешней экономической науки – в ее неумении установить четкие границы применимости конкретных экономических теорий или моделей. Можно ли устранить этот ее недостаток?

Недостаток этот не является недостатком только экономической науки. Он присущ всей современной науке, включая физику. Когда-то, когда рациональная наука только становилась на ноги, и даже позже во времена Ньютона и Лагранжа, когда она уже хорошо стала на обе ноги, вопрос о границах применимости теории вообще не возникал. Главная и почти единственная тогдашняя наука физика, состоящая на тот момент в основном из механики Ньютона, стремительно расширяла область своего ведения, не наталкиваясь ни на какие границы своей применимости. Отсюда рождалась абсолютизация научного познания, как в марковом смысле, т. е. что новое знание ничего не изменяет в ранее добытом, а только добавляется к нему, так и в смысле отсутствия границ применимости научных теорий. Поэтому столь неожиданным для тогдашних физиков оказался опыт Майкельсона показавший, что у механики Ньютона есть границы применимости. Но даже до сих пор это до конца не осмыслено и не переварено физиками и вопрос о границах применимости возникает в физике только тогда, когда очередная физическая теория неожиданно (всегда неожиданно) наталкивается в каком-нибудь эксперименте на границы ее применимости (т. е. попросту этот экспе-

римент опровергает какой-либо вывод из теории). Тогда могут вспомнить про границы и начать создание новой теории, которая работала бы в расширенных границах и в частности не противоречила последнему эксперименту. Такая ситуация чревата для человечества опасностью самоуничтожения в эксперименте типа адронного коллайдера (поскольку именно в таких экспериментах и случаются выходы теории за пределы неизвестных до этого границ их применимости). Как видим непонимание вопроса о границах применимости научной теории более чем серьезно в случае физики. В случае экономики такое непонимание не грозит человечеству самоуничтожением, а только лишь экономическими кризисами. Мелочь, конечно, в сравнении с самоуничтожением, но тоже неприятно. Тем более что глобальный экономический кризис обостряет в целом ситуацию в мире, а это может привести к войне, в том числе и между атомными державами. А это уже делает опасность отсюда соизмеримой с опасностью оттуда.

Но мало того, физические теории наталкиваются на границы своей применимости, если не раз в столетия, как это было во времена Ньютона, то раз в десятилетия, как сейчас. А вот частота, с которой экономические теории наталкиваются на границы их применимости, несравненно выше. Это видно хотя бы из частоты, с которой происходят эти кризисы, особенно, если мы будем учитывать не только мировые кризисы, но и кризисы в отдельных странах. Это следует также из самого характера предмета экономической науки. В физике мы наталкиваемся на границу применимости теории только в процессе расширения области ее применения. Но в области, где мы уже успешно применяли нашу теорию, нет опасности, что при очередном ее применении мы нарвемся на неприятность. Мы и поныне с уверенностью применяем ньютоновскую механику при

скоростях далеких от скорости света. А в экономике такая опасность всегда есть. Потому что постоянно изменяется сам предмет ее – экономическая действительность. Вот вчера мы с успехом применили кейнсианскую модель в данной стране, а сегодня ее применение там же приведет к ошибке. Потому что за это время изменилась экономическая действительность в стране и в мире: произошла глобализация экономики, появились новые финансовые инструменты, франчайзинг, фьючерсы, еще Бог весть что. По Фукуяме изменились обстоятельства, а по мне – границы применимости теории. Обстоятельства и границы в данном случае – одно и то же. (И в случае, когда скорости приближаются к скорости света, меняются в одной терминологии обстоятельства, а в другой – границы). Так что Фукуяма прав, называя причину кризиса, но он прав задним числом. А наука – это та, «которая на основании предшествующих опытов предсказывает нам результаты будущих». Объяснить уже случившийся кризис Фукуяма может. А вот сказать: «Ребята, до сих, а то дальше мы нарвемся на кризис», и не просто произнести, но и однозначно доказать это (просто так это произносят прорицатели вроде астрологов, но если мы начнем рулить экономикой ориентируясь на предсказания астрологов, то далеко зарулим), он не может. Не может, потому что ни экономическая наука, ни физика, никакая другая наука, не выработала метода установления границ применимости своих теорий. Такой метод разработал я. Это – единый метод обоснования научных теорий. Он, как показано выше, позволяет для теорий, обоснованных по этому методу, установить наперед минимальные границы их применимости. Из всего этого ясно, какое значение имеет этот метод и для экономики.

Глава 12

Эволюция кризисов и экономические модели

С чего начались экономические кризисы? Ведь не всегда ж на планете они были. Логично предположить, что если сегодняшний кризис сложнее предыдущих, то первые кризисы были самыми простыми и, рассматривая их, легче понять, в чем суть явления, именуемого экономический кризис.

На первый взгляд кажется, что кризисы появились лишь на этапе капитализма и то не сразу, а лишь, когда капитализм дозрел до перепроизводства. На самом деле экономические кризисы существовали задолго до появления капитализма, правда, в гораздо более простой форме, но это именно то, что я ищу. В этой простой форме они существуют и сейчас, и не только у примитивных племен, но и внутри капиталистического мира. Только в виду их малой значимости для общества ученые экономисты не обращают на них внимания. Ну, а мы обратим.

Кризисы начались тогда, когда человек перешел от собирательства и охоты к ведению самого примитивного хозяйства. Т. е. к производству потребляемого им продукта (вместо потребления только того, что давала ему сама природа). Тогда сразу возникла проблема воспроизводства, состоящая в том, что часть труда шла на производство продуктов потребления, а часть – на производство вещей, необходимых для возможности будущего производства: орудий труда, семян и т. п. Между этими двумя частями объективно существует необходимая или оптимальная пропорция, не всегда и не всем очевидная даже на самом примитивном уровне хозяйствования. И когда эта оптимальная пропорция нарушалась, возникал кризис. И в этом и есть основа

всякого экономического кризиса. Только по мере того, как увеличивались объемы хозяйственной деятельности человека и усложнялись формы ее, труднее становилось определить, тем более, интуитивно нащупать этот оптимум, а последствия отклонения от него становились все более значительными. Напомню, что целью и причиной усложнения хозяйственной системы было получение все большего количества благ, при все меньших затратах труда, и эта цель достигалась. Но платой за это была все большая потеря устойчивости системы.

Но вернемся к указанному началу и рассмотрим, что тут – оптимум, и в чем суть кризиса при отклонении от него.

Во всяком производстве существует цикл. Ну, скажем, при производстве зерновых, для того чтобы, в конечном счете, собрать урожай, нужно сначала обработать землю, посеять, может еще какие-то работы произвести, и только потом, по прошествии соответствующего времени, собрать урожай. Каждый из этапов этого цикла требует не только затрат труда, но и затрат материального ресурса, ресурса, который сам по себе есть результат труда прошлого. Чтобы пахать, нужно иметь орудия труда, как минимум плуг, а в дальнейшем лошадь к нему, потом трактор. Чтобы сеять, нужен, как минимум посевной материал, а в дальнейшем и сеялка. Все эти вещи есть результат труда. В простейшем случае труда самого сеятеля, а в дальнейшем труда других производителей. Но в последнем случае для того, чтобы получить их сеятель должен отдать взамен какую-то долю результатов своего предыдущего труда. Когда в конце цикла сеятель соберет урожай, то, для того чтобы вновь повторить успешно цикл производства, он не должен потребить все, что произвел, а должен часть зерна оставить на следующий посев, а часть на обмен

на орудия труда, вместо изношенных и т. п. Если он не оставит зерна на посев или не потратит часть урожая на обеспечение себя достаточными орудиями труда на следующий цикл, то через год он будет в кризисе – у него не хватит продуктов потребления. Из этого примера видна и суть кризиса и суть вышеупомянутого оптимального соотношения. Правда, на этом первоначальном этапе оптимальное взаимоотношение частей труда, необходимого для обеспечения текущего потребления и для возможности обеспечения будущего потребления, настолько очевидна, что только дурак и нерадивый могли сильно отклониться от этого оптимума.

Но время шло, и хозяйственная система человечества непрерывно усложнялась, сначала медленно, а сегодня с головокружительной скоростью. Рассмотрим некоторые из наиболее важных этапов этой эволюции. (Я дам лишь грубую схему ее, но этого будет достаточно для поставленной мной цели).

В качестве очередного я хочу рассмотреть этап промышленного производства товаров с применением машин и наемного труда. Чем он отличается от предыдущего этапа индивидуального и мелко товарного производства с точки зрения рассматриваемого оптимального соотношения и его определения? Индивидуальный производитель производит товары (продукты) в основном для своего и своей семьи потребления. И он точно знает, сколько ему нужно товаров для этого. Ту небольшую часть продукции, которая ему нужна для продажи (обмена), он может вычислить, пусть не абсолютно точно, но с высокой степенью точности и надежности, потому что хозяйственная эволюция на этом этапе идет медленно и цены, (обменные соотношения) достаточно стабильны. А при товарном производстве производитель производит основную часть

продукции для продажи. Причем этот же вид товара производит не он один, есть конкуренты. Количество продукции, которую он может продать по предполагаемой цене, зависит от многих факторов и точному определению не поддается. Прежде всего, оно зависит от количества аналогичной продукции, которую произведут другие производители. А в ситуации абсолютно нерегулируемого рынка (ранний этап капитализма), отдельный производитель не знает, сколько произведут другие. Во-вторых, это зависит от цены, по которой другие выставят этот товар. Возможность продавать товар дешевле зависит от его себестоимости. Себестоимость зависит от технологического уровня производства. А технологический уровень зависит от объема инвестиций. Причем зависит отнюдь не простой, линейной зависимостью. В результате получается достаточно высокая неопределенность для индивидуального производителя, как с точки зрения того, сколько нужно произвести товара, так и с точки зрения пропорции между средствами на производство и на инвестиции для будущего производства. Как следствие, индивидуальные производители периодически терпят кризис, в частности, разоряются, но обществу в целом это, как правило, идет на пользу, потому что другие производители продолжают преуспевать, а производимый товар дешевеет. Но теперь появляется и возможность кризиса всего общества, кризиса перепроизводства, при котором весь произведенный товар либо вообще не может быть потреблен обществом, либо для того, чтобы спрос сравнялся с предложением, нужно настолько понизить цену товара, что этого не может выдержать ни один производитель его. Кризис проявляется в том, что предприятия перестают работать, рабочих увольняют, а поскольку они перестают получать

зарплату, рынок сужается и от этого запустить по новой производство становится еще труднее.

Следует отметить еще такой момент в новой ситуации. Предприниматель – производитель, отстающий от своих конкурентов по части инвестиций, рискует проиграть им и разориться. А чрезмерное инвестирование приводит к такому изобилию товаров, которое общество не может потребить, т. е. к кризису. Это по очень грубой схеме. Если ее немного усложнить, приблизив к реальности, то бурный технический прогресс, связанный с инвестированием, ведет не обязательно к кризису, а, как вариант, к ненормальному искусственно раздутому потреблению. Последнее не есть кризис в узком смысле слова. Но оно ведет к искривлению нормальной природы человека и общества, к обездуховливанию его, а с другой стороны – к чрезмерному истощению природных ресурсов и загрязнению окружающей среды. Отдаленные последствия такого процесса могут быть хуже простого кризиса.

Если еще уточнить эту схему, то нужно отметить, что даже чрезмерный научно технический прогресс не является однозначно злом. Он же позволяет развивать экологически чистые технологии и освобождает (или в принципе может освобождать) время человека для нужд его духовного развития и совершенствования. Но опять же искусственно раздуваемое потребительство ведет к тому, что освобождающееся от необходимого труда время люди тратят не на духовное развитие, а на оскотинение.

На рассмотренном выше этапе эволюции появляется еще такое важное, относящееся к исследуемому предмету явление, как реклама. Возможность продать больше или меньше товара зависит не только от того, сколько аналогичного товара поставят на рынок конкуренты, и не только от его сравнительной с конкурентами

себестоимости, но и от рекламы. Причем от рекламы зависит не только доля рынка, которую может захватить конкретный предприниматель, но и объем рынка по данному виду продукции в целом. Как известно, с помощью рекламы можно всучить холодильники эскимосам. Но насколько можно расширить рынок с помощью той или иной рекламы, трудно вычислить даже приблизительно. Кроме того, искусственно расширенный таким образом рынок может затем самым неожиданным образом сжаться (эскимосы сообразят, что их дурачат и холодильники им не нужны). Все это еще больше увеличивает неустойчивость системы, вероятность кризиса и его ожидаемый масштаб.

Еще нужно учесть, что инвестиции и научно-технический прогресс, неограниченно увеличивая производительность труда при принципиально ограниченной потребности в конкретном товаре, с неизбежностью приводят к сокращению занятости в соответствующей области производства. Откуда возникает другое кризисное явление, именуемое безработица, усугубляющее к тому же проблему спроса. Правда, научно-технический прогресс приводит также к появлению принципиально новых товаров, неизвестных прежде, на которые возникает и новый спрос, а производство этих новых товаров способно поглотить часть высвободившейся рабочей силы. Таким образом, научно-технический прогресс, нарушая, с одной стороны, баланс экономической системы, с другой стороны, сам же его восстанавливает. Но процессы нарушения и восстановления равновесия системы под влиянием научно-технического прогресса не синхронизованы во времени и количественно. Так что свою долю дисбаланса в систему научно-технический прогресс все-таки вносит, тем большую, чем быстрее он происходит.

Теперь перейдем к этапу развитой финансово-кредитной системы и соответствующих отношений. Напомню, я строю грубую схему, необходимую мне для выяснения сути явления, именуемого кризис, а не пишу экономическую историю человечества. В действительности кредитные отношения и товарное производство развивались параллельно и взаимосвязано. Но с точки зрения изучения влияния их на устойчивость системы и на кризисы есть смысл рассматривать эти факторы порознь, как отдельные этапы. Да и чисто исторически рассмотрение таких этапов тоже правомочно, поскольку, начиная с какого-то момента роль финансово кредитных отношений в развитии экономики и в ее устойчивости – неустойчивости стала определяющей и это позволяет говорить о новом этапе. Так вот как же повлияли развитые кредитные отношения на экономику и ее устойчивость?

С одной стороны, они способствовали ускоренному развитию экономики, поскольку раньше, чтобы осуществить крупные инвестиции, человек должен был накопить соответствующую сумму денег, что отнимало много времени и не всегда, вообще, было возможно. Теперь человек мог взять эти деньги в кредит в банке или выпустить акции своего предприятия. С другой стороны, они усугубили неустойчивость экономики сразу по нескольким направлениям.

Сегодня банковская система – это кровеносная система экономики в целом и, как особенно хорошо показал последний кризис, ее паралич мгновенно становится параличом всей экономики. Раньше в экономике не было такого привилегированного сектора. Т. е. связь между секторами экономики существовала и существует, конечно, и помимо финансово кредитных отношений. Скажем, спад в строительстве неизбежно вызывает спад в производстве строительных материалов. Но это

были связи между отдельными секторами экономики. Финансово же кредитный сектор связан со всеми остальными без исключения. И при такой исключительной роли этот сектор обладает повышенной, по сравнению с другими, неустойчивостью. Причины особой неустойчивости финансового сектора я описал в предыдущей главе, здесь повторю их кратко.

Сам по себе факт кредита несет риск его не возврата. Например, предприниматель взял кредит на предмет инвестиции, осуществил ее, но не получил ожидаемого результата и вернуть кредит не может. При этом страдает не только сам предприниматель, но и банк, а в случае особо большого кредита или большого количества невозвращенных кредитов страдают еще и вкладчики банка, т. к. банку нечем с ними рассчитываться. Если не возврат кредитов приобретает массовый характер, рухнет банковская система, а с ней и экономика. На самом деле не требуется даже массового, в масштабе страны, невозврата. Достаточно, чтобы рухнуло два — три крупных банка и остальное доделают вкладчики, потерявшие доверие ко всей банковской системе. Опасаясь, что могут рухнуть и те банки, где они держат вклады, они начнут их срочно забирать и тем парализуют всю банковскую систему. Понятно, что в случае товарного производства без кредитной системы, риск неудачного инвестирования касается лишь каждого конкретного инвестора и не влияет на устойчивость экономики в целом. Эта дополнительная неустойчивость экономики, связанная с самим фактом кредитных отношений, усугубляется еще конкуренцией банков между собой в борьбе за кредиторов (на которых банки зарабатывают свою маржу). Эта конкуренция толкает их к снижению кредитной ставки и к ослаблению проверки кредиторов на надежность. Что ведет к увеличению рисков и ненадежности.

Другая линия, по которой финансово кредитная система увеличивает неустойчивость экономики, — это влияние ее на спрос, способность искусственно раздувать его. Люди берут кредиты не только для инвестиций, но и для потребления. Это увеличивает спрос и тем симулирует развитие экономики. И людям это удобно для приобретения квартир и т. п. Но кредиты надо возвращать. Теперь представим себе стационарную экономическую ситуацию. Нет роста производительности труда, роста зарплат и т. д. Выплачивая большой кредит, растянутый на годы, да еще с процентами и имея неизменную зарплату, человек должен существенно сократить потребление по сравнению с тем, какое было у него до взятия кредита. Правда, если человек зарабатывал больше, чем потреблял, и часть заработанного превращал в сбережения, скажем под ту же квартиру, а потом не захотел ждать годы, пока накопится вся сумма, и взял кредит, то он может как бы и не сокращать своего потребления. Но и это не совсем точно, так как кроме взятой в кредит суммы он должен выплачивать еще и проценты. И как минимум на величину этих процентов он должен все же сократить свое потребление. На самом деле потребление при таких больших покупках в кредит сокращается, как правило, несравненно больше, потому что большинство берет потребительские кредиты не в расчете на сохранение прежнего уровня потребления, а сознательно идя на уменьшение оно. Можно ведь питаться по ресторанам, а можно, во имя вожаемой квартиры, подтянуть пояс. Таким образом, распространение массивных потребительских кредитов, закладывает мину под будущий спрос, а, следовательно, готовит кризис. Наступление кризиса оттягивается, как правило, тем, что для погашения одних кредитов люди берут другие, раздувая тем классический пузырь, который рано или

поздно все-таки лопаются, и чем больше он успел надуться, тем мощнее получается кризис.

Следующий этап – это этап олигархическо-монополистический. Он меняет ситуацию с рисками и тем самым еще больше увеличивает неустойчивость экономической системы. Предприниматель, инвестируя в некий проект с помощью кредита или без него, рискует. Но если этот предприниматель или банк является системообразующим предпринимателем или банком, то его риск намного ниже по сравнению с риском обычного, небольшого предпринимателя или банка. Это потому что, в случае неудачи, ему практически гарантирована поддержка государства за счет налогоплательщика из-за того, что его крах больно ударит по экономике в целом. За примерами в условиях нынешнего кризиса не надо далеко ходить и я их не стану даже приводить. А поскольку предприниматели и банкиры конкурируют между собой и в этой борьбе побеждает тот, кто пойдет на больший риск и не сорвется, то олигархи, имея дополнительную страховку от государства, и идут на этот больший риск, не считаясь с тем, что рискуют они не только своим капиталом (а иногда своим и не рискуют вовсе), а, прежде всего, экономическим положением страны. (Более подробно этот процесс описан в следующей главе «Современная олигархия»).

И, наконец, еще один этап – это глобализация мировой экономики. Этот этап, во-первых, распространил неустойчивость национальных экономик, на мировую. Торговые и финансово кредитные отношения перевязали между собой экономики большинства стран. Это сотрудничество позволило еще быстрее развивать мировую экономику, но зато теперь кризис, начавшийся в одной стране, достаточно мощной экономически, распространяется на другие и становится мировым. Во-

вторых, то обстоятельство, что государства (или правительства) стали теперь сами участниками экономической конкуренции (между странами) и кредитно-финансовых отношений (помимо того, что корпорации и банки делают теперь внешние заимствования, их делают и государства друг у друга), ослабило их роль стабилизаторов финансовой политики внутри своих стран. Вместо того чтобы сдерживать чрезмерно рискованное кредитование своих предпринимателей и банкиров, правительства теперь зачастую стали поощрять их в этом. Как это происходит, более подробно я описал в предыдущей главе.

Теперь перейдем к экономическим моделям. Но прежде нужно расширить предыдущее описание эволюции. Дело в том, что экономические модели описывают не только кризисные состояния экономики, но и нормальные и целью их является не только предсказывать кризисы и давать рекомендации, как их избежать, но и указать пути наиболее быстрого развития. Рассматривая эволюцию кризисов, я, конечно, рассматривал в немалой мере и эволюцию самой экономики (одно от другого нельзя оторвать). Но поскольку я концентрировался именно на кризисах, то есть еще несколько моментов, которые нужно рассмотреть, прежде чем перейти к экономическим моделям.

Первый такой момент – это игровой аспект экономики. Капиталистическую и социалистическую экономики можно рассматривать как игры по разным правилам, типа футбол и шахматы. Но эти правила менялись и меняются и внутри капитализма и менялись внутри социализма, пока он был жив. Они менялись и меняются постепенно, эволюционно, а сам переход от капитализма к социализму был скачком внутри этой эволюции, т. е. революцией. Меняются они через законы, принимаемые законодательным органом власти и через

решения правительства. Примером этих правил служит, прежде всего, уголовный кодекс, запрещающий, в частности, отбирать просто так, т. е. грабить, воровать и т. п. чужую собственность, затем налоговое законодательство, устанавливаемые правительством таможенные и акцизные сборы, лицензирование, квотирование и т. д. Необходимость постоянного (или время от времени) изменения, совершенствования правил экономической игры связана с эволюционным изменением самой экономической действительности и даже, более того, действительности вообще. Ну, скажем, на раннем этапе капитализма не было еще монополий. Потом они появились и, не нарушая существующих на то время правил, совершенно законно начали тормозить развитие экономики, разрушая равноправную конкуренцию. Для исправления ситуации понадобилось антимонопольное законодательство. Или, когда не было финансово кредитных отношений, не было и финансовых пирамид. Когда возникала финансово кредитная система, все видели преимущества, которые она дает, но никто еще не предвидел, что со временем найдутся люди, которые додумаются до МММ. Но эволюцию остановить невозможно, поэтому постоянно появляется что-нибудь новенькое. Разное новенькое. Иногда – хорошее, как сама финансово кредитная система, иногда – пирамиды. В результате опять появляется потребность в изменении правил игры. Мало того, все эволюционно возникшее хорошее может со временем портиться или приносить негативные побочные результаты. Это относится, прежде всего, к экономике в целом, которая, весьма облегчив удобствами жизнь современного человека, в то же время привела к массе серьезных негативных последствий, таких как ухудшение экологии, изменение климата, истощение природных ресурсов, опасность техногенных катастроф и т. д. Все это требу-

ет все новых и новых изменений правил игры. Вводится плата за использование природных ресурсов, квоты на выхлопные газы и т. д.

Еще один важный момент, который нужно учитывать, строя экономические модели, это процедура реализации этих моделей в реальной экономике. Кое-что об этой процедуре я уже сказал выше. Это – законы, принимаемые парламентом, и постановления правительства, устанавливающие правила игры в соответствии с принятой экономической моделью. Но мало принимать законы и постановления. Надо еще чтобы они выполнялись. Никакие принятые правила игры никогда не выполняются всеми ее участниками. Это связано с тем, что нарушение правил игры, если оно не наказуемо, приносит выигрыш тем, кто на него идет. Выигрыш индивидуальный за счет проигрыша общества в целом. Поэтому общество вынуждено создавать специальные институты для пресечения таких нарушений. Это, прежде всего, суды, затем всевозможные контролирующие и инспектирующие органы. Наконец, существуют органы типа нацбанка или фонда госимущества, которые обладают функциями, как контролирующими в какой-то части экономики, так и правом принимать решения в этой же области. Например, нацбанк не только контролирует деятельность коммерческих банков, он еще регулирует курс национальной валюты и т. д. Все эти органы возникли на том или ином этапе эволюции экономической системы и общества в целом. И эволюция этих органов, которую можно назвать институциональной эволюцией, продолжается. И не только в смысле появления новых таких органов (это случается достаточно редко), но и через достаточно частое изменение их функций. Скажем, можно вообще не ограничивать уставной капитал банков, можно определить его законом, а

можно предоставить нацбанку право устанавливать его, смотря по обстоятельствам. И т. п.

Теперь окончательно перейдем к экономическим моделям. Экономические модели существовали не всегда. Экономика, как таковая, экономическая деятельность, экономические отношения, существовали намного раньше появления экономических моделей (теорий). Я уж не говорю, о рабовладельческой или феодальной экономике, но и ранняя капиталистическая экономика сложилась раньше появления экономических моделей. Все эти экономики развились стихийно, без предварительной теоретической разработки и обоснования. А экономические модели стали появляться вследствие того, что стихийное развитие капиталистической экономики, ее эволюция стала приводить эту экономику к различного рода трудностям, кризисам, прежде всего. Вот для преодоления этих трудностей и стали строить экономические модели. Так, например, две наиболее известные и конкурирующие между собой модели, марксистская и кейнсианская, возникли как реакция на более-менее одни и те же обстоятельства, трудности, с которыми столкнулась капиталистическая экономика вследствие своей стихийной эволюции. Обстоятельства эти – это ранние кризисы капиталистической системы, вплоть до Великой Депрессии 1932–1937-го годов. Решения, предлагаемые этими моделями, кардинально отличаются одно от другого. Но что их объединяет (помимо реакции на одни и те же обстоятельства) – это отказ или неспособность видеть эволюцию экономики, по, крайней мере, эволюцию будущую, последующую. Эволюцию, приведшую к рассматриваемой ими ситуации, они еще готовы были рассматривать (особенно марксизм). Но при этом они пребывают в убеждении, что после того, как их модель будет принята и реализована, больше никакой эволю-

ции не будет. Даже то, что люди – игроки на экономическом поле, рано или поздно приспособятся к правилам игры, предложенным ими, и начнут их успешно обходить или использовать их вовсе не так, как виделось авторам моделей, т. е. не на пользу обществу, не приходило им в голову. О том, что это таки произошло и как именно это произошло, подробнее будет в следующих главах («Современная олигархия», «Экономика и мораль»), здесь изложу это вкратце.

Маркс полагал, что, если заводы и фабрики будут принадлежать рабочим, то они будут работать не за страх, а за совесть и производительность труда будет выше, чем при капитализме. Возможность того, что со временем власть над предприятиями перейдет из рук рабочих в руки либо властителей страны, как это произошло в Советском Союзе, либо в руки узкой группы лиц – элиты на каждом из предприятий, как это произошло в израильских киббуцах, ему в голову даже не приходила. А между тем именно эта возможность, реализовавшись в Союзе, погубила советскую экономику. Что касается киббуцов, то вариант, когда предприятием правит сложившаяся на нем элита, лучше, чем централизованное, плановое управление экономикой всей страны (сохраняется конкуренция между хозяйственными единицами в экономике), поэтому киббуцы еще живы, но они давно уже уступили первенство частным фермерам и сельскохозяйственным кооперативам частных землевладельцев – мошавам.

Кейнс и его последователи предполагали, что после того, как будет принята кейнсианская модель, а также антитрестовские законы и создан антимонопольный комитет, больше кризисов в капиталистической экономике не будет. Так бы оно и было, если бы эта экономика не эволюционировала. Но, как буде более подробно показано в главе «Современная олигархия»

ситуация со времен Рузвельта изменилась таким образом, что прежние антитрестовские законы уже практически не ограничивают олигархов, особенно, если речь идет о транснациональных компаниях. И это один из факторов, сыгравших существенную роль, как в нынешнем кризисе, так и в кризисе конца 90-х годов. Произошло еще много изменений (которые я описываю в следующих главах), делающих кейнсианскую модель непригодной сегодня. Все сказанное относится и к подавляющему большинству других экономических моделей.

Какие выводы следуют отсюда в отношении экономических моделей? Во-первых, быстрая изменчивость экономической действительности сегодня приводит к тому, что любая экономическая модель быстро становится непригодной, доходит до границ своей применимости. Поэтому очень важно уметь определять границы применимости моделей (теорий). Инструмент для этого дает разработанный мной единый метод обоснования научных теорий. Во-вторых, для того чтобы своевременно определить, что та или иная модель стала непригодной в изменившихся обстоятельствах (а не наступать каждый раз на те же грабли, впадая в кризисы, которые с каждым разом становятся мощнее и опаснее), нужно не только владение единым методом обоснования, нужен еще систематический мониторинг эволюции экономики. Сегодня есть, конечно, много институтов, собирающих всевозможную экономическую информацию, но не ту, о которой я говорю. Собирается экономическая статистика по параметрам типа: вал, заработная плата, курсы валют, производительность труда и т. п. А я имею в виду информацию о качественных изменениях экономической системы, таких как появление новых форм кредитно-денежных отношений, новых институций, изменений в правилах

экономической игры, о всяких офшорах, зонах свободной торговли, фьючерсах и т. д. И систематический анализ этой информации на предмет оценки влияния этих изменений на применимость действующей на данный момент модели.

Еще один вывод, который следует из выше рассмотренного, это – необходимость увязки, встраивания экономической модели во всеобъемлющую философию. Мы видим, что когда функцией цели экономической модели является только рост материального благополучия общества, это мало того что приводит к духовному обнищанию, к разрушению экологии и истощению ресурсов, но это делает саму экономику неустойчивой и порождает кризисы, мощь и опасность которых с каждым разом становится все больше и которые в сочетании с другими опасностями начинают представлять угрозу самому существованию человечества. Пренебрежение моралью и ценностями во имя потребления, в конечном счете, бьет и по потреблению. Надо отдать должное Марксу в том, что он понимал необходимость увязки экономической модели с широкой философией и пытался это сделать. Но попытка его не была успешной, в том числе и потому, что его моральная теория, если ее вообще можно назвать теорией, была не верна (он привязывал мораль к строю), а рациональной теорией духа, как и духом, как таковым, Маркс вообще пренебрег, исповедуя достаточно вульгарный материализм. В результате реализация его экономической модели (социализма), в конечном счете, тоже закончилась крахом.

Глава 13

Современная олигархия

В качестве отправной точки для анализа состояния современной олигархии и ее влияния на глобальный кризис я хочу воспользоваться книгой Джека Лондона «Железная пята». Хотя это – художественное произведение, а не социологическое или экономическое исследование, и написано достаточно давно, оно, тем не менее, поможет лучше понять то, что происходит сегодня в мире. Поможет не потому, что в своей антиутопии Джек Лондон оказался пророком. В основном своем прогнозе он ошибался. Но и своими ошибками, и анализом ситуации, отнюдь не во всем неверном, помогает Лондон понять сегодняшнюю действительность.

Железная пята – это диктатура олигархии, которая по предвидению Лондона наступает в Америке в первой половине прошлого века. В действительности, как мы знаем, такая диктатура не состоялась, но остается вопрос, были ли для нее предпосылки тогда и есть ли они теперь, причем не только в Америке. Вот социально – экономический анализ этих предпосылок, который делает Лондон в своей книге, как раз и представляет интерес. Делает Лондон это в контексте марксистской политэкономии, т. е. базируясь на анти-тезе социализма и капитализма, но со своими добавлениями. В чем по Лондону причина возможного (и реализовавшегося в романе) установления власти олигархов? В том, что концентрация производства увеличивает его эффективность. А поэтому неизбежно поглощение мелкого и среднего бизнеса крупным олигархическим капиталом. А единственную возможность избежать установления «железной пяты» Лондон видит только в победе социализма, который создает предельную концентрацию производства и собственности (все в

руках государства) и потому экономически он еще более эффективен, чем олигархическая диктатура.

Ну, мы теперь хорошо знаем, что бесконечное повышение концентрации производства и собственности, отнюдь не ведет к бесконечному увеличению экономической эффективности. Не ведет по той причине, что устраняет конкуренцию, которая еще более важна для эффективности производства, чем концентрация его. По этой причине, кстати, реальный социализм и проиграл экономически реальному капитализму, что и привело к развалу Союза. А в самой Америке и в Европе сегодня малый и средний бизнес занимают почетное место в экономике и защищается антимонопольными и прочими законами от поглощения крупным капиталом.

Но во времена Джека Лондона антимонопольных законов еще не было и опасность установления диктатуры олигархии, действительно, существовала. Об этом писали и говорили не только Джек Лондон или правоверные марксисты и социалисты, но и наиболее прозорливые сторонники свободного рынка и демократии. Вот известные слова Авраама Линкольна, сказанные им незадолго до его гибели: «В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет трепетать за судьбу моей страны... Приход к власти корпораций неизбежно повлечет собой эру продажности и разложения в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных, – а тогда конец республике».

Диктатура олигархии не состоялась только благодаря борьбе среднего класса (а не пролетариата), который оказался не таким слабым, как это казалось Лондону. И

благодаря наличию у среднего класса в нужное время таких талантливых вождей, как Авраам Линкольн и Теодор Рузвельт.

Но надо отметить, что эта победа среднего класса над потенциальной угрозой олигархической диктатуры принципиально отличается от победы над ней же пролетариата в ходе Октябрьской Революции. Октябрьская Революция просто уничтожила всех олигархов заодно со средними и мелкими предпринимателями, уничтожила их как класс. А тем самым уничтожила и конкуренцию в экономике и тем самым определила и свое поражение в будущем. Победа же среднего класса в Америке и Европе отнюдь не означала уничтожения олигархов. Такая задача и не ставилась, и не могла ставиться, потому что каждый малый предприниматель мечтает стать средним, средний – крупным и т. д. И если срезать верхушку этой пирамиды, то будет утрачен стимул деятельности для всех более низких ее уровней, что приведет к утрате экономической эффективности системы. Поэтому сегодня на Западе к олигархам относятся примерно так же, как современное цивилизованное общество относится к волкам и прочим хищникам в природе. Хищник остается хищником, он уничтожает травоядных и может представлять опасность и для человека, поэтому приходится принимать меры, чтобы свести к минимуму опасность его и обеспечить оптимальный баланс между хищниками и травоядными. Но всем ясно, что полное истребление хищников – это грубая ошибка, т. к. нарушает этот баланс в другую сторону. Примерно ту же позицию занимает Запад в отношении своих олигархов. (Нужно, конечно, иметь в виду, что аналогия эта, как и всякая другая, относительна: полезная функция олигархов не сводится к санитарно-экономической, т. е. к разорению и поглощению неэффективных мелких и средних предпринимателей.

Есть виды производства, где концентрация его намного важнее конкуренции и там экономически оправдана монополия).

Продолжая сравнение между решением проблемы олигархов по методу Октябрьской Революции и по методу (назовем его условно так) среднего класса, можно сказать еще так. В первом случае решение носит статический и одноразовый характер. Как говорил «вождь народов»: «Нет человека – нет проблемы». Нет олигархов и ничего уже не надо с ними делать (до тех пор, пока общество, пошедшее этим путем, не перестанет быть). А вот решение по второму варианту (решение среднего класса), это решение динамическое. Олигархи остаются и их природа, как и природа волков, тоже не меняется (или меняется мало). Они такие же жадные, как и во времена, когда Джек Лондон писал свой роман, и также хотят как можно больше денег и власти. Поэтому общество постоянно должно держать руку на пульсе и вовремя пресекать чрезмерные амбиции и аппетиты олигархов. А это, надо сказать, не совсем простое дело.

Как и какими путями влияет олигархия на политику и прочую жизнь общества, вопреки наличию демократических законов? Для начала, как она влияла тогда, во времена Лондона. Вот что пишет об этом сам Лондон: «Но кто же в наше время контролирует правительство? Двадцать миллионов американских рабочих? Видите, Вам смешно от одной этой мысли. Или восемь миллионов представителей среднего класса? Нет, они также тут не причем, как и пролетариат... Контролирует правительство мозг плутократии – семь небольших, но чрезвычайно влиятельных групп. И не забудьте, что эти группы сейчас действуют заодно.

Разрешите охарактеризовать вам аппарат власти хотя бы одной из этих групп, а именно железнодорожных

магнатов. Сорок тысяч юристов защищают ее в суде против интересов трудового народа... Она держит на хлебах и весьма привольных хлебах – лоббистские шайки в столице каждого штата, не говоря уже о Вашингтоне. И во всех городах и поселках страны она содержит целую армию крючков и мелких политиканов, на чьей обязанности лежит укомплектование своими политическими единомышленниками предвыборных собраний и съездов, их дело также подбирать присяжных, подкупать судей и всеми возможными средствами наблюдать интересы компании».

Далее Лондон описывает продажность прессы, подкуп олигархами влиятельных профсоюзов, разорение ими мелких и средних предпринимателей и ужасное положение рабочих. Короче, все то, о чем нам дырку в голове продолбила в свое время советская пропаганда. Советская пропаганда, конечно, нас нагло обманывала, уверяя, что положение советских трудящихся лучше, чем на современном Западе. Но что касается ситуации, которая была в Америке в начале прошлого века, то тут эта пропаганда была не та уж далека от истины, что подтверждается не только Джеком Лондоном, но и многими другими западными авторами.

Но что там вспоминать далекое прошлое, скажет читатель, если сегодня на Западе и средний класс цветет и здравствует, и положение рабочих и служащих – на зависть бывшим советским, и вообще все хорошо. Ну, насчет того, что все – хорошо, к этому мы еще вернемся. Но насчет среднего класса и трудящихся – это верно и поэтому о возврате к социализму, тем более, советскому, речь не идет. Речь идет о возможности сегодня установления диктатуры олигархов. Ведь, как сказано, ситуация динамическая и посему она в любой момент может измениться. Ведь и олигархи остались, и природа их хищная мало изменилась, равно, как и про-

дажность политиков, судей, журналистов и, вообще, человеческая природа. Так как же выглядит в этом отношении ситуация сегодня?

С одной стороны, демократическое общество осознало принципиальную возможность олигархической диктатуры и выработало ряд мер, препятствующих осуществлению ее. Приняты антимонопольные законы, прогрессивная система налогообложения, усовершенствованно законодательство на предмет разделения властей, чтобы их трудней было подкупить оптом и т. д. Но, с другой стороны, и олигархия много чему научилась и усовершенствовала свои методы за это время.

Во-первых, она поняла, что нет смысла стремиться к формальной задекларированной власти. Такая власть налагает ответственность и вызывает раздражение у широких масс, толкает их на сопротивление, вплоть до вооруженного восстания. Кому это надо и кто это вытерпит. Гораздо комфортнее и даже психологически приятнее тайная власть. «Пусть эти дураки думают, что это они правят бал с помощью выборов, перевыборов. А на самом деле их избранные в любом случае пляшут под нашу дудку». И олигархия наработала много приемов тайного властвования (а некоторыми она пользовалась уже во времена Джека Лондона).

Она успешно укрывает свои доходы от налогообложения в офшорах. Она еще во времена Джека Лондона, т. е. еще до появления антимонопольных законов, выработала методы фактического поглощения мелких и средних предприятий, формально оставляя их независимыми. Вот как об этом пишет сам Джек Лондон: «Железнодорожная компания знает мои дела лучше, чем я сам, — жаловался он (предприниматель Асмунсен — мое). — От нее ничего не укроется: ни мои эксплуатационные расходы, ни условия контрактов.

Кто им обо всем докладывает, ума не приложу... Посудите сами: едва только мне удастся получить большой заказ на выгодных условиях, как железнодорожная компания непременно повышает тарифы на мой груз; они не входят ни в какие объяснения, а просто слизывают у меня всю прибыль. Характерно, что мне не удается добиться от них никакой скидки. А ведь бывает, что в случае какой-либо неудачи – или больших расходов, или если контракт невыгодный – они идут мне навстречу. Но, так или иначе, всю мою прибыль, какова бы она ни была, кладет себе в карман железнодорожная компания.

– То, что вам остается, – прервал его Эрнест, это примерно, жалованье, которое компания платила бы, если бы каменоломня принадлежала ей, а вы были бы ее управляющим. Не правда ли?

– Вот именно. Недавно мы просмотрели все книги за последние десять лет. И представляете? Я убедился, что вся моя прибыль за это время равна примерно жалованию управляющего. Компания могла бы с таким же успехом владеть моей каменоломней и платить мне за труды.

– С той лишь разницей, – подхватил Эрнест, смеясь, – что в этом случае весь риск несли бы компания, тогда как сейчас вы любезно берете его на себя.

– Совершенно верно, – сокрушаясь, вздохнул мистер Асмунсен».

Надо сказать, что в чистом виде и в массовом масштабе такая схема сегодня не прошла бы благодаря тому, что государство следит за ценами, устанавливаемыми монополиями на свои товары и услуги. Но ведь и олигархи сегодня не те и они придумали не одну схему взамен той устаревшей. Наиболее известная из них, вполне разрешенная законом и весьма рекламируемая сегодня – это франчайзинг. Это просто окультуренный

вариант того, что описано у Джека Лондона. Правда, здесь «обрезание» предпринимателя купившего франшизу, не столь тотально, как в романе Джека Лондона, но разница в нюансах, принцип, в общем, тот же. Кроме того, есть еще десятки других вариантов, не нарушая антимонопольный закон, поглощать да факто малые и средние предприятия или овладеть их доходами. Вон Березовский славился как мастер высасывания финансов из чужого предприятия с помощью подкупа соответствующих его сотрудников и без того, чтобы это предприятие формально присоединять. А можно и поглотить чужое предприятие, но переписать его не на себя, а на подставную фирму. И методы поглощения весьма усовершенствовались по сравнению с теми временами. Достаточно упомянуть одно только рейдерство. И т. д. и т. п.

В результате финансовая мощь современной олигархии не только в абсолютном измерении, но и относительно объединенной мощи среднего и мелкого капитала не только не убывала, но и возросла. А ведь капитал мелких и средних предпринимателей рассредоточен среди сотен тысяч владельцев, а число олигархов — десятки, так кому легче договориться для совместных действий в политике или экономике? Но сегодня в отличие от времен Джека Лондона, никто не знает точных размеров состояний того ли иного олигарха. Вон недавно обсуждалось состояние Ахметова: по одним данным у него 30 миллиардов и он первый богач в Европе, по другим — только 7, а по третьим — у него и миллиарда нет. Т. е. первое, что сегодня делают олигархи, это уход, по возможности, в тень, чтоб даже и олигархом, если удастся, не числиться.

Но с политиками, которых они, как и прежде, покупают, они стараются обходиться не столь безапелляционно, как во времена Джека Лондона. Тогда они

говорили: «Мы вложили в тебя деньги, сделали тебя президентом, губернатором и т. п., изволь теперь выполнять то, что мы тебе скажем». Сегодня они понимают, что такой метод не оправдывает себя, т. к. такой запродавший политик неэффективен. Он лишен вдохновения, искренности, народ чувствует это и, хотя с помощью мощной финансовой поддержки его вытолкнули наверх, но долго он там не удержится, и изволь опять тратиться на подкуп нового лидера. Поэтому сегодня олигархи стараются поддерживать лидера более-менее харизматического, более-менее верующего в некую идею, более-менее популярную в народе. Чтобы такой лидер мог выбиться наверх, ему все равно нужна финансовая поддержка и ему дают ее. Но ему уже не говорят: «Ты, жлоб, мы тебе платим, делай то, что тебе говорят». Да такой лидер на таких условиях и не возьмет денег. Его держат, так сказать на длинном поводке. Ему говорят: «Мы даем тебе деньги из убеждений, потому что нам нравится твоя программа». Он их берет в полной уверенности, что поступает вполне морально, что своих идеалов не предаст и не продаст, и продолжает вдохновенно блять народу про свои идеи. Но де-факто он уже попадает в определенную зависимость от тех, у кого взял деньги. Степень этой зависимости зависит от силы личности политика. Для мало-мальски незаурядной личности этого недостаточно для полного подчинения. Но ведь это только первый шаг. Нарботано еще много методов для дальнейшего более полного подчинения такого лидера. Первейший из них – это компромат, нахождение «скелета в шкафу» у лидера или если такого в действительности нет, то конструирование мнимого, но такого, в который публика могла бы поверить, и затем шантаж угрозой раскрыть этот компромат. Другой прием – это создание неустойчивого положения власти за счет поддержки ее

противников (в случае, если власть не делает удобного олигархам) и переманивания и перекупки союзников. И т. д.

Очень важным приемом тайного властвования современной олигархии является манипулирование общественным мнением, а уже через его посредство воздействие в нужном направлении на правителей. Манипулирование осуществляется через посредство СМИ, которые остались, в принципе, такими же продажными, как и во времена Джека Лондона. Во-первых, немалая часть СМИ находится в открытом, официальном владении отдельных олигархов и их кланов. Достаточно вспомнить газетного магната Акселя Шпрингера в Германии, владельца нескольких телеканалов в недавнем прошлом в России Гусинского и т. д. В других случаях это владение не является официальным, но, тем не менее, хорошо известно широкой публике. Можно предположить и такое, о котором широкая публика не догадывается. Известно также о журналистах, которые пишут заказные статьи за деньги. Но не обязательно покупать газету или подкупать ее редактора. Можно лишить газету рекламы, которую дают мелкие и средние предприниматели, связанные с олигархом (олигархами) через франчайзинг или просто являющиеся его же фирмами, замаскированными под самостоятельные, и таким образом оказать на нее давление в нужном направлении. Можно мордовать газету или телеканал исками по поводу опубликованных или оглашенных материалов. И т. д.

Все это говорит о том, что, во-первых, опасность установления олигархической диктатуры, пусть и неявной, а скрытой (на явную олигархия сегодня не претендует), существует и сегодня, а во-вторых, неполная диктатура, т. е. чрезмерное влияние олигархии

на экономику, политику, уровень жизни большинства и т. д., имеет место и сегодня.

Теперь вернемся к вопросу о том, все ли хорошо в современных западных странах и что плохого во владении олигархов, если большинство в этих странах живет в достатке. Во-первых, предсказываемая Джеком Лондоном диктатура олигархии тогда не состоялась. Мало того, вскоре после написания Лондоном «Железной пяты» среднему классу Америки и Европы удалось потеснить олигархию, рвущуюся к власти, и именно это обеспечило подъем жизненного уровня основной массы населения на Западе до его нынешнего уровня. Сегодня олигархия вновь усилила и продолжает усиливать свои позиции, но пока еще нельзя сказать, что она уже вполне у власти (пусть тайной) на Западе. Поэтому жизненный уровень у основной части населения там по-прежнему высок, хотя разница между богатыми и бедными возрастает. Но есть основания предполагать, что если олигархия вполне придет ко власти, то жизненный уровень у большинства снизится и достаточно драматично.

Но опасность установления власти олигархии не ограничивается только жизненным уровнем большинства. Вот как Джек Лондон описывает причины войны между Соединенными Штатами и Германией, которая по его прогнозу произошла в 20-х годах прошлого века: «Олигархия стремилась к войне с Германией. У нее были на это десятки причин. В калейдоскопической смене событий, порожденных войной, в перетасовке международных связей, в заключении новых договоров и союзов она видела возможности богатой поживы. Кроме того, война должна была поглотить излишки во многих странах, сократить армии безработных, наконец, дать олигархам передышку для подготовки и выполнения их планов. Война позволила бы им завладеть

мировым рынком. Она позволила бы создать в Соединенных Штатах большую постоянную армию, а популярный в народе лозунг «Социализм против олигархии» можно было бы подменить лозунгом «Америка против Германии».

Конечно, в этом отрывке есть сильный привкус марксистского доктринерства. Рассматривается только антитеза: олигархи – рабочий класс, ведомый социальстами. Средний класс, вообще в расчет не принимается. Протаскивается в неявном виде идея, что капитализм не может справиться с безработицей иначе, чем с помощью войны, и эмоционально читатель подготавливается к необходимости и неизбежности уничтожения не только олигархов, но и вообще капиталистов, как класса. Но с другой стороны тут есть и немалая доля истины.

Да, предсказываемой Лондоном войны между Америкой и Германией в 20-е годы прошлого века не произошло. Но ведь не только советская и марксистская историография, но и западная немарксистская, признает колониальные войны, имевшие место и до Лондона и после и движущей силой которых были интересы крупного капитала и, прежде всего, олигархов. И наконец, реально произошедшая Вторая Мировая Война, которая была не между Америкой и Германией именно, но тем не менее эти две страны участвовали в ней и воевали друг против друга, произошла не без существенной роли олигархов. Правда, не американских, а немецких, но с точки зрения того, о чем я пишу, это не имеет значения. Приход Гитлера к власти обеспечили олигархи: Крупп, Тиссен и другие.

Тут проявилось то свойство современной олигархии, о котором я пишу выше. Немецкие олигархии сделали ставку на сильную, харизматическую личность, Гитлера, не будучи сами яркими национал социалистами

и не рассчитывая полностью подчинить себе бесноватого фюрера. Но хоть они и не были идейными национал социалистами, их устраивал и национал социализм и Гитлер, рвущийся к мировому господству из идейных соображений. Олигархи в целом (отдельные исключения могут быть) никогда никаким идеям не служили и не служат, кроме идеи дальнейшего своего обогащения и увеличения персональной власти. Но стремление Гитлера к мировому господству соответствовало их стремлению к захвату мировых рынков. Эта игра в мировое господство и вообще в оголтелый национализм очень дорого обошлась немецкому народу, не говоря про другие народы, Гитлер расплатился за нее головой, а олигархи, хорошо нажившись на войне, вышли, в общем, сухими из воды. Это показывает не только, какую опасность для общества представляет потеря им контроля над своими олигархами, и какую опасность представляет оголтелый национализм, но и какую опасность представляет возможность блокирования олигархов с различными негативными силами в обществе, включая национализм, но не только с ним. Но и этим не исчерпывается опасность, исходящая от современной олигархии.

Для того, чтобы более полно оценить эту опасность, надо рассмотреть в целом картину состояния мира и человечества сегодня. Со времен Джека Лондона в мире произошли значительные изменения, которые не были инициированы олигархами и не были делом их рук, но которые необычайно расширили их возможности. Правда, это относится не только к их возможностям, но и к возможностям многих других людей, но возможности олигархов выросли в несравненно большей степени, поскольку объем этих возможностей, как правило, напрямую связан с количеством денег у человека. А во-вторых, эти изменения

обострили ситуацию в современном мире и таким образом, подняли, если так можно выразиться, цену негативных последствий возможного воздействия олигархов на происходящее в обществе и на планете в целом.

Описывать современную ситуацию в мире можно в многопудовых томах. Я, естественно, остановлюсь здесь лишь на тех аспектах, которые имеют отношение к олигархии и ее способности влиять на положение в мире. И это я буду вынужден сделать здесь сжато. Но прежде чем раскрывать картину в целом, приведу один пример.

Вспомним мировой финансовый кризис 98-го года. Газеты тогда много писали о роли в этом кризисе олигарха Джорджа Сороса, который, якобы, своими высказываниями в прессе спровоцировал этот кризис и заработал на этом несколько миллиардов, а ущерб, нанесенный этим кризисом национальным экономикам, скажем России или Индонезии, стоил жизни множеству людей, не говоря о страданиях. Конечно, в такой оценке роли Сороса в этом кризисе было преувеличение. Высказывание Сороса не смогло бы сыграть такой роли, не будь объективных оснований для этого кризиса, не будь так называемого «пузыря». Но можно было «выпустить воздух» из этого пузыря потихоньку, а можно было хлопнуть по нему, как это сделал Сорос. В первом случае это тоже было бы не безболезненно, но во втором – намного больше. Во времена Джека Лондона никакой олигарх не мог произвести такого глобального воздействия на мировую экономику, потому что мировая экономика не была еще глобализована.

Глобализация породила саму возможность мировых экономических кризисов, а с другой стороны она породила мировую олигархию. Раньше олигархия была национальным явлением. Ее деятельность за пределами

страны ограничивалась сбытом товаров, производимых предприятиями национальных олигархов и поддержкой и инспирированием своего правительства в его действиях, включая войны, по расширению рынков сбыта. При этом национальное правительство, точнее власть в целом, в принципе имела достаточные возможности и рычаги воздействия на своих олигархов. Другое дело, что она могла быть куплена или иными способами приручена олигархами. Но в принципе она могла принимать законы, ограничивающие олигархов и добиваться их выполнения с помощью силовых органов. По мере углубления глобализации эта возможность становится фикцией, а мировая олигархия становится совершенно самостоятельным мировым игроком. Гражданство олигархов сегодня – совершенно ни к чему не обязывающая формальность. Олигарх в любой момент может поменять его, предварительно перебросив свои капиталы в другую страну. А, как правило, ему и перебрасывать почти ничего не надо: и его капиталы, и недвижимость, и предприятия разбросаны по многим странам мира. А, что касается крупных транснациональных компаний (ТНК), то кто вообще может сказать, какой стране они принадлежат. Никакое национальное законодательство не может их укоротить, антимонопольные законы им нипочем, они всегда могут зарегистрироваться на каких-нибудь Мальдивах или другом офшоре, где таких законов нет. Третий по величине оборота (после нефтяного и не помню еще какого) мировой рынок, а именно фармацевтический поделен почти полностью между тремя транснациональными корпорациями. Никакое революционное лекарство от грозной болезни не может попасть на этот рынок, минуя их. Если они не откупят патент у автора, то отберут его силой. После этого они, сговорившись между собой, могут вздуть цену на это лекар-

ство, как захотят, или вообще положить его под сукно, потому что им не выгодно, чтобы грозная болезнь, на лечение которой человечество выбрасывает огромные деньги, была побеждена. Ведь эти деньги поступают в их карманы. Вообще, о вреде монополии уже сказано выше и написано очень много до меня, а тут вот она монополия в мировом масштабе и ни гу-гу, никто не чешется.

Но глобализация – не единственное изменение в мире, произошедшее со времен Лондона. Возник целый ряд проблем и угроз, которых раньше не было. Экологический кризис и его частный случай – изменение климата, расползание по миру атомного оружия и торговля конвенциональным, наркотики и торговля людьми, истощение материальных ресурсов и борьба за их источники, бесконтрольное расползание генетически модифицированных продуктов и угроза массового клонирования убожков, опасность создания новых видов оружия массового уничтожения и т. д. и т. п. – все это не является делом рук одних только олигархов. Но олигархия, особенно мировая, ТНК, имеет исключительные, по сравнению с другими, возможности торпедировать усилия человечества по разрешению этих проблем и устранению угроз. Торговля ли расщепляющимися материалами, необходимыми для изготовления атомной бомбы, истребление ли лесов ради наживы в каких-нибудь тропических банановых республиках и т. п. – все это требует больших капиталов для подкупа чиновников и самих правительств, широких международных связей и структур и фактической независимости от правительств цивилизованных стран. Всем этим обладает международная олигархия и никто другой с ней в этом отношении не может сравниться.

Отдельно надо выделить два следующих изменения в мире, чрезвычайно важных сами по себе и в их

взаимодействии с мировой и национальной олигархией. Первое – это изменение системы ценностей в западном мире, которое отождествляют с сексуальной революцией, хотя на самом деле оно не ограничивается только половой сферой и распространяется практически на всю систему ценностей. Хотя это изменение произошло именно в западном мире, но касается оно всего человечества, как благодаря ведущей роли Запада в современном мире, так и благодаря тому, что эта система успешно распространяется сейчас по всему миру. Произошло это изменение не по воле олигархов, а в результате воздействия некоторых ошибочных, но получивших на Западе признание и распространение философий, в частности фрейдизма и экзистенциализма. Но олигархия давно поняла выгодность для себя этого изменения и активно и эффективно продвигает эту систему ценностей по всему миру. Для того чтобы понять, почему эта система выгодна олигархии и что она ей дает, напомним вкратце, что эта система из себя представляет.

Она стоит на двух китах: на снятии всех или почти всех ограничений половой морали и на релятивизации нашего познания. Впрочем, одно с другим связано: если наше познание относительно и то, что сегодня считается хорошим, завтра может быть объявлено плохим, то какой смысл ограничивать себя какими бы то ни было моральными ограничениями? Ведь сегодня они считаются правильными, а завтра могут оказаться неверными.

Почему эта система ценностей оказалась выгодной олигархам? Потому что она помогает им укреплять свою власть. Почему диктатура «железной пяты» не состоялась во времена Лондона и почему сегодня олигархия усиливает свои позиции? Ну, во-первых, по причинам, которые я перечислил выше. Но есть еще одна,

может быть, главная. Во времена Джека Лондона средний класс, который, как я сказал, не дал осуществиться реальной тогда опасности установления диктатуры олигархии, был силен своей здоровой моральной основой. А сегодня он разъеден, ослаблен этой новой системой ценностей, «новой ментальностью», как ее называют иногда. Тогда средний американский предприниматель готов был драться за свою свободу, свободу политическую, экономическую, если надо с оружием в руках. И не только средний предприниматель, но и прочие представители среднего класса: журналисты, писатели, юристы, судьи и т. д. И не только представитель среднего класса, но и вообще средний американец. Нет не каждый, конечно, ведь и Джек Лондон пишет о продажных юристах и журналистах. Всегда, в любом обществе есть продажные, есть такие и сякие. Речь идет о критической массе. О том, что тогда было не так, как сейчас, мы знаем хотя бы потому, что тогда были такие писатели, как сам Джек Лондон, давшие мировую славу американской литературе: О Генри, Марк Твен, Хемингуэй и т. д. Сегодня нет таких, потому что сегодня все, включая свободу, продается и продано за деньги, ставшие единственной ценностью (секс тоже продается). А деньги сосредоточены в основном у олигархов, а кто платит, тот и заказывает музыку. И олигархия это поняла и потому и поддерживает и распространяет эту ментальность, эту систему ценностей. Вот вышеупомянутый Сорос, он не только финансист – спекулянт, но и известный филантроп. И он действительно много помог ученым бывшего Советского Союза после его развала. Заработав несколько миллиардов на мировом финансовом кризисе, которому он сам же помог разразиться, можно пожертвовать один миллиард на филантропию. В частности он помог деньгами Киево-Могилянской Академии. Но

обусловил эту помощь требованием, чтобы в помещении Академии была постоянная экспозиция современной американской живописи, им самим отобранной. Я был на этой выставке. Она на 100% нагружена и пропагандирует вышеупомянутую ментальность.

Еще одно изменение, произошедшее в современном мире не по воле олигархов, но используемое ими для усиления своих позиций, это изменение роли СМИ в современной действительности. И во времена Джека Лондона олигархия использовала СМИ для манипуляции общественным мнением и давления на власть. Но с тех пор мир вступил в фазу информационного развития, в связи с чем необычайно возросла роль СМИ в жизни общества в каждой стране и в мире в целом. Можно сказать также, что мир вступил в фазу информационных войн. Информационные войны предвещают горячие войны, сопровождают их и определяют победителя вне зависимости от того, кто победил на поле брани и, тем более, определяют, кто прав, кто виноват, независимо от истины. Олигархи, явно или тайно владея большей частью СМИ в мире, получили дополнительный инструмент для установления своей диктатуры.

В начале и до середины прошлого века, после того как американскому среднему классу удалось обуздать и приручить свою олигархию, американская внешняя политика была изоляционистской. Это естественно, потому что средний класс, в отличие от олигархии, мало заинтересован во внешних рынках. Тем более, он не заинтересован в войнах, поскольку его представители, в отличие от олигархов, сами участвуют и, соответственно гибнут в них. Потом случилась Вторая Мировая Война, начавшаяся не по вине Штатов, Америка была вынуждена ответить на нападение на нее Японии в Перл Харборе. По окончании ее началась холодная

война с Советским Союзом, которая со стороны Америки по большому счету была войной за идею: за демократию, права человека и т. д. Но, хотя по большому счету Америка была здесь права, но это не было войной по чисто идеалистическим мотивам и американская правота здесь не была такой чистой, как во Второй Мировой Войне. Существенной компонентой в мотивах американцев во время холодной войны был эгоистический, экономический и в частности нефтяной интерес. И это был интерес, прежде всего олигархов, которые со времени их последнего обуздания успели незаметно и с использованием разобранных выше новых приемов, вновь укрепить свои позиции в Америке, хотя теперь они эту свою власть сделали более тайной, чем во времена Джека Лондона и менее заметной для рядового американца.

Но особенно усилилась и стала заметной роль олигархов во внешней политике Соединенных Штатов после развала Советского Союза. Чем дальше, тем более очевидным становится, что Америка, сыгравшая главную роль в развале Союза и делавшая это под лозунгом защиты прав человека, не пожелала, чтобы Россия стала действительно демократической страной, а во главу угла в отношениях с новой Россией поставила свои экономические и геополитические интересы. В первую половину ельцинского правления Россия с открытой душой рванулась навстречу Западу и демократии. Но Запад и особенно Америка не пожелали с такой же открытой душой принять ее в свою среду. Уговаривая Россию вступить на путь демократии и рыночной экономики, Запад пользовался идеалистической терминологией. Но когда Россия пошла этим путем, Запад и особенно Америка перешли на терминологию силовую. Вот мол, Россия потерпела поражение в экономическом соревновании и теперь должна за это расплачиваться

рынками сбыта и т. п. Тон этот был оскорбительным и ясно, что это толкало русских к национализму и отворачивало их от демократии.

Можно сказать, что приход к власти Путина и откат назад России при нем от демократии были прямым результатом американской (чти американской олигархии) политики в отношении России. Теперь уже не без основания (но с большими преувеличениями) американские СМИ обрушились на Россию за это.

Эта конфронтация с Россией, эта искусственно созданная холодная война, приводит к расколу единого фронта цивилизованных стран перед лицом мирового террора и фанатичных режимов, рвущихся к обладанию атомным оружием. Приводит к тому, что, например, Северная Корея, уже отказавшаяся от создания своего атомного оружия, вновь вернулась к старому, возобновила действие своего реактора и т. д. Также и Иран стал более непримиримым в своей атомной позиции. Спрашивается, кому это надо кроме олигархов в Америке и фанатичных националистов в Украине и Грузии?

В заключение, а что делать? Во-первых, необходимо понимание того, что происходит, чему, я надеюсь, поспособствует эта моя книга. Понимание того, что, двигаясь таким путем, как мы двигаемся сегодня, мы придем к самоуничтожению человечества, может отрезвить и олигархов, по крайней мере, часть из них. В конце концов, они – тоже люди и глобальная катастрофа коснется и их. Надо сказать, что они не просто тоже люди, но среди них есть и порядочные люди, которые и капитал свой нажили честно (как Билл Гейтс, например) и в борьбе за дальнейшее его увеличение соблюдают какую-то меру. (А не бороться за его увеличение они не могут, так как перестанут быть олигархами, и, напомню, что у олигархов есть и полезная

функция в развитии экономики). Другие олигархи уже и так начали осознавать опасность того развития человечества, которое происходит, и сами пытаются что-то делать во избежание этого, в меру своего разума и совести. Вот, например, Сорос, пишет книгу за книгой об опасности глобализма и о том, как этот глобализм нужно подправлять. И со многими его мыслям я согласен. Он же тратит много денег на благотворительность. Благотворительностью сейчас занимаются и многие другие олигархи, например, тот же Ахметов. Но это не мешает ни Соросу, ни другим разорять многих эффективных мелких и средних предпринимателей и использовать свои капиталы для воздействия на правительства их стран и на течение мировых процессов, выгодное им лично и во вред их странам и человечеству. Причем никакая благотворительность этого вреда не искупает и искупить не может. Достаточно вспомнить роль Сороса в мировом финансовом кризисе 98-го года. Кроме того, финансовая мощь этих людей делает их неуязвимыми в случае локальных катастроф, скажем, национального масштаба. Как я уже сказал, их капиталы, имущество и средства производства рассредоточены по многим странам и в случае краха одной они могут укрыться в другой. А в катастрофу мирового масштаба не все они верят или исповедуют философию: «Умри ты сегодня, а я завтра».

Поэтому надеяться на то, что все олигархи станут травоядными, не приходится. Значит, надо усиливать позиции среднего класса с помощью законодательства с учетом в этом законодательстве тех изменений, которые произошли в мире со времен Джека Лондона. Прежде всего, надо ограничить влияние олигархов на СМИ. Для этого надо освободить СМИ от налогов, а серьезным СМИ, (не бульварным и желтопрессовым), предоставить финансовую поддержку государства,

независимо от их политической направленности. Все это должно быть закреплено законом, чтобы власть не могла подкармливать «свои» СМИ, давая тем самым «чужие». Только так смогут существовать СМИ, не зависящие ни от государства, ни от олигархов. И хотя это не отменит существования СМИ, купленных олигархами, но уравнивает их влияние на общество.

Далее необходимо международное законодательство в духе антимонопольных законов отдельных государств, для обуздания буйства транснациональных монополий.

Но самое главное, нужно, чтобы Запад вернулся к нормам морали, бывшим до сексуальной революции. Ибо сексуальный либерализм, разъедавая все устои морали, ослабляет способность общества противостоять натиску олигархов.

Глава 14

Экономика и мораль

Что касается социализма, то тут связь экономики и морали задекларирована в постулатах марксизма и в народных поговорках. «От каждого по способностям, каждому по труду» — это не только экономический постулат, это также и моральный, устанавливающий экономическую справедливость в марксовом понимании ее. Народная же поговорка периода перезрелого социализма гласит: «Если вы думаете, что вы нам платите, то думайте, что мы вам работаем». Это уже оценка народом этой самой марксовой справедливости в ее реальном воплощении, т. е. это опять мораль в экономике. В этом переходе от марксовой формулы к народной, отлично видно влияние морального состояния общества на успех или не успех социалистической экономики. Пока народ верил в марксистскую идею и честно служил ей, советская экономика развивалась достаточно успешно. Когда вера ушла и произошла, вследствие этого, деморализация общества, экономика развалилась, а вслед за ней и Союз.

В неправильном понимании взаимоотношения морали и экономики была, пожалуй, главная ошибка марксизма. Маркс полагал, что мораль есть функция экономического строя, производственных отношений, полностью определяется ими. Что при капитализме рабочие, не будучи хозяевами средств производства, не заинтересованы в результате труда, а при социализме они — хозяева, трудятся сознательно на благо общества и поэтому производительность труда при социализме непременно будет выше. А оказалось наоборот. Произошло это потому, что рабочие не стали на самом деле хозяевами средств производства, а хозяевами стала номенклатура. И когда рабочие это поняли, то наступило «если вы думаете, что вы нам платите, то думайте, что мы вам работаем».

Но почему при социализме реальными хозяевами предприятий, вопреки ожиданиям Маркса, стала номенклатура, а не рабочие? Есть у Маркса, среди прочего, теория о постепенном отмирании государства. Отмереть оно должно при коммунизме и тогда наступит эдакий рукотворный рай на Земле. А при социализме оно все-таки необходимо еще и потому при социализме – еще не рай, но лучше (так он думал), чем при капитализме. Но чем, спрашивается, мешало ему государство? Маркс писал, что государство – это насилие и потому – нехорошо. И это совершенно верно. Но чудится мне, что была у Маркса и еще причина не любить государство, которую он чувствовал интуитивно, но не до конца додумал. Дело в том, что государство – это не просто так ни с того ни с сего насилие, это, прежде всего управление. Управление же организованному обществу необходимо всегда, в том числе при коммунизме, если таковой возможен и наступит когда-нибудь. Управление – это власть. И вот тут в дело входит мораль, независимая, вопреки Марксу, от строя. Маркс, исходя из своего ошибочного положения о зависимости морали от строя, полагал, что власть при социализме будет абсолютно моральной и, имея возможность управлять в стране всем, чем ей угодно, добровольно откажется от управления заводами, фабриками и т. д. и передаст оное самим рабочим, а себе оставит только общее руководство. Но вопреки ожиданиям Маркса, моральная природа людей вообще и находящихся у власти, в частности, не изменилась в мгновение ока с победой социалистической революции и люди, получившие политическую власть, не захотели оставить за собой только общее, политическое управление страной, а управление предприятиями передать рабочим. В результате и получилось «Если вы думаете...».

Не эффективным оказалось и номенклатурное управление хозяйством. Номенклатура оказалась еще менее моральной, чем народ. Собственно, загнивание социализма с нее и началось. Хотя материальное положение представителей номенклатуры было несравненно лучше, чем у народа, но ее представители не столько заботились об успехе общего дела, сколько о персональном продвижении по карьерной лестнице. В конечном счете, все свелось к тотальному воровству и безделью, что наверху, что внизу. Точнее, были, конечно, и честные люди, особенно среди простых, не номенклатурных, их было даже не так уж мало, но тон задавали жулики, бездельники и бездарь, занимавшая места не по праву, не по способностям. Они понабились во власть, заботясь о своем личном интересе, вопреки интересу общества. И это решило дело.

Таким образом, можно сказать, что реальный социализм сгубило неправильное представление Маркса о полной зависимости морали от строя. Представление, которое противоречит марксовому же, хотя и заимствованному им у Дарвина, представлению о происхождении человека от обезьяны. На всем этапе эволюции до человека, никакой морали у животных, включая обезьян, не было. И у человека она не появилась мгновенно скачком. Она эволюционирует постепенно, вместе с человеком и обществом. Поэтому не было никаких оснований предполагать, что при социализме моральность людей, тем более стоящих у власти, поднимется скачком до абсолютной.

При капитализме на первый взгляд кажется, что мораль не имеет отношения к экономике, к кризисам и к нынешнему, в частности. Господствует мнение, что при капитализме движителем экономики является не мораль, не сознательная забота каждого об интересах общества в целом, а корыстный интерес каждого и

капиталиста и рабочего. Одни гонятся за прибылью, другие за высокой заработной платой, а в результате богатеет все общество. Каждый заботится о своем интересе, но интерес этот, в отличие от социализма, совпадает с интересом общества в целом. И в определенных ситуациях, в определенные периоды это действительно так. Но не всегда. Т. е. на самом деле полного совпадения интересов хозяйственных субъектов, будь то капиталисты или рабочие, с интересами общества в целом нет никогда, принципиально, но есть периоды, когда это совпадение имеет место по большому счету, есть периоды, когда эти интересы совпадают более-менее, и есть, когда они расходятся далеко.

И капиталистическую и социалистическую экономику можно представлять, как игру по определенным правилам. Только правила в каждом случае разные. В каждую игру можно играть, соблюдая правила, и тогда побеждает тот, кто лучше играет, а общее дело выигрывает – уровень игры повышается. Но это обидно тем, кто хуже играет. И, поскольку стопроцентной моральности в обществе не бывает ни при какой принятой морали (чти, правилах игры), то всегда имеют место нарушения. Конечно, между играми есть разница, нарушать правила в одной игре легче, чем в другой. И в этом смысле, можно говорить о преимуществах одной игры перед другой. (Хотя понятно, что сравнение можно проводить не только по этому критерию). Но, тем не менее, в любой игре есть принципиальная возможность нарушать правила и получать за счет этого индивидуальный выигрыш при проигрыше общего дела.

При капитализме, вообще говоря, подчеркиваю, вообще говоря, т. е. при некоторых, будем считать, нормальных обстоятельствах, нарушать правила игры ее участникам с одной стороны труднее, чем при социализме, а с другой, у них для этого меньше мотивация.

Рабочим тяжелее воровать у капиталиста, чем у социалистического директора, потому что в первом случае украденное принадлежит самому капиталисту и в силу личного интереса он бдит, чтобы не украли. А во втором случае, украденное принадлежит всему государству, которое не в состоянии уследить за всем своим имуществом. Далее, у капиталиста вообще нет резона воровать у самого себя и напрягается он ради собственного обогащения, а потому он в полную меру своих возможностей эффективен. А советский директор заботится не о подлинной эффективности своего предприятия, а о том, чтобы создать у начальства видимостью оною. Не стану развивать далее это сравнение, поскольку, в общем, это все хорошо известно (хотя сегодня некоторые, кажется, начинают забывать об этом).

Но нужно заметить, что и в нормальной ситуации нельзя сказать, что у капиталиста и его рабочих совсем нет мотивации и возможностей для нарушения правил игры в капитализм. Во-первых, и при капитализме есть государство, которое (предположительно) олицетворяет интерес общества в целом и предназначено заботиться о нем. И капиталисты, и рабочие имеют отношения не только друг с другом, но и с государством. И тут есть у упомянутых субъектов и интерес и возможность нарушать правила игры. Это – уклонение от выплаты налогов, коррупция и прочие экономические преступления. Нечестность возможна и в отношениях между капиталистами и капиталистов с рабочими. Но здесь правы апологеты рынка, утверждая, что рынок ограничивает нечестность такого рода. Действительно, отношения с партнерами выгоднее вести честно, иначе рано или поздно никто не захочет вести с тобой дел. А что касается обмана рабочих с зарплатой, то при нормальной конкуренции это также не выгодно делать, они перейдут к тому, кто платит им лучше. Возможность и

при капитализме нарушать правила игры снижает потенциальную эффективность капиталистической системы, но не в такой степени, как при социализме. Т. е. при капитализме эффективность экономики также зависит от морального состояния общества, от сознательного выполнения правил игры всеми игроками, но при нормальном состоянии зависит меньше, чем при социализме. Но все это – при нормальном состоянии.

Не уточняя пока, что такое – нормальное состояние при капитализме, я хочу обратить внимание на то, что никакое общество не пребывает постоянно в одном и том же состоянии. Изменение, развитие, эволюция есть всеобщий закон природы, распространяющийся и на общество. И на капиталистическое он распространяется, может быть, больше, чем на другие формации. Оно является наиболее динамичным и по сравнению с предыдущими формациями и с социализмом. В разных странах эволюция капитализма происходила и происходит по-разному и я не буду давать здесь ее обзрения во всем ее разнообразии по временам и странам. Я воспользуюсь общей схемой, заимствованной у историка – философа Ю. Павленко. («История мировой цивилизации»). И изложу ее вкратце (и в моем понимании).

В той части планеты, где впоследствии развился капитализм, жили независимые субъекты хозяйственной деятельности, крестьяне и ремесленники. Одни из них хозяйствовали успешно и богатели, другие разорялись. Первые начали нанимать последних в наемные работники и так развился капитализм. Вот этот самый начальный капитализм, когда существовала неограниченная свобода предпринимательства и стихийность рынка и конкуренция в наиболее чистом виде, я имел в виду, говоря о нормальных условиях игры в капитализм. Нормальность тут в том, что в этой фазе интере-

сы отдельных игроков — капиталистов, максимально (хотя все равно не абсолютно) совпадают с интересами всего общества. Но рано или поздно конкуренция приводит к тому, что, как ранее из независимых крестьян и ремесленников образовались капиталисты, так и теперь из среды капиталистов выкристаллизовываются монополисты. Интересы монополистов при существовавших до их появления правилах капиталистической игры, т. е. при неограниченной свободе предпринимательства, далеко расходятся с интересами общества в целом. Это была главная причина кризисов соответствующего периода (периода, когда монополизм уже возник, но еще не были приняты антитрестовские законы). Она была устранена принятием антитрестовских законов, т. е. изменением правил игры. Этим удалось опять привести в соответствие интересы игроков капиталистической игры интересам общества в целом. Но до того как были приняты антитрестовские законы, монополист, не обремененный, подчеркну, моралью, в рамках прежних правил игры имел возможность вздувать как угодно цены на свою продукцию, грабя тем остальную часть общества и вредя обществу в целом. Это и позволило Марксу и его последователям говорить о монополизме, как о последней стадии, загнивании капитализма и т. д. При этом Марксу не пришло в голову, что если бы монополисты были моральны и не вздували цены на свой продукт сверх средней прибыльности, то все было бы нормально и не нужно было бы никакого социализма. Но Маркс не верил, и правильно не верил, в возможность абсолютной моральности монополистов. А вот в абсолютную моральность начальников при социализме он почему-то верил.

Ошибся Маркс и, предполагая, что ситуацию с монополистами никак нельзя исправить, не свергая

капитализм и не заменяя его социализмом. Ситуация таки была исправлена в рамках капитализма принятием антитрестовских законов, после чего капитализм продолжил свое успешное развитие и победил социализм. Но не правыми оказались и апологеты капитализма, полагавшие и провозглашавшие, что антитрестовские законы – окончательная поправка капитализма и дальше все пойдет гладко, если не к коммунизму, то к какой-нибудь омеге. Во всяком случае, кризисов уже впредь не будет. Кризисы, как мы знаем, продолжились и нынешний грозит превзойти все предыдущие.

Причина этого в том, что и после принятия антитрестовских законов капитализм продолжил эволюционировать и интересы так называемых олигархов при существующих сегодня правилах игры (законах) опять сильно разошлись с интересами общества. Какие именно изменения произошли в капиталистическом обществе со времен принятия антитрестовских законов и в чем именно состоит сегодня расхождение интересов олигархов с интересами общества в целом, я описал в главе «Современная олигархия». Там же я наметил примерно, как нужно поправлять законодательство, чтобы интересы олигархов опять пришли в соответствие с интересами общества. И не только создавать законы, но и институты новые и не только в странах, но и мировые, поскольку в связи с глобализацией олигархия перешагнула национальные границы и одни только национальные законы и институты не могут ее сдерживать.

Я утверждаю, что, если все это сделать, то ситуация поправится, экономика опять станет более эффективной и кризисы оттянутся на время. Но в отличие от авторов антитрестовских законов, я не утверждаю, что это устранил кризисы навсегда. Нет, эволюция общества продолжится, расхождение интересов отдельных

групп с интересами общества в целом опять начнет возрастать и со временем опять потребуются изменения законодательные и институциональные. И если они не будут сделаны вовремя, то опять будет кризис.

Мало того, чем дальше, тем меньше все эти поправки будут эффективными. Уже первая реконструкция капитализма с помощью антитрестовских законов и антимонопольных комитетов и прочих инстанций не вернула ему прежней первоначальной эффективности, в смысле совпадения интересов всех игроков с интересами общества в целом. Не вернула, потому что не вернула рынок к его первоначальной стихийности, к неограниченной свободе предпринимательства. Эти (и подобные им) законы расширили роль государства, капиталистического государства в регулировании экономики, умножили число бюрократов в управлении экономикой. Чем дальше, тем больше свободным предпринимателям, теперь уже «свободным» в кавычках, приходится согласовывать свои действия с чиновниками, получать от них всяческие разрешения: лицензии, квоты и т. д. И в некотором смысле правы те, кто утверждает, что капитализм смещается в сторону социализма. Причем, замечу я, он смещается в негативном плане, перенимая, прежде всего, недостатки социализма. Поскольку свобода предпринимательства, ограничивается чем дальше, тем больше, а природа человека остается той же, то растет мотивация к нарушению правил игры. И одновременно растет возможность их нарушения. Ибо, чем больше чиновников, тем больше взятки. В результате в таких странах, как Россия и Украина, не говоря уже про бывшие республики Средней Азии, честно вести бизнес просто невозможно, а крупные чиновники при сравнительно скромной зарплате живут богаче капиталистов. Но и отказаться от регулирования рыночной экономики тоже нельзя, т. к.

опять возрастет расхождение интересов тех или иных субъектов экономики с интересами общества в целом (как в случае с монополистами). Причем, чем дальше, тем больше и чаще придется вводить новые виды регулирования, создавая все больше возможностей и мотивации для нарушения правил игры.

Получается своего рода эволюционная ловушка для человечества. Выход из нее я вижу только в укреплении морали общества. Как я сказал выше (и обосновал это в моей книге «Неорационализм»), мораль не зависит от строя. Но можно ли на нее вообще как-то влиять? Достаточно беглого взгляда на историю, чтобы увидеть, что исторически мораль была не просто влияема, но в значительной степени определялась философскими и религиозными идеями, принимаемыми тем или иным обществом. Принятие христианской морали было одной из составляющих экономического успеха западного общества до недавних пор. А деморализация этого общества под влиянием философских идей фрейдизма и экзистенциализма способствовала и способствует нынешнему кризису. Аналогично конфуцианская мораль, корни которой до сих пор живы в китайском обществе, способствует экономическому успеху Китая сегодня.

Но недостаточно и даже невозможно просто вернуться к христианской или конфуцианской морали. Дело в том, что никогда до их пор мораль не была сформулирована и обоснована, как рациональная научная теория. Это приводило к тому, что любая моральная концепция, будь то христианская, конфуцианская или какая другая, допускала разное толкование. В Христианстве, в частности, это привело к появлению огромного множества конфессий, каждая со своим пониманием Учения, отличным от других иногда до противоположности. А поскольку Бог один и истина еди-

на, то возникает сомнение, дает ли истину хоть одна из этих конфессий. Кроме того, как я сказал, жизнь развивается и ставит перед обществом и отдельными личностями вопросы, на которые нет ответа в Библии или у Конфуция, потому что тогда, во времена Иисуса Христа и Конфуция, не было таких проблем. Не было тогда монополий и олигархов, финансовых пирамид, не стоял вопрос, рефинансировать или не рефинансировать проворовавшиеся или бездарные банки за счет бедных налогоплательщиков в ситуации когда, если их не рефинансировать, упадет экономика и т. д. Тем более не было вопросов: клонировать или не клонировать, разрешить или запретить ГМО и т. д. На эти вопросы невозможно получить однозначные ответы, исходя из Библии или Конфуция (и не применяя единый метод обоснования). Такие ответы можно извлекать только из моральной теории, выстроенной как рациональная наука, т. е. обоснованной по единому методу обоснования. На основе этого подхода я построил теорию оптимальной морали («Неорационализм», Киев, 1992, часть 4) и показал, что она в основе своей совпадает с христианской моралью, но при этом позволяет извлекать из нее выводы, проектирующиеся на современную действительность. Кроме того, я применил единый метод обоснования к исследованию Учения Библии, что позволило дать однозначное и обоснованное толкование этого Учения. Если бы Отцы Церкви (церквей) были способны понять и принять этот подход, это привело бы к долгожданному объединению христианских конфессий, которого, якобы так жаждут их руководители. В последнем, однако, я сильно сомневаюсь, т. к. лицемерна их вера в то, что Бог один и истина едина, и движет ими жажда единоличной власти, которую они утратят при объединении.

Глава 15

Экономическая ситуация в мире

(В основу этой главы положена одноименная статья, написанная мной, как и все мои работы по макроэкономике, 3 года назад. С тех пор произошли, бесспорно, изменения в экономической ситуации в мире. Однако, я считаю, что эти изменения не носят принципиальный характер и, с учетом цели этой книги, не требуют привязки этой главы к самым последним данным, касающимся экономической ситуации).

Оценка экономической ситуации даже на отдельном предприятии – задача непростая и специалисты по такой оценке, аудиторы – это одна из самых дорого оплачиваемых профессий в западном мире. Оценка экономической ситуации во всем мире – задача несравненно более сложная. Об этом свидетельствует неожиданность наступления нынешнего мирового финансового кризиса для правительств практически всех стран и для международных финансово экономических институтов, неуверенность их действий по преодолению его и противоречивость прогнозов и оценок ситуации. Сложность задачи связана с огромным количеством параметров, описывающих, точнее, которыми можно описывать состояние системы, даже в случае отдельного предприятия, не говоря о мировой экономике. При современном уровне компьютеризации не проблема, конечно, собрать всю мыслимую статистику и представить ее в необозримом виде. Что зачастую и делается в качестве якобы серьезных научных исследований, но никак не помогает разобраться в том, что происходит, и тем более предсказать дальнейшее развитие событий. Успех зависит от правильного выбора главных параметров и адекватного описания связей между этими параметрами и остальными. Это – задача теории, доста-

точно общей и, естественно, правильной теории. Судя по тому, что мы наблюдаем в действительности в связи с нынешним кризисом: не предвидение, неуверенность, противоречивость оценок и т. д., такой признанной теории на сегодня нет. Есть теории (кейнсианство, монетаризм, теория рациональных ожиданий и т. д.), применение которых в некоторых обстоятельствах приводит к успеху, а в других нет. Именно это стало поводом для меня попытаться самому построить такую теорию. Не претендую на то, что мне это удалось сделать уже в полном объеме, но считаю, что проделанного выше достаточно, чтобы приступить к анализу современной экономической ситуации. Начну с того, что кратко резюмирую все, что сделано в главах, касающихся экономики. Было показано следующее.

1) Кризисы в экономике не есть нечто неизбежное, циклически повторяющееся независимо от нашей воли и действий. Существуют объективные факторы, способствующие неустойчивости процесса развития экономики и, в частности, возникновению кризисов, но при правильном понимании процесса в целом и этих факторов в частности, т. е. при наличии правильной (и достаточно общей) экономической теории мы способны избежать кризисов. Они есть результат наших ошибок в управлении экономикой, главная из которых – применение экономических моделей за пределами их применимости. Эта ошибка обусловлена, прежде всего, тем, что экономическая действительность (в отличие, скажем, от физической) стремительно изменяется (причем, чем дальше, тем быстрее). И это приводит к тому, что модели перестают соответствовать ей. Кроме того, до сих пор не существовало метода установления границ применимости моделей (теорий). Я такой метод предложил на основе разработанного мной единого метода обоснования

научных теорий, но он пока что не получил широкого распространения, в экономике в частности.

2) Эволюция экономики, имевшая место до сих пор, характеризуется, с одной стороны, ростом производительности труда и связанным с ним ростом материального благополучия общества в целом. С другой – возрастанием неустойчивости экономической системы в целом, что проявляется в кризисах национальных, а последнее время и мировых, возрастающей мощности. Причем кризисы эти, чем дальше, тем больше сочетаются с кризисами экологическим, климатическим, с межнациональными конфликтами и войнами и чем дальше, тем больше представляют, и будут представлять, угрозу самому существованию человечества.

3) Особо неустойчивым звеном экономической системы является ее кредитно-финансовая подсистема. Это связано с тем, что собственные капиталы банков на порядки меньше сумм, которыми они оперируют. В результате чисто психологические факторы через утрату доверия вкладчиков могут привести к краху, как отдельного банка, так и банковской системы в целом. А поскольку финансовая система является кровеносной системой экономики, то ее крах приводит к краху всей экономики.

4) Главным фактором, способствующим возникновению кризисов (равно, как и росту экономики) является конкуренция. Всякое предпринимательство в принципе сопряжено с риском. Всякое дело может изначально оказаться неудачным и не оправдать вложений, а если оно оказалось удачным изначально, то со временем все равно может кончиться крахом, ибо существуют конкуренты, которые могут обойти и задвинуть. Это побуждает каждого предпринимателя идти на все большие риски (потому что, если ты не рискуешь, то другие все равно рискуют и часть из них выигрыва-

ет, а выиграв, дают и тех, кто, рискуя, проиграл, и тех кто не рисковал) и, когда в экономике в целом превышает некая мера рискованности, наступает кризис. К примеру, в основе нынешнего кризиса лежат перешедшие меру риски, которые брали на себя американские, прежде всего, банки в конкурентной борьбе между собой за заемщика и вкладчика. В этой борьбе (и в погоне за наживой) они дошли до такой степени рискованности, которую теперь в Америке стали называть хакари кредитованием. Кредиты выдавались под очень низкие проценты и практически без проверки способности получавших вернуть их.

5) Неустойчивость экономического процесса, связанная с рисками, возрастает при наличии олигархов, особенно монополистов, и при недостаточном ограничении свободы их экономической деятельности законами и институтами государства. Это связано с тем, что при неудачах обусловленных чрезмерным риском, малого и среднего предпринимателя и банкира, он расплачивается за них сам, терпя банкротство, разоряясь и т. п. Если то же самое происходит с олигархом, особенно, если он владелец системообразующего предприятия или банка, государство вынуждено прийти ему на помощь деньгами налогоплательщика во имя спасения отрасли или экономики в целом. (Что мы и наблюдаем сегодня во всем западном мире в отношении банковской системы в целом и крупных банков в особенности). Зная это, олигархи позволяют себе идти на риски, которые не позволяет себе рядовой предприниматель или банкир. Ведь в случае успеха, они подавят конкурентов, а при неуспехе их выручит государство. При этом рядовые предприниматели под угрозой опасности проигрыша в конкурентной борьбе вынуждены также повышать степень риска, который они берут

на себя. В результате вся система переходит меру допустимой рискованности и скатывается к кризису.

6) Как я уже сказал, эта принципиальная, к тому же возрастающая по мере эволюции экономики ее неустойчивость, связанная с рисками и конкуренцией, является причиной кризисов, но не является основанием их неизбежности. Кризисы возникают тогда, когда правительства руководствуются экономической моделью, не соответствующей новому состоянию экономики. Так вплоть до Великой Депрессии 1932–37 годов, господствовало представление, восходящее к Адаму Смиту, что рынок сам все отрегулирует и поэтому рыночная экономика не требует государственного вмешательства. Это представление более-менее соответствовало действительности на этапе домонополистического капитализма, но перестало соответствовать ей задолго до Великой Депрессии. Если бы экономическая наука опережала эволюцию экономики и вовремя были бы приняты соответствующие законы, Великой Депрессии не было бы. Эти законы (антитрестовские) все-таки были приняты, но уже после Великой Депрессии. Тогда же получила признание кейнсианская теория, отрицающая, что рынок сам все отрегулирует и требующая определенной регулировки его.

7) В результате принятия антитрестовских законов и кейнсианской модели управления экономикой, соответствовавшей более-менее состоянию экономики на то время, ситуация на время стабилизировалась и продолжился экономический рост в Америке и в мире в целом. Но экономика продолжала эволюционировать, и через некоторое время кейнсианская модель перестала соответствовать новой ситуации. Главным изменением была глобализация мировой экономики. В этих новых условиях национальные антитрестовские законы и институты, ограничивающие олигархов до этого, пе-

рестали их ограничивать, потому что транснациональные компании вырвались из под национального законодательства стран, гражданами которых являются сами олигархи. Они получили возможность регистрировать свои компании где угодно по миру, перебрасывать капиталы и предприятия из страны в страну и укрываться от налогов в офшорах. В условиях глобализации изменилась и роль национальных правительств в экономике. Если прежде они стояли над конкуренцией и имели и возможность и мотивацию сдерживать чрезмерные риски своих предпринимателей и банкиров, то теперь, помимо того, что они утратили возможность влиять на транснациональных олигархов, они стали сами игроками в конкурентной борьбе между странами, стали сами брать рискованные займы у других стран и поощрять к этому своих предпринимателей и банкиров.

8) В качестве отдельного, особо важного фактора дестабилизирующего современную экономику, нужно отметить роль доллара, как мировой валюты. Вот как об этом пишет Павел Завялин в статье «Кризис доллара»: «Большее половины международных транзакций, половина экспортных сделок и 60% инвестиций осуществляются в долларах, которые составляют две трети мировых запасов валюты. Примерно половина международных торговых сделок заключается в долларах США. Валюты 60 государств мира «привязаны» к доллару, 40 – к евро. Доллар – не просто мировая резервная и торговая валюта, но после 1971 года единая мера стоимости для всего мира. Покупательная способность доллара обеспечивалась не только ВВП США (как это происходит в каждой нормальной стране), но и ВВП стран всего мира».(www.kontinent.org). Благодаря особому положению доллара в мировой экономике американцы имеют возможность печатать (эмитировать) свою денежную единицу практически неограниченно

без инфляции. Любая другая страна, вздумай она заниматься такой масштабной эмиссией, немедленно или очень скоро получила бы такую инфляцию, которая обошлась бы ей гораздо дороже напечатанной суммы денег. А американцев спасает прежде всего, то, что запасы долларов в странах мира (5 трлн. \$) превосходят оные в самой Америке и в случае падения курса доллара такие страны как Китай, Япония и некоторые другие потеряют больше чем сама Америка. Это заставляет их спасать доллар, выкупая его у американцев за свою валюту и тем, кстати, еще больше увеличивая свои запасы доллара и свою зависимость от него. А во вторых, когда начинается кризис, граждане всех почти стран мира, имеющие сбережения, бегут покупать доллары, как самое надежное средство сохранения этих сбережений, и тем опять поднимают курс доллара. Таким образом, американцы просто грабят другие страны и, хотя грабеж этот особенно элегантен (никто ж никого не заставляет покупать доллары), но, как и всякая другая масштабная несправедливость, он способствует дестабилизации политической, а через нее уже и экономической.

Это – опосредованное влияние особой роли доллара на нестабильность мировой экономики. Но есть и прямое. Эти огромные запасы доллара в Китае, Японии и других странах подобны ружью, которое висит на стене в первом акте пьесы. В третьем акте оно непременно выстрелит. Рано или поздно эти страны пожелают избавиться от этого ярма и тогда произойдет мощнейший обвал доллара, а с ним и мировой финансовой системы и экономики. Обвал, по сравнению с которым нынешний кризис может показаться парой пустяков. Наконец, эта долларовая палочка – выручалочка поощряла американское правительство идти на все более бездумные риски, что также способствовало

нынешнему кризису. Причем, когда этот кризис разразился, оказалось, что долларовая палочка – выручалочка, хоть и выручает американцев, но не в такой степени, как они надеялись. Связь политики с экономикой, прямая и обратная, может влиять на экономический процесс как в ту так и в другую сторону. О полезности честного экономического сотрудничества и торговли между странами написано так много, что нет нужды добавлять. Точно также хорошо известно, что войны и прочие конфликты влияют на экономику стран в них участвующих, в общем, отрицательно. Что касается нынешнего мирового кризиса, начавшегося с Америки, то нельзя не принять во внимание двух войн, в Афганистане и Ираке, в которых Штаты являются главным действующим лицом.

9) Центральным моментом кейнсианской теории является искусственное увеличение спроса с целью увеличения занятости. Идея проста – чем больше занятость, тем меньше безработица (большая безработица – проявление кризиса), тем быстрее развивается экономика и за счет ее быстрого развития можно создать покрытие вновь выпущенным долларам, которые для этого самого искусственного увеличения спроса и эмитируются, и погасить внешне и внутренние долги. Вот как пишет об этом Павел Завялин (Чикаго) в статье «Кризис доллара» (www.kontinent.org):

«Администрация президента Картера и глава ФРС Пол Волкер разработали хитрую концепцию. Впервые в истории капитализма стали не капиталистам одним помогать, а стимулировать совокупный спрос за счет эмиссии денег». Ну а Джорж Буш младший стимулировал этот спрос, как за счет эмиссии, еще большей, чем при Картере, так и за счет внешних и внутренних заимствований и за счет низких ставок кредитования потребителей, к чему он призывал и поощрял банкиров.

(Сам Кейнс отдавал преимущество именно последнему способу раздувания искусственного спроса). Обсуждался ли при Кейнсе и вплоть до наших дней вопрос о допустимых (разумных) пределах такого раздувания спроса? Да обсуждался. Но только в контексте занятости – безработица. Кейнс тяготел к полной занятости, позже пришли к выводу, что оптимальна безработица в 4%, т. к. при полной занятости люди не боятся потерять работу и, как следствие, хуже работают. Я в статье «Формула бескризисного развития экономики» показал, что безработица, рассчитываемая по кейнсианской модели, дает ограничение искусственно раздуваемому спросу лишь с одной стороны. А есть ограничение с другой стороны, связанное с тем, что искусственно раздуваемый спрос может приводить к образованию так называемых пузырей, которые рано или поздно лопаются, результатом чего является кризис и все та же безработица. И сформулировал условие бескризисного развития экономики, которое требует баланса ВВП с доходами «бедных» и физическим потреблением «богатых». (Понятия «бедные» и «богатые» здесь не совсем совпадают с бытовыми). Следует, конечно, учитывать, что формула бескризисного развития есть условие необходимое, но не достаточное, успешного (а не только бескризисного) развития экономики. Советская плановая экономика развивалась бескризисно, что не помешало Союзу проиграть экономическое соревнование западной рыночной экономике, вместе с ее кризисами. Но это произошло потому, что советская плановая модель экономики устраняла конкуренцию, а формула бескризисного развития экономики ее не устраняет.

10) Ни одна из существовавших до сих пор экономических моделей не учитывала правильно роль морали в экономике. До сих пор господствует точка зрения,

принятая еще Адамом Смитом, что мораль в капиталистической экономике не играет никакой роли. «Рынок все отрегулирует». Нечестного и нерадивого рабочего рано или поздно уволят, нечестный и нерадивый предприниматель – разорится. Эта точка зрения была более-менее близка к истине только во времена самого Адама Смита, т. е. во времена немонополистического капитализма с не регулируемым государством рынком. (Хотя абсолютно нерегулируемого не было никогда, налоги, существовавшие всегда, – это уже форма регуляции). Но с появлением монополий ситуация драматически изменилась. Стихия рынка, конкуренция, заставлявшая рядового капиталиста быть «честным», т. е. не вздувать до небес цены на производимые им товары и платить рабочим, по крайней мере, не меньше его конкурентов, не могла заставить делать то же самое монополиста. А когда монополистов обуздали с помощью антитрестовских законов, то тем самым нарушили стихию рынка: возросла регуляция экономики государством, а с ней и коррупция. А масштабы коррупции зависят от морального состояния общества. Дальнейшая эволюция капиталистической экономики, как я показал, приводит с неизбежностью ко все большему масштабу регулирования капиталистической экономики и, следовательно, ко все большей роли морали в ней. Что касается социалистической экономики, то роль морали в ней и того больше. В ней без сознательного отношения к труду экономика просто разваливается, что продемонстрировала эволюция этой самой экономики за годы советской власти. Как достичь поднятия морали в обществе – это отдельный большой вопрос, который я рассмотрел уже в предыдущих главах. Отмечу лишь, что важным параметром морали, особенно влияющим на экономику, является справедливость вообще и, прежде всего, справедливость

распределения совокупного продукта, производимого в обществе. Марксова идея уравниловки в распределении общественного продукта показала свою непригодность с точки зрения успешного развития экономики. К тому же вызывает сомнение, что такая уравниловка соответствует абсолютной справедливости. Вообще, не ясно, что есть абсолютная справедливость в распределении совокупного продукта. Можно с уверенностью говорить лишь о заведомой несправедливости в таком распределении. Ясно также, что абсолютную справедливость нельзя брать в качестве единственного критерия при выборе экономического устройства общества. А вот предложенная мной формула бескризисного развития экономики, помимо того, что обеспечивает это самое бескризисное развитие, обеспечивает также распределение продукта, по крайней мере, более справедливое, чем в сегодняшней Америке и во многих других странах. При этом есть хорошие шансы уговорить капиталистов, включая олигархов, принять эту формулу, поскольку она не ущемляет их в такой степени, как марксова экспроприация экспроприаторов, а во вторых, она избавляет их от кризисов, которые достают их не меньше остальных.

Теперь приведем ряд цифр, характеризующих нынешнюю экономическую ситуацию в Соединенных Штатах. (Данные на 2009 год).

«Отношение долга населения к доходам составляет более 140%. По окончании кризисного периода конца 60-х – начала 70-х этот показатель был чуть больше 60%...

Второй ориентир – прямой государственный долг и денежная масса. Уже сегодня оба эти показателя вышли далеко за границы управляемости, практически достигнув отметки в 150% ВВП – 82% МЗ и 65% госдолг.

Третий ориентир – пенсионная и медицинская система (Social Security & Medicare). На текущий момент обязательства государства по программам пенсионного и медицинского страхования составляют около \$39 триллионов. На сенатском бюджетном комитете в начале 2007 Бен Бернанке озвучил прогноз, что расходы по системе социального обеспечения вырастут к 2030 с нынешних 8.5% ВВП до 15% ВВП, т. е. почти вдвое. (Сходные оценки предлагают собственные эксперты фондов. Они ожидают, что к 2020 на покрытие дефицита социальной системы должно будет выделяться 26.6% доходов федерального бюджета, а к 2030–49.7%.) (www.avanturist.org).

И еще: «США играют уникальную роль в мировой экономике. Они производят около 25% мирового ВВП, или 14 трлн. долл. А потребляют 40% мирового ВВП...

Экономика США ныне составляет примерно 25% экономики мира – вдвое меньше, чем 60 лет назад...

Страна проела свои ресурсы на два поколения вперед, накапливая долги. Это видно, если сравнить рост всего совокупного долга США и ВВП. Экономика росла со скоростью 2–4% в год. Долги постоянно растут со скоростью 8–10%... главный документ страны уже несколько лет подряд сверстывается с дефицитом, который в 2009 году ожидается на уровне 1,8 трлн. долл. Кроме того, национальный долг США еще осенью 2008 года превысил 10 трлн. долл. или 71,4% от ВВП». (Павел Завялин, «Кризис доллара», www.kontinent.org).

Прежде чем приступить к анализу этих цифр в свете моей макроэкономической теории, процитирую из еще одного источника («Пять триллионов долларов! И сдачи не надо», Ара Багдасарян, www.kontinent.org) относительно решений недавно состоявшегося саммита G20: «Руководители стран согласились, прежде всего,

создать всемирный регулятор – Совет финансовой стабильности (Financial Stability Board, FSB)...

Так вот, главное, согласно коммюнике саммита, страны-участницы до конца 2010 года выделяют дополнительно на борьбу с глобальным кризисом до \$5 трлн. Стоп! Вдумаемся. Это чудовищно большая сумма. Если разделить ее на количество жителей планеты, получится 800–900 долларов на брата (и, разумеется, сестру)... Может и помочь – кризис просто задохнется под грузом дензнаков...

Основные положения коммюнике G20 (без подробностей, естественно): ужесточение регулирования рынков,.... установление контроля за хедж-фондами (хедж-фонд – это частный, не ограниченный нормативным регулированием инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц), борьба с «налоговыми раями» (особенно всяческие офшоры поганят экономическую картину мира), усиление роли мировых финансовых институтов, борьба с протекционизмом...

В общем, саммит «двадцатки» самых влиятельных экономик мира принял в Лондоне декларацию, представляющую собой отказ от модели экономики, основанной на саморегулировании и полной свободе действий бизнеса. Конечно, сие не очень укладывается в каноны классического либерального рынка, но что делать? – видать, по-другому ситуацию невозможно уже нормализовать.

Маленькая, но симпатичная деталь. В коммюнике G20 отмечается, что новые правила финансовой отчетности должны предполагать открытие всеми компаниями информации, например, о выплатах бонусов по итогам года своему руководству. А то иногда совсем уж безобразие получалось. Гигантская транснациональная компания стоит на грани полного краха, валяется, поэтически выражаясь, в ногах государства – вымалывает

несколько миллиардов долларов, чтоб окончательно не утонуть... И в то же время оказывается, что топ-менеджеры утопающего гиганта выписали себе по несколько десятков миллионов в качестве премиальных (бонусов)! Это как называется?

Из поля обсуждения совершенно выпала тема новой резервной валюты. Это предложение оказалось затронуту только слегка, на «полях» мероприятия.

Анализ ситуации начну с решений саммита G-20. Большинство пунктов соответствуют с точностью чуть ли не до цитирования тому, что я предлагал еще в первых статьях моего экономического цикла («Современная олигархия», «Олигархия и мировой финансовый кризис»), написанных за несколько месяцев до саммита. Это и создание мирового регулятора финансовой стабильности, и усиление прочих наднациональных институтов регулирования экономики, и борьба с налоговыми раями – офшорами, и ограничение в раздаче огромных бонусов бездарным топ-менеджерам.

А вот, что касается главного пункта программы двадцатки – выделения 5-и триллионов долларов на борьбу с кризисом, тут дело обстоит сложнее. Во-первых, заметим, что это – дополнительные 5 триллионов, которые нужно добавить к триллионам, выделенным уже до этого на борьбу с кризисом. А до этого только Штаты выделили уже полтора триллиона (700 миллиардов – Буш и 800 миллиардов – Обама). Объединенная Европа выделила, надо полагать, никак не меньше. Если к этому добавить Китай Японию, Россию и т. д., то общая сумма уже выплеснутых на пожар долларов будет где-то между 5-ю и 10-ю триллионами. Вместе с новыми 5-ю это 10–15 триллионов долларов. Для оценки масштаба этой суммы вспомним, что сегодняшний ВВП Штатов (по данным Завялина), равный 14-и триллионам долларов, составляет 25% мирового

ВВП. Т. е. на тушение мирового финансового и экономического кризиса будет потрачена сумма (если этим дело кончится), равная четверти мирового ВВП.

Зададимся двумя вопросами: откуда взялись и дальше будут браться эти денежки и на что они пойдут? Ну, во-первых, были ограблены все запасы валюты и прочие резервы во многих странах (например, в России и Украине). А во-вторых, печатались и, тем более, дальше будут печататься дензнаки и, прежде всего, доллары в Штатах. А пойдут они, особенно последние 5 триллионов, прежде всего, на увеличение спроса. Ведь эти 5 триллионов предназначены не на внутреннее потребление в странах донорах, а на помощь бедным странам, в которых кушать нечего. И спрос так рано или поздно вырастет и экономика оживится. Если не хватит последних 5-и триллионов, добавят следующие – технология печатания денег позволяет напечатать их, сколько влезет. Есть уже признаки того, что кризис останавливается и начинается оживление экономики. Например, доллар уже начал дешеветь, а продукты питания – дорожать, что, как заметил один обозреватель, происходит всегда, когда кризис заканчивается.

Но если все было бы так просто, то почему бы было не включить печатные станки, чтобы они работали в режиме нон-стоп, для того чтобы наступил экономический рай на земле? Все как бы понимают, что не все так просто, и, тем не менее, продолжают печатать деньги и чем дальше, тем быстрее. Почему? А потому, что господствующая экономическая теория гласит, что надо увеличивать спрос любой ценой, особенно в условиях кризиса. Ведь именно таким способом преодолевались все предыдущие кризисы. А то, что такой способ преодоления приводит через некоторое время к новому и более мощному кризису это остается за кадром, суще-

ствующие экономические теории этого «не видят». А повторяемость кризисов объясняют нам таинственной цикличностью, этакой, понимаете ли, судьбой, кармой рыночной экономики. Мол, неизбежно и от нас не зависит. Тем более, что после кризиса наступает оздоровление и может этом и есть сермяжная правда. И лучше с кризисами, но развиваться, чем при плановой экономике топтаться на месте без кризисов. И т. д.

Ну, то, что лучше, чем плановая экономика, тут спору нет. Но ведь еще лучше, чтобы – рыночная и без кризисов. И потом выражение «после кризиса наступает оздоровление» требует уточнения. Точнее будет сказать, наступало до сих пор. Но поскольку мощь кризисов нарастает и экономические кризисы переплетаются с прочими (пример: Северная Корея использовала данный кризис, чтобы испытать атомную бомбу, и таких примеров можно привести много), то логично предположить, что очередной кризис не закончится оздоровлением, а закончится тотальным крахом. И весьма вероятно, что этим очередным будет уже следующий. Таким образом, мы имеем более чем достаточно оснований, чтобы не принимать на веру мистическую цикличность кризисов и разобраться в том, к каким последствиям ведет нас раздувание спроса для преодоления кризиса с помощью печатания денег. А как следует из моей макроэкономической теории и конкретно из формулы бескризисного развития экономики, оно ведет нас к очередному финансово – экономическом кризису через надувание «пузыря» еще большего, чем тот, что привел к гасимому кризису. И потому новый кризис будет мощней предыдущего. Действительно, бедные страны, получив 5 триллионов помощи, увеличат спрос, промышленность развитых стран, удовлетворяя этот спрос, оживится. Но когда эти

5 триллионов закончатся, закончится и дутый спрос и разразится новый кризис, похлеще предыдущего.

Еще одно направление, по которому будут потрачены 5 триллионов, выделяемых двадцаткой, это рекапитализация банков. Рекапитализация банков – вещь необходимая для выхода из кризиса. Без нее невозможно восстановить кредитование промышленности, а промышленность и сельское хозяйство развитых стран уже давно сидят на кредитной игле и без кредитования просто не могут функционировать. Но все зависит от того, как будет осуществляться эта рекапитализация. Например, в Украине большая часть транша МВФ, выделенного именно на эту самую рекапитализацию и переданная нацбанком коммерческим банкам пошла не на рекапитализацию, а на спекуляции с долларом, на чем нажились банкиры, но кризисная ситуация от этого только усугубилась. Во-вторых, необходимость в рекапитализации возникла, прежде всего, из-за ошибочной, чрезмерно рискованной политики кредитования, проводимой банками, а в некоторых случаях – воровства денег банкирами из собственных банков по разным схемам. Причем повышенные риски брались, а тем более осуществлялось воровство в расчете именно на то, что когда и если придется банку расплачиваться за свои грехи, то его спасут с помощью этой самой рекапитализации и можно будет и дальше красть или рисковать запредельно в надежде сорвать куш. Таким образом, безоглядная рекапитализация будет также закладывать основу будущего кризиса, поскольку подтвердит банкирам, что можно красть и бездумно рисковать, в случай чего государство выручит.

В цитированном выше описании решений саммита G20 есть еще один маленький, но примечательный пунктик. Точнее не пунктик, а упоминание об отсутствии решения по отнюдь не маленькому, а как раз

очень важному пункту. Я имею в виду, что практически не рассматривался вопрос о замене доллара на некую новую международную валюту. К этому следует добавить, что когда разговор о такой замене возникает (а он возникает, есть конкретные предложения на эту тему от Китая, Казахстана и т. д.), это вызывает заметное раздражение у американцев и невооруженным взглядом видно стремление их воспрепятствовать этому. А между тем, как я показал выше, особая роль доллара сыграла существенную роль, как одна из причин нынешнего кризиса, и с учетом его массивной эмиссии сейчас, легко видеть, какую роль это сыграет в ближайшем будущем, приблизив новый и еще более мощный кризис. Нерешенность этого вопроса ставит под сомнение и все пункты саммита об усилении контроля над финансовыми потоками, фондовыми рынками и т. п. Что толку их контролировать, если главный дестабилизирующий мировую экономику фактор остается без контроля и полностью определяется желанием даже не одного государства, а узкого клана олигархов в нем?

Теперь обратимся к приведенным выше цифрам, касающимся состояния экономики США. Из них видно, что даже если нынешний кризис будет разрешен наилучшим образом, без надувания в процессе этого разрешения нового пузыря под новый кризис, то над экономикой США (а поскольку она тянет по валу на четверть мировой экономики, то и над всей мировой экономикой) нависает очередная угроза в виде колоссального внешнего и внутреннего долга и дефицитов бюджета, торгового баланса и т. д. Многие аналитики и в числе них цитированные мной Авантюрист и Завялин не видят для Штатов другого выхода из их положения, как, используя их особую роль в мировой экономике и особую роль доллара, как мировой валюты, осуществить целенаправленное «обрушение мировой

экономики». Мало того, Авантюрист, например, пытается доказать, что «обрушение» уже идет и что нынешний кризис – это первый этап его и произошел он не вследствие неизбежности и цикличности кризисов и не вследствие просчетов в экономической политике руководителей Штатов и других ведущих стран мира, а есть результат сознательных действий правительства Штатов. И что согласно тайному плану в качестве дальнейших этапов «обрушения», Штаты будут не только до бесконечности печатать доллар, но и развяжут войну с Ираном, Захватят Саудовскую Аравию и нанесут ядерный удар по Китаю. (Не зря человек взял себе псевдоним Авантюрист).

Что касается планов захвата Штатами Саудовской Аравии и нанесения ядерного удара по Китаю, то это, конечно, – буйная фантазия Авантюриста (война с Ираном может случиться и без злого умысла Америки, по вине самого Ирана). Авантюрист демонизирует Америку, приписывая ей стремление колонизировать весь мир, включая своих союзников – Западную Европу, Японию и т. д. Он забывает, что без плана Маршала и прочей помощи Штатов ни ведущие страны Европы, ни Япония не стали бы теми экономическими гигантами, конкурирующими с самой Америкой, какими они являются сегодня. Он забывает, что войны в Афганистане и Ираке обошлись Америке слишком дорого, не принесли никаких дивидендов. Наоборот, эти войны – одна из причин финансового кризиса в самой Америке, распространившегося на весь мир. Предположение же, что американцы планируют атомный удар по Китаю, – вообще бред. Только сумасшедшие могут предполагать, что такой удар не приведет к мировой атомной войне или, что в этой войне кто-то может выиграть.

Но, что касается печатания доллара, тут правда с Авантюристом и прочими предсказателями «обрушения». Т. е. собираются ли американцы сознательно обрушивать мировую экономику – это отдельный вопрос. Но то, что они печатали, печатают и собираются и дальше печатать доллар в неограниченных количествах, себе на пользу и всем прочим во вред, – это факт. И как показано выше, последствия этого факта могут быть не менее драматичными для мировой экономики, чем атомная война. Не говоря о том, что в ситуации хаоса, который вызовет экономический кризис в разы превосходящий нынешний, весьма вероятно, что произойдет и атомная война без того, чтобы кто-нибудь ее заранее планировал.

Я написал «будут печатать доллары», имея в виду, что американцы вынуждены будут это делать для покрытия своих невообразимых долгов. Вариант объявления дефолта мало того, что не устроит власть имущих Америки, но будет также достаточно драматичен для американской экономики, и вследствие ее удельного веса, и для мировой тоже. Все это в предположении, что не будет найден оптимальный выход из создавшейся ситуации, без чрезмерного печатания денег (не говоря о вариантах с войнами).

Может ли быть найден такой выход? Я говорю да, при наличии правильной экономической теории и доброй воли. И я считаю, что мои разработки дают основу такой теории (хотя до выработки конкретного плана выхода требуется еще работа). Что у меня вызывает наибольшее сомнение, это эта самая добрая воля. Т. е. в благих пожеланиях нет недостатка. Никто не против, чтобы все было хорошо. Но при условии. При условии, что я лично (или моя партия, моя фирма, моя страна) ничего не потеряю, а лучше еще приобрету. Особенно это касается теории. Никто не против, чтобы

была принята хорошая теория, которая поможет миру выбраться из опасного состояния. Но есть люди, от которых принятие или не принятие такой теории не зависит, и они к делу не относятся. А вот те, от кого это зависит, те не против лишь при условии, что идея будет исходить от них самих. Ну, или от их начальства или вообще вышестоящих в академической табели о рангах. А вот если она исходит от того, кто в их системе координат считается ниже рангом, тогда пусть рухнет мир, но они ни в коем случае не должны потерять в своем научном величии. Я не говорю, что это касается всех в науке, но слишком много есть сегодня тех, зависть и амбиции которых не дают пробиться важным и нужным для человечества идеям и теориям. И это может быть и есть главная опасность угрожающая сегодня человечеству.

Глава 16

Формула бескризисного развития экономики

В СМИ печатных и электронных в контексте разговоров о кризисе часто мелькают термины «перегрев экономики», «пузырь». И всем ясно, что перегрев экономики непременно вызывает последующий спад ее, а «пузырь», лопаясь, приводит к кризису. Неясно только, если всем тут все ясно, то почему никто не остановил вовремя перегрев экономики и раздувание «пузыря», приведшие к нынешнему кризису (аналогично, как и к предыдущим)? Мало того, для большинства мыслителей от политики и экономики нынешний кризис разразился как гром среди ясного неба. Отсюда напрашивается вывод, что далеко не все ясно и оракулам и ученым экономистам. Я, например, не встречал никакого определения того, что есть «перегрев экономики» или «пузырь». И это вписывается в нарисованную выше картину. Без четко, однозначно определенных понятий не может быть выстроена научная теория, дающая однозначные же выводы. Развитый мной эволюционный подход к исследованию кризисов позволяет, как мне кажется, пролить свет на предмет. К чему и перехожу.

В главе «Эволюция кризисов и экономические модели» я показал, что в основе всякого кризиса лежит нарушение правильного, оптимального распределения совокупного продукта общества. Оптимального – не с точки зрения справедливости, а с точки зрения успешного, эффективного, бескризисного функционирования экономики. Для индивидуума, ведущего индивидуальное, натуральное хозяйство, я проиллюстрировал это нарушение. Но дальше в этой главе я исследовал эволюцию кризисов по другим параметрам. Сейчас я хочу рассмотреть, как эволюционировало это оптимальное распределение общественного продукта.

Начну с напоминания о том, в чем оно состояло в натуральном хозяйстве. Грубо говоря, оно заключалось в том, что нужно было не весь полученный в цикле производства продукт употребить. Нужно было часть его оставить для возможности осуществления следующего цикла производства. Скажем, оставить семена для посева, а часть продать и купить на них необходимый инвентарь (или изготовить его самому, но тогда этот инвентарь и будет той частью произведенного продукта, которая идет не на потребление, а на воспроизводство). Если это не выполнялось, то в следующем цикле наступал кризис (нечем было сеять).

На этапе товарного производства с рыночной экономикой содержание оптимального распределения уже другое. Еще раз напомню, что в отличие от Маркса я рассматриваю оптимальное распределение совокупного продукта не с точки зрения справедливости, а с точки зрения эффективного развития экономики. Эффективного и бескризисного. На этапе натурального хозяйства производитель (и его семья) сам же и потреблял все произведенное (за вычетом оставленного на воспроизводство). Теперь то, что производит один, потребляют многие и это усложняет задачу оптимального распределения. При товарно-денежном производстве эти многие должны иметь не только физическую возможность употребить все произведенное (грубо говоря, съесть), они должны сначала иметь возможность купить его. Т. е. во-первых, цена всего произведенного в обществе должна равняться совокупному множеству зарплат и доходов в нем (плюс то, что идет на совокупное инвестирование). А во-вторых, – уже упомянутая возможность физически потребить все произведенное. Причем в этом «во-вторых» – главное не то, чтобы все произведенное могло быть потреблено при его равном распределении между членами общества, а

то, чтобы не получилась ситуация, когда малая часть людей, но с большими доходами и зарплатами, будет не в состоянии потратить все то, что на их доходы можно купить, а большая часть не будет иметь достаточно денег, чтобы приобрести все то, что останется не потребленным малой, богатой частью. Т. е. теперь оптимальное распределение состоит из трех частей: той, что идет на инвестирование, и двух, которые идут на потребление – богатыми и бедными. При нарушении оптимума происходит одно из двух: либо у бедных нет денег приобрести произведенное на их долю (а это основная часть произведенного) и тогда – кризис, либо у капиталистов, которые собственно и производят, доход за вычетом необходимых инвестиций недостаточно превосходит среднюю зарплату в обществе и тогда у них пропадает стимул производить. Легко видеть, что в основе всех предыдущих кризисов лежало одно из перечисленных двух. Только в эпоху развитых кредитно-финансовых отношений эта картина затемняется, а с другой стороны, усугубляется этими самыми отношениями.

Рассмотрим это на примере нынешнего кризиса в Америке (с которой он и начался). Сначала строительные компании бешено наживались, вздувая цены на жилье. Произошло нарушение оптимального соотношения между доходами строительных компаний и зарплатами и доходами подавляющей части населения, которая не могла покупать жилье по таким ценам. Если бы не кредитно-финансовые отношения, то уже давно произошел бы небольшой такой, скромный кризис в Америке, который не затронул бы не только других стран, но и других отраслей промышленности в самой Америке. Просто произошел бы спад производства в строительной промышленности Америки с последующим снижением цены жилья и доходов строительных

компаний. Но теперь в условиях развитых кредитно-финансовых в картину входят банки, которые тоже хотят получить сверхприбыли на строительном буме, и они начинают кредитовать под неоправданно низкие проценты с одной стороны строительные компании, с другой – население, которое хочет приобрести жилье. Кризис оттягивается, но надувается вышеупомянутый пузырь, который когда-нибудь обязательно должен лопнуть, но чем позже он лопнет, тем мощней будет кризис. Теперь становится ясной суть понятий «перегрев экономики» и «пузырь». Перегрев экономики – это не просто высокая (выше среднего) деловая активность, это высокая активность в сочетании с нарушением оптимального разделения общественного продукта в пользу богатых капиталистов (и этим же неоптимальным распределением и стимулируемая). А «пузырь» образуется, когда неоптимальное распределение (неоптимальное в пользу богатых) усугубляется кредитованием населения финансовыми учреждениями для приобретения тех товаров, которые они при их уровне зарплат и доходов купить не могут (в том числе и в рассрочку).

Из проделанного выше рассмотрения вытекает и формула бескризисного экономического развития. Она собственно и дается вышеприведенным оптимумом. Остается только уточнить его. С уточнением она выглядит так. Цена всего совокупного продукта, производимого в обществе, должна равняться сумме всех инвестиций плюс сумма всех зарплат и доходов «бедных», плюс цена физически возможного суммарного потребления «богатых».

Эта уточненная формула требует еще изрядных уточнений. Прежде всего, что такое здесь «бедные» и «богатые»? Я не случайно взял оба этих слова в кавычки. Я сделал это потому, что употребляю их здесь в не совсем общепринятом смысле, (который к тому же до-

статочно расплывчат). Бедные здесь – это те, которые все свои доходы тратят на потребление личное и своей семьи. Потребление может быть совсем недурственным и поэтому это – не те бедные, что описываются в романах и картинах неореализма (хотя и те тоже). Они могут делать и сбережения и брать кредиты. Но и сбережения эти предназначены для потребления (скажем, покупки жилья или машины), и кредиты – тоже. Причем кредиты берутся в размере и на сроки такие, что берущий может покрыть их из своих доходов в эти самые сроки.

«Богатые» – это, прежде всего, капиталисты – предприниматели, которые, помимо потребления, осуществляют инвестиции в производство. Но это также те кто, не будучи предпринимателями, создают сбережения, превышающие то, что они потребляют до конца жизни. Это – прежде всего, банкиры, затем топ-менеджеры, выдающиеся артисты и т. п. В определенном смысле они также являются капиталистами, хотя и не являются предпринимателями. Сбережения, которые они не потребляют – это капитал, который все равно идет на инвестиции, только осуществляемые не ими самими, а предпринимателями, берущими эти деньги у банков в кредит.

Дальше возникает вопрос, можем ли мы реально посчитать эти три составляющие предложенной формулы? Откуда, скажем, мы знаем, какие закладывать в формулу совокупные инвестиции? Ведь они же изрядно колеблются из года в год. Но сильно колеблются они благодаря «перегревам» с последующими спадами. Если мы начнем применять формулу бескризисного развития хотя бы с изначально грубой оценкой совокупных инвестиций, то «перегревы» начнут убывать и через некоторое время мы выйдем

на устойчивое развитие со стабильным и прогнозируемым годовым приростом инвестиций.

Второй вопрос, как определить, насколько должно потребление предпринимателей превосходить среднее по стране, чтобы у них не пропало желание производить? Тут надо заметить, что эта величина не является вполне объективной. Она зависит от психологии предпринимателей и, если хотите, от их сознательности. Но при существующих психологии и сознательности ее чисто статистическими методами можно нащупать. Правительство и прочая власть, варьируя такие параметры, как налоги, денежная эмиссия и бюджет, может изменять отношение доходов предпринимателей к среднему заработку по стране. Скажем, увеличив налоги на предпринимателей, оно уже уменьшает это отношение. Одновременно оно увеличивает поступления в бюджет и, если оно направит это увеличение на увеличение зарплаты бюджетникам, оно еще больше уменьшит это отношение. Затем, глядя на реакцию бизнеса, оно может еще раз корректировать это отношение.

После всего полученную формулу можно уточнять и еще для нужд ее практического применения. Сейчас я хочу сделать одно такое уточнение.

Напомню, что формула гласит, что условием бескризисного развития экономики является равенство цены совокупного продукта (за некоторый период, скажем за год) совокупному потреблению «бедных» и «богатых» плюс совокупные инвестиции. Под бедными здесь понимались те, кто весь свой доход тратят на потребление, а под богатыми – те, кто не весь. Сейчас я хочу дополнительно уточнить, раскрыть суть понятия «потребление» в моей формуле (подчеркну, что в другом контексте оно может иметь другой смысл), тем самым уточнить и смысл самой формулы.

Формула предназначена для того, чтобы сбалансировать производство и потребление. Если «богатый» спрятал часть дохода под подушку, то это не будет засчитываться в потребление ни у меня, ни, насколько я понимаю, где-либо еще. До тех пор, пока он не вынул их из-под подушки, на эти деньги не будет куплено и потреблено ничего из того, что произведено в этом году, или когда-либо еще. На эту сумму убудет суммарное потребление произведенного, а, следовательно, в предположении, что цена произведенного равнялась сумме всех доходов, какая-то часть произведенного не сможет быть реализована.

Ну, под подушкой в наше время денег практически никто не держит, а держат сбережения в банке или покупают ценные бумаги. Относить ли эти сбережения к потреблению в «формуле»? Если это – зарплата, поступающая на текущий счет и до поступления следующей зарплаты снимаемая и идущая на питание, одежду и т. п., то это, безусловно, – потребление по «формуле», ибо на всю эту сумму будет потреблено то, что произведено, т. е. это обеспечит на эту сумму тот спрос, который поддерживает производство. Если это целевое сбережение для покупки квартиры или машины, то это тоже – потребление (по формуле), хотя и отложенное. Но наличие отсрочки потребления и величина ее небезразличны с точки зрения рассматриваемой задачи, и такое потребление надо вводить в формулу с уменьшительным коэффициентом. Причем, чем больший срок, тем коэффициент меньше. Задача точного вычисления этого коэффициента в среднем по экономике страны непростая, но выполнимая. Однако здесь я этого делать не буду, оставляя для дальнейшего, а ограничусь качественным исследованием предмета.

Почему вообще банковские вклады на срок надо вводить в формулу с уменьшительным коэффициентом?

Ведь положенные в банк вкладчиком эти деньги превращаются в кредит для заемщика и, если этот заемщик берет их для потребления, то, на первый взгляд, кажется, что никакой задержки в потреблении не происходит. А с точки зрения баланса производства и потребления, казалось бы, нет никакой разницы между тем, потребил ли на эту сумму вкладчик или заемщик. На самом деле разница есть. Ведь заемщик должен занятые деньги возвращать, да еще с процентом. И на всю эту сумму, включая проценты, он затем свое потребление должен уменьшить, вплоть до момента, когда рассчитается с долгом. А при агрессивной политике кредитования потребления, которая имела место в последнее время, особенно в Штатах, но и в других странах тоже, когда людей всячески убеждали брать кредиты для приобретения жилья и т. п., снизили до нельзя кредитную ставку и уменьшили до пренебрежения требования к заемщику по части его возможности вернуть кредит, это ведет (и привело) к банковскому кризису из-за не возврата кредитов.

Есть еще вариант, когда вложенные в банк деньги пойдут не на потребительские кредиты, а на инвестиционные. Эти суммы должны полностью вычитаться из потребления и добавляться к инвестициям. Но поскольку инвестиции в формуле бескризисного развития суммируются с потреблением, то в нормальной ситуации это не нарушает баланса между производством и потреблением. Но в главе «Эволюция кризисов и экономические модели» я объяснил, что начало всех кризисов в нарушении пропорций между инвестициями и потреблением. Если инвестиции недостаточны, то в будущем нас ожидает дисбаланс между производством и потреблением с неспособностью производства удовлетворить спрос. Если же они избыточны, то в будущем нас ожидает дисбаланс с недостаточным спро-

сом и кризисом вследствие его. Но нас интересует соблюдение рассматриваемого баланса не только в данный момент, но и будущем. Таким образом, та часть доходов, которая при вложении их в банки пойдет на инвестиционное кредитование (а также часть доходов, которая пойдет на приобретение акций), может не нарушать стабильность экономики и даже способствовать ей (и в этом смысле – быть приравненной к потреблению), а может нарушать. Не нарушает она в ситуации, когда инвестиции в развитие экономики недостаточны. А если они уже достаточны или даже уже чрезмерны, то нарушает и ведет к кризису. И это имело место и в развитии экономики, предшествовавшем нынешнему кризису, наряду с избытком потребительского кредитования. И то и другое есть следствие нарушения оптимального распределения совокупного продукта по предложенной мной формуле бескризисного развития экономики.

Глава 17

Экономический строй

А. Воин

19.2.13

Последнее время в Рунете идет массированная атака на либерализм и западный строй, как таковой, как проект и идеологию. Идет с разными степенями неприятия у разных авторов. Наиболее воинственные противники, такие как известные экономисты Михаил Хазин и Михаил Делягин, а также однопартийцы Делягина, которым он предоставляет слово на его площадке в YouTube и многие другие, утверждают, что западный проект исчерпал себя полностью и его тотальный крах неминуем. (По Хазину в самое близкое время, по Делягину не столь срочно). Другие, как, например, известный политик и экономист Сергей Глазьев, не столь категоричны. Все они атакуют западный проект по разным направлениям: одни по экономическому, другие по моральному, чаще по обоим. Наконец, все они, сказавши А, вынуждены сказать Б, т. е. предложить свой вариант развития России. Хазин однозначно за возврат к плановой экономике и вообще к социализму, хотя и «с человеческим лицом». Есть немало таких (Проханов с его Изборским клубом и другие), которые и «с человеческим лицом» себя не обременяют и жаждут сильной руки а ля Сталин (а еще лучше его самого, если б можно, воскресить, а всех инакомыслящих, а также представителей особо вредных национальностей, вроде евреев, посадить). Другие, вроде Глазьева и Делягина, здесь не столь радикальны и предлагают некий микс из экономики рыночной и плановой. Микс у каждого свой, со своими компонентами и пропорциями. Не следует забывать также, что есть еще и либералы на всю голову, которые не видят на солнце пятен, а в ли-

беральном проекте никаких изъянов и требуют перенесения его на российскую действительность под кальку, без малейших уточнений и поправок.

Добавим к этому, что российская власть сама не слишком знает, куда ей вести страну в стратегическом плане. Учитывая это, все эти интернет разговоры (а они, естественно, не только в интернете ведутся), сегодня они разговоры, а завтра могут превратиться в весьма судьбоносные для России действия. И не только для России. А это значит, что очень даже не мешает пролить на предмет как можно больше ясности. И сделать это как можно раньше. Потому что, чем ближе ситуация приближается к критической точке, тем меньше шансов, что широкие массы успеют в ней разобраться, а не окажутся, в который уже раз, ведомы ловкими политическими манипуляторами к очередной кровавой и развязке. А то, что ситуация приближается к критической точке, видно из эволюции характера разговоров на эту тему, как в России, так и в мире. Грубо говоря, вместо поиска истины с углублением в теорию, люди в большинстве начинают искать, к какой силе им примкнуть, чтоб не оказаться в трудный момент в одиночестве, и кого назначить заклятым врагом и облаивать, не слушая возражений, дабы в лагере, к которому хочешь примкнуть, тебя приняли за своего. И силу набирают крайние, примитивные и потому понятные широким массам позиции и идеи: возврат к сталинизму, оголтелый национализм или оголтелый же либерализм с другой стороны. И даже людей, понимающих примитивность крайних позиций, начинает сносить к ним в силу шкурной выгоды примыкания к силе, к стае. Все это – извечный признак приближающейся большой драки. Поэтому я и решил вставить в этот разговор свои 5 копеек. Без особой надежды, что это может повернуть процесс вспять, а больше для очистки совести.

Начну с того, что я сам являюсь противником той системы ценностей и морали, которая восторжествовала на Западе после сексуальной революции и которую можно назвать сексуальным либерализмом. Причем я начал писать на эту тему 30 лет назад, вскоре после моего приезда в Израиль, когда подавляющее большинство нынешних противников этой системы ценностей в лучшем случае не интересовались этим предметом или помакивали, в худшем – восхваляли сексуальные свободы в одном пакете со свободами политическими. Правда, критикой «растленной буржуазной идеологии» и морали занималась тогда КПСС. Но, во-первых, акценты этой критики были сильно смещены в сторону эксплуатации трудящихся, дискриминации негров и т. п. Во-вторых, теоретический базис этой партийной критики был весьма сомнителен. Ведь именно Маркс провозгласил, что при социализме институт семьи отомрет и тем начал тот размыв традиционной системы ценностей, которую сексуальная революция продолжила. А поскольку против своего основоположника партийные бонзы выступать не могли, то и старались в своей критике западной системы ценностей не углубляться в теорию. В результате чего вся эта критика превращалась в нудную и не действующую «красную пропаганду». Я же еще тогда в Израиле построил новую философскую систему, включающую теорию оптимальной морали, которая расставила все по местам в этом вопросе. («Неорационализм», Киев, 1992, книга опубликована 10 лет спустя после написания и уже не в Израиле). С тех пор и поныне я не прекращал развивать дальше мою философию в целом и моральную теорию в частности и критиковать нынешнюю западную систему ценностей. И я считаю, и в этом совпадаю с критиками западного проекта, что эта система ценностей ослабляет западные страны, способствует нарас-

тающим кризисам и, если Запад от нее не откажется, приведет к краху западного мира. Но я не согласен с критиками западного проекта в том, что эта система ценностей органически присуща свободно рыночному экономическому строю и демократическому способу управления. Рыночная экономика и демократия существовали на Западе задолго до сексуальной революции. А сексуальная революция обусловлена торжеством на Западе ложных философий экзистенциализма и фрейдизма. Мало того, плановая экономика и тоталитарное управление тоже не есть непреодолимое препятствие на пути идей сексуальной революции, что хорошо было видно на успешном проникновении этих идей на территорию Советского Союза в последний период его существования.

Теперь перейдем к чисто экономической критике западного проекта, которая является, безусловно, главной для его противников. Нет спору, что сегодня этот проект переживает кризис и в своей экономической основе. Но в чем природа этого кризиса и означает ли он неизбежный конец западного проекта, как такового?

Мы помним, что неизбежный конец капитализма предсказывал еще Маркс и на этом приобрел всемирную известность. Но вот уже 20 лет, как рухнул строй, основанный на марксовой теории, а капитализм со свободно рыночной экономикой и демократией, несмотря на все свои болячки, продолжает существовать. Маркс выводил неизбежность падения капитализма и смены его социализмом из факта эксплуатации и отчуждения результатов труда от трудящегося, в результате чего последний теряет мотивацию работать. А при социализме трудящийся станет хозяином средств производства и, благодаря этому, приобретет эту мотивацию. Ну, мы знаем, что получилось прямо наоборот. Рабочий не стал хозяином, и именно от бесхозяйственности

рухнула экономика Советского Союза и он сам вместе с ней. А что касается пресловутой мотивации, то ее прекрасно выразила народная мудрость последнего периода существования Союза, гласившая: «Если Вы думаете, что Вы нам платите, то думайте, что мы Вам работаем».

Ну а как обосновывает неизбежный и скорый конец капитализма его наиболее ярый сегодняшний противник Хазин? Т.е. Хазин не самый ярый, есть Проханов и ему подобные, но теоретический экономический базис у этих настоль примитивен, что нет нужды с ними спорить на эту тему. Хазин же наиболее экономически грамотный среди ярых противников западного проекта и предсказателей его неизбежного конца. Его прогнозы экономических событий интересны и часто сбываются. Но нужно понимать разницу между предсказанием событий, являющихся результатом конкретных действий в сфере экономики, и предсказанием неизбежного, независимо от любых действий краха системы, как таковой, в силу ее, так сказать, врожденной дефектности или истощения ее своего жизненного ресурса, как то и утверждает Хазин. К вопросу о том, в чем именно эта разница, я еще вернусь, а сейчас рассмотрим, почему Хазин считает, что Западный проект исчерпал свой жизненный ресурс и ему не могут помочь уже никакие экономические действия. Вот что пишет по этому поводу сам Хазин: «Прежде всего, нужно напомнить, что, в соответствии с идеями, высказанными еще Адамом Смитом, любая замкнутая экономическая система развивается (то есть углубляет внутреннее разделение труда) только до некоторого предела, который определяется размерами этой системы. Дальше или начинается кризис (который мы называли кризисом падения эффективности капитала), или система должна расширяться». (М. Хазин «Кто виноват во второй мировой войне»).

Далее, нисколько не смущаясь тем, что в западной экономической науке Адам Смит уже давно списан в архив и его последовательно сменили экономические теории кейнсианства, монетаризма и т. д., Хазин выстраивает такую логическую цепочку. Из постулата Адама Смита вытекает необходимость для капиталистического государства постоянного расширения рынков сбыта. Отсюда по Хазину (а точнее по Марксу, которого Хазин боготворит) вытекают первая и вторая мировые войны, как войны за передел рынков сбыта. Ну а сегодня в эпоху глобализации и атомного оружия, когда все рынки поделены, а воевать нельзя (всерьез) из-за угрозы самоуничтожения человечества, рыночная экономика исчерпала свой ресурс развития, ну и вот-вот ей будет гаплык, независимо от того, что там будут предпринимать ее капитаны.

Что по этому поводу можно сказать? Расширение рынков сбыта является необходимым условием развития только для так называемой экстенсивной модели экономики, которая, кстати, доминировала во времена Адама Смита. А сегодня доминирует интенсивная модель развития экономики, когда развитие ее происходит, прежде всего, благодаря инновациям и научно-техническому прогрессу. Борьба за рынки сбыта при этом по-прежнему происходит, но ведется она не на поле брани, а в лабораториях, где разрабатываются новые айфоны, смартфоны, и прочие гаджеты, девайсы и прибабасы. Это позволяет захватывать новые рынки сбыта не только странам, могущим подогнать к чужим берегам канонерки и авианосцы, но и таким маленьким и миролюбивым странам, как Финляндия со своей «Нокиа». А главное, что теперь рост экономики может происходить бесконечно при полной глобализации и даже без учета роста населения Земли.

Можно аналогичным образом показать несостоятельность и всех прочих «доказательств» неизбежного краха свободно рыночной системы, но не вижу в этом необходимости. Другое дело не неизбежность, а вероятность такого краха вследствие неправильной экономической политики (а заодно и вообще политики) нынешних капитанов западного проекта. Об этом я не написал в моих макроэкономических статьях и к этому еще вернусь здесь, но сейчас я хочу перейти к альтернативным вариантам развития экономики, предлагаемым противниками западного проекта.

Главной альтернативой рыночной экономике у ее противников является плановая экономика. Тут надо заметить, что нет принципиального противоречия между рыночной и плановой экономикой. Современная капиталистическая экономика уже давно, сохраняя рыночность, стала плановой, точнее регулируемой со стороны государства. Ну а поскольку регулирование без некоего плана невозможно, то и плановой, хотя плановость здесь не совсем в том смысле, что была в Союзе. И главное отличие – в инструментах регулирования, в инструментах, с помощью которых достигается осуществление плана. В Союзе это было жесткое государственное, командное или, как теперь говорят, ручное управление, практически полностью лишавшее самостоятельности субъекты экономической деятельности. В рыночной экономике управление осуществляется рыночными методами, через посредство налогов, межбанковского процента, выпуска государственных ценных бумаг, эмиссии денег и бюджета, т. е. распределения на разные цели денег, собранных государством через посредство налогов, эмиссии и т. д. Такое регулирование сохраняет инициативу субъектов экономической деятельности и это – колоссальное преимущество рыночной экономики перед советской

плановой. Независимость субъектов от государства порождает чувство ответственности за свою судьбу и за происходящее в государстве в противоположность безответственности «совка», который в лучшем случае честно делает свою работу, не заботясь о ее смысле. («А если что не так – не наше дело, как говорится, Родина велела»). В худшем – просто паразитирует на обществе, зная, что государство, пусть по минимуму, но обеспечит его существование. Эта безответственность, как сказано, и привела, в конечном счете, к развалу советской экономики. Но чтобы не было иллюзий, что это – частный случай, обусловленный неправильными действиями конкретных руководителей страны, а не системный дефект, приведу другой пример.

Израильские киббуцы, также как и советская экономика, построены на коллективном владении средствами производства и принудительном распределении результатов коллективного труда. На этапе «военного коммунизма», до создания государства и сразу после, когда шла борьба за выживание, они оправдывали себя экономически и обеспечили это самое выживание. Но в коечном счете, когда ситуация более менее стабилизировалась, они проиграли экономическое соревнование мошавам с частной собственностью на средства производства и кооперацией лишь на уровне сбыта и частным фермерам. Т. е. плановая экономика с централизованным ручным управлением может иметь преимущество перед свободно рыночной лишь в условиях экстремальных, требующих быстрой мобилизации всех ресурсов для достижения цели типа победы в войне и т. п. Но в ситуации нормальной и в длительной перспективе, она непременно проигрывает свободно рыночной. Таким образом, возврат к сталинской экономике означает либо подготовку и приближение большой

и, неизбежно, атомной войны, либо очередной экономической крах России, который она вряд ли переживет.

Ну, а как насчет промежуточных вариантов и всякого рода микс из рыночной и советской плановой экономики? Микс миксу рознь. Еще Сахаров предлагал конвергенцию социализма и капитализма. К сожалению, при всем моем уважении к Сахарову, в его предложении было слишком мало конструктива, особенно в его экономической части. Но вот Сергей Глазьев, экономист по профессии, вполне конструктивен в своей микс экономике и в соответствующих предложениях и подводит под них некое нетривиальное экономическое обоснование. Нетривиальное – не значит правильное, но значит, что от него не отмахнешься небрежным жестом, и значит, что оно может произвести впечатление как на простых людей, так и на властных, принимающих решения. Каковы его предложения и в чем состоит его экономическая теория?

Прежде всего, Глазьев подразделяет сторонников рыночной экономики на просто либералов (экономических) и так называемых либертарианцев, т. е. фундаменталистов от рыночной экономики, требующих тотальной глобализации, полной открытости всех рынков, снятия всех таможенных барьеров и преференций национальному производителю и т. п. И пафос его направлен именно против последних, в то время как у первых он готов много чего позаимствовать. Разделение Глазьева вполне правомочно, но все зависит от нюансов и от того, что он извлекает из этого разделения.

Начинает Глазьев, как и Хазин, с Адама Смита. Он замечает, что хотя Смит был первый и самый фундаментальный фундаменталист в своей теории, но в своей политико-экономической практике в роли одного из экономических министров Англии он очень даже от-

ступал от экономического фундаментализма и еще как защищал английского производителя и его предпочтения в международной торговле. Не стану здесь пересказывать содержание всей экономической теории Глазьева, изложенной в его книге, а перейду сразу к его выводам и предложениям, которые довольно прозрачно вытекают из того направления в его теории, которое я вкратце обозначил.

Глазьев, в отличие от Хазина, не предлагает вернуться буквально в социализм с экспроприацией экспроприаторов и т. п. (Как-никак он позиционирует себя как противника лишь либертарианства, а не экономического либерализма, как такового). Само собой, он за предпочтения национальному производителю. Но всего, что он предлагает, я разбирать тоже не буду, как говорят сегодня в народе, не формат (статьи, я имею в виду). Разберу лишь одно его предложение.

Глазьев предлагает те ресурсы, которые государство аккумулирует в виде налогов и т. д. и которые сегодня велики, благодаря ценам на нефть, вкладывать не в американские облигации, а в проекты типа Сколково. Т. е. в создание государственных предприятий по развитию современных технологий, ноу хау и т. д. По сути, это предложение Глазьева – это все тот же возврат к сталинской экономике, хотя и хорошо замаскированный под микс с либеральной рыночной. Вот де, говорит Глазьев, даже сам Адам Смит на практике отклонялся от им же провозглашенного рыночного фундаментализма. И сегодня западные страны, яростно провозглашая открытость рынков, сами защищают своего производителя и дают ему предпочтения. И государственный сектор у них есть. И мы тоже не должны быть лопухами. И т. д. Все это верно, но... Но, следует ли отсюда, что нужно создавать именно государственные проекты типа Сколково и если нет, то что на самом деле нужно?

Прежде всего, нужно разобраться, почему еще Адам Смит, провозглашая рыночный фундаментализм, сам же и нарушал его, почему то же самое делают западные страны сегодня, хорошо это или плохо, а точнее в какой мере это хорошо, а в какой плохо.

Дело в том, что экономика отличается от физики тем, что в физике есть только объекты и нет субъектов, а в экономике есть субъекты экономической деятельности, обладающие свободой выбора и волей. Поэтому физические законы объективны, а экономические имеют и объективную и субъективную составляющую. Т.е., например, та же открытость рынков, она хороша и выгодна для всех участников рынка, но лишь при соблюдении двух условий: объективного и субъективного. Объективное – это чтобы все участники рынка были более-менее равноценны в экономическом отношении. Субъективное – это чтобы все они играли честно по правилам, а не устраивали под шумок преференции своим производителям и т. п. А что происходит, если отдельная страна, провозглашая открытость рынков, под шумок создает для своих производителей преференции и т. п.? Такая страна получает дополнительные выгоды от того, что все соблюдают открытость, а она шельмует. А это – соблазн, который и побуждал Адама Смита, провозглашавшего из теоретических соображений соблюдение всеми открытости рынков, нарушать эту открытость в пользу своей страны из покурно националистических соображений. По этой же причине шельмуют и сегодня многие западные страны вкупе с не западными, вступившими в ВТО. Естественно, если все шельмуют, а ты один играешь по правилам, то ты – не идеалист, а лох. И тут Глазьев прав, говоря, что в этой ситуации нельзя просто так отказываться от преференций своему производителю. Но с другой стороны, если все будут шельмовать

напропалую, то открытость рынков просто перестанет быть и от этого станет плохо всем. Ну, а если Россия, подталкиваемая к этому, прежде всего, радикальными анти западниками, но и такими как Глазьев тоже (в более мягкой, но и более убедительной форме) займет крайнюю позицию и выйдет из ВТО под предлогом, что «Вы все жулики, мы так не играем»? Выиграет от этого Россия? Нет проиграет, потому что окажется в экономической изоляции, будет экономически и технологически вариться собственном соку и стремительно скатываться в страны третьего мира. Кстати, и те страны Запада, которые, призывая к открытости рынков, одновременно шельмуют, они тоже работают на грани выигрыша и проигрыша. Выигрыш от обмана здесь, как и вообще в жизни, получается на короткой дистанции, а, в конечном счете, получается проигрыш. И в этом одна из причин нынешнего кризиса западной экономики. Отсюда вывод: не надо быть лохом, но не надо кидаться и в другую крайность и возвращаться к советской плановой экономике. Надо оставаться в ВТО, но отстаивать в нем свои права в таком примерно духе: «Либо Вы отказываетесь от Ваших преференций либо мы вводим свои. И учтите также, что мы с Вами не в равных экономических условиях». И т. п. Читатель тут может сказать, что разница между моей позицией и Глазьева в этом вопросе в нюансах. Совершенно верно. Но я и сказал выше, что дело в нюансах. Это смещение в нюансах приводит Глазьева к потере стратегической цели. И это хорошо видно на примере его предложения вкладывать государственные деньги в новые, государством создаваемые и управляемые Сколково.

Я согласен с Глазьевым, что не надо держать деньги в американских бумагах, а надо вкладывать их в развитие. Но не таким способом. Да, этот способ может дать преимущество на короткой дистанции в экстремальных

условиях. Но на длинной дистанции он ведет, как я сказал, к проигрышу. Да, таким способом Сталин создал мощную советскую экономику, и это помогло Союзу выстоять в войне. Но, во-первых, Союз проиграл, в конечном счете, Западу экономически и проиграл именно потому, что его экономика была построена таким способом. Во-вторых, еще неизвестно, была ли бы война, если бы Сталин не создавал свою экономику таким способом и под войну именно. В третьих, а каких жертв этот способ стоил народу? И самое главное, успех создания советской экономики был обусловлен не только плановостью, государственными проектами и т. п., но и колоссальным энтузиазмом большинства народа в период первых пятилеток. Энтузиазмом, который Сталин своим террором и уничтожил. А также бесплатным принудительным трудом десятков миллионов лагерных рабов. Но сегодня нет и в помине того энтузиазма и никакие завывания Проханова или молебны Патриарха его не создадут. И в лагеря сегодня не загнать десятки миллионов, даже если бы кто-нибудь на это пошел. Поэтому единственное, что может получиться сегодня из государственных проектов типа Сколково, это очередные кормушки для воровства и разбазаривания государственных средств. Да, эти средства нужно пустить на создание новых технологий и соответствующих производств. Но не в виде государственных проектов, а в виде дешевых и долгих кредитов и прочих преференций частным предпринимателям, которые будут развивать соответствующие производства.

Тут читатель может спросить: «А где гарантия, что, если Россия последует Вашему совету, то все получится хорошо? Ведь на Западе так и делают, а там сегодня кризис».

Гарантии нет. Я могу гарантировать только, что, если Россия последует совету Глазьева в этом пункте или, тем более, совету зовущих вообще назад в Советский Союз, то получится плохо. А для того, чтобы получилось хорошо, недостаточно последовать моему совету только в одном этом частном вопросе. Экономика сложная штука и надо сделать много разных правильных вещей, чтобы получилось хорошо. На Западе потому и кризис сегодня, что, несмотря на в целом правильное стратегическое направление в экономике, там совершается много конкретных ошибок. Ошибок, которые отмечаются учеными экономистами, вроде упомянутых российских Хазина, Делягина, Глазьева и других. И не только российскими, но и еще более того и до того учеными на самом Западе. И не только отмечаются ошибки, но и рецепты, что делать предлагаются. И то, что кризис будет, многие и в России и на Западе предупреждали заранее и предлагали, что делать, чтобы избежать его. И после того, как он разразился, многие указывали, что надо делать, чтобы он быстрее кончился. И кое-что из предлагаемого власти брали на вооружение и осуществляли, но кризис никак не кончается. И это не случайно.

Выше я показал, что хоть критика Хазина и Глазьева в конкретных случаях верна (это относится и ко всем другим экономистам) и некоторые прогнозы их верны (далеко не всегда), но отсюда не следует, что верны предлагаемые ими рецепты. И что особенно важно, что рецепты у разных экономистов разные и нет у них общего языка, чтобы договориться между собой, кто из них прав. В этой ситуации тяжело обвинять власти, хоть западные, хоть российские, за непоследовательную экономическую политику, за неспособность предвидеть и предотвратить кризис или быстро и с минимальными потерями выйти из него. Ведь власти

должны получить внятный согласованный ответ от ученых экономистов, что делать, а вместо этого они имеют нестройную разногласицу мнений и неспособность ученых мужей договориться между собой.

Эта ситуация имеет место не только в экономике (макроэкономике), но во всей гуманитарной науке. А последнее время она начинает распространяться и на сферу естественных наук. Но в экономке, в связи с тем, что последняя затрагивает наиболее чувствительные для большинства стороны жизни, это проявляет себя особенно болезненно. Причина этого явления – в кризисе рационалистического мировоззрения, о котором я писал выше, и выход из которого дает мой неорационализм и единый метод обоснования.

Глава 18

Глобальный кризис человечества и научно-технический прогресс

В этой главе я хочу рассмотреть связь между научно-техническим прогрессом и кризисами. Кризисами в узком смысле слова, включая нынешний финансово-экономический кризис, и кризисом глобальным человечества, уже начавшимся и грозящим непредсказуемыми последствиями. Это поможет нам эти последствия спрогнозировать и понять, что мы должны делать, чтобы избежать их.

Для того чтобы понять связь между научно-техническим прогрессом и экономическими кризисами, обратимся к истории экономики и экономической науки. Как показано в главе «Эволюция кризисов и экономические модели», экономические кризисы в том или ином виде появились с тех пор, как человек перешел от собирательства и охоты к трудовой деятельности первоначально в виде земледелия и охоты. Но это исследование я не буду начинать с первых земледельческих поселений или с начал экономической науки, а начну с Великой Депрессии 1932–1939-х годов.

Эта Депрессия привела к пониманию экономической наукой, не только марксистской, но и западной, того, что кризисы обусловлены неправильным в том или ином смысле распределением совокупного общественного продукта или выражающих его стоимость денег. Грубо говоря, кризис – это когда в рыночной экономике предложение превышает спрос. Платежеспособный спрос. А этот спрос зависит как раз от вышеупомянутого распределения. От него же, кстати, зависит и мотивация производителей производить. Отсюда вытекает и другой вариант кризиса рыночной экономики или замедления темпов ее развития, вариант

обусловленный низкой прибыльностью производства (крайний случай – отрицательной). Осмысление этого факта (в связи с Депрессией или независимо от нее) породило такие широко известные экономические теории, как марксизм и кейнсианство, и ряд менее известных, в том числе возникающих сегодня. Например, разработанную в Институте Глобальных и Социальных Движений (ИГСО) теорию В. Колташова, изложенную в книге «Кризис глобальной экономики» (Москва, 2009). Все эти теории сходятся в признании неправомерности существующего распределения совокупного общественного продукта и расходятся в определении того, что есть правильное распределение. Приложил к сему руку и я, предложив формулу бескризисного развития экономики, формулу, которая дает правильное в моем понимании распределение совокупного общественного продукта.

Что касается последних рецептов распределения, включая мой, то они не проверены практикой. Но для кейнсианской и марксовской моделей такая проверка осуществлена историей. В обоих случаях она дала один и тот же результат. Подчеркну, речь идет о чисто экономическом результате. Во всех прочих отношениях: в отношении свободы, прав человека, демократии, защищенности личности и т. д. эти две модели не имеют ничего общего и, соответственно, результаты их применения диаметрально расходятся. Но чисто экономически обе модели сначала привели к успеху, но со временем оказались несостоятельными. Плановая марксовская экономика позволила Советскому Союзу догнать (по крайней мере, по валу) передовые капиталистические страны, но затем опять началось его экономическое отставание, которое закончилось его развалом. Применение кейнсианской модели привело к «кейнсианскому процветанию» экономики западных стран 60-х годов,

которая затем вступила в полосу локальных кризисов и закончила нынешним глобальным, из которого пока не вышла.

Поскольку эти две модели очень разные, то можно искать причину такого результата их применения в самих моделях, в каждой порознь. Но в главе «Эволюция кризисов и экономические модели» я показываю, что причина схожего результата применения двух совершенно разных моделей одна – эволюция самой экономики. Эта эволюция приводит к тому, что любая хорошая модель (про плохие не говорю) годится лишь на период, близкий к ее созданию, а затем нужна новая модель. И я рассматриваю в той главе эту эволюцию на уровне феномена, т. е. рассматриваю, как менялись отношения участников экономической игры при переходе от натурального хозяйства к товарному, при появлении денег и кредитно-финансовой сферы, при наступлении глобализации и т. д. Но не рассматриваю там причин этой эволюции, ее движущей силы. А в этой главе я как раз и хочу этим заняться.

Главную причину эволюции экономики не надо долго искать. Она лежит на поверхности. Это – научно-технический прогресс. – Ну, и открытие! – воскликнет в этом месте читатель. – Это ж всем известно! – Да, конечно, всем известно положительное влияние научно-технического прогресса на эволюцию экономики. Известно, что научно-технический прогресс увеличивает производительность труда, что он является главной причиной роста экономики. Известно и о негативных побочных эффектах этого прогресса в виде разрушения экологии, например. Но я хочу обратить внимание на научно-технический прогресс, как причину экономических кризисов. А также как на причину глобального кризиса человечества, но не опосредованную через экологию и т. п., а действующую по другой линии.

Выше было показано, что непосредственной причиной кризисов является неправильное распределение совокупного общественного продукта, приводящее к нарушению баланса между платежеспособным спросом и предложением. И что в тех случаях, когда правильное распределение, правильное в том смысле, что оно способствует преодолению кризиса и новому расцвету экономики, достигается, то через некоторое время его правильность нарушатся и либо опять наступает кризис, либо замедляется развитие экономики, вплоть до регрессии. Это наводит на мысль, что за всем этим стоит некая более глубокая причина. Как я уже сказал, такой причиной является эволюция экономики. Но что конкретно в этой эволюции вызывает кризисы или спады, наступающие после каждого очередного, казалось бы, успешного распределения совокупного общественного продукта? И какой механизм тут действует? Так вот, научно технический прогресс, который является причиной самой эволюции экономики, является и тем конкретным фактором в этой эволюции, который приводит к кризисам или спадам после любого удачно-го на время распределения совокупного продукта.

Вспомним, что любимым коньком Джона Мейнарда Кейнса является занятость. Его основной труд так и называется «Общая теория занятости, процента и денег». Именно в росте безработицы видит он главную причину кризисов (равно как и замедления роста экономики). Это не противоречит тому, что, как выше сказано, он видит эту причину в неправильном распределении совокупного общественного продукта. Безработицу, неполную занятость и т. п. можно рассматривать как вариант неправильного распределения совокупного продукта. Ведь она, как и неправильное распределение приводит к падению платежеспособного спроса, и через это – к кризису. То, что это – лишь

один из факторов, обуславливающих падение спроса и, как по мне, – не главный – это уже детали, в данном случае, и мы не будем здесь на них задерживаться.

Ну, а что делает в этом плане научно технический прогресс? Научно технический прогресс увеличивает производительность труда, а, следовательно, увеличивает предложение. А на платежеспособный спрос непосредственно научно технический прогресс не влияет. Правда, опосредованно он все-таки влияет: благодаря рыночным механизмам, платежеспособный спрос в виде зарплаты занятых в производстве тоже растет при росте производительности труда. Но, как легко показать, он растет не такими темпами, как сама производительность. Ведь даже если зарплата работающих в частном секторе и растет пропорционально росту производительности труда (что на самом деле тоже не совсем так), то зарплата госслужащих и пенсии при неизменной ставке налогообложения будут непременно отставать из-за изменения соотношения занятых в частном секторе и госслужащих с пенсионерами. Это следует из того, что научно технический прогресс сопровождается, вообще говоря, кроме роста производительности также сокращением числа занятых в производстве. Хорошо известно, что движение луддитов, разрушавших машины было вызвано увольнением рабочих с заменой их труда машинным. Конечно, эта картина смазывается тем, что часть уволенных находит затем занятость в новых видах производства, возникающих благодаря тому же научно техническому прогрессу. Тем не менее, общая тенденция к сокращению относительного числа занятых в производстве имеет место. Если пару столетий назад подавляющее большинство населения было занято трудом в сельском хозяйстве и промышленности, то сегодня в развитых странах большинство занято в бюджетной сфере, а

также в торговле и обслуживании, в которых научно-технический прогресс относительно мало влияет на рост производительности труда. Таким образом, без дополнительных регуляторных мер научно-технический прогресс в условиях рыночной экономики ведет к дисбалансу предложения и спроса и, следовательно, к кризису.

Ну, а о каких регуляторных мерах, вообще, может идти речь? Тут есть два принципиально отличных варианта. Первый, марксистский – это просто отказаться от рынка и планомерно сверху определять, кому, чего и сколько производить и как все произведенное распределить между членами общества. Тут баланс между спросом и предложением достигается элементарно, но не работает экономический стимул у производителей, нет конкуренции и, как показал опыт, рано или поздно такая система начинает экономически отставать от рыночной. Второй вариант – это сохранить рынок, но регулировать его так называемыми экономическими мерами: налогами, кредитной ставкой, эмиссией, интервенцией Центробанка на межбанковском валютном рынке и т. п. Этот второй вариант распадается на множество (бесконечное в принципе) подвариантов, отличающихся друг от друга тем, с кого и сколько брать налога, как эти налоги использовать и в какие моменты, связанные с эволюцией экономики, изменять налоговые ставки. Проблема эта не проста, что видно и из числа различных теорий – моделей этого второго варианта и из того, что ни одна из применявшихся до сих пор таких теорий не избавила нас от кризисов, мало того, мощь кризисов только нарастает. Тем не менее, ясно, что на этом пути мы можем найти оптимальное распределение совокупного продукта, не отказываясь от рынка и конкуренции, и я утверждаю, что такое распределение дает моя формула бескризисного

развития экономики. И из нее же вытекает, когда нужно производить подрегулировку системы.

Но в этом втором варианте важно отметить один принципиальный момент: по какой бы формуле мы не производили перераспределение общественного продукта, суть перераспределения состоит в том, что мы отбираем часть продукта у тех, кто его производит, и передаем ее тем, кто непосредственно его не производит. Причем по мере развития научно-технического прогресса и связанного с ним роста производительности труда мы вынуждены отбирать все большую часть у производителей и отдавать ее не производителям. Как я сказал, формы отбора и перераспределения могут быть разными, но в рассматриваемом аспекте эта разница несущественна, поэтому возьмем для простоты перераспределение через увеличение ставки налога на производителей. И мы сразу увидим, что рано или поздно такой способ регулировки рыночной экономики должен столкнуться с трудностями при любой формуле перераспределения.

Прежде чем двигаться дальше, нужно уточнить вышесказанное по поводу перераспределения совокупного общественного продукта. Помимо упомянутого мной выше перераспределения сверху, осуществляемого государством, существует, так сказать, естественное перераспределение и оно вносит существенное изменение в нарисованную выше картину. Значительная часть совокупного продукта в денежном выражении его уходит из производственного сектора в другие сектора рыночной экономики без помощи и вмешательства государства. В торговле и финансовой сфере, хотя они и не производят непосредственно товаров, за счет такого перераспределения могут накапливаться денежные пузыри, приводящие к кризисам, не меньше чем в самой производственной сфере. Причем на это перераспределение

научно-технический прогресс не влияет: вырастут прибыли в производственном секторе за счет научно-технического прогресса – торговля и банки лихо и без труда отберут у него свою долю. Т.е. научно-технический прогресс, вызывая рост производительности труда, приводит к увеличению совместной доли совокупного продукта в этих трех секторах вместе взятых, но на пропорции распределения между ними самими не влияет. Но, поскольку современное производство не может существовать без торговли и финансовой сферы, то и торговлю и финансы можно в данном аспекте рассматривать как части производственной сферы и тогда это на сделанные выше выводы не влияет.

Но есть естественное перераспределение, которое и в рассматриваемом аспекте нельзя отнести к перераспределению внутри производственной сферы. Это перераспределение за счет предоставления бесчисленного количества видов услуг людям, занятым в производственной сфере, людьми в этой сфере не занятыми. Это рестораны, туризм, развлечения и т. д. Это перераспределение происходит также без прямого государственного вмешательства и здесь также деньги (совокупный продукт), созданные в производственном секторе перетекают в не производственный. Доля этого сектора в общем пироге в пересчете на одного участника также возрастает за счет доли занятых в бюджетной сфере, но не так быстро, как доля самих занятых в производственном секторе.

Для полноты картины нужно учесть еще такую важную деталь, как распределение совокупного продукта внутри самой производственной сферы (аналогично торговой и финансовой). Понятно, что хозяева и топ менеджеры получают несравненно большую долю, чем их рабочие и служащие. Причем, по мере научно-

технического прогресса пропорции этого внутреннего распределения изменяются в сторону увеличения относительной доли хозяев и топ менеджеров.

Все это усложняет картину распределения – перераспределения совокупного продукта в связи с научно-техническим прогрессом, но не изменяет сделанного выше вывода: научно-технический прогресс без дополнительных регуляторных мер государства нарушает оптимальное распределение совокупного общественного продукта и приводит к дисбалансу между производством и потреблением.

Теперь обратимся к влиянию научно-технического прогресса на глобальный кризис человечества. Многое об этом влиянии и так хорошо известно. Это, прежде всего, – разрушение экологии, распространение болезней цивилизации (сердечно сосудистых, нервных, раковых и т. д.), опасность техногенных катастроф, вроде Чернобыля и применения оружия массового уничтожения в войне или даже террористами и т. д. Отдельных мыслителей такие последствия научно-технического прогресса приводят даже к лозунгу «Назад в пещеры!». Однако человечество в целом отнюдь не собирается отказаться от научно-технического прогресса, особенно от приносимых им благ. Это, не говоря об утопичности такого возврата: для того, чтобы вернуться «назад в пещеры», т. е. отказаться от благ цивилизации, добываемых благодаря научно-техническому прогрессу, надо сократить численность населения на планете до нескольких миллионов. Больше число не сможет прокормиться без достижений научно-технического прогресса. Но с другой стороны нарастает ощущение, что что-то все-таки надо делать, нужны какие-то принципиально новые идеи.

Но прежде, чем выдвигать такие идеи, нужно более подробно разобраться с тем, куда мы сегодня движемся,

и, прежде всего, с влиянием научно-технического прогресса на нашу жизнь. А оно, это влияние, не ограничивается выше перечисленным. И как раз к той части этого влияния, которая остается сегодня более-менее в тени, я и хочу перейти. Я имею в виду негативное влияние научно-технического прогресса не на окружающую нас среду и не на потенциальные угрозы нашему персональному и коллективному существованию в виде новых болезней, техногенных катастроф и войн с применением оружия массового уничтожения. Я имею в виду влияние его на нас самих, на человеческие качества людей. Или, если хотите, на приближение или удаление людей к «образу и подобию Божию». Рассмотрение этого влияния тесно связано с духовной эволюцией рода людского с момента его возникновения до наших дней, а это – тема, требующая для ее исследования многих томов. Поэтому здесь я вынужден рассматривать эту эволюцию в максимально крупном масштабе.

Первое, что нужно сказать по поводу этой эволюции в данном контексте, это что она определяется отнюдь не только научно-техническим прогрессом. Достаточно вспомнить влияние на нее так называемых осевых религий: Иудаизма, Христианства, Мусульманства и Буддизма, которые никакого отношения к научно-техническому прогрессу не имеют. Или влияние сексуальной революции, которая к научно-техническому прогрессу не имеет, по крайней мере, прямого отношения. Но и влияние научно-технического прогресса отрицать никак не приходится.

Кое-что об этом влиянии уже давно известно. Так марксизм и некоторые другие философии учат, что научно-технический прогресс, освобождая человека от тяжелого физического труда, способствует его интеллектуальному и духовному развитию. Мол, избавив-

шись от необходимости непрерывно и тяжело трудиться во имя выживания, человек получает возможность больше времени тратить на интеллектуальное и духовное развитие. Это действительно так, но есть и другая сторона этого влияния. Точнее, это даже не совсем так. Избавившись от тяжелого физического труда, человек получает больше возможностей для своего интеллектуального и духовного развития, но нельзя сказать, что он вообще не имеет такой возможности, занимаясь физическим трудом. Но главное в другом – обязательно ли человек станет использовать высвободившееся время для своего интеллектуального и духовного развития? Ведь первобытные люди, а также представители некоторых племен, ведущих сегодня первобытный образ жизни, живя в благоприятных условиях «тропического рая», могли иметь и имеют сегодня никак не меньше свободного времени, чем, скажем, банковский клерк современной развитой страны. Лежат себе праздно под бананом и поднимаются только для того, чтобы сорвать без особого труда несколько плодов и съесть. Но это почему-то не способствовало и не способствует их интеллектуальному и духовному развитию. Для того, чтобы человек использовал высвобождающееся от тяжелого труда время для своего развития, нужны еще какие-то дополнительные условия. Это ускользнуло от внимания Маркса и других философов. И на это была объективная причина. Во времена Маркса общая тенденция была такой, что в большинстве случаев люди таки использовали освобождающееся время для собственного развития. И со свойственной ему склонностью рассматривать временные тенденции, как непреложные законы, Маркс и эту тенденцию представил, как закон. Но сегодня эта тенденция изменилась.

Лучше всего это изменение отражает советский анекдот про интеллигента старого, т. е. царских времен,

и нового – советского. «Старый интеллигент был всегда до синевы выбрит, слегка пьян и знал все от Баха до Фейербаха. А новый – всегда слегка выбрит, до синевы пьян и знает все от Эдиты Пьехи до иди ты на ...». А Солженицын эту новую советскую интеллигенцию за интеллигенцию вообще не считал, а называл образованщиной, имея в виду, что людей с высшим образованием в Союзе стало несравненно больше, чем было в царской России, но высшее образование дает человеку специальность, но отнюдь не обязательно превращает его в мыслящую, тем более, духовную личность. Но когда Солженицына выгнали на Запад, он убедился, что там дело обстоит еще хуже. В Советском Союзе среди моря образованщины существовала не такая уж тонкая прослойка людей с широкими интересами, много читающая серьезную литературу, классику в частности, посещающая театры, музеи, слушающая симфоническую музыку, а главное людей с понятиями если не о чести, то хотя бы о порядочности. А сегодня в странах бывшего Союза, как и на Западе, эта прослойка практически исчезла или превратилась в собственный эрзац (впрочем и в самом Союзе она в последнее время его существования стремительно деградировала и исчезала, так что дело не в строе). Сегодня смыслом жизни людей с образованием, как и без оно, стали деньги, успех и удовольствия, а образование стало лишь средством достижения этих целей. Число читающих резко сократилось, а читающие серьезную литературу практически перевелись. Читают «чернуху», «поруху», детективы, комиксы, пустые глянцевого журналы со «светскими» сплетнями, книги о вкусной и здоровой пище и пище невкусной, но диетической и тоже здоровой и прочие руководства по самолечению, ну и, конечно, литературу по специальности. Какой-нибудь бухгалтерский учет, дающий море духовной пищи и делаю-

щий человека широким мыслителем. Впрочем, есть претендующие на то, что они читают серьезную литературу. Под серьезной литературой они понимают шизы с психоаналитическим уклоном, мистику в духе Блаватской, Клизовского и иже с ними, псевдонаучные разглагольствования с уфологическим уклоном и копание в жизни великих прошлого с целью под видом серьезного исследования обгадить этих великих и тем возвеличить себя и доставить гаденькое удовольствие соответствующему классу читающих. Дэн Браун – один из представителей этой «серьезной» литературы.

А что делают в освободившееся время вместо чтения те, которые вообще не читают? Они «оттягиваются» если не в кафе, ресторанах и на шоу представлениях, то лежа на диване перед телевизором, по которому смотрят те же шоу представления, перегруженные холодным сексом, «светскими» сплетнями и юмором ниже пояса.

Теперь вернемся к научно-техническому прогрессу. Как я сказал, он не определяет полностью духовную эволюцию и, следовательно, не определяет полностью и этот поворот в ней. Нынешнее духовное состояние западного общества в значительной мере определяется теми философскими идеями, которые легли в основу сексуальной революции. Но свою существенную лепту в это состояние вносит и научно-технический прогресс. Маркс, вообще, полностью подчинял духовное материальному: «Бытие определяет сознание», материя первична, а дух (сознание) вторичны, пролетариат, производящий материальные ценности – соль земли, а интеллигенция, производящая духовные и интеллектуальные ценности, гнилая и ей в Союзе платили меньше, чем пролетариям и т. д. Осевые религии и сексуальная революция убедительно показывают, что Маркс не прав – бытие не определяет сознания вполне. Первая

монотеистическая религия Иудаизм возник посреди разлитого моря язычества окружающих народов и ничего существенно отличающего материальное бытие еврейского народа от окружающих его не было. С другой стороны, идеи, раз возникнув, могут сами существенно влиять на материальное бытие, лучшим доказательством чему является сам научно-технический прогресс, движимый именно идеями. Таким образом, нет одностороннего определяющего влияния бытия на сознание, но есть взаимное их влияние друг на друга, прямая и обратная связь. Не забывая об этом и помня, что на нынешнее духовное состояние западного общества существенное влияние оказала сексуальная революция, рассмотрим влияние на него научно-технического прогресса, т. е. как научно-технический прогресс поспособствовал рассмотренному выше изменению духовности общества.

Это влияние проявляет себя через то, что научно-технический прогресс в сочетании с теми ценностными установками, которые господствуют сегодня в западном обществе, превращает большую часть членов этого общества в паразитов в широком смысле слова. Немалую часть членов общества он превращает в паразитов и в узком смысле. Это, прежде всего, безработные, живущие на пособия. Причем часть из них в Америке, например, превратилась в пожизненных и потомственных пожирателей Вэлфера. Кроме этой очевидной и всеми признаваемой группы паразитов есть разновидность несколько менее очевидная. Это те, для которых правительство, борясь с безработицей, создает ненужные на самом деле обществу рабочие места. Это было главным бичом экономики советского социализма, в которой, к тому же, и на нужных местах люди не работали в полную силу. Но главная масса паразитов сегодня за таковых не считается. Это люди, произ-

водящие товары и услуги, которые на самом деле обществу не нужны, но находят спрос, поскольку удовлетворяют искусственно созданные потребности. Эти потребности для того и создаются и раздуваются, чтобы дать заработок, прибыль, а иногда и баснословную прибыль тем, кто потом их удовлетворяет соответствующими товарами и услугами. Ярким примером такого товара и искусственно создаваемой потребности являются наркотики, их производство, распространение и потребление. Правда, это – запрещенный, криминальный вид деятельности. Но это потому, что употребление наркотиков приносит очевидный вред обществу в виде вреда здоровью потребляющих и их асоциального поведения вследствие употребления. В подавляющем же большинстве случаев такие товары и услуги не наносят прямого вреда обществу или этот вред более замаскирован и менее осознаваем. Сам термин «общество потребления» имеет тот смысл, что в этом обществе большинство товаров и услуг потребляются вследствие искусственно создаваемых и раздуваемых потребностей. Это, прежде всего, товары моды и престижа. мода создается и постоянно обновляется искусственно с целью создать у людей потребность, которой от природы у них нет, и которая кому-то может и улучшает жизнь, но отнюдь не обществу в целом. Это – огромная часть масс искусства и немалая часть элитарного. Ежедневно создаются, раскручиваются и затем исчезают в небытие всевозможные звезды эстрады и шоу бизнеса с единственной целью создать искусственную потребность, спрос и заработать на этом. Под видом элитарного искусства людям, не знающим, куда потратить лишние деньги, впаривают в мозги, что какая-нибудь мазня на холсте или инсталляция из собачьих экскрементов – это великое, хотя никому, кроме избранных, непонятное искусство, за которое стоит

заплатить несколько миллионов, дабы ощущать затем свое превосходство над серой массой, которая этого искусства не понимает. Это – армия психоаналитиков, психотерапевтов и прочих дипломированных шарлатанов от медицины традиционной и нетрадиционной. И главное, это – огромная армия чиновников, без значительной части которой можно было бы обойтись, но надо чем-то занимать людей. Надо занимать людей, освобождающихся от производительного труда в результате научно-технического прогресса, порождающего рост производительности. И поскольку найти для них полезное для общества занятие в существующей системе координат становится все труднее, то и происходит непрерывный рост явных и неявных паразитов. Отсюда и тщета всех правительств мира бороться с бесконечным разбуханием бюрократического аппарата. Одной рукой его сокращают, а другой тут же увеличивают, потому что надо же как то устраивать растущую орду не находящих себе полезного для общества занятия людей. Отсюда и стихийное размножение всякого рода ненужных обществу промыслов, вроде вышеперечисленных.

Как паразитизм связан с духовностью? Или почему умножение паразитов умножает бездуховность? Духовность – это служение надличному: обществу, истине, справедливости, Богу. Может ли человек, паразитирующий на обществе, служить ему? Для этого он, прежде всего, должен перестать быть паразитом. Может ли паразит взывать к Богу о справедливости? По справедливости он должен сидеть голодным, а он, как правило, живет гораздо лучше многих действительно полезных членов общества.

Ситуация усугубляется еще тем, что сегодня стало вообще трудно определять, чей труд даже усердный, доблестный, талантливый, полезен, а чей бесполезен

или вреден, может даже очень вреден. В эпоху до научно-технического прогресса такой проблемы не было. Охотник, добывающий больше других мяса для племени, знал, что он самый полезный член этого племени. И все другие так считали. И никогда не бывало, чтобы через некоторое время выяснилось, что то, что он сам и все другие считали полезным, на самом деле было вредным. А сегодня мы гениально и с героическим трудом открываем атомную энергию, получаем атомную бомбу и затем начинаем рвать на себе волосы и бороться за неприменение, нераспространение и т. д. Или открываем ГМО и не знаем, каким боком оно нам вылезет. (Это, не говоря о том, что в современной науке, особенно пост советской, есть множество паразитов в простом смысле этого слова, т. е. бездарей, напрасно получающих зарплату и мешающих талантливым людям двигать науку на пользу обществу или во вред ему).

Но не только в самой науке такая ситуация. Вот сидит клерк в банке и начисляет, согласно инструкции, всякие сальдо – бульдо. И получая солидную зарплату и бонусы, пребывает в глубокой уверенности в своей полезности обществу. Вдруг выясняется, что банк не тому выдавал кредиты, в результате чего он разоряется, а многочисленные его вкладчики остаются без вкладов, рвут на себе волосы и для разнообразия кончают жизнь самоубийством. Или случается мировой финансово-экономический кризис и оказывается, что банк выдавал кредиты тем, кому надо, но поскольку это делали и все прочие банки, то это-то и привело к кризису. А может и не это. И вообще, не ясно, что надо было делать клерку, если от него на самом деле ничего не зависело.

Или крутит человек гайки на каком-то современном мудреном производстве, не имея тонкого понятия, нужен ли обществу конечный продукт производства, в

котором он – маленький винтик. Т.е. ему понятно, что продукт функционален, на нем, вообще, можно ездить или, там, забивать им гвозди. Но аналогичный продукт производит много других фирм и неизвестно чей лучше. Точнее, неизвестно, принесет ли это производство прибыль и, следовательно, будет ли продукт продан и потреблен. Кто-то там наверху рассчитывает, что принесет. Потом, бац, на рынке появляется чужой сногсшибательный и дешевый гвозде забиватель и производство, где работал человек, закрывается. И непонятно, был ли его труд полезен обществу или никому не нужен. Мало того, для того, чтобы правильно крутить гайку, он еще 5 лет учился (тоже труд), а когда закончил, оказалось, что научно-технический прогресс отменил эту профессию.

Таким образом, возникла ситуация, в которой почти никто не может сказать с уверенностью, полезен ли он обществу или нет. Это деформирует оценку человеком самого себя и оценку обществом каждого его члена. Если прежде человека ценили за реальную пользу, которую он приносит обществу, то теперь – за некоторый весьма условный эквивалент ее. И в качестве такого эквивалента выступают деньги и положение в обществе. Неважно, каким образом человек добыл кучу денег, неважно, что для того, чтобы пролезть наверх, он «подсидел» своего друга и начальника, а то и заказал его убийство, но, если он имеет деньги или власть (а лучше и то и другое), он – почетный член общества. А если Бог наградил его талантом, но одновременно совестью и достоинством и он не хочет наживать деньги нечестным путем, лезть наверх по трупам или угождать своим искусством низменным вкусам широкой публики во имя дешевой популярности, значит он – презренный неудачник. И это не характеристика капитализма именно, как полагал Маркс. При социализме меньшую

роль играют деньги и большую положение в обществе, но деформация ценности человека в обществе в принципе та же. И главной причиной ее является научно-технический прогресс.

Тут мне могут возразить, что дело не в научно-техническом прогрессе и что мое сравнение современной ситуации с первобытной – не корректно. Мол, в дальнейшем, при рабовладении и т. д. ценность человека для общества деформировалась как угодно и может быть сильнее, чем сейчас и вне всякой связи с научно-техническим прогрессом. Это верно, что деформировалась и что вне связи. Но, во-первых, то, что она в прошлом деформировалась по другим причинам (в связи со строем, например), не отменяет ее деформации сегодня в связи с научно-техническим прогрессом. Во-вторых, я считаю, что все-таки эта деформация в прошлом никогда не была столь сильной, как сегодня.

Возьмем для примера рабовладение. Конечно, раб, сколь бы он ни был талантлив, квалифицирован, трудолюбив, стоял в общественной лестнице ниже любого бездарного, ленивого и т. д. свободного гражданина, не говоря про знать, тем более про фараона. Но в этом было определенное рациональное зерно. Рабы добывались на войне, а воевали не рабы, а свободные граждане. т. е. потенциально самый бездарный гражданин был производителем тех самых рабов, включая самых талантливых, которые затем производили всякие полезные вещи. Сравнительная же ценность рабов определялась достаточно ясной в то время их полезностью для общества или для хозяина, т. е., в конечном счете, все равно для общества. Аналогично, и ценность свободных граждан определялась их достаточно ясными деловыми качествами и военными заслугами.

Говоря о деформации ценности человека в современном обществе, нужно еще принять во внимание кумулятивный (накопительный) эффект научно-технического прогресса. В каждом создаваемом сегодня предмете (товаре) сидит большая или меньшая доля труда ученых и изобретателей прошлого. Современные физика, биология и т. д., дарующие нам все новые товары и многократно увеличивающие производительность их производства, не могли бы возникнуть без аксиоматического подхода, разработанного Евклидом, без дифференциального исчисления Ньютона – Лейбница, без классической механики Ньютона и т. д. Любой современный ученый стоит, не помню по чьему образному выражению, на плечах всех предыдущих поколений ученых. И если благодаря трудам современного ученого возник новый технологический процесс, то это еще вопрос больше ли его вклад в создание этого процесса вклада в него же Ньютона, Евклида или Максвелла. Вклад же всех предшествующих ученых в любой современный технологический процесс не просто превосходит вклад непосредственных его создателей, но просто несоизмерим с ним. Т.е. грубо говоря, наше современное материальное благополучие в основной своей массе, есть просто дар нам от поколений предшествующих гениев и талантов, что еще более усугубляет паразитизм современного общества в целом и усложняет задачу оценки полезности, ценности конкретного человека.

Резюмируя, можно сказать, что научно-технический прогресс высвобождает время для духовного и интеллектуального развития людей, но в сочетании с другими факторами сегодня он толкает их не в сторону духовного развития, а в сторону бездуховности и паразитизма в сочетании с деформацией оценки ценности человека в обществе.

Теперь рассмотрим, как все это влияет на глобальный кризис человечества. Ясно, что это не может влиять в лучшую сторону, но рассмотрим предмет более пристально.

Одно из главных проявлений глобального кризиса – создание, распространение и нарастающая опасность применения оружия массового уничтожения, а также нарастающая опасность техногенных катастроф глобального масштаба, связанных с освоением и использованием сверхмощных энергий и технологий сверхвысокой эффективности. Научно-технический прогресс позволил людям овладеть колоссальными энергиями, атомной в частности, и технологиями чрезвычайной эффективности, например биотехнологиями, которые могут использоваться и используются во благо людей. Но они же могут использоваться и уже использовались, хотя пока еще весьма ограниченно, с целью уничтожения и разрушения, в виде атомного, биологического и т. п. оружия. Мало того, их использование с благими намерениями, но недостаточно мудрое и дальновидное или небрежное, может приводить к катастрофам не меньшим, чем их сознательное использование в целях разрушения и уничтожения. Чернобыль – наиболее яркий пример такой уже реализовавшейся катастрофы, в которой сочетались недостаточная мудрость и дальновидность создателей его (создателей реакторов типа РГТ) и потрясающая безответственность работавших на нем. Менее яркая, но гораздо более мощная катастрофа – это разрушение экологии в масштабе планеты в результате применения менее энергоемких, но более масштабно применяемых технологий на базе углеводородного топлива. Здесь также проявилась недальновидность в сочетании с безответственностью тех, кто создавал эти технологии, и тех, кто, используя их, создает свое богатство, не считаясь ни с

чем. К этому можно добавить длиннющий список локальных техногенных катастроф, число которых на планете не убывает, а растет, а также потенциально возможные катастрофы, которые пока не произошли, но могут произойти и при этом затмить все бывшие до сих пор вместе взятые.

Какую роль в этом катастрофизме и в сознательном применении достижений науки в целях уничтожения играет бездуховность и деформированная система ценностей, оценки людей в частности? Великие открытия в науке, приводящие к масштабным сдвигам в получении энергии и создании революционных технологий, делают гении, обладающие, как правило, высокой духовностью, не говоря про интеллект. Но на вершины власти политической ли или академической в существующей системе координат прорываются люди достаточно среднего интеллекта, много болтающие о духовности и об интересах общества и человечества, но преследующие лишь свои корыстные интересы. Решения о создании и применении оружия массового уничтожения или о массовом запуске рискованных технологий, дающих немедленные экономические выгоды, но с неизвестными последствиями в более отдаленном будущем, принимают эти властные, бездуховные (вариант – ложно духовные фанатики, вроде Хумейни и его последователей) посредственности, а гениальных создателей теорий, на основе которых разработаны новые источники энергии, новые виды оружия и новые технологии, оттирают от их детищ. В лучшем случае за ними оставляют славу великих ученых (а могут и это украсть), но от влияния на судьбу их открытий отстраняют. Эйнштейн писал бесконечное количество писем правительству США с просьбами и требованиями прекратить дальнейшее создание атомной бомбы, поскольку, мол, Германия уже разбита и нет опасности,

что она сделает эту бомбу раньше. На эти письма никто не реагировал, а дальнейшее создание и развитие атомной, а затем ядерной бомбы было передано ученым менее талантливым, чем он (теперь, когда теория была создана, можно было обойтись и такими), но более покладистым, для которых главным было их персональное преуспевание, научная карьера. То же самое было с Сахаровым. Сахарова – ученого с совестью – отстранили, а на его место стали даже если не бесталанные, то покладистые и карьерные. То же самое с генетикой. Ее создатели Вейсман и Морган не дожили до генной инженерии и ГМО, иначе, думаю, тоже восстали бы против такого рискованного с точки зрения отдаленных последствий применения ее. А пришедшие им на смену шустрые развиватели их теории озабочены только своими карьерами и густыми зарплатами. А уж с промышленных фирм, извлекающих баснословные прибыли из ГМО, как говорится, и взятки гладки. Вообще, чем большей мощностью обладает род людской, тем большей должна быть ответственность за ее применение. Но какой ответственности можно ожидать от людей озабоченных только карьерой и деньгами? А именно таких людей выталкивает наверх деформированная оценка ценности человека в обществе. А паразитизм основной массы, в сочетании с почти полной дезориентированностью в том, что есть хорошо и что плохо для общества («хорошо» свелось к требованию «хлеба и зрелищ»), ведет к безропотности общества или к стихийным, бессмысленным и иногда кровавым протестам, приводящим к разрушению существующего, в том числе и полезного, с заменой его на еще худшее.

Другим проявлением глобального кризиса является нарастание числа и масштаба конфликтов на планете, приводящих к войнам внешним и гражданским, и увеличивающим опасность применения оружия массового

уничтожения. Это нарастание также тесно связано с бездуховностью и деформированной оценкой ценности человека в обществе, которые приводят к тому, что политические элиты народов зашлякованы карьеристами, которым на самом деле безразличны судьбы их народов, не говоря о судьбе человечества. Они разжигают национализм, ксенофобию, сепаратизм или имперские амбиции под видом заботы о своем народе, но на самом деле в заботе только о своей политической карьере. Ведь игра на национальных чувствах – самый легкий путь к карьерному успеху в политике. Достаточно провозгласить: «Наших бьют, за мной ребята!» и древний инстинкт погонит за тобой массы народа.

К взаимоотношению глобального кризиса с бездуховностью и деформацией оценки ценности человека для общества имеет отношение еще то обстоятельство, что глобальный кризис для своего разрешения требует новых идей, новой философии, а бездуховность и деформация оценки ценности человека в высшей степени препятствуют возможности появления таких идей и их признания. Потребность в таких идеях хорошо осознается сегодня обществом и не раз озвучивается политиками и журналистами. Но если научная элита даже в сфере естественных и точных наук зашлякована карьерными бездарностями, то в сфере гуманитарной и особенно в философии такие бездарности образовали пробковый слой, сквозь который не могут пробиться никакие настоящие нужные обществу идеи. В сфере естественных наук хоть как-то работают рациональные критерии, позволяющие отделить настоящую науку от псевдо. В сфере точных наук той же цели служит критерий проверки практикой. Но в сфере гуманитарной и, особенно, в философии эти критерии не работают и не преграждают хотя бы в малой степени путь наверх карьерной бездари. Количество инженеров, выпускае-

мых ВУЗами страны, хоть как-то (и даже неплохо, в условиях рыночной экономики) регулируется реальной потребностью промышленности в них. (Другое дело все ли товары, выпускаемые этой промышленностью, соответствуют нормальным, естественным потребностям населения или искусственно созданным). Но количество философов, выпускаемых ежегодно всеми университетами мира (а это десятки тысяч), никак не связано с реальной потребностью в них. Ведь обществу нужны только такие философы, которые способны продвинуть его в понимании, как лучше жить. Но подавляющее большинство бакалавров, магистров и докторов философии даже не претендуют на это. Это – типичные паразиты, которые пошли в философию только потому, что не способны или не хотят зарабатывать себе на жизнь трудом, действительно полезным для общества. Но все они что-то пишут и публикуют, потому что это им нужно для защиты диссертаций и карьерного роста. В результате сегодня здесь происходит такая вакханалия наукообразного пустоговорения, что даже те горы писанины советских философов, развивавших, якобы, марксизм под руководством коммунистической партии («шаг вправо, шаг влево от генеральной линии – попытка к побегу»), которые после развала Союза были без разбора переработаны на макулатуру, на этом фоне выглядят как более менее серьезная философия. (Впрочем, бывшие советские начальники от философии, продолжают и ныне руководить ею в России и Украине). Естественно, такая философская верхушка не желает признавать настоящую философию, дабы на ее фоне не засветилась их профнепригодность.

В результате получается замкнутый круг: для разрешения глобального кризиса, человечеству нужна новая большая философия, но пробиться с ней невозможно

из-за засилия во власти политической и академической карьеристов, засилия, к которому научно-технический прогресс также имеет отношение.

Что же мы можем и должны предпринять, исходя из выше проделанного рассмотрения? Я имею в виду, что мы можем предпринять по части паразитизма, порождаемого научно-техническим прогрессом и его влияния на духовность общества и в частности на деформацию оценки человека в обществе? Напомню, что научно-технический прогресс является только одним из факторов, порождающих указанные негативные явления, и действует он здесь совместно с определенными философскими идеями, получившими распространение на Западе и приведшими к релятивизации познания и морали, к ложно понимаемому плюрализму и гедонизму, к системе ценностей общества потребления и к доминированию искусства, отражающего эту систему ценностей и получившего вместе с самой системой название модернизма и постмодернизма. При этом существует прямое и обратное взаимовлияние научно-технического прогресса и этих идей: идеи задают определенную направленность научно-техническому прогрессу, а он создает благоприятные условия для их распространения. Таким образом, для того чтобы изменить ситуацию, надо менять направленность научно-технического прогресса и разбираться с этими идеями. Но, поскольку сознательно менять направленность научно-технического прогресса мы можем, только разобравшись с идеями и определив, таким образом, куда мы хотим или должны двигаться, то с идеей и начнем.

Как я писал выше, идеи, которые совместно с научно-техническим прогрессом привели к нынешней ситуации, – это экзистенциализм и пост позитивизм. Исторически наибольшее влияние в рассматриваемом

направлении оказала философская школа экзистенциализма. Исходной точкой ее и рычагом, с помощью которого она перевернула мир, является концепция ненадежности и относительности человеческого познания и противопоставление ему достоверности наших ощущений. Отсюда естественным образом вытекает относительность всякой морали. Мораль базируется на представлениях, что есть хорошо, что плохо для общества. А поскольку эти представления опираются на знание о том, что с чем и как связано в обществе, то если это знание, как и все наше познание, относительно, то относительны и представления о том, что есть хорошо и что плохо, и вытекающая из этого мораль. Сегодня мы считаем, что это хорошо, а завтра окажется, что на самом деле, это плохо и наоборот. И никаких шансов прийти к чему-то объективному и надежному в области морали, если мы принимаем концепцию относительности познания, у нас нет. И тогда получается, что единственно достоверным и надежным, что у нас есть и о чем стоит беспокоиться, являются только ощущения и персональная свобода.

Естественно, что, излагая концепцию экзистенциализма, я, в силу необходимости, связанной с задачей этой работы, посвященной не экзистенциализму именно, несколько упрощаю ее. Но дабы у читателя не возникло ощущения, что я при этом искажаю суть этой концепции, я отсылаю его к моей книге «Неиррационализм», где я разбираю ее более подробно.

Эта концепция прекрасно устроила всех паразитов, освобождаемых от полезного труда научно-техническим прогрессом. Теперь можно было со спокойной совестью жить на Велфер и на деньги, заработанные любым нечестным и даже подлым способом. Ведь «честно», «нечестно» теперь стали относительными понятиями, а достоверны только свобода и приятные

ощущения, которые обеспечиваются наличием денег, неважно как добытых. Понятно, как это отразилось на обществе в целом и на кризисе глобальном человеческом и нынешнем финансово экономическом. Вот сейчас пошли разговоры о морали банкиров, об огромных бонусах, которые они себе выплачивали и выплачивают даже во время кризиса из денег, ссуженных им правительством, т. е. народом. Тем самым народом, который страдает из-за кризиса, того кризиса, который разразился по вине этих самых банкиров и их жадности. Обама долго и безуспешно взывал к их морали, прежде чем предложить законы их ограничивающие. А о какой морали речь? Мораль ведь стала относительной и у кого деньги, тот и прав. Какие ж претензии?

Вернемся к экзистенциализму. Сегодня экзистенциализм не является уже доминирующей философской школой, его аргументы «доказывающие» относительность нашего познания, опровергнуты, но порожденная им (в сочетании с научно-техническим прогрессом) система ценностей, продолжает господствовать на Западе, опираясь на все ту же относительность нашего познания, только обоснованную уже не экзистенциалистами, а пост позитивистами. Экзистенциалисты были так называемыми философами жизни, в естественных науках и теории познания, на них опирающейся, не разбирающиеся, поэтому опровержение их аргументов, касающихся нашего познания, было несложной задачей. Пост позитивисты же были хорошо подкованы в области естественных наук, физики в частности, и построили свою аргументацию на сложностях и парадоксах современной физики. Их аргументы до сих пор оставались не опровергнутыми. Таким образом, для того чтобы изменить кризисную ситуацию надо, прежде всего, опровергнуть аргументы пост позитивистов, ре-

релятивизирующих познание, если это возможно. Я утверждаю, что – возможно. Мало того, я сделал это в моих работах, посвященных единому методу обоснования научных теорий. Помимо опровержения аргументов пост-позитивистов (Куайн, Кун, Фейерабенд, Поппер, Лакатос) единый метод обоснования дает критерии, позволяющие отделить науку от подделок под нее. Я показал также возможность применения единого метода обоснования в гуманитарной сфере и в философии в частности. Это дает философии тот общий язык, которого у нее до сих пор не было, и создает принципиальную возможность очистить философию от того пробкового слоя бездари, забравшейся на руководящие посты, который не дает пробиться нужным человечеству идеям.

Но вернемся к тому, что надо сделать для изменения кризисной ситуации. Опровержение аргументов пост-позитивистов, релятивизирующих познание, расчищает дорогу к признанию объективности морали. Но надо еще сформулировать основные положения этой морали, указать правила получения выводов из них для бесконечно разнообразных ситуаций, возникающих в жизни и, главное, обосновать все это, чтобы все народы, живущие на земле, могли принять это. Иначе мы останемся при ницшеанском «У каждого народа свое добро и свое зло» или при кантовском моральном императиве, согласно которому нет нужды определять что хорошо, что плохо, ибо это определение сидит внутри каждого из нас в виде пресловутого императива и достаточно лишь обратиться к нему. На практике принятие кантовского императива приводит к тому, что у каждого получается своя мораль. В общем, и в том и в другом случае мы приходим к тому, что имеем сегодня – к одному из главных проявлений глобального кризиса, к конфликту между народами,

разделенными разными представлениями о морали, о том, что есть хорошо и что – плохо, ярким примером чему служит сегодняшнее противостояние мусульманского мира и западной цивилизации. Короче, нужна теория оптимальной морали.

Такую теорию я также разработал, отталкиваясь от того общего, что есть в природе каждого человека, и в природе любого общества, независимо от строя и уровня технологического развития.

Я также разработал новую герменевтику, базирующуюся на единый метод обоснования. Применение этого метода к тексту Библии позволяет извлечь из него единственно возможное толкование Учения и таким образом, прекратить вечный спор между конфессиями. (А также между Христианством, Иудаизмом и Мусульманством). Если теория оптимальной морали устраняет разное понимание для людей неверующих, то применение единого метода обоснования к учениям Ветхого и Нового Завета и к Корану устраняет его для верующих этих трех религий и разных их конфессий.

Теперь вернемся к научно-техническому прогрессу и производимому им паразитизму. Допустим, что с помощью единого метода обоснования, теории оптимальной морали, всеобщей сознательности и энтузиазма мы очистим науку, политику и управление от паразитов и даже так называемое самозанятое население перестанет производить и продавать друг другу ненужные, тем более вредные, товары и услуги. Но ведь процент людей не занятых в производстве будет и дальше нарастать по мере дальнейшего научно-технического прогресса. Что делать с ними и как тогда перераспределять совокупный общественный продукт, чтобы был баланс спроса и предложения и не было экономического кризиса?

Если отвлекаться от мотивов, движущих человеками, то никакой проблемы тут нет. Как известно из математики, деление может производиться до бесконечности. т. е. сколько бы совокупного продукта ни произвели производители и как бы мало их ни было в сравнении с остальными, все равно всегда можно поделить этот продукт на всех в любой заданной пропорции. И механизмы для этого есть на выбор: хоть социалистический с принудительным распределением, хоть капиталистический – через систему налогов и пособий. Проблема только в том, что если производителям кажется, что они не получают заслуженного по их мнению вознаграждения за их труд, то у них пропадает желание производить. И это касается, как капиталистов – предпринимателей, так и наемных рабочих. По этой причине как раз и рухнула советская экономика, а в свободно-рыночной происходят кризисы. В бывшем Союзе люди просто перестали работать, а в рыночной экономике, сколько ни прижимай капиталистов налогами, они выкручиваются и оставляют себе больше, чем нужно для баланса, или тоже перестают производить, а вместо этого вкладывают деньги в спекуляции, в недвижимость, в футбольные клубы и т. д. Отсюда напрашивается вывод, к которому я уже пришел в главе «Экономика и мораль», а именно: экономика зависит от морали и чем дальше, тем больше. Точнее даже не от морали, а более широко – от системы ценностей. И господствующую сегодня систему ценностей общества потребления надо менять. Как же именно ее надо менять?

Когда-то на заре человечества самым главным было добывание пищи и прочих средств выживания: одежды, укрытия, оружия для защиты от диких зверей. Во вполне обозримом будущем, когда разовьются еще больше все эти био и нано технологии и автоматизация

с роботизацией, мы чисто технологически (отвлекаясь от человеческих отношений) будем способны обеспечить себе рай, коммунизм или кому как больше нравится это называть. Короче, никому не нужно будет работать, достаточно будет, лежа или сидя, нажимать на кнопки пульта и вареники сами будут прыгать в рот, как Пацюку в кинофильме «Вечера на хуторе близь Диканьки». Точнее, мы уже сегодня, при нынешнем уровне технологии могли бы обеспечить каждому, довольно приличное материально существование, не предъявляя ему никаких претензий по части его паразитизма. Но этого не происходит и огромные массы людей на планете страдают и даже гибнут от голода и даже в развитых странах есть не пренебрежимый процент таких. Не происходит из-за характера человеческих отношений. Почему во время кризиса даже в развитых странах происходит спад производства, многие остаются без жилья, а в странах недоразвитых еще более многие просто кладут зубы на полку? Что, вдруг куда-то пропали производственные мощности? Нет, они просто стоят и не работают. Технически, технологически они вполне могли бы работать, но не работают из-за характера человеческих отношений, из-за системы ценностей, из-за неверной оценки вклада людей в общее дело. Кризис произошел из-за того, что предприниматели и банкиры переоценивали свой вклад и брали себе слишком большую долю совокупного продукта. В результате наступил момент, когда у остальных, паразиты они или нет, не стало доставать денег, чтобы выкупить все произведенное. А после этого у производителей не стало смысла производить. И даже в до кризисном состоянии промышленность развитых стран не работает на полную мощность. Обеспечьте этой промышленности платежеспособный спрос внутри страны или извне, и она мгновенно почти увеличит

производство вдвое, втрое и т. д. Но для того чтобы обеспечить такой спрос нужно оптимальное распределение совокупного продукта, а когда общество пытается осуществить такое распределение, у производителей при нынешней их ментальности пропадает желание производить.

Но можно ли повлиять на эту ментальность, на систему ценностей? Не лежит ли стремление урвать побольше и, если можно, то еще и на халяву в природе человека? Надо признать, что в природе человека это имеется. Но имеется в природе человека и сознание солидарности с себе подобными. И во все времена были люди и сегодня есть, готовые послужить общему интересу и даже в ущерб собственному. Менялось лишь их соотношение с жаждущими урвать себе по максимуму, и не считаясь ни с чем. Менялось оно под влиянием принятых в обществе религии или философии и обстоятельств. И таким мощным обстоятельством сегодня, как показано выше является научно-технический прогресс. Отсюда вытекает путь к изменению ситуации к лучшему.

Надо пересмотреть отношение к научно-техническому прогрессу, как к абсолютному благу. Конечно, речь не идет о полной отмене его и возвращении назад в пещеры. Но какие-то направления его должны быть ограничены или даже запрещены. Собственно, это уже делается, но пока еще слишком робко. Запрещены, например, исследования в области создания биологического оружия. Но когда речь идет о новых мощных технологиях, таящих в себе огромные риски для всего человечества в отдаленном будущем, типа ГМО, клонирования и т. п., тут пока верх берет спекуляция на гуманизме, основанная на неверной системе ценностей. Вот, мол, мы спасаем человека от болезней и голода, а человеческая жизнь — наивысшая

ценность. Это неверно. Человеческая жизнь – большая ценность, но не превыше всего. В частности, не превыше выживания человечества. Поэтому производство материальных благ должно перестать быть главной целью человечества. Главной должно стать духовное, моральное и интеллектуальное совершенствование человека. Соответственно должна измениться и оценка человека в обществе. Человек, способствующий духовному, моральному и интеллектуальному прогрессу общества, должен цениться больше человека, способствующего его материальному процветанию. Такая система ценностей не есть нечто абсолютно новое. Ее можно разыскать в истории чуть ли не с первобытных времен. Ее можно найти и сегодня среди традиционалистских обществ, в которых наивысшей ценностью обладает духовный учитель, гуру и т. п. Но для технологически отсталых обществ оптимальность такой системы ценностей спорна, ибо, как сказал один писатель «наивысшие взлеты духа рождаются из физических страданий миллионов» и на протяжении всей предыдущей истории эти миллионы так страдали из-за недостатка производимого продукта. А вот для технологически развитого общества эта оптимальность становится бесспорной. Ведь мало того, что большинство населения развитых стран не страдает от голода и холода, но как показано выше, даже дальнейшее материальное процветание таких обществ больше зависит от их духовного и морального состояния, чем от собственно технического прогресса. Поскольку и сам технический прогресс и экономика и политика страдают от низкого духовного и морального состояния общества, а в худших случаях, несмотря на высокую науку и технику, это грозит обществу кризисом, хаосом, разрухой, гражданской войной и т. д.

Принятие такой системы ценностей решает и проблему паразитизма тех, которые освобождаются научно-техническим прогрессом от производства материальных благ. Теперь на всех на них хватит работы в производстве и распространении духовных ценностей. Главное, чтобы это были истинные духовные ценности, а не тот эрзац и пустая болтовня о духе, которые сегодня заливают западное общество, и которые один киевский художник удачно назвал «духовкой». А для того, чтобы отличить духовность подлинную от эрзаца, необходима рациональная теория духа. И я утверждаю, что я такую теорию разработал. («Неорационализм». Часть 5, «От Моисея до постмодернизма. Движение идеи» и др.). А в духовно и интеллектуально развитом обществе при наличии демократии не смогут приходиться к власти пройдохи политики, не смогут удерживаться на постах нечестные судьи и тогда и олигархам трудно будет присваивать себе чрезмерную долю совокупного продукта. Трудно, как потому что трудней будет обходить закон, та и чисто психологически. Ведь одно дело делиться материальными благами с паразитами, другое дело – с людьми, ценность которых для общества выше твоей. Последнее изменит и мотивацию их деятельности и сделает их готовыми принять оптимальное распределение совокупного продукта, т. е. согласиться с меньшей долей этого продукта, которую они оставляют себе, в сравнении с той, которую они оставляют себе сегодня.

Глава 19

О вреде науки

Я – не святой инквизитор и не собираюсь провозгласить науку вредной, как таковую, не предлагаю сжечь научные библиотеки, а заодно побросать в огонь ученых. Но я специально выбрал эпатажное название статьи, чтобы привлечь внимание к острой проблеме, стоящей перед современным человечеством, о которой, правда, говорят в последнее время, но как-то вяло и без практических выводов, а ситуация требует делать эти выводы как можно быстрее.

Суть проблемы в том, что, как стало уже совершенно очевидным, наука, кроме того, что она приносит приятные плоды для человечества, приносит и неприятные, вредные и, наконец, даже опасные для его дальнейшего существования. Правда, есть, как по мне, хитрые и нечестные представители науки и журналистики, которые пытаются представить дело так, как будто бы наука сама по себе нейтральна, безвредна и безопасна, а за вредные и опасные результаты ее применения отвечают те, которые ее таким образом применяют. Нетрудно показать, что это заявление – от лукавого. Т. е. бывают, конечно, такие исследования, все возможные результаты применения которых в будущем предсказать невозможно. Можно даже сказать, что в принципе это относится к любому исследованию. Но с другой стороны, есть ведь исследования, которые просто предназначены для получения результатов как минимум сомнительных на предмет полезности – вредности или откровенно вредных. Ну, как могут говорить ученые атомщики, работающие над проектом атомной бомбы, что они не отвечают за результаты применения своих исследований? Ведь это даже не лезет в советский анекдот про чудака, который, работая на заводе

швейных машин, воровал детали и сколько ни пытался собрать из них дома швейную машину, получался пулемет. Кстати, Сахаров, у которого совести было больше, чем у его коллег, раскаялся в том, что создавал ядерное оружие. Известно, что и Эйнштейн сомневался, принимать ли участие в создании американской атомной бомбы, и согласился только из опасения, что ее сделают и применят против Америки фашисты. Ничем не отличаются от разработчиков атомного и ядерного оружия разработчики химического, биологического и прочего оружия массового уничтожения.

Но к категории ученых, которые не могут занять позу не ведающих, что творят, относятся не только ученые – оружейники. Немалое число ученых, работающих над исследованиями с декларативно гуманными целями, не могут не осознавать и возможных негативных последствий использования их работы. Не помню, в каком романе ученый биолог, работающий над созданием вакцины против опасной болезни, говорит своему другу о сомнении, нужно ли это делать. Создав вакцину, он спасет многих людей, но это же приведет к ослаблению иммунитета у человечества в целом. Таких сомнений возникает у каждого мыслящего человека, чем дальше, тем больше. Достаточно посмотреть, что творится с экологией, с изменением климата и т. д., чтобы понять, что современное человечество, проедает ресурс жизни будущих поколений на планете и одновременно расплачивается за такое проедание предыдущими поколениями. И чем дальше, тем это проедание будет идти быстрее. Сегодня мы имеем планетарный кризис, связанный с нехваткой нефти и газа, а на носу уже гораздо более страшный кризис нехватки питьевой воды. Каждый из этих кризисов порожден научно-техническим прогрессом и каждый из них мы пытаемся преодолеть с помощью дальнейшей гонки этого

прогресса, что приводит к появлению нового более страшного кризиса. Причем на каждом витке этой порочной спирали мы берем все большие риски самому существованию человечества. Уже когда испытывали первую атомную бомбу в Лос-Аламосе, некоторые ученые сомневались, не кончится ли это испытание гибелью жизни на планете. Пронесло. Потом было создание и испытание ядерной бомбы. Потом – попытки создания кобальтовой бомбы, от которого к счастью отказались, карибский кризис, Чернобыль, во Франции строится электростанция на управляемом термояде и вот теперь адронный коллайдер. Все время пронесло (хотя про коллайдер и станцию во Франции еще рано говорить, что пронесло). Но любой человек, знакомый с теорией вероятности, знает, что, чем больше было уже случаев, когда пронесло, тем вероятнее, что в очередной раз не пронесет. Все это усугубляется еще и тем, что происходит привыкание к этой ужасной опасности, порождающее легкомысленное к ней отношение. В результате все с большим энтузиазмом занимаются своими текущими делишками, типа продвижения по службе, квартирным вопросом и т. п., политическими страстями, типа с кем и против кого дружить, ловлей кайфа от бабс, футбола и рыбалки, а в это время коллайдер потихоньку строится и вот уже запущен, расплозается по миру атомное оружие, строятся все новые атомные электростанции (чти, потенциальные будущие чернобыли) и т. д. И совестливые родители, тянущие из себя жилы, чтобы дать своему чаду приличное образование, полагают, что этим они свой долг перед своим чадом выполнили, ни сколько не заботясь, что, если взорвется коллайдер или случится новый, но более мощный Чернобыль и т. п., то все эти их усилия будут напрасны, т. к. не будет уже ни их самих, ни их чада.

Из вышесказанного напрашивается вывод, что надо что-то делать. Нельзя сказать, что до сих пор никто ничего не предлагал по этой части. Имеющиеся предложения можно разделить на две основные категории. Первую можно условно назвать «Назад в пещеры». Упрощенно – это отказаться от дальнейшего научно-технического прогресса и вернуться к безмашинному земледелию. Вторую можно назвать «Правильным курсом идем, товарищи», только надо подправить отдельные недостатки, как то: сделать безотходные технологии и напустить побольше болтовни про дух и мораль, не предлагая, однако убедительной научной теории того и другого. В принципе оба эти предложения не пусты и не могут быть отвергнуты с порога, хотя и без глубокого анализа чувствуется их недостаточность и несовершенство. Ну, скажем, всем понятно, что если мы перейдем к безмашинному земледелию, то решительно не сможем прокормить нынешнего населения Земли. На этом основании подавляющее большинство отвергает этот вариант дальнейшего развития человечества, как абсолютно неприемлемый. И как по мне, делает это с излишней поспешностью. Нет, я не утверждаю, что это – оптимальный вариант, но если идти тем путем, как мы идем сегодня, т. е. к уничтожению человечества через атомную войну, через техногенную катастрофу, типа чернобыльской, или через эксперимент а ля коллайдер, то лучше уж вернуться к безмашинному земледелию, предварительно сократив человечество добровольным снижением рождаемости.

Во втором случае мы, также без предварительного глубокого анализа, ощущаем его недостаточность и недоработанность. В самом деле, хотя идут какие-то разговоры про моральность (опасность) или не моральность генетически модифицированной продукции или андронного коллайдер, но эти разговоры повисают

воздухе без существенного практического результата, а тем временем мы продолжаем катиться в пропасть.

Таким образом, напрашивается вывод, что необходима достаточно широкая, всеобъемлющая научная теория или, лучше сказать, философия, но философия нового типа, научно обоснованная, которая расставила бы все по местам в этом вопросе и предложила оптимальный выход из ситуации, оптимальный и убедительный для всех в своей оптимальности. Прежде всего, эта философия должна ответить на вопрос, куда мы, человечество, хотим или должны идти. В самом деле, ведь многих сегодня не устраивают не только надвигающиеся опасности и кризисы или полуголодное состояние 5-и миллиардов населения не попавших в золотой миллиард, но и сытое, но бездуховное (по их мнению) житие золотого миллиарда. И с такой точки зрения, почему бы и не вернуться к безмашинному земледелию, если будет доказано, что оно обеспечивает духовное и вообще счастливое и гармоничное состояние человечества. Второе, что должна дать такая теория – философия, это некий теоретический инструмент, который бы позволял нам оценивать объективно (а не на основе мнения экспертов) степень опасности того или иного направления научно-технического развития или научного эксперимента, типа с коллайдером. Ведь что мы имеем сегодня в этом вопросе? Мы имеем ученых – экспертов, скажем генетиков, одни из которых уверяют нас, что использование генетически измененных продуктов безвредно, а другие, что – вредно. Или физиков, одни из которых уверяют нас, что столкновение адронов в коллайдере не более опасно, чем столкновение двух комаров, а другие, что это приведет к концу света. И еще мы имеем все остальное население, которое ни бельме не понимает в объяснениях и аргументах ни тех, ни других.

Тут читатель может воскликнуть: «Ну, хорошо, мало ли что нам надо. Может нам надо, чтобы галушки сами в рот прыгали. Но можно ли создать такую теорию – философию, о которой Вы говорите?». Я говорю, что такая философия уже создана.

В 1992 г. я опубликовал книгу под названием «Неорационализм» (а закончена она была и должна была выйти в 1982 г, но не вышла по причинам, которые здесь не место описывать), в которой изложил свою теорию познания, а также теории детерминизма, свободы, этики и духа. В дальнейшем на базе моей теории познания я разработал единый метод обоснования научных теорий, который изложил в ряде статей (Философские исследования, 3, 2000; 1, 2001; 2, 2002) и в книге «Единый метод обоснования научных теорий», Алетейя, СПб, 2012). Этот метод позволяет оценить степень научности предлагаемой теории или выводов, базирующихся или претендующих на то, что они базируются на какой-то теории. Я показал, что выводы теории, обоснованной по единому методу обоснования обладают гарантированной истинностью (с заданной точностью и вероятностью) в области применимости теории. А никакие выводы из теории, не обоснованной по единому методу обоснования, этим свойством не обладают и, следовательно, не могут нам гарантировать свою истинность ни в какой области. Пример такого вывода дал еще Юм (хоть он и не был знаком с единым методом обоснования). Это его знаменитая история с курицей, которая на основе своего жизненного опыта и построенного на ней куриной теории (не обоснованной по единому методу обоснования, замечу я) делает вывод, что приход хозяйки означает (с гарантией), что ей сейчас дадут зерна. Но однажды хозяйка придет с ножом и зарежет ее. Но то ж курица, скажет читатель, а тут ученые физики и генетики. Так вот я показываю,

(«Теория и гипотеза в современной науке» и др.), что многие современные физические теории (например, теория Большого Взрыва и т. п.) не обоснованы по единому методу обоснования и являются, по сути, гипотезами, а не теориями и, следовательно, никакие выводы из них не обладают гарантированной истинностью ни в какой области действительности. И, следовательно, если физики уговаривают нас в полной безопасности некоего эксперимента, ссылаясь на выводы из такой теории, то они обманывают и нас и себя. Тем более, если они уговаривают нас в безопасности строительства, скажем, атомных электростанций, на том основании, что в новых станциях учтены ошибки, допущенные при строительстве черновобильской и ей подобных. Это делал, например, академик Барьяхтар во многих своих публичных выступлениях. В этом случае речь даже не идет о необоснованности по единому методу тех теорий, в которых Барьяхтар, физик атомщик, — специалист. Они могут быть вполне обоснованными, но область их применимости (истинности) не распространяется на всю сферу безопасности эксплуатации атомных станций. Область истинности выводов такой теории (в предположении ее обоснованности) ограничивается условиями правильной, в том или ином смысле, эксплуатации станции, плюс некие предусмотренные возможные нарушения этих правильных условий. Но я показываю («Проекция космонавтики на атомную энергетику» и др. www.philprob.parod.ru), что вероятность того, что произойдет предусмотренное при проектировании станции возможное нарушение нормального режима ее эксплуатации, примерно равна вероятности того, что произойдет нарушение непредусмотренное и такое, которое в принципе предусмотреть было невозможно. А поскольку оно не предусмотрено, то теория, которой руководствова-

лись, проектируя станцию, на сей случай не распространяется и не может нам гарантировать, что взрыва не будет.

Кстати, я полемизировал с Барьяхтаром по этому поводу и обращался письменно в Президиум НАНУ отдельно с моим единым методом обоснования и отдельно (в другой раз) с приложением его к проблеме безопасности атомных станций. Результатом было то, что про план Ющенко построить 30 атомных электростанций в Украине перестали шуметь в прессе, как было до этого, (хотя об официальном отказе от него тоже не объявляли), Ющенко стал поговаривать о перестройке и увеличении мощности Днепрогеса, а Барьяхтар в своих выступлениях, хотя и продолжил лоббировать строительство атомных станций, но уже не так рьяно, как раньше, признал возможность повторения Чернобыля и призвал параллельно искать альтернативные пути решения энергетической проблемы. Но обсуждения предлагаемого мной единого метода обоснования ни на семинаре у Барьяхтара, ни в Академии Наук я так и не добился. С учетом важности единого метода для оценки опасности не только строительства атомных электростанций, но и многого другого, о чем сказано выше, этот зажим, отказ от рассмотрения, обсуждения единого метода, каковы бы ни были его мотивы – амбиции, политика, национализм, не знаю, что еще, – иначе как изменой не только Родине, но человечеству, назвать нельзя.

Но как я сказал, для решения проблемы выживания человечества и определения оптимального пути его дальнейшего развития недостаточно иметь только инструмент для оценки опасности того или иного пути развития. Ведь полностью избежать опасностей, в том числе опасности уничтожения человечества, принципиально невозможно. Даже если мы перейдем

к безмашинному земледелию, то останутся еще факторы внешнего воздействия, над которыми мы не властны: в землю может ударить большой астероид или произойти иная космическая катастрофа и т. п. И можно даже сказать, что, продолжая научно технический прогресс, мы увеличиваем наши шансы выжить в случае такой катаклизмы. Например, уже сегодня мы можем разбомбить приближающийся к Земле астероид ракетами с ядерными зарядами. Во избежание недоразумения замечу, что вероятность такой катаклизмы сегодня несравненно меньше, чем вероятность катастрофы вследствие неконтролируемого научно технического прогресса. Но и она должна быть учтена при определении оптимального пути развития. Но гораздо более важно учесть влияние научно технического прогресса на издавна существующие проблемы человечества. Собственно говоря, научно технический прогресс для того и возник, чтобы помочь нам справиться с некоторыми из этих проблем, как-то голод, болезни и т. п. И таки помог и помогает. Но помимо того, что он породил новые, о которых речь шла выше, он обострил и некоторые старые. Скажем, войны существовали всегда, но пока не было оружия массового уничтожения, они не могли привести к уничтожению человечества. Теперь могут. Таким образом, для того, чтобы выжить в условиях научно-технического прогресса, нам необходимо разрешить и эти старые проблемы. Для этого необходимы теории духа, морали, оптимальных общечеловеческих ценностей.

Всеми этими вещами человечество и, прежде всего, философы занимаются очень давно, а последнее время столь обильно, что уже просто дырка в голове от болтовни про дух и мораль. Болтовни много, но воз и ныне там. Нет согласия и нет общего языка, чтобы договориться. Для одних мораль – это Домострой, для

других – сексуальная революция, для третьих – вопрос моды. Эта ситуация устраивает нечистоплотных болтунов, занимающихся демагогией в политике или делающих научную карьеру в гуманитарной сфере, но не устраивает человечество. Для того чтобы устранить возможность конфликтов на национальной, религиозной, идеологической и т. д. почве, человечество должно иметь теории духа, морали, оптимальных общечеловеческих ценностей, обоснованные столь же убедительно, как в физике обоснованы механика Ньютона или релятивистская механика, или невозможность построить вечный двигатель. Для этого надо перенести единый метод обоснования из сферы естественных наук в сферу гуманитарных. Ибо только он обеспечивает вышеупомянутым теориям их обоснованность и только благодаря этому все физики в мире смогли договориться и принять эти теории (а не как в гуманитарной сфере, где одни исповедуют моральный императив по Канту, а другие – ницшеанское «У каждого народа свое добро и зло» и т. п.). Но можно ли это сделать?

Я показал, что с соответствующей адаптацией можно («Неорационализм», «Биоэтика или оптимальная этика», «Герменевтика» и др. сайт www.philprob.narod.ru) и сделал это.

Используя этот подход, я сформулировал и обосновал оптимальную общечеловеческую мораль («Неорационализм», гл. 4), построил и обосновал теорию духа (там же, гл. 5), наметил подход к построению оптимальной общечеловеческой системы ценностей («Бифуркационная точка человечества», «Проблема ценностей, как проблема выживания человечества» и др., сайт www.philprob.narod.ru).

Глава 20

О вреде психологии

Все, что я писал о вреде науки (статья «О вреде науки») относится, конечно, и к психологии. Но о вреде психологии нужно говорить отдельно вот почему.

Познание – это не только наука. Познание добывается и искусством, и через религиозное откровение, и интуицией. У каждого из этих видов познания свой способ, свои преимущества и недостатки и, следовательно, свои области, где этот метод применять уместно, полезно, хорошо и где наоборот. Психология, включая психоанализ, всевозможные психотерапии и даже парапсихологию, претендует на статус рациональной науки. Не все из перечисленного удовлетворяет требованиям единого метода обоснования и, следовательно, является на самом деле рациональной наукой, но сейчас речь не об этом. Сейчас речь о том, в какой степени та область действительности, которой интересуется психология, подходит для рациональной науки с ее методом. И я утверждаю, что на 90% эта область не подходит для нее.

Слово «психология» греческое по происхождению и означает в переводе – изучение души. Но изучением души занимаются и религия, и искусство и их методы подходят к этому тонкому предмету несравненно лучше, чем методы рациональной науки. Одним из проявлений души, очевидно, главным является любовь. Но, как писал философ Лосев, когда любовь начинают исследовать рациональными научными методами, она исчезает. Рациональная наука танцует от опыта, воспринимаемого пятью органами чувств: глазами, ушами и т. д., с помощью приборов или без них. Когда речь идет о душе, то таким образом мы можем воспринимать только внешние проявления ее. Когда психология

пытается исследовать, скажем, любовь мужчины и женщины, то она ухватывает только эти самые внешние проявления: ухаживание, заботу, поцелуи, половой акт. Когда затем из всех этих элементов она пытается слепить назад образ живой любви, получается эрзац. Точно так же, как в опытах средневековых алхимиков, в поисках сути жизни рассекавших на части тела животных, получались трупы животных, а жизнь ускользала от познания. Искусство же, нормальное искусство, исследуя любовь и, вообще, душу художественными методами, не расчленив предмет на элементы, а, создавая образы, достигает гораздо большего.

Тут можно было бы сказать: «Ну, хорошо, пусть искусство достигает большего в исследовании души, чем психология, но при чем тут вред? Одно другому не мешает. Пусть расцветают тысячи цветов, как говорят китайцы. Зачем вообще их сравнивать?». А в наш постмодернистский век кто-нибудь непременно заведет здесь шарманку про плюрализм.

Нет, ответу я на это. Мешает и еще как мешает. Опираясь на авторитет рациональной науки, достигнутой ею в сфере техники и технологии, психология потеснила и еще как потеснила искусство в 20-м веке в его классической сфере ведения души человеческой. В 18-м и 19-м веках молодые люди, жаждущие познать тайны человеческой души и таким образом добиться усовершенствования собственной, читали Шекспира, Толстого, Достоевского и т. д. А в 20-м веке их сверстники стали читать вместо этого книги по психологии. И не для того, чтобы усовершенствовать свою душу (чего с помощью этих книг и достичь невозможно), а для того, чтобы ковыряться в душах ближних своих, дабы использовать найденные там слабости и изъяны (реальные или мнимые) в корыстных целях. В результате классическая литература (равно как и музыка и живопись), та,

которая как раз и занималась исследованием души человеческой, стала невостребованной, а в качестве востребованной осталась только развлекательная: детективы, чернуха и порнуха. А со второй половины 20-го века под влиянием психоанализа фрейдистского и не фрейдистского стала развиваться литература, претендующая на место классической, но базирующаяся на психоанализ, с заменой живой души, в качестве объекта исследования, на душу умерщвленную расчленением, точнее ее отдельными атрибутами, такими как либидо, например. (Сначала Кафка и Камю, а затем просто порнуха и всякий бред).

С конца 20-го века и в двадцать первом культурный процесс пошел немного вспять: стала чаще звучать симфоническая музыка, стала оживать поэзия. Но основное поле остается по-прежнему под властью маскультуры, круто замешенной на психологии вообще и психоанализе в частности.

Взаимодействием психологии с искусством, ее ролью в деградации искусства в 20-м веке, ее «зло» не исчерпывается. Не меньше вреда принес и психологический анализ личности человека, и на его основе анализ поведения человека, процессов текущих в обществе и даже истории и искусства. Я уж не говорю о существовании большого числа психологических школ, не имеющих между собой общего языка и дающих совершенно разную трактовку и личности человека, и мотивам его поведения. Тут и бихевиоризм, и роджерсианство, и Фрейд, и Юнг, и Адлер, и соционика и т. д. Сам факт такого множества школ, со столь разными представлениями о личности человека и мотивах его поведения (у Фрейда основой является либидо, у Адлера – жажда власти, у Юнга – архитипы и т. д.), говорит о том, сколь далека современная психология от того, чтобы быть вполне рациональной наукой. Если бы

психология была рациональной наукой, использующей единый метод обоснования, то либо была бы одна единственная теория, признаваемая всеми психологами и охватывающая всю область психологии, либо – несколько теорий, каждая из которых охватывала бы свою подобласть в общей области. Сегодня же каждая психологическая теория претендует на всю область психологии и пытается объяснить в ней все и вся и делает это отлично, если не противоположно от других. И, тем не менее, все они существуют и имеют статус рациональной науки и учат нас, как жить.

Не просто учат, а произошла невообразимая психологизация современной жизни. Почти невозможно представить себе сегодня обсуждение какой угодно общественной проблемы, без участия психолога. Обсуждается, скажем, состояние общественных туалетов в Хацапетовке, непременно выступит психолог и скажет что-нибудь вроде: « Разрешите мне сказать с позиции психолога». Дальше он скажет в лучшем случае что-нибудь не противоречащее здравому смыслу, но к психологии никакого отношения не имеющее, в худшем – произнесет никому, включая его самого, не понятную наукообразную абракадабру. Но все присутствующие останутся с приятным ощущением, что они причастались высокой науки и обсуждение прошло на уровне.

Но и здесь главным является не то, что подавляющее большинство психологических теорий не удовлетворяют требованиям, предъявляемым рациональной научной теорией, а то, что психология лезет в область малопригодную для ее методов или берется за задачу, которую, по крайней мере, пока что она не в состоянии решить. Человеческая личность – необычайно сложное, многопараметрическое явление, а существующие психологические теории, выстроенные на одном, максимум 4-х параметрах, слишком бедны для описания –

моделирования ее. Особенно, если речь идет о личностях незаурядных. А современных психологов, которых, кстати, развелось, как поганок в лесу, тянет, как мух на мед, на трактование именно незаурядных личностей, точнее всех, кто хоть чуть-чуть выделился из толпы. И массы, отлученные от воспитания высоким искусством, охотно ведутся на эти трактовки, поскольку обыватель (а это и есть человек, не воспитанный на высоком искусстве) он и без психологии склонен «мазнуть Рафаэля слюной». Это приводит к колоссальной деформации всей общественной жизни, политики в частности (и в особенности).

Вот, скажем, показали по телевидению выступление Путина вскоре после того, как он «отрекся от престола», то бишь уступил президентство Медведеву. А после этого берут на том же телевидении интервью у психологии, которая трактует с позиции психологии его выступление. Уже сам факт, что выступление президента страны комментирует именно психолог, говорит о ненормальной, гипертрофированной роли психологии в современном обществе. Но еще более показательны суть и стиль ее комментария. «Вот видите – говорит она, демонстрируя отрывок из выступления Путина – здесь он почесал за ухом. Это свидетельствует о его неуверенности». И отсюда извлекается вывод, что Путин – слабак, что его политической карьере пришел конец и т. п. Спрашивается, такого рода построения – это наука или это маразм? Ну, мало ли чего человек почесал за ухом? А может, у него просто почесалось?

Но даже если человек проявил чувство неуверенности, кто сказал, что это свидетельствует о его профнепригодности для политической деятельности? Этот расхожий сегодня стереотип привит массам современной психологией в сочетании с масс-медиа. Утверди-

лось мнение, что политиком может и должен быть человек, не ведающий сомнений и чувства неуверенности и всегда готовый выпалить с бедра любую ахинею, но с абсолютным спокойствием и уверенностью в голосе и внешнем облике. Чувством непоколебимой уверенности в себе обладают, как правило, законченные идиоты. Я помню как в некоем тресте, где мне довелось работать в давние годы, начальником треста был некто Плулатырев – типичный советский держиморда и оратор в стиле, описанном еще Салтыковым-Щедриным. Он периодически вызывал «на ковер», т. е. к себе в кабинет того или иного подчиненного и разносил его с ужасными оскорблениями и унижениями. У всякого нормального человека это вызывало, конечно, достаточно бурные эмоции и в силу невозможности в той системе достойно ответить наглцу, ту или иную степень нарушения душевного покоя. Но был в тресте некто Качурин, который возглавлял там проектное бюро. К нам он был переброшен после заведования банно-прачечным комбинатом. В нашем деле ни бельме не смыслил и даже не пытался разобраться. Но зато имел «спину» в министерстве. По последней причине, а также из-за общей интеллектуальной ограниченности, он был абсолютно непробиваем для разгоняев у Плулатырева и, выходя после очередного такого из его кабинета довольно улыбался. «Ну, как?» – спрашивали мы его. – «При хорошем питании две клизмы в день ничего не составляют». В той действительности Качурин был даже в некотором смысле уместен. Но ведь, как следствие этой уместности Советский Союз и прекратил свое существование. В нормальной стране непробиваемые в своей самоуверенности идиоты не должны быть уместны в системе управления. Человек мыслящий не может не сомневаться. Декарт видел в этом даже определение человеческой сущности («Я сомневаюсь, значит, я

существую»). Конечно, человек мыслящий и, следовательно, сомневающийся, но не способный преодолеть свои сомнения и принимать решения, брать на себя ответственность, тоже не годится для управления. (Хотя он может вполне годиться в науке, журналистике и т. п.). Но психология привила современному обществу в качестве идеала политика и управленца, не мыслящего, сомневающегося, но, тем не менее, способного принимать решения и брать на себя ответственность человека, а некую куклу, вечно скалящую великолепные зубы в экранной улыбке, но принимающую решения, подсунутые ему командой, в которых сама она ничего не смыслит. И посему, куда идет страна, никто не знает и никто за это не отвечает. Сегодня в цивилизованном мире не бывает политиков, у которых в штате не было бы психологов – имиджмейкеров, отрабатывающих с ними уверенный вид и ослепительную улыбку. И бывают политики, у которых эта улыбка является их единственным достоинством и оружием в борьбе с противниками. Так в предыдущую предвыборную кампанию в теледебатах постоянно фигурировал депутат Князевич, который редко что-либо произносил, но камеры постоянно показывали его саркастически-сардоническую улыбку во время выступления противников его партии. Впрочем, в подобных улыбках упражнялось и половина прочих политиков. Таким образом, психологизация привела к тому, что политики тратят драгоценное время на отработку ослепительных улыбок, а вот на совершенствование аналитического мышления времени не находят и на курсы аналитического мышления, которые я предложил на базе единого метода обоснования, никто из них не записался.

Все вышесказанное относится к вреду психологии, связанному с тем, что предмет ее мало подходит для

исследования методами рациональной науки. Но следует сказать и о возможностях злонамеренного использования ее выводов (независимо от того, являются ли они действительно научными или псевдонаучными). Как я писал («О вреде науки»), такая возможность имеет место практически для любой науки, но для разных – в разной степени. Для психологии такая возможность очень велика и уже по одной этой причине вреда от нее гораздо больше, чем пользы (не говоря о вышесказанном). Даже если бы психология была лишена вышерассмотренных недостатков, то все равно нашлись бы люди, которые использовали бы ее результаты в неблагоприятных целях (как это имеет место и с другими науками). Но поскольку, как я показал, психология очень мало годится для благих целей (для совершенствования души), то на практике она используется по преимуществу для психологических диверсий.

Т. е. там, где многочисленных психологов нанимают на работу и платят им за нее деньги, там она формально и по мнению нанимателей и заверениям самих психологов служит благу общества. Но так ли это на самом деле – это другой вопрос. Вот, например, одно из самых распространенных мест использования психологов – оценка претендентов на должности при приеме на работу. На Западе, не знаю как сейчас, но, по крайней мере, в недавнем прошлом, было широко распространено психологическое тестирование таких претендентов. Тест состоял из двух частей. В первой человек должен был продемонстрировать способности к быстрому счету, запоминанию, быстроту реакции и т. п. Для некоторых специальностей, таких как водители, пилоты, бухгалтера и т. д., это имеет смысл и небесполезно. Но, во-первых, возникает вопрос, какое отношение к психологии имеет эта часть теста. А во вторых, для творческих специальностей, например для

инженеров, тем более ученых, она не просто непригодна, а вредна, поскольку глубина мышления и его быстрота – это не одно и то же.

Вторая часть теста базировалась на фрейдистском психоанализе и сводилась к вопросам типа: не видели ли вы в раннем детстве, как папа с мамой занимаются любовью. О том, что все это – чужь собачья, я писал уже не раз, не хочу повторяться.

В конечном счете, хорошо известно (а мне, так и из личного опыта), что эффективность работы на крупных западных фирмах и предприятиях, на которых как раз и применяется психотестирование при приеме на работу, намного ниже, чем на мелких, где обходятся без помощи психологов. Где «тестирование» осуществляет хозяин фирмы или руководитель отдела, в котором будет работать нанимаемый, и где сводится оно к нормальной беседе профессионалов. – «Скажи, ты можешь в принципе решить такую проблему? А как бы ты делал это? А что тебе не нравится в этом устройстве?». И т. п. И психологическая, а точнее человеческая атмосфера в коллективах подбираемых и управляемых с помощью психологов, в среднем хуже, чем она бывала в эпоху до психологизации.

Но это еще та область, в которой можно хоть с натяжкой говорить не только о вреде, но и о пользе психологии. Гораздо хуже обстоит дело со всевозможными психологическими курсами и тренингами. Тут дело напрямую связано с тем, о чем я писал в «О вреде науки». Т. е. даже если психология и накопила тут каких-то истин, то совершенно не позаботилась о том, что даст использование этих истин обществу. В «Записках Оле» я описал бихевиористские курсы, которые мне довелось в свое время несколько раз посетить. Сама постановка задачи на этих курсах такова: «Современный мир жестко конкурентный и создает повышен-

ные нагрузки на психику человека. Для того чтобы успешно противостоять этим нагрузкам и побеждать в конкуренции, мы научим вас психологическим трюкам». А далее идет обучение таким трюкам, которые в старину иначе, как подлыми, никто бы не назвал. Например, как подлизаться к начальству или наглому и хамскому сотруднику, дабы избежать конфликта с ним. Другие психологические курсы и тренинги отличаются от бихевиористских психологической техникой, приемами, но не установкой. А что касается установки, то да, применение психологических приемчиков может обеспечить человеку преимущество над ближним (по крайней мере, на короткое время), но ведь жизнь в обществе от этого станет еще хуже и жестче и потребуются еще более свинские психологические приемы, чтобы выживать. Тупиковый путь. К тому же это – путь, которым человечество уже шло когда-то, даже не зная науки психологии (многие из приемчиков, вроде подлизывания, якобы, открытых психологией, были известны людям и до появления этой науки, только тогда они не освящались научным авторитетом). Шло до появления так называемых осевых религий, Христианства, прежде всего. Эти религии потому и возникли, что на этом пути человечество уже тогда зашло в тупик. И эти религии научили людей, что есть более высокие цели, чем персональный успех, и ради них человек не должен применять таких приемчиков. Благодаря этому человечество сделало мощный рывок вперед в своем развитии. А психологизация толкает человечество в обратную сторону.

Глава 21

Идеологии в современном мире

Не стану исследовать вопрос, как определяется понятие «идеология» в той или иной философской школе. Школ много, каждая настаивает на абсолютности именно ее определения, (причем, не только этого понятия, но и любого другого). Но, как я показал в моей теории познания («Неорационализм», часть 1, Киев, 1992), абсолютных определений понятий нет, и от определения понятия требуется не признанность его в той или иной философской школе, а соответствие той задаче, которую намеревается решить употребляющий это понятие. В этой работе я под идеологией понимаю учение, и даже шире, некое течение мысли, которое может быть и неоформленным в стройное учение. Но которое задает принявшему ее обществу цели и пути их достижения, смыслы и базовые ценности и подводит под все это некоторое убедительное для членов данного общества обоснование. Таким обоснованием может быть традиция («Предки наши так жили и, слава Богу, что-то хорошее от этой жизни имели»), религия («Этого требует Бог всемогущий и всезнающий») и наконец, научная или выдающая себя за научную теория.

Прежде чем перейти к современному положению дел в этой области, я хочу окинуть взглядом, какую роль играли идеологии в прошлой истории человечества. Как писал Ницше (цитирую по памяти): «Полководцы перекраивают карту мира, предприниматели передельывают сам мир, но тихо вращается мир вокруг создателей новых ценностей». А ценности, как сказано выше, — одна из главных компонент идеологии. Конечно, на коротких (относительно) этапах истории никак нельзя пренебрегать ролью полководцев и пред-

принимателей. Но глобально ход истории, эволюция человеческого общества определялась все-таки идеологиями.

Вот приняла часть народов на планете христианское учение (идеологию) и их дальнейшая история, при том, что у каждого она была своя, в целом пошла уже другим путем, чем у народов, не принявших Христианство. Причем христианские народы, а также народы, принявшие некоторое время спустя Ислам (другую осевую религию, вышедшую из того же корня) через некоторое время стали играть ведущую роль на планете. Затем внутри христианского мира можно схематически и условно, но приемлемо для нашей задачи, отследить цепочку идеологических трансформаций. Сначала Возрождение, которое было синтезом идеологий христианской и античной. Затем Реформация. Затем именно на этом пути трансформации или эволюции идеологий зарождается рационалистическое мировоззрение и тесно связанная с ним наука Нового Времени. Причем именно народы, пошедшие этим путем, выделяются уже внутри христианского мира и становятся ведущими и в этом мире и в мире вообще, сохраняя пока еще эту ведущую роль по сей день. Далее на этом пути возникает идеология буржуазных революций и демократии с рыночной экономикой. И уже на подходе к сегодняшнему дню, идеология буржуазных революций трансформируется в современный либерализм и неолиберализм и более-менее одновременно возникают на этом же эволюционном стволе идеологий, в среде народов, пошедших этим путем, идеологии марксизма и фашизма. И опять народы, пошедшие каждым из этих разветвлений главного пути, пусть на короткий исторически период времени, вырываются вперед, добиваясь если не абсолютной гегемонии в мире, то конкуренции на равных с народами,

оставшимися при либеральной идеологии, и превосходства над народами, оставшимися при более древних идеологиях.

Вывод, ради которого я сделал этот беглый экскурс в историю идеологий, очевиден и уже фактически сформулирован выше. Повторю и уточню его. Идеологии играют главную роль в человеческой истории на длительных интервалах ее и народы, принимающие исторически правильную, соответствующую времени и новой действительности идеологию, получают преимущество перед народами с отсталой идеологией и вырываются вперед в своем развитии.

Какова же ситуация, сложившаяся сегодня в мире с идеологиями, и связанная с ней ситуация в мире в целом? Сегодня на мировом рынке идеологий предлагается, копируется и потребляется довольно много наименований этого товара. Прежде всего, это – либерально демократическая с рыночной экономикой, именуемая также Западным проектом. Затем – коммунистическая, она же красная, она же бывшая советская. Затем – религиозные идеологии от разных религий и конфессий и националистические, подогнанные под разные нации. Затем – всевозможные комбинации и эклектические смеси из «чистых» идеологий, как то коммунистическая со свободным рынком в Китае, религиозно рыночная в Турции и еще ряде стран и т. д. (коктейль может состоять из трех-четырех и более «чистых» идеологий). Наконец, всякая экзотика, типа почившей во Бозе ливийской джамахирии. Но я утверждаю, что в некотором смысле по большому счету конкурируют сегодня в мире только две идеологии, это Западный и красный проекты.

Почему эти две и почему я не рассматриваю, скажем, «исламский проект», который по числу сторонников и по влиянию на международную политику сегодня

превосходит коммунистический проект? Потому что исламский проект – это чисто религиозная идеология. А все чисто религиозные, чисто националистические, традиционалистские и т. п. идеологии – это уже прошлое, это – отживающие рудименты. Они были истинны, прогрессивны, давали силу для выживания народам в свое время, которое уже ушло безвозвратно. Это не значит, что и в наше время в каждом из этих проектов нельзя найти некое рациональное зерно, которое может быть включено в новые проекты – идеологии. Но в чистом виде, в целом, на длительную перспективу на будущее они уже не годятся, не могут дать длительного процветания, прогресса, успеха. Оживление сегодня некоторых из них и, прежде всего, исламского, ряда националистических, типа неонацизма, и даже коммунистического, временно и связано с кризисом, переживаемым Западом либерально демократическим проектом. Когда наступает смутное время, людям свойственно не искать нового пути, что очень трудно и пугает неизвестностью, а искать опору, прежде всего, в прошлом, всячески идеализируя его и забывая, закрывая глаза на его суровые недостатки и на то, что тот прошлый проект уже проиграл в свое время нынешнему, переживающему кризис.

Утверждение о проигрыше религиозных, националистических и, особенно, коммунистического проектов, конечно, далеко не самоочевидно. И найдется немало адептов этих проектов, которые тут с пеной у рта будут со мной спорить. Например, экономист и блогер Михаил Хазин в последнее время много пишет на эту тему, утверждая, что проигрыш красного проекта отнюдь не был объективно обусловлен, а является результатом ошибок и даже преступлений его конкретных руководителей. И потому возрождение этого проекта возможно и необходимо. Ему вторит другой

экономист и блогер Михаил Делягин и многие другие. И должен признать, что временные поражения того или иного идеологического проекта с последующим его возвратом на арену и конечным торжеством бывали в истории и являются скорее правилом, чем исключением. Достаточно вспомнить историю проекта самой буржуазной демократии, да и почти любого другого. Великая Французская революция непосредственно закончилась поражением, но ее идеология, ее проект все равно через некоторое время восторжествовали. Так что конкретное поражение в борьбе идеологий, действительно, еще ничего не доказывает. И все-таки я настаиваю на том, что и коммунистическая идеология и сама либерально демократическая, не говоря о чисто религиозных и националистических, на сегодня уже отжили и мир, человечество нуждается сегодня в новой идеологии, новом проекте. Конечно, этот новый проект может включать в себя элементы предыдущих. Но это не может быть солянка из кусков этих проектов, эклектическая смесь. Это должно быть цельное стройное учение.

Так почему же я все-таки считаю, что не только традиционалистские, националистические, религиозные и даже коммунистический, но и либерально демократический проект отжили свое? Причина в обосновании. Из беглого экскурса в историю идеологий, который я дал выше, видно, что обоснование идеологий имело свою эволюцию, свой вектор направленности. Первичные традиционалистские идеологии основывались на ограниченном опыте рода, племени или небольшого народа. Опыта не только ограниченного, но и осмысляемого на уровне лишь интуиции и самых смутных обобщений, почти на том уровне, как в животной стае, которая тоже имеет некую упрощенную «идеологию», не осмысляемый набор правил поведения

(закон джунглей). Даже такая примитивная и примитивно обоснованная идеология дает обществу какую-то пользу, ибо без идеологии общество вообще не может существовать. Идеология – это то, что склеивает отдельных атомарных личностей в общество.

На этапе религиозных идеологий, особенно монотеистических «осевых» религий, идеология приобретает характер развернутого учения, пока еще обоснованного не научно, а авторитетом единого Бога, но уже с непременным включением элементов рационального теоретизирования. Достаточно послушать любого современного проповедника, чтобы убедиться, что в подтверждение своим поучениям мирянам, как надо жить, он не только ссылается на Писание, но и приводит пусть примитивные, но по природе своей рациональные логические аргументы, отпавляясь от того же жизненного опыта. Да и в самих Писаниях есть немало рациональных по своей природе построений и чистой философии. Взять хотя бы Книгу Иова из Ветхого Завета, которая есть чистой воды философский трактат в стиле платоновских «Диалогов с Тимеем», только, как по мне, гораздо глубже и тоньше. Трактаты и споры ученых богословов, например, Кальвина с его католическими оппонентами, также полны чисто рациональных пассажей, пусть и использующих в качестве отправной точки библейские тексты. (Смотри мою книгу «От Моисея до постмодернизма. Движение идеи»). А некоторые ученые богословы так далеко забредают в своих рациональных построениях, что там уже и связи с Писанием невозможно найти. Как это делает, например, Ориген в некоторых местах своей книги «О началах». (Смотри в той же моей книге). Не случайно сама рациональная наука Нового Времени зародилась в недрах христианской религии, в монастырях и богословских университетах средневековья.

Так естественный ход эволюции идеологий привел на этапе после возникновения и становления рациональной науки Нового Времени к появлению идеологий, обоснованных уже чисто научно рационально или претендующих на такое обоснование. Это – идеология буржуазных революций и марксизм. Фашизм, возникший одновременно (в крупном историческом масштабе) с марксизмом, научно обоснованной идеологией не является и даже претендовать серьезно на это не может, хотя и припудривал свои построения псевдонаучными разглагольствованиями. Но его тяга к мистицизму, к оккультизму и всяким там «голосам крови» сразу выводит его, как теперь говорят, за рамки чисто научного дискурса. (Если понимать науку, как именно рациональную науку, в духе науки Нового Времени). Вот поэтому я и выделил из всех идеологий идеологию буржуазных революций и наследовавшую ее либерально демократическую и красную, марксистскую. Только они могут сегодня претендовать на научную обоснованность и в значительной степени эти претензии не являются пустыми (хотя и не совсем). Все прочие идеологии, в частности религиозные и националистические, в длительной перспективе не могут с ними конкурировать, поскольку на фоне научной обоснованности последних становится очевидной необоснованность предыдущих и видны их недостатки. Хотя, как это имеет место и в эволюции живого, эти другие идеологии не исчезают (или, по крайней мере, не исчезают полностью все и сразу) и даже в ситуации кризиса более продвинутых идеологий могут на время вновь расширять ареал своего распространения (что мы сегодня и наблюдаем). Но это может быть возврат лишь на исторически недолгий период времени. (Отсюда не следует делать вывод, что отжили свое уже и национальные государства и религии, как таковые).

Нужно отметить также, что традиционалистские и националистические идеологии даже не претендуют на универсальную обще человеческую. Это идеологии, так сказать, узкого предназначения для конкретного народа. Отсюда принципиальная ограниченность ареала их распространения. Ну, скажем, если немцы претендуют на свое превосходство над другими народами и вытекающее из него право на земли, на которых в настоящее время живут эти другие, то чего ради это должно приводить в восторг этих других? Кроме того, человечество уже давно, а сегодня в силу глобализации и появления и роста значимости общечеловеческих проблем (в сравнении с чисто национальными) особенно нуждается в общечеловеческой же идеологии. Идеологии, которые противопоставляют себя общечеловеческому интересу, уже по одной этой причине обречены в длительной перспективе. Узколобый же национализм явно или не явно, непременно это делает. (Достаточно вспомнить заявление недалекого украинского националиста Ющенко, провозгласившего публично, что «Наши ценности – это интерес Украины»). Конечно, каждый народ может добавлять к этой общечеловеческой идеологии свои добавки, соответствующие его национальным особенностям, уровню его развития и т. п. Но не противоречащие общечеловеческой части.

Что касается религиозных идеологий, представляемых осевыми религиями, то они, по крайней мере, в прошлом претендовали на общечеловеческую универсальность. И Христианство и Ислам и поныне не отказались от распространения своей веры на народы, ее не принявшие еще, путем пропаганды и миссионерства. В прошлом же они распространяли ее и силой оружия, исходя при этом из глубокой убежденности в универсальности своей веры, своей истины, своей идеологии и полезности и необходимости принятия ее всем

человечеством. Но, во-первых, эти религии давно уже признали право каждого народа оставаться при своей вере, а миссионерство уже давно не служит цели обращения всего человечества в данную конкретную религию, а является скорее вариантом конкурентной борьбы за рынки сбыта своего товара. А во-вторых, как сказано выше, убедительность обоснования религиозной идеологии сильно пострадала за это время и стали видны ее недостатки (на фоне рационально обоснованных идеологий). Пострадала из-за появления и роста авторитета рациональной науки, истина которой, по крайней мере, по видимости вступила в сильное противоречие с религиозной. Особенно это относится к картине сотворения мира и происхождения человека (хотя здесь противоречие на самом деле больше видимое), но не только. Пострадала также потому, что вопреки базовому тезису религиозной идеологии, гласящему, что Бог один (в монотеистических религиях) и истина едина, истина эта оказалась мало того, что у каждой из осевых религий своя, но еще и каждая из этих религий разветвилась на множество конфессий, опять же каждая со своей истиной и при полном отсутствии общего языка между ними и возможности договориться, кто из них прав на основе признания некой единой объективной истины. Тем более, что представители рациональной науки, придерживающиеся разных точек зрения на то, что есть истина в конкретном вопросе, способны договариваться между собой и принимать всем мировым сообществом некую гипотезу, как доказанную теорию. Таким образом, мы опять приходим к тому, что сегодня в мире существуют только две по настоящему конкурирующие между собой и претендующие быть научно обоснованными идеологии: либерально демократическая и марксистская. По-

чему же я и эти две идеологии считаю устаревшими и заявляю о необходимости новой идеологии?

Из употребления слова «претендующими» можно догадаться, что я не считаю эти идеологии (марксизм и либерализм) по-настоящему научно обоснованными, и это действительно так. Причина этого в том, что на момент их возникновения научный метод обоснования хоть и существовал уже в самой рациональной науке, но существовал и поныне все еще существует лишь на уровне стереотипа естественно научного мышления и эксплицитно до сих пор не был представлен. Такой формы его существования было достаточно для того, чтобы ученые естественники были способны (и то не без проблем) находить общий язык между собой и рано или поздно принимать всем мировым сообществом ту или иную гипотезу в качестве доказанной теории и отвергать все остальные. Но недостаточно, чтобы можно было перенести этот метод в гуманитарную сферу, в частности в сферу идеологий. Поэтому и обоснование идеологий могло быть до сих пор лишь имитацией научного обоснования. Я претендую на то, что я доработал этот метод и представил его эксплицитно (Единый метод обоснования научных теорий, Алетейя, СПб, 2012 и ряд статей опубликованных в философских журналах и сборниках и в интернете) и показал возможность применения его с соответствующей адаптацией в гуманитарной сфере. В частности, я применил его к анализу степени научности марксизма («Побритие бороды Карла Маркса или научен ли научный коммунизм», Киев, 1999) и показал, что марксизм достаточно далек от того, чтобы быть действительно научно обоснованной теорией. (Хотя нужно признать, что он продвинут в этом направлении больше, чем любая чисто националистическая или религиозная идеология).

Я не стану здесь излагать заново свои работы по единому методу обоснования или мой разбор научной обоснованности марксизма. Вместо этого напомним читателю основные базовые положения марксизма и рассмотрим, как они выглядят на фоне современной действительности. Главным в марксизме является положение о прогрессивной роли пролетариата и вытекающее из него требование установления гегемонии его посредством пролетарской революции. На чем основывал Маркс это свое положение? На том, что именно пролетариат создает материальные ценности, а остальные к этому процессу отношения не имеют и являются паразитами. Правда, было еще крестьянство, которому в производстве материальных ценностей Маркс тоже не отказывал, но, учитывая промышленную революцию, происходившую в его время, справедливо считал, что крестьянство будет пролетаризироваться, частью оставляя землю и превращаясь в промышленных рабочих, частью превращаясь в наемных работников на земле. То, что это его положение (равно, как и многие другие) не было научно обосновано изначально, я показал в упомянутой работе. Но, по крайней мере, в его время можно было на этот счет искренне заблуждаться. Но для того, чтобы заблуждаться на этот счет сегодня, как это делают Хазин, Делягин и другие глашатаи нового возрождения и всемирного торжества марксизма, надо просто закрыть глаза на современную действительность. Уже во времена Маркса в производстве материальных благ участвовали не только рабочие и крестьяне, но и ученые, предприниматели, менеджеры, банкиры и т. д. Но во времена Маркса можно еще было считать, что главную роль в этом производстве играет все-таки пролетариат и, так сказать, отвлечься, закрыть глаза на роль остальных. Но сегодня-то мы живем не в эпоху промышленной революции, а в эпоху,

которую принято называть эпохой информационных технологий. (Точнее было бы назвать эпохой хай-тех). Мало того, что доля пролетариата в общей массе населения не растет, а сокращается, но его роль в производстве вообще стремится к нулю. Растет число полностью автоматизированных производств и даже в таких отраслях, как строительство, где, казалось бы, потребность в грубой физической силе большого числа наемных рабочих никогда не переведется, появляются технологии и машины, возводящие стены без помощи рабочих. Но и там, где рабочих еще достаточно много, роль ученых, инженеров, предпринимателей, финансистов, менеджеров, торговли и рекламы намного весомее роли самих рабочих. Достаточно вспомнить, какое количество выращенной на полях в Союзе продукции погибало прямо на полях или на складах из-за безобразно налаженной торговли и хранения, что в свою очередь было связано с отсутствием хозяина и толковых менеджеров, а в конечном счете с пресловутой гегемонией пролетариата. Так что, для того чтобы заявлять, что пролетариат является сегодня главной производительной силой, нужно просто иметь медный лоб. Но если он не является главной производительной силой, то чего ради делать из него гегемона и устанавливать его диктатуру. Да он никогда и не был гегемоном в почившем во Бозе Союзе и диктатура была не пролетариата, а партии от его имени и даже не партии, а ее номенклатурной верхушки. Из всевластия ни за что не отвечающей номенклатуры и вытекала неэффективность советской экономики и низкий, в сравнении с развитыми странами уровень жизни. Это, несмотря на то, что на короткой дистанции плановая экономика в сочетании с энтузиазмом масс после революции и сменившим его затем принуждением, обладает не только недостатками, но и определенными преимуществами

перед свободно рыночной, что и позволило какое-то время Союзу соревноваться на равных с Западом. Способствовали этому и реальные недостатки западной модели, вытекающие из того, что и она не обоснована вполне научно. К последнему и перехожу.

Подробный анализ всей либерально демократической свободно рыночной идеологии не может быть, естественно, втиснут в рамки одной этой статьи. Поэтому ограничусь лишь отдельными, так сказать, ударными моментами. Одним из базовых положений этой идеологии изначально было представление о том, что свободный рынок в сочетании с частной собственностью на средства производства «все отрегулирует». «Все отрегулирует», значит, обеспечит и эффективность производства (без вмешательства государства) и справедливое распределение совокупного продукта. Справедливое не в смысле марксового определения коммунизма, где «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Но смыслу марксового определения социализма, где «от каждого по способностям, каждому по труду» это свободно рыночное распределение, в принципе, не противоречит. Хотя понимание и оценка этих самых способностей и трудового вклада разных участников производства у Маркса и в западной модели расходятся почти диаметрально. Маркс вообще игнорировал и способности и труд предпринимателя в цене готового продукта. В западной модели труд пролетария не игнорируется, но оценивается несравненно ниже вклада предпринимателя. И в этом есть резон. Рынок то свободный. Если ты недоволен своей зарплатой, ищи место, где тебе будут платить больше, или открывай свое дело. И опять же, свобода – тоже не пустяк. Какое место она должна занимать в некоей оптимальной или идеальной системе ценностей – это отдельный вопрос, но то, что она – ценность, важная ценность, не

подлежит сомнению. Так что изначально это базовое положение западной модели выглядело убедительно и привлекательно и в нем действительно есть немалая доля истины. Но не вся истина.

И то, что истина тут не вся, через некоторое время выяснилось. Когда капитализм в своем развитии миновал изначальную фазу стихийного рынка, вступил в фазу монополизма и начались кризисы, выяснилось, что рынок не может сам все отрегулировать без вмешательства государства. Без этого вмешательства он загоняет сам себя в тупик и его экономическая эффективность на этом заканчивается. Выяснилось также, что справедливость распределения совокупного продукта, тесно связанная с неограниченной свободой предпринимательства и регулирующей ролью рынка труда в выработке этого распределения, без вмешательства в него государства оказались достаточно иллюзорными и лицемерными. Возможность каждому открывать свой бизнес становилась чисто юридической, а на практике конкурировать с монополиями начинающему бизнесмену было малореальным делом. Монопольный сговор также лишил рынок труда регулирующей роли в установлении справедливой зарплаты наемным рабочим. Все это послужило, кстати, отправной точкой для Маркса, который на этом основании и «похоронил» капитализм, как таковой.

Однако «похороны» Марксом капитализма оказались преждевременными. Ресурс жизни капитализма и в целом западного идеологического проекта не был исчерпан полностью. Идеология нуждалась в реформировании и реформа была осуществлена. Было осознано и признано, что свобода рыночной конкуренции не может быть неограниченной, также как и распределение совокупного продукта не может осуществляться только на основе рыночной стихии. И что и в том и

другом случае необходимо управляющее воздействие государства. Но, в отличие от марксовой модели, здесь было предложено воздействие чисто экономическими мерами при сохранении частной собственности на средства производства и свободного рынка, как такового. В частности были приняты антитрестовские законы (антимонопольные) и в качестве теоретической основы управляющего воздействия государства на рыночную стихию была принята кейнсианская макроэкономическая модель. Это был шаг в правильном направлении, который позволил западному проекту продолжить на время успешное плавание. Но заявления о том, что сделанные поправки окончательно исправили западный проект и сделали его жизнеспособным на неограниченное время, оказалось преждевременным. Чему свидетельствует возобновление кризисов и их нарастание вплоть до превращения сегодня в глобальный кризис системы. Под системой я имею здесь в виду не только Запад, но и все человечество, которое было и продолжает быть ведомо в последние 200 и более лет демократическим свободно рыночным Западом, несмотря на временную конкуренцию Советского Союза или фашистской Германии и сопротивление стран третьего мира. Системный кризис выражается в экологическом, ресурсном, демографическом, информационном кризисах, в нарастании угрозы мировой атомной войны или самоуничтожения человечества в результате физического эксперимента или техногенной катастрофы, связанной с неконтролируемостью научно-технического прогресса и т. д.

Причина и глобального системного кризиса человечества и последнего мирового финансово экономического кризиса, еще не закончившегося, но грозящего перейти в новый более глубокий с непредсказуемыми последствиями, заключается во все той-же научной не-

обоснованности западного проекта в целом и его экономической части в частности. Последняя видна невооруженным взглядом, как в самом факте неспособности Запада справиться с этим кризисом, так и в том, что кризис этот явился полной неожиданностью и для властителей Запада и для его научно экономической элиты (а научная обоснованность предполагает и предсказуемость). Она видна и из наличия сегодня на Западе помимо кейнсианства еще нескольких макроэкономических теорий (монетаризм, теория рациональных ожиданий и др.), каждая из которых дает свои рецепты, что нужно делать, и свои предсказания, и власти не знают, какой из них верить и следовать. Детально в чем заключается научная необоснованность экономической части западного проекта, я разобрал в цикле моих макроэкономических статей («О цикличности кризисов», «Эволюция кризисов и экономических моделей», «Экономическая ситуация в мире» и др.).

Но не только экономическая часть западного проекта является не обоснованной научно. Еще хуже дело обстоит с его ценностной частью, с системой ценностей. В экономической части своей идеологии Запад, как я сказал, эволюционировал, пусть не достаточно, но в правильном направлении. Система же ценностей Запада только деградировала при переходе от идеологии буржуазных революций к нынешней либеральной и неолиберальной. В исходной системе ценностей на первом месте были свобода предпринимательства и политические свободы при сохранении разумных ограничений законом и моралью в сфере половых отношений и искусства и масс медиа, эти отношения отражающих или эксплуатирующих. Сегодня на первое место среди ценностей вышли успех и наслаждения, а на первое место среди свобод вышла свобода в половой сфере, включая право на проституцию, порнографию и

извращения. То, что такая эволюция не является научно обоснованной и ухудшает качество жизни общества в целом, я показываю во многих своих работах, начиная с упомянутого выше «Неорационализма». В частности эта эволюция является одной из причин и глобального системного кризиса и последнего мирового финансово-экономического. Связь между моралью и экономикой я разобрал в работе «Экономика и мораль». Впрочем, отдельные элементы этой связи видны и невооруженным взглядом. Достаточно вспомнить какую роль в финансовом кризисе сыграла жадность американских банкиров и топ менеджеров.

Еще одна причина не научности и необоснованности современной либеральной идеологии (а уж тем более всех прочих) заключается в стремительном изменении современного мира, вызванного научно-техническим прогрессом и связанным с ним процессами, за которыми эволюция самой идеологии не поспевает. А если идеология не учитывает изменившихся обстоятельств, то, даже если она была научно обоснована в прошлом, она перестает быть таковой в новых обстоятельствах, не соответствует им. (Обоснованная должна соответствовать). Как показано выше, экономическая часть либеральной идеологии один раз реформировалась под изменившиеся обстоятельства и это было хорошо для того этапа. Но с тех пор произошли еще значительные изменения в экономической действительности, и хотя какие-то попытки учесть их имеют место в западной экономической науке, адекватной этим изменениям эволюции идеологии еще не произошло. В частности, как показал я в цикле моих макроэкономических статей, ни кейнсианская теория и ни одна из следующих за ней не учитывают фактор глобализации и связанный с ним выход крупных корпораций из под национального контроля при очень слабой

замене его контролем наднациональных органов. Антимонопольные законы, принятые после Великой Депрессии 1932–37-го годов и исправившие тогда ситуацию в экономике, теперь перестали эффективно работать.

Но главная причина несоответствия нынешней либеральной идеологии, равно как и марксистской, несоответствия новой и продолжающей стремительно изменяться действительности заключается в кризисе рационалистического мировоззрения, которое является общим основанием, как для западного проекта, так и для марксизма. И которое и обеспечило им преимущество перед предыдущими идеологиями: религиозными, националистическими и т. п. Кризис рационалистического мировоззрения фактически выбил основание из-под обоих этих мировоззрений. Рационалистическое мировоззрение – это вера в человеческий разум, в его способность правильно и надежно описывать окружающую нас действительность и текущие в ней процессы, что позволяет нам планировать наши действия по достижению желаемых целей и результатов и при этом действительно достигать их. А не так чтобы, как выражался покойный Черномырдин, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Естественно, что рационалистическое мировоззрение тесно связано с упомянутым единым методом обоснования научных теорий, который и обеспечивает надежность научного познания и однозначность его выводов, чем не обладает никакой другой вид познания. Без единого метода обоснования люди не могут договориться, какая из конкурирующих теорий (гипотез) истинная и выводам какой теории нужно следовать в том или ином конкретном случае. И ситуация становится такой же, как была во времена древних еврейских пророков, когда один пророк говорил царю: «Начинай войну и ты победишь, мне было

видение», а другой говорил: «Не начинай, будешь разбит, у меня было другое видение и мое видение надежней». И у царя не было никаких критериев, кому из них он должен верить. Сегодня, благодаря кризису рационалистического мировоззрения, в основе которого (кризиса) как раз – утвердившееся в современной западной философии мнение, что наука не обладает единым методом обоснования своих теорий, ситуация уподобилась той древней. Только вместо пророков у нас теперь ученые эксперты и ссылаются они в лучшем случае каждый на свою теорию, а чаще вообще ни на что не ссылаются. И поскольку единый метод обоснования не прописан эксплицитно и даже само его существование отрицается, то никаких шансов выяснить, какому из экспертов с какой теорией нам верить, у нас нет.

Причины кризиса рационалистического мировоззрения и многочисленные безуспешные попытки его преодоления, я описал в статье «Кризис рационалистического мировоззрения и неорационализм». В двух словах они сводятся к следующему. Изначальное рационалистическое мировоззрение, так называемый классический рационализм, родоначальником которого были Декарт, Паскаль, Бекон и др., наряду с правильными положениями содержал и некоторые неправильные. В частности он был склонен абсолютизировать научное познание в духе марксового «отражения действительности». Мол, наука ничего не меняет в ранее добытом знании, а только прибавляет к нему новое. На самом деле при переходе от одной фундаментальной теории к другой наука просто обязана менять понятия и выводы. В эпоху классического рационализма, когда наука развивалась в рамках парадигмы ньютоновской механики, это было незаметно. Но когда на смену ньютоновской механике пришла теория относительности

Эйнштейна и время абсолютное у Ньютона, стало относительным у Эйнштейна, а скорости у Ньютона складывающиеся по формуле Галилея, стали складываться по формуле Лоренца, не замечать этого стало невозможно. И тогда, не найдя правильного объяснения этому феномену, философы, что называется, выплеснули с водой ребенка. Они нагородили целый Монблан философских теорий, начиная с экзистенциализма и кончая пост позитивизмом, отрицающих за научным познанием способность давать нам надежное знание о действительности, вплоть до приравнивания науки к гаданию на кофейной гуще (Фейерабенд). В частности отрицалось и наличие у науки единого метода обоснования ее теорий и, следовательно, наличие у ученых общего языка и возможности договориться между собой, что есть истина и какую гипотезу принять в качестве теории, какую отбросить.

Негативные последствия кризиса рационалистического мировоззрения для либеральной идеологии, а также для всей ситуации сегодня в мире трудно переоценить. Прежде всего, подорван был сам авторитет и либеральной и марксистской идеологий. Ведь в отличие от, скажем, религиозных идеологий, истинность которых санкционировалась от имени Бога, истинность либерализма и марксизма санкционируется авторитетом науки (поскольку они себя подают, как научно обоснованные). Но если в связи с кризисом рационалистического мировоззрения наука сама утратила авторитет надежного источника истины, то утратили его и обе эти идеологии.

Связана с этим кризисом и рассмотренная выше эволюция в худшую сторону системы ценностей с гипертрофией роли свободы вообще и в половой сфере в особенности и с постановкой на первое место среди ценностей успеха и удовольствий. Еще экзистенциалисты,

отправляясь от ненадежности научного познания и отсутствия у науки единого метода обоснования, пришли к выводу об относительности морали и о том, что единственными реальными ценностями являются только свобода и наслаждения. Их логика была проста и в ситуации кризиса рационалистического мировоззрения выглядела убедительной. Ведь если наше знание относительно и ненадежно, а единого метода обоснования у науки нет, то любая принятая и научно обоснованная мораль, завтра, когда поменяется метод обоснования, может оказаться не обоснованной и будет отвергнута и заменена новой. И то, что вчера считалось хорошо, завтра может стать плохо, а тот, кто следовал этой морали, будет как дурак с мытой шеей. И получается, что единственные надежные ценности в этой ситуации – это свобода и удовольствия. Ну а для того, чтобы были удовольствия, нужен успех. Еще одна теоретическая опора либеральной идеологии, касающаяся свобод в половой сфере, фрейдизм, будучи чисто спекулятивной теорией, получила статус научной только благодаря отсутствию признанного единого метода обоснования.

Повлиял кризис рационалистического мировоззрения и на ситуацию с экономической наукой. Как я показал в моих работах по единому методу обоснования, непризнание этого метода приводит к размытию границ между теорией и гипотезой и непониманию границ применимости конкретной теории. А в моих макроэкономических работах я показал, что последний финансово экономический кризис был вызван в немалой степени применением конкретных экономических теорий, типа кейнсианской, за пределами их применимости.

Но влияние кризиса рационалистического мировоззрения на идеологию либерализма и ситуацию в

современном мире гораздо шире рассмотренных двух направлений. Еще одно направление его негативного влияния это снижение эффективности самой науки. Исключительную роль науки в современном обществе не нужно объяснять. Она давно уже стала главным фактором в производстве материальных ценностей (а не пролетариат). И она продолжает развиваться в ускоренном темпе, что скрывает факт падения ее эффективности. Но ускоренное развитие науки объясняется сегодня еще более ускоренным ростом числа занятых в ней людей и вливаемых в нее капиталов. А также тем, что современные ученые, образно выражаясь, стоят на плечах всех предыдущих и этот фундамент науки, построенный предыдущими поколениями, становится все мощнее. Эффективность же науки в пересчете на одного ученого падает, поскольку в связи с отсутствием четких критериев научности, которые дает только единый метод обоснования научных теорий, наука зашлаковывается посредственностями и бездариями, производящими лишь имитацию науки. Это, особенно, касается гуманитарной науки. (Смотри мою статью «Проблема синтеза гуманитарных и естественных наук» и др.). Снижение эффективности науки подтверждается непрекращающимися разговорами о необходимости реформирования система Академии Наук в России, например.

Еще одно направление негативного воздействия кризиса рационалистического мировоззрения на западный проект – это снижение качества демократии, являющейся важнейшим компонентом этого проекта. Демократия не сводится к одному лишь избирательному праву. Необходимо еще, чтобы было из кого реально выбирать, и чтобы те, кто избирает, обладали не только желанием разобраться, за кого им следует голосовать, (чтобы жизнь стала лучше, а не «получилось как

всегда»), но и обладали способностью разобраться. Иначе они не демос, а охлос. Когда-то на заре демократии в древней Греции не было проблемы с «разобраться». От гражданина требовались только не равнодушие и активность. Но сегодня благодаря научно техническому прогрессу необычайно усложнилась и действительность, в которой мы живем, и само общество и проблемы, стоящие перед ним. И в этих проблемах, как правило, не разбираются не только широкие массы (не говоря о пролетариях именно, которых все еще пророчат нам в гегемоны нынешние сторонники марксизма), но и политики, как от власти, так и от оппозиции. Таким образом, получается, что у избирателя нет ни реального выбора, ни способности осознанно выбрать. И демократия превращается из власти народа во власть тех, кто этим народом ловчей манипулирует. При том что сами манипуляторы тоже не ведают, что творят и что они получают в результате.

Возьмем для примера проблему строительства атомных станций и связанных с этим опасностей. Бывший украинский президент Ющенко собирался строить на Украине 30 не то 60 новых атомных электростанций. И не для покрытия нужд самой Украины в электроэнергии (она ее и так продает на Запад, а если и нет, то нуждается максимум в одной, двух станциях, а не в 30–40), а для того чтобы зарабатывать на ее продаже. И это несмотря на чернобыльскую трагедию, случившуюся на Украине именно. Естественно, сам он в безопасности атомных станция не разбирается. Как же он мог предлагать такое, несмотря на Чернобыль? Он просто слушал, что говорят ученые. Есть немало ученых, которые выступают против строительства атомных станций. Но главный атомщик Украины академик Барьяхтар лоббировал их строительство, доказывая, что это стало безопасно. Но, ни Ющенко, ни те, кто

голосовал на выборах за него или против, в аргументах Барьяхтара и его противников не разбираются. Таким образом, голосуя за Ющенко (или против) избиратели в этом вопросе просто тыкали пальцем в небо. Аналогично – в вопросе с ГМО и другими, тесно связанными с передним краем современной науки.

Но не лучше ситуация и с вопросами далекими от высоколобой физики, генетики и иже с ними, которые не слишком волнуют подавляюще большинство народа. Вот экономика и связанный с ней уровень жизни волнуют каждого, и здесь каждый считает себя специалистом. Но действительно хорошо понимает этот каждый только, выросла ли его реальная заработная плата по сравнению с предыдущим месяцем или упала. А вот что будет с его заработной платой через год или несколько при той или иной экономической политике, не понимает ни он, ни власть, ни оппозиция. Ни даже, как я показал выше, ученые экономисты. Т. е. и в этом вопросе, выбирая ту или иную партию с той или иной экономической программой, избиратель тоже тыкает пальцем в небо.

Влияние кризиса рационалистического мировоззрения на функционирование демократии хорошо иллюстрируют последние события в России. Я имею в виду демонстрации против фальсификации выборов и вообще против Путина. С одной стороны эти демонстрации показывают пробуждение гражданской активности населения и это хорошо, ибо без такой активности демократия не может успешно функционировать. Но с другой стороны, они же показывают и уровень понимания проблем несистемной оппозицией (как, впрочем, и системной и самой властью). С самого начала несистемщики напирала на мирный характер своих выступлений. Одна дама даже написала в интернете: «Революции в России не может быть, потому что

в России есть атомные бомбы». Я ее поправил, что нужно писать «революции не должно быть» по этой причине. А вот теперь я все чаще слышу в передачах по «Свободе» прямые призывы к революции. (Не от комментаторов, конечно, но комментаторы не обрывают призывающих). И силовых действий в столкновениях с властями становится все больше с обеих сторон. Каждая при этом обвиняет другую, что она первой начала и она виновата. Но если дойдет до революции (в России с ее атомными бомбами), то насколько потом будет важно, кто первый начал?

Не лучше дело обстоит у оппозиции (несистемной) с пониманием, чего она, собственно, хочет. Одни против Путина потому, что он ложится под Запад, другие – потому, что не достаточно быстро ложится. Одни против, потому что он развел олигархов и кормит их за счет народа, другие – потому что он несправедлив в отношении олигархов и сковывает их свободу предпринимательства. И т. д. Я уж не говорю про отсутствие у несистемной оппозиции развернутой и научно обоснованной экономической программы. Навальный, правда, претендует, что она у него есть. Но, как сказала одна журналистка, его программа выражается в 5-и предложениях. Два из которых: нужно быть честными и бороться с коррупцией. Не много лучше и с научно обоснованными экономическими программами у системной оппозиции и у власти, и у самих ученых экономистов.

В этой ситуации сама по себе благая гражданская активность грозит привести к таким последствиям, что никому мало не покажется. Но и ее отсутствие в сочетании с отсутствием новой, соответствующей нашему времени идеологии, может привести к не лучшим последствиям. (Разве что с небольшой оттяжкой во времени).

Существует еще много направлений, по которым кризис рационалистического мировоззрения оказал негативное влияние на эволюцию либеральной идеологии и ситуацию сегодня в мире. И те направления, которых я уже коснулся, а также анализ либеральной идеологии в целом и ситуации сегодня в мире можно развивать еще и еще. Но для этой статьи, я считаю, достаточно и этого. Желающих углубляться в этом направлении отсылаю к моим статьям: «Системный кризис цивилизации», «В мире» и другим.

Таким образом, сегодня во весь рост встает задача создания и принятия новой идеологии. Я претендую на то, что моя философия создает базис такой идеологии. Ясно, что новая идеология не может быть ни традиционалистской, ни чисто религиозной, а должна быть научно обоснованной. (Хотя она может брать какие-то элементы из традиции и, как я показал в «Неорационализме», научная обоснованность не противоречит в принципе вере в Бога). Поэтому, прежде всего, нужно преодолеть кризис рационалистического мировоззрения, опровергнуть аргументы релятивизаторов научного познания, восстановить доверие к научной обоснованности как таковой, в гуманитарной сфере в особенности. А для этого нужно доказать, что наука таки обладает единым методом обоснования своих теорий и представить его эксплицитно, что я и сделал. А заодно исправил недостатки классического рационализма, дал рациональное объяснение тем парадоксам физики, которые привели к кризису рационалистического мировоззрения, и построил неорационализм. Применение единого метода обоснования позволит ученым гуманитариям договариваться между собой, кто из них прав, что облегчит задачу выбора правильной политики политикам. А внедрение изучения этого метода в систему образования позволит поднять уровень

аналитического мышления населения и превратить его из манипулируемого политиками от власти и оппозиции всех сортов охлоса в сознательных граждан, делающих сознательный выбор.

На базе единого метода обоснования я разработал теорию оптимальной морали («Неорационализм», часть 4; «Проблема обоснования морали» и др.) и начала новой макроэкономической теории. В частности я разработал формулу бескризисного развития экономики («Формула бескризисного развития экономики», «Уточнение формулы бескризисного развития экономики» и др.). Применение этой формулы позволяет развивать экономику максимально возможными (при прочих равных) темпами, не сваливаясь в кризис. Одновременно она обеспечивает справедливое распределение совокупного продукта. «Справедливое», естественно, не в марксовом смысле, когда независимому предпринимателю вообще нет места в экономике (из-за чего в результате нечего и распределять). Но гораздо более благоприятное для большинства населения, чем сегодня при олигархическом капитализме (или российском олигархо-чиновничьем).

К этому можно добавить еще мои работы по рациональной теории духа («Нерационализм, часть 5 и др.). А также по применению единого метода обоснования к толкованию Писаний («От Моисея до постмодернизма. Движение идей», «Герменевтика и др.). Последнее позволяет перекинуть мостик между научным и религиозным обоснованием идеологии, что особенно важно в свете того факта, что развитие науки не истребило веры в Бога и вряд ли когда-нибудь истребит.

Глава 22

Современная демократия

Известная фраза, приписываемая Черчиллю, гласит примерно так: «Демократия – плохой строй, но лучше-го не придумали». Это верно, но следует разобраться с вопросом, что именно плохо с демократией, как можно демократию подправить и улучшить или хотя бы не допустить ухудшения и все это в контексте современной бурно изменяющейся действительности.

Прежде всего, напомним несколько истин, хорошо известных, но необходимых мне для дальнейшего анализа. По определению и в прямом переводе с греческого демократия – это власть народа. Отсюда сразу следует, что качество демократии зависит, так сказать, от качества народа. Чтобы демократия была качественной, нужно чтобы народ был сознательный и граждански активный. Сознательный здесь – это заботящийся не только о персональном благе, но о благе всего общества, а также, а может и прежде всего, понимающий, что к чему, что хорошо, а что плохо для общества.

Далее заметим, что «власть народа» – это некоторая идеализация, на практике реализуемая в большей или меньшей мере в зависимости от многих обстоятельств. Первое из них – это вышеупомянутое «качество народа». Властвовать ведь хлопотно, напрягает, а отнюдь не все желают напрягаться и, если большинство в обществе не желает возлагать на себя бремя власти, то говорить о власти народа даже при внешне демократической форме правления, не приходится. Не менее важно, как сказано, и понимание большинством процессов текущих в обществе, куда они ведут и куда надо идти. Наконец, большую роль играет форма организации власти. Лучше всего обеспечивает народу реальную власть так называемая прямая демократия,

существовавшая в городах – республиках, начиная с Афин и кончая Великим Новгородом, при которой решение главных вопросов осуществлялось собранием всего народа на центральной площади (агора в Афинах, вече в Новгороде). Но даже тогда существовали, выражаясь по-современному, политтехнологи, которые умудрялись манипулировать общим собранием. В современных же государствах со множеством городов и необычайно разросшимся населением, прямая демократия невозможна и существует так называемая представительная демократия, при которой народ вручает реальную власть избранным им представителям (а те делятся этой властью с назначаемыми чиновниками). За народом непосредственно остается лишь контролирующая функция, которую он реализует раз в несколько лет на выборах, когда он может отказать в доверии прежде выбранным и избрать новых. Понятно, что при этом, даже если народ пользуется своей контрольной функцией эффективно, реальной власти у него в руках меньше, чем у выбранных представителей и назначенных чиновников.

А теперь рассмотрим, что происходит с демократией в результате тех бурных изменений, которые происходят во всех сферах жизни современного человечества. Изменений этих очень много, они стремительны и драматичны (потенциально, по крайней мере) и их описанию и анализу могут быть посвящены многие тома (и посвящаются). Я ограничусь теми, которые имеют отношение к функционированию демократии.

Главное из них – это связанный с научно-техническим прогрессом экспоненциальный рост информации, осложняющий, чтоб не сказать делающий невозможным, понимание происходящего не только широкими массами, но и элитами, включая саму научную элиту, которая этот стремительный рост и обес-

печивает. Общий объем знаний, добытых наукой, становится все более необозримым не только для простых граждан, но и для самих ученых, в результате чего растет разрыв между теоретическим багажом людей со средним и даже высшим образованием и передним краем науки, а с другой стороны специализация самих ученых становится все уже. В результате обсуждение важнейших для общества вопросов не только в бесконечных интерактивных передачах по радио и телевидению, создающих иллюзию участия широких масс в управлении, но и обсуждение в коридорах власти с участием ученых консультантов, превращается, как правило, в разговор слепых с глухими, в профанацию. Ясно, к какому качеству управления это приводит.

Я понимаю, что на фоне бесконечной лестии всяких популистов народу, это мое заявление звучит шокирующе не только для представителей академической элиты и вообще всех родов власти, но и для широких масс. Особенно для многих участников интерактивных передач, с потрясающим апломбом разрешающих в двух словах (больше двух слов не позволяет формат передачи – ведущий прервет) любые проблемы: «Надо делать, как и них», «Нельзя ничего делать, как у них», «Надо все запретить», «Надо все разрешить», «Надо всех посадить», «Надо всех отпустить», «Надо разогнать нынешнюю власть (неважно какую), а потом хоть потоп» и т. д. Поэтому, прежде всего, я попытаюсь разъяснить это свое заявление и проиллюстрировать его примерами.

По сути и в идеале управление обществом сводится к заботе об экономике и культуре этого общества. Всякая политика, внутренняя и внешняя есть функция этой заботы. В этом смысле ничего не изменилось со времен Афин и даже более ранних. Но вот содержание самой

«заботь», равно как и содержание экономики и культуры изменились с тех пор колоссально. Остановимся на экономике.

Экономика Афин держалась на независимых сельхозпроизводителях – крестьянах, ведущих практически натуральное хозяйство. Их нужда в государстве и во власти заключалась почти исключительно в защите от внешнего врага (сочетаемой с возможностью за счет этого внешнего врага или просто соседа поживиться). Для удовлетворения этой нужды государство содержало армию из этих же крестьян и с них же взимало налоги на ее содержание. Таким образом, упрощая, можно сказать, что все управление сводилось к вопросам: сколько брать налога с крестьян на содержание государственного аппарата и армии и начинать или не начинать войну с тем или иным соседом. Не было промышленности, которая производила бы трактора и сноповязалки, горючее для этих тракторов и минеральные удобрения, без чего невозможно было бы обеспечить население страны продуктами питания. Не было сложнейшей финансовой системы с банками, фондовыми рынками, страховыми компаниями, форексами и еще черт знает чем, без чего не может функционировать современная промышленность. Не было сложнейших международных и, в частности, финансовых отношений с МВФ, с транснациональными компаниями, с утечкой капитала в офшоры, с курсом национальной валюты в отношении доллара, который где-то за тридцать земель может упасть по неизвестным причинам и, казалось бы, не имеющая к нему отношения экономика современной Греции или Украины, при этом может обвалиться. Поэтому, хотя на агоре в Афинах или на вече в Новгороде и были споры по поводу сколько и с кого брать налогов и выступать или не выступать на конкретную войну, и были партии, выступавшие за те или иные налоги,

за войну или против, и был черный ПИАР («А такой-то хочет войны, потому что ему жена изменяет» и т. п.), но, по крайней мере, суть обсуждаемого народ понимал. А вот сегодня, как показал мировой финансовый кризис, не только народ, но и власти и соответствующие ученые этой сути не понимают.

Тут обиженные предприниматели и просто держатели акций, которых сегодня в развитых странах большинство (или почти большинство) могут возразить, что они разбираются в экономике, поскольку они в курсе курса валют и котировок акций и имеют с этого прибавку к зарплате. На это отвечу, что, конечно, по сравнению с афинским или новгородским крестьянином средний гражданин современных развитых стран знает много чего такого, в чем те были, так сказать, ни ухом, ни рылом, поскольку ничего такого тогда и не существовало. Но если говорить о соотношении его знаний с тем, что сегодня требуется от гражданина современного демократического государства, то он знает несравненно меньше древних афинянина или новгородца. В лучшем случае современный держатель акций разбирается в микроэкономике, т. е. более-менее ориентируется в вопросе, куда ему вложить сбережения в благополучные времена. Но он не разбирается в макроэкономике и поэтому не знает, когда наступит кризис и все его успешно до сих пор вкладываемые сбережения пойдут прахом. Он не понимает, к чему в перспективе ведет та или иная экономическая стратегия его правительства (а те, кто эту стратегию создают и разъясняют народу, этого тоже не понимают, иначе не было бы глобального кризиса, дефолтов национальных экономик и т. п.), а потому не может сознательно выбирать власть. Поэтому он легко манипулируем демагогами и популистами, обещающими «каждой бабе по мужику, а каждому мужику по бутылке водки».

Но непонимание не ограничивается одной лишь экономикой. Современная экономика стала такой, какая она есть, благодаря научно-техническому прогрессу и без него она не только не может дальше успешно развиваться, она не может даже сохранять свой нынешний уровень. Это не говоря о том, что рост народонаселения земного шара требует и роста экономики для прокормления этого населения. Но давно уже стало ясно, что наука и техника, создавая новые блага, создает и новые проблемы. И эти проблемы еще более чем экономика сложны для понимания не только широкими массами, но и самими учеными. Дело в том, что рациональная наука в силу своей природы идет от частного к общему. На этом пути ей гораздо легче найти практическое применение своих теорий, чем оценить отдаленные последствия такого применения. Для того, чтобы построить двигатель внутреннего сгорания, человечеству потребовалось развить теоретическую механику, теплотехнику, ну и может еще пару теорий. А вот для того, чтобы оценить последствия массового сжигания топлива в этих двигателях, нам не хватает колоссальной суммы теоретических знаний, накопленных с тех пор. В результате сегодня не только простые люди не знают, происходит ли изменение климата в результате загрязнения атмосферы выхлопными газами или в результате процессов на Солнце, но и ученые не могут договориться между собой по этому поводу. По этой же причине нам легче разобраться с микро, чем с макроэкономикой, которая есть результат применения на практике микроэкономических теорий. Аналогичная ситуация и с мирным применением атомной энергии (не говоря про военное), с ГМО, с клонированием и т. д. Для того чтобы разобраться, скажем, в вопросе с последствиями массового применения ГМО, нужно, во-первых, выйти на передний край современной генети-

ки и ряда смежных дисциплин, что недоступно не только среднему гражданину со средним или даже высшим образованием, но и среднему ученому, не занятому именно в генетике. А во-вторых, и знаний ученого генетика для этого тоже недостаточно. Для того, чтобы создавать новые ГМО, ученому генетику достаточно его специальных знаний. Но для того, чтобы оценить отдаленные последствия массового применения ГМО, и этих знаний недостаточно, ибо требуются знания в гораздо более широкой области, а наш ученый, как сказано, как правило, узкий специалист. Мало того, для того чтобы оценить эти последствия, требуются еще такие знания, которыми современная наука, вообще, еще не обладает. Поэтому все заявления генетиков типа: «Ребята, не бойтесь, каждый новый вид ГМО, прежде чем его запустят в производство, тщательно проверяется и мы Вам гарантируем его безопасность» или «Мы и до ГМО кушали генетически измененные продукты вследствие естественной эволюции», не стоят выеденного яйца. Допустим, мы поверим на слово генетикам насчет тщательности и добросовестности проверки. Но представим себе, что после изобретения двигателя внутреннего сгорания ученые тоже были одержимы желанием проверить его на безопасность. Но разве при всей искренности их желания могло им тогда прийти в голову проверить действие выхлопных газов на изменение климата в масштабе планеты, в ситуации, когда машин (и тепловых электростанций) станет так много, как сегодня? А даже, если бы и пришлось, в состоянии ли были бы они это проверить, если и сегодня мы еще не можем в этом до конца разобраться? А что касается того, что генетические изменения происходили и происходят в процесс естественной эволюции и ничего, мы живы, так из теории устойчивости хорошо известно, что там, где малые

возмущения не нарушают устойчивости системы, там большие могут не только нарушить ее, но и разрушить систему. Эволюционные мутации – это малые возмущения, а то, что мы вытворяем с ГМО – это колоссальные по сравнению с естественными возмущения системы и по сему сравнение генетиков решительно не держит. Для полноты картины приведу еще пару конкретных примеров.

В рамках международной программы осуществляемой ICSU (International Council for Science), в которой участвует множество научных организаций из многих стран мира, было поручено украинскому Институту Системного Анализа, руководимому академиком Згуровским, разработать концепцию устойчивого развития общества. (В развернутом виде она называется «Глобальное моделирование процессов устойчивого развития в контексте качества безопасности жизни людей»).

Устойчивость развития общества выражается в этой модели 3-х мерным вектором с компонентами: экономика, экология и социальное развитие. Устойчивость считается тем большей, чем больше этот вектор. Докладывая модель, Згуровский изложил следующую информацию, основанную на солидном фактическом материале. По мере технического (технологического) развития человечества частота межгосударственных, межнациональных и т. д. конфликтов и их разрушительная мощь нарастают, причем в последнее время достаточно круто. К этому выводу можно прийти, и, не обрабатывая массу информации методами системного анализа на компьютере. С помощью дубины невозможно истребить столько народу, сколько с помощью атомной бомбы. И тут возникает такой вопрос. Экономический рост, являющийся одной из компонент вектора устойчивого развития, тесно связан с технологи-

ческим ростом. Получается, что, развивая технологии, мы увеличиваем устойчивость развития (по модели) и одновременно увеличиваем частоту и разрушительную силу конфликтов. Так что, рост частоты и мощности конфликтов это и есть устойчивость? Так зачем она нам такая нужна?

К этому следует добавить, что модель Згуровского чисто статическая, в ней не рассматривается изменение системы во времени. Для любого ученого естественника понятно, что невозможно исследовать устойчивость процесса, не рассматривая процесс во времени. Но Згуровский – узкий специалист по системному анализу, настоль узкий, что даже в наше время узких специалистов в науке его непонимание таких простых вещей кажется невероятным. Еще более невероятно, что в разработке концепции были задействованы десятки людей и никому из них, как и Згуровскому, не пришлось в голову, что такая концепция никуда не годится. Наконец, отчеты по разработке концепции периодически высылались в ICSU и, судя по продолжению финансирования программы, вполне одобрялись. Теперь представим себе, что эту концепцию взяло бы на вооружение правительство какой-нибудь страны. К какой устойчивости оно бы привело свою страну? И какая польза была бы при этом от демократии? Может ли сегодня народ реально поучаствовать в выборе правильного пути для страны в этом контексте? Народ в таких случаях разводит руками и говорит: «Против науки не попрешь. Академикам виднее».

Другой пример, хорошо иллюстрирующий ситуацию, это история с планом бывшего президента Украины Ющенко построить в Украине 30 не то 50 атомных электростанций для того, чтобы продавать электроэнергию в Европу. Казалось бы, после Чернобыля превращать именно Украину в мирового лидера в

атомной энергетике – идея фантазмагорическая. И как бы не относиться к Ющенко, не мог он по своей инициативе выступить с таким планом, не опираясь на мнение авторитетных в его глазах ученых.

Таким авторитетом для Ющенко стал физик атомщик академик В. Барьяхтар, который помимо воздействия на Ющенко, пропагандировал эту идею, так сказать, среди широких масс. В своих публичных выступлениях и в печати он утверждал, что атомную энергетику нужно развивать, несмотря на то, что уже был Чернобыль. При этом он не отрицал, что опасность техногенной катастрофы возрастает в прямой пропорции к количеству энергии, получаемой из единицы массы (скажем из одного килограмма вещества). Поэтому опасность взрыва на атомной электростанции в тысячи или миллионы раз больше, чем опасность взрыва на тепловой. Естественно возникающий при этом вопрос, зачем же брать такие риски или как их снизить, Барьяхтар разрешал таким построением:

Взрыв де в Чернобыле произошел потому, что инженеров и физиков для него готовили не в КПИ и вообще не в столичном ВУЗе, а посему они были недостаточно профессиональны и недостаточно моральны. Но все будет хорошо, если подготовка таких специалистов будет передана КПИ, вместе с соответствующей прибавкой зарплаты преподавателям.

Как говорится, все гениальное – просто. Можно, конечно, оспорить эту пословицу: теория относительности – это гениально, но так ли уж она проста? Но для простоты примем эту пословицу за истину. Но, я надеюсь, физику Барьяхтару известно, что обратное утверждение – все простое – гениально, уж никак не тянет на аксиому. Потрясающая простота предлагаемого им решения проблемы просто дурно пахнет. А ее реализация

в таком «простом» виде может обернуться трагедией гораздо большей, чем национального масштаба.

Кстати, на основе какой именно моральной теории собирается академик Барьяхтар повышать моральность выпускников КПИ (пусть даже одного факультета) в тысячи раз? На основе Марксизма, который преподавался (и ныне преподается) студентам КПИ в качестве такой именно теории, и которым были «вооружены» и те, кто делал в Чернобыле эксперименты с нарушением норм перед взрывом? На основе идей национализма (национального превосходства), старых как мир с его грехами? На основе Христианства с его тысячами конфессий, по разному трактующих Учение, и за плечами которого религиозные войны, Инквизиция, Домострой и т. д.? Или на основе идей сексуальной революции, под воздействием которых в Украине, как грибы после дождя, множатся казино, стрипбары и бордели всех степеней замаскированности?

Конечно, Украина – это не весь мир и можно предположить, что в передовых странах обсуждение вопроса об атомной энергетике идет на более серьезном уровне. Но, во-первых, катастрофы типа чернобыльской касаются всего человечества, независимо от того, в какой стране они происходят. Во-вторых, а чем, собственно, ситуация в передовых странах отличается от украинской? Ну, там нет такой вопиющей контрастности, не берутся сразу после Чернобыля строить 50 новых атомных электростанций. Но настоящего понимания сути проблемы, как и настоящего ее обсуждения, нет и там. Есть просто некая умеренность, большая осторожность. Это видно из того, что происходит. Ну, испугались после Чернобыля и какое-то время не строили новых станций. А по мере того, как Чернобыль уходит в прошлое, страх забывается и помаленьку,

но все больше и больше начинают строить. Вот и вся глубина понимания и обсуждения.

Правда, последнее время в мире начинает брезжить понимание, что для решения глобальных проблем недостаточно привлечения узких специалистов в одной области науки и много говорится о необходимости междисциплинарных исследований, необходимости выработки взаимопонимания между представителями различных научных дисциплин, нахождения общего для всех языка. И появляется много междисциплинарных семинаров, проводятся междисциплинарные форумы, конференции и т. д. Но чего стоит эта обильная междисциплинарная деятельность, видно из вышеприведенного примера с «Концепцией устойчивого развития». Создатель этой концепции академик Згуровский является одновременно и руководителем постоянного междисциплинарного семинара в том же КПИ и он же является главным адептом идеи, что общий язык для ученых из разных дисциплин дает системный анализ, специалистом в котором он как раз и является. Насколько помог ему системный анализ при выработке «Концепции устойчивого развития», показано выше. Точно также его междисциплинарный семинар не помог ему понять, что нельзя говорить об устойчивости развития, не рассматривая это развитие во времени.

В свете всего сказанного попробуем еще раз охватить всю ситуацию и сформулировать более четко проблему, стоящую перед человечеством в этом контексте. Стремительный и все ускоряющийся научно-технический прогресс и природа рациональной науки, заключающаяся в том, что ей легче придумать практическое применение ее теорий, чем предусмотреть отдаленные последствия этого применения, привели, во-первых, к страшно быстрому изменению действительности, в которой мы живем (включая нас самих). Это

очень быстрое изменение порождает разнообразные глобальные проблемы, перечислять которые нет смысла (главные из них перечислены в первой главе), а также обостряет старые, типа межнациональных и прочих конфликтов. Все это порождает высокую неустойчивость всего происходящего на планете, угрожающую самому существованию человечества. Во-вторых, это привело к тому, что мы перестали ориентироваться во всех этих изменениях, мы перестали понимать, куда мы идем, куда нам нужно идти и что с нами будет завтра. Причем «мы» здесь – это не только простой народ и не только правители, ведущие его, но и ученые, которым по рангу как бы положено это понимать. Следствием этого непонимания является потеря демократией ее эффективности и преимущества перед другими формами власти. Это приводит к росту популярности идеи возврата к тоталитаризму в той или иной его форме: советской, фашистской, даже монархической. Особенно популярна эта идея в России, но и в Западной Европе рост неонацизма не пренебрежим. Это еще один фактор нестабильности в мире. Вообще, в мире нарастает хаос, который проявляется не только в экономических кризисах, непрекращающихся вооруженных конфликтах, широком распространении террора и т. п., но и в распространении примитивных, сродни средневековым, суеверий, апокалиптических настроений (СМИ и интернет переполнены сообщениями, что на землю летит астероид, который ее уничтожит, что ожидается переполюсовка магнитных полюсов земли, при которой произойдет тотальная катастрофа, ожидается столкновение плит земной коры в районе Исландии, от которого произойдет волна а ля всемирный потоп, завтра начнется атомная война между Америкой и Китаем и т. д.) и в полной апатии и безразличии к

происходящему. А эти настроения в свою очередь в разы увеличивают нестабильность ситуации.

К этому надо еще добавить описанную мной в главе «Глобальный кризис человечества и научно технический прогресс» деформацию системы ценностей западного общества и всего человечества в результате НТП. Когда непонимание сочетается с апатией, с бездуховностью и аморальностью общества, включая его политические и научные элиты, и это при достигнутой и продолжающей расти его преобразовательной (и разрушительной) мощи, ситуация становится практически безнадежной. Возьмем для примера ту же атомную энергетику и ГМО. Правительства, принимающие решения в этих областях, или народ, эти решения якобы обсуждающий, в этих вопросах просто не компетентны. Ученые специалисты, подвизающиеся в этих областях, подразделяются на две категории. Одни не понимают, что они не могут гарантировать безопасности применения атомных электростанций или ГМО, и с большим апломбом склоняют правительства и народ к неверным и опасным решениям. Другие это понимают, но им плевать на отдаленные последствия для человечества, их интересует только их персональная карьера сейчас. И они с еще большим, чем первые, апломбом и рвением склоняют правительства и народ к этим же неверным решениям, поскольку это будет способствовать их карьере и материальному благополучию, будет расти финансирование соответствующих областей науки. А народ, который не в состоянии во всем этом разобраться, либо хлопает ушами, либо огульно ругает власти и ученых, в том числе и тех немногих, кто искренне печется о его благе и способен в чем-то разобраться и объяснить ему это.

Так что же в этой ситуации можно еще и нужно делать? Прежде всего, нужно сделать по возможности

обозримой картину современной науки, обозримой для самих ученых, для правителей и для народа. Составной частью этой задачи является найти общий язык между представителями разных научных дисциплин, найти четкие критерии, отделяющие науку от псевдо науки, которая сегодня, почти как в средние века, переводит ум за разум рядовым и отнюдь не рядовым людям, усугубляя и без того великий хаос в умах. Найти критерии, отделяющие теорию от гипотезы (сегодня нас то и дело уверяют, что наука, теория доказала то-то и то-то, безопасность атомных электростанций, ГМО, адронного коллайдера и т. д., в то время как теория на которую ссылаются – не теория, а не доказанная гипотеза), найти способ определения границ применимости доказанных теорий. Очень важно также распространить все это на гуманитарную сферу, в которой тысячи конфессий одной религии (а Бог один и истина едина), сотни философских школ и десятки направлений в психологии и психоанализе и между ними нет никакого общего языка (в отличие от сферы естественных наук, где хоть какой-то общий язык все же существует). Отсутствие же общего языка в этой сфере не позволяет надеяться на прекращение конфликтов между сторонниками различных религий, конфессий, нерелигиозных идеологий и систем морали и ценностей.

Но можно ли все это сделать? Я утверждаю, что можно. Ведь ученые естественники находят все-таки общий язык между собой (хотя последнее время все хуже) и рано или поздно принимают всем мировым сообществом некую гипотезу, как теорию, а остальные отбрасывают. Значит, должен существовать метод, с помощью которого они это делают. И этот метод действительно был выработан естественной наукой в процессе ее развития. Правда, до сих пор этот метод не был представлен эксплицитно и работал на уровне

стереотипа естественно научного мышления. (Последнее обстоятельство как раз и привело к существенному ослаблению взаимопонимания и между учеными естественниками, к размыву границ и в этой области между наукой и лженаукой, между теорией и гипотезой и т. д.). Но если этот метод в принципе существует, то его можно выявить, описать, представить эксплицитно. Это я и сделал в моих работах по единому методу обоснования научных теорий.

Этот метод позволяет сделать гораздо более обобщимой современную научную картину мира. Позволяет сделать это, прежде всего для самих ученых, но если ввести его в систему образования (а его начала можно излагать даже в старших классах средней школы, а в ВУЗах можно излагать в расширенном объеме), то – и для более широких масс. Поясню, почему и как именно позволяет. Одной из основ «единого метода обоснования» является аксиоматическое построение теории. Известно еще из школьного курса геометрии Евклида, что система аксиом определяет все полученные из нее в дальнейшем теоремы, выводы, включая те, которые еще не выведены. Таким образом, разобравшись в системе аксиом теории, вы получаете (при соответствующем навыке) представление обо всей теории, что позволяет быстро входить в любую новую для человека область знаний. Входить, конечно, не на таком уровне, чтобы сразу работать в ней профессионально, но на уровне, достаточном для того, чтобы ученые специалисты не могли легко обманывать тебя, как в разобранных выше примерах. А это и есть то, что необходимо для нормального функционирования демократии, для того чтобы народ не был легко манипулируем демагогами.

Конечно, у каждого грамотного в науке читателя давно уже чешется язык сказать, что далеко не все научные теории, даже в физике, представлены в аксио-

матическом виде. На это поясню, что человек, владеющий единым методом обоснования, может сравнительно легко вычленить аксиоматическую основу не аксиоматической теории. Конечно, он может это сделать не на строгом уровне (иначе все не аксиоматические теории давно уже были бы переделаны в аксиоматические). Но на уровне достаточном, чтобы понимать, что может быть в принципе доказанным в рамках этой теории, а на что эта теория претендовать не имеет права.

Наконец, я показал, что ни системный анализ, ни синергетика, ни тем более диалектика, претендующие или претендовавшие на роль общего языка между учеными разных специальностей, при всем уважении к их достижениям, сыграть эту роль не могут и это может сделать только единый метод обоснования научных теорий.

Глава 23

Коллективизм и индивидуализм

Вечный бой между коллективизмом и индивидуализмом, делящийся, сколько существует человечество, лишь меняя свой лик и одеваясь в формы разных других «измов» (коммунизм и фашизм, традиционализм и либерализм и т. п.), не утихает и сегодня и даже, наоборот, разгорается с новой силой, особенно, в России. Каждая из сторон наработала со временем образы и образцы себя любимой, прекрасной и манящей, и противной стороны, до того противной, что в ее сторону можно только брезгливо плевать.

Коллективизм в глазах коллективистов – это и соборность, и «Троица» Рублева, и Святая Русь, и «За царя и отечество», и «За Родину и за Сталина», и «Врагу не сдастся наш гордый Варяг», и «Смело мы в бой пойдем за власть советов» и комсомольцы-добровольцы, и все люди – братья и т. д.

А индивидуализм в их глазах – это воры и бандиты, пролезшие во власть, это наглые олигархи, обогатившиеся за счет разграбления коллективно созданного. Это так называемый «креативный класс», заливающий грязью и дешевкой все культурное пространство и оскверняющий всяко место, где раньше находили приют душа и дух. И все это не столько даже ради денег, сколько для самоутверждения, для того чтобы себя показать, любой ценой выделиться, выпендриться.

А в глазах индивидуалистов коллективизм это – шариковы, это – «все бухие пролетарии», «всенародный одобрямс», нудьга парт, проф и прочих собраний и коллективных мероприятий с официальными речами, читанными по бумажке. Это – безропотные винтики в государственной машине, ни за что не отвечающие и не желающие ни за что отвечать. «А если что не так, не

наше дело, как говорится, Родина велела». Это – стремление все отнять и поделить. Это – тотальная слезка всех за всеми, чтобы никто не украл больше других и вообще не выделялся.

А в своих собственных глазах индивидуалисты – это выдающиеся личности, двигатели прогресса: творцы искусства, предприниматели, законодатели моды, ниспровергатели чего-то там. Короче, соль Земли, те, без кого не только не будет прогресса, но вообще остановится, завянет, закиснет жизнь. Это борцы со всякой косностью, отсталостью, примитивностью и предрассудками. И т. д.

Но что из того, что идет этот вечный бой, спросит читатель. К чему эта констатация факта, который и так всем известен? Идет себе бой и пусть идет. «Может в этом и есть сермяжная правда?» Может это – та самая гегелевская борьба противоположностей, без которой нет прогресса?

Я, вообще, не поклонник гегелевской диалектики. Но даже если допустить, что в каких-то случаях борьба противоположностей и ведет к прогрессу, то только не в этом. Это не говоря о том, что непонятно, а нам что делать, приняв эту гегелевскую догму. Если борьба противоположностей ведет к прогрессу, то нам что, усесться на заборе и наблюдать за этой борьбой, ожидая прогресса? Но если все будем сидеть на заборе и наблюдать, то и борьбы не будет, а уж тем более прогресса. Скорей с голоду начнемдохнуть и падать с забора. А если принять участие в борьбе, то непонятно из этой гегелевской максимы, на чьей же стороне. А если все равно на чьей, тогда, конечно, Гегель – это наука, придите и поклонимся!

На самом деле не может быть в обществе ни тотального коллективизма, ни тотального индивидуализма и истина в гармонии этих двух сторон, а не в их

борьбе. А для того чтобы достичь этой гармонии, нужно, прежде всего, водораздел производить не там, не между индивидуализмом и коллективизмом. Нужно анализировать ситуацию в других понятиях, по-другому ставить задачу. А шумная эта борьба между коллективизмом и индивидуализмом, она только кружит головы людям ядом взаимной ненависти, уводя их от истинных целей, правильной постановки задачи и нахождения путей к ее решению.

Для того чтобы прояснить эту мою мысль, начну с примера. Вот существовал нудный советский коллективизм с упомянутыми партсобраниями, с людьми – винтиками в государственной машине, ни за что не отвечающими, с нищенским прозябанием большинства населения, с беспробудным пьянством, с медленным угасанием экономики, закончившемся ее бурным развалом и развалом самого Союза. И были такие люди – диссиденты. И они боролись. Нельзя сказать, что они боролись за развал Союза, хотя возможно, были среди них и такие. Точно также нельзя сказать, что они были однозначно против коллективизма. (Солженицын в частности был за соборность, Сахаров тоже нигде против коллективизма не выступал). Но они были за свободу и демократию и против удушающего всеислия тоталитарной власти. А свобода и демократия нужны личностям. Винтикам государственной машины они не нужны и даже пугают их. И в этом смысле диссиденты были за индивидуализм. По крайней мере, за большую степень индивидуализма.

Но вот, свершилось. Развалился Советский Союз, кончилась власть компартии и воцарились свобода и демократия (какого качества – это уже другой разговор). Но победили ли при этом диссиденты и получилось ли то, за что они боролись? К власти вместо первых секретарей партии пришли вторые секретари, секретари

комсомола, красные директора. Только теперь они быстренько забыли про свое партийно-комсомольское прошлое и вместо песен про коллективизм стали петь песни про свободу и демократию. Но природа их осталась все та же. Так они вообще-то коллективисты или индивидуалисты?

Еще во власть проникли обыкновенные бандиты и бывшие подпольные цеховики. Впрочем, есть такие, которые успели побывать и в комсомольских вождах, и в подпольных цеховиках, и от бандитов их тоже не всегда можно отличить. Этих, вроде бы, можно однозначно идентифицировать как индивидуалистов. Но с другой стороны, можно ли поставить знак равенства между ними и диссидентами вроде Сахарова с Солженицыным, которых с точки зрения того, что они были против советского тоталитарного коллективизма, можно тоже зачислить в индивидуалисты?

А теперь вспомним, как установилась сама советская власть. Были такие большевики. Они боролись за то, чтобы власть была в руках народа (пролетариата). «Вся власть советам», а исполнительная власть, чиновники – это слуги народа. Можно, конечно, предположить, что и тогда, до революции, не все они свято верили в этот идеал, а были среди них и такие, которые говорили про власть народу, а помышляли о собственной власти над народом (Сталин?). Но большинство из них, безусловно, свято верили в этот идеал и готовы были жизнь за него положить и жертвовали. Ну и что, получилась ли власть народу? Получилась личная власть Сталина, а затем власть партноменклатуры. Т.е. власть тех, кто под разговоры про коллективизм, осуществляют свою личную, индивидуальную (или групповую с четкой иерархией внутри группы) власть. Так был ли при советской власти настоящий коллективизм или то был индивидуализм или своеобразный извращенный коллективизм?

Вот еще один пример, мало известный широкой публике, но очень характерный, – израильские кибуцы. Они были изначально очень социалистические и марксистские по своей идеологии и превзошли большевиков в своем стремлении осуществить власть народа и не дать образоваться правящей элите. Для этого они придумали обязательную ежегодную ротацию всей руководящей верхушки кибуца. Т.е. год отработал человек на руководящей должности, любой, он ее должен оставить, сколь бы ни была успешной его работа. Это, не говоря о том, что находящиеся на руководящих должностях кибуца не имели никакого материального преимущества перед остальными членами, все делилось поровну. И что же? Не прошло много времени, как в каждом кибуце сложилась своя правящая элита и вся ежегодная ротация осуществлялась внутри этого элитного кружка. Условно говоря, президент становился премьером, а премьер – президентом и т. п. Потому что, вопреки известному требованию Ленина, чтобы каждая доярка научилась управлять государством, не каждая доярка может этому научиться. А попытка довести эту идею до абсурда, может привести только к развалу государства или кибуца.

Последний пример особенно ярко показывает, что не может быть абсолютного коллективизма. Абсолютного индивидуализма тем более не может быть, пока существует общество. Абсолютный индивидуалист – это медведь в лесу, а даже волки в стае уже не абсолютные индивидуалисты. Тем более не могут стать абсолютными индивидуалистами все люди в обществе. Если такое случится, общество немедленно прекратит свое существование. Всякая борьба за абсолютный индивидуализм и абсолютную свободу приводит не к установлению абсолютной свободы (которой быть не может), а к установлению новых ограничений. Иногда

в целом более жестких, чем прежние. Но зато таких, которые выгодны определенной группе и невыгодны остальному большинству. Таким образом, те, кто проповедует абсолютный коллективизм или абсолютный индивидуализм, либо дураки, либо жулики, которые хотят, чтобы все играли по правилам, выгодным только им, либо все будут жить по правилам, а они будут эти правила нарушать в своих бубновых интересах.

Так в каких понятиях нужно анализировать систему «общество», между чем и чем нужно проводить водораздел и как ставить и решать задачу, дабы не повторять до бесконечности ошибок прошлого?

Обращаю внимание, что в системе координат «индивидуализм – коллективизм» диссиденты вроде Сахарова с Солженицыным и олигархи вроде Березовского, а также бандиты, «креативщики», стряпающие порнофильмы или иного рода дрянь и халтуру, и прочая подобная публика попадают в одну компанию, компанию индивидуалистов. На чем, кстати, всю шельмуют диссидентов сторонники возврата в Советский Союз и прочие оголтелые коллективисты (воистину верующие в коллективизм или корыстно мажущиеся под коллективистов). А в категорию коллективистов в этой системе координат попадают с одной стороны «шариковы» и «все бухие пролетарии», согласные существовать на нищенскую, но надежную зарплату, лишь бы ничего не делать и ни за что не отвечать. А с другой стороны в эту категорию попадают истинные ревнители веры, служащие Богу и людям, упомянутые комсомольцы-добровольцы, сражавшиеся за Родину и отдавшие за нее жизни, огромное количество простых, но честных тружеников: врачей, учителей, инженеров и добросовестных рабочих и крестьян.

Так можно ли валить все это в одну кучу (точнее в две кучи: индивидуалистов и коллективистов) и не

лучше ли провести водораздел между теми, кто честно работает на общий стол, пусть и не забывая о себе любимом, но не ставя свой интерес превыше общего, и теми, кто, какие бы речи они не произносили про коллективизм, заботятся на самом деле о своем благе превыше общего? Тем, которые плюют на общество, не место в обществе, им место в лесу. А вот между теми, кто признает интерес общества превыше личного, неважно, посвятил ли он себя служению надличному, как монах или пламенный большевик, или он преследует свой личный интерес, заботясь лишь о том, чтобы не навредить общему, нужно искать гармонию. Гармонию, которая будет заключаться в том, что если ты преследуешь свои личные цели и лишь не вредишь обществу, то имеешь право жить в обществе и тебя никто не должен преследовать и травить. А если ты приносишь пользу обществу, то должен получать от общества признание и уважение в пропорции от приносимой пользы. (А не травлю за то, что ты «слишком умный», «много о себе думаешь» и не желаешь изображать ложную скромность: «это не моя заслуга, а всего коллектива и мудрого руководства вышестоящих»).

Я не хочу сказать, что все беды человечества происходили оттого, что водораздел проводили не там, где надо, а именно проводили между коллективизмом и индивидуализмом. Но все же, очень многие беды происходили именно от этого. Вот затеяли строить некий идеал коллективизма в виде социализма. Личность в декларациях нивелировалась в отношении коллектива. А что получили? Я уж не говорю про прелесть принудительной коллективизации на селе. В целом вместо уважения к личности человека, как такового, каждого человека, получили Культ личности Сталина, культ одного человека, на которого остальные должны были молиться и беспрекословно выполнять его волю.

А вот затеяли (диссиденты) борьбу за права личности и за свободу, против казенного коллективизма. И что получили? При прежнем режиме отдельные настоящие выдающиеся личности вроде Солженицына, Сахарова, Окуджавы, Высоцкого и т. д., хоть и обдирая себе в кровь бока о правящий режим с его держимордами, все же прорывались «сквозь тернии к звездам», принося огромную пользу обществу. А теперь при победившем индивидуализме (правда, не том, который виделся диссидентам) в «личностях» ходит наглая бездарь и сволочь, плюющая на все и на всех. Сварганил какой-нибудь рекламный ролик или научился играть на низменных инстинктах публики с эстрады и считает себя на этом основании гением, которому позволено гадить всем хоть в души, хоть на голову и разрушать или растлевать общество.

А вот пример относительно успешной гармонии между коллективизмом и индивидуализмом. Это – Израиль. В нем есть все мыслимые формы собственности и организации людей: от супер коллективистских кибуцов (доходивших до обобществления детей, не говоря про упомянутую ротацию) до супер индивидуалистских рыночных торговцев с лотка. Включая все промежуточные формы: фермеров, сельхоз кооперативы, частных предпринимателей мелких и крупных, государственные предприятия и т. д. и т. п. И все эти формы соревнуются между собой в условиях свободно рыночной экономики. И в результате в кризисные годы после 2008-го, когда во всех развитых странах – спад экономики, в Израиле – ежегодный рост ВВП 13–14%. И в личном плане каждый может выбрать более коллективистский или более индивидуалистский образ жизни. Не вступая в конфликт с теми, у кого другие предпочтения, и не устраивая ради своих предпочтений революции.

Конечно, пример Израиля еще не означает решения задачи гармонии в общем виде для всех народов и стран. Да и в самом Израиле далеко не все идеально. Для того чтобы решать эту задачу в общем виде, нужно учесть, что сам интерес общества и его благо можно понимать по-разному и борьба между группами, по-разному его понимающими, всегда будет. Но для того чтобы эта борьба обеспечивала прогресс, а не вела к развалу общества нужен консенсус в некоторых принципиально важных вещах.

Первейшая из этих вещей это способ договаривания людей между собой, он же – способ обоснования истины. Нет общепризнанного способа обоснования истины – нет общего языка и невозможно договориться на основе признания истины. Вот, скажем, фанатично верующие евреи спорят с фанатично верующими арабами за территорию Палестины. (Подчеркну, речь идет не вообще о евреях и арабах, а о фанатично верующих). Евреи говорят: «Это территория наша, потому что так написано в нашей священной книге Торе». А арабы говорят: «Нет, это наша территория, потому что так написано в нашей священной книге Коране». И все! Спор этот в этой плоскости, через выяснение, кто прав, неразрешим, потому что в этой плоскости нет никакого общего языка. В этом случае спор может быть разрешен только силой оружия.

Мне могут сказать, что этот пример не типичен. Речь в нем – о фанатиках, а мы живем, в общем, в цивилизованном мире. Но, во-первых, как показывают события не на одном лишь Ближнем Востоке, не в таком уж цивилизованном мире мы живем. Во-вторых, когда нет общего языка, то это нездорово и для нормальных не фанатичных людей. Да, они не хватаются немедленно за оружие, в некоторых случаях они находят компромиссы, в некоторых конфликты со временем

изживают себя сами, но многие из этих конфликтов тлеют десятилетиями и взрываются, в конце концов, кровавыми событиями. И дело не только в конфликтах. Любое общество, а сегодня и все человечество в целом, сталкивается с огромным количеством проблем, требующих разрешения. Желательно наилучшего разрешения. Продолжать ли строить атомные электростанции или переходить на альтернативные виды энергии, разрешать или не разрешать ГМО, даже просто, что делать для предотвращения экономического кризиса или наилучшего выхода из него? Все это требует выбора истинного пути, а выбор ложного может обойтись слишком дорого. А как узнать, кто предлагает истинное решение, а кто ложное, когда предложений тьма разных, а единого способа обоснования, признаваемого всеми, и, следовательно, общего языка нет?

Но может ли быть предложен такой общий язык – принимаемый всеми способ обоснования истины? Как я оказал выше, может и это разработанный мной единый метод обоснования научных теорий. Но, несмотря, на очевидную важность предмета и наличие положительных отзывов от некоторых известных философов, я не могу добиться широкого обсуждения метода ни в профессиональной среде, ни широкой общественностью. Понятно, что без широкого обсуждения не может произойти и всеобщее признание и применение метода, необходимость чего, надеюсь, я показал выше. И вся эта ситуация с зажимом метода и всей моей философии теснейшим образом связана с коллективизмом и индивидуализмом и борьбой между ними.

Во-первых, эта шумная борьба отвлекает людей от действительных задач, стоящих перед обществом. А во-вторых, единый метод обоснования задевает интересы и тем раздражает как коллективистов худшего пошиба, типа шариковых, так и индивидуалистов худшего

пошиба, индивидуализм которых сводится к выпячиванию себя любой ценой и ни с чем не считаясь, прежде всего, с обществом и его интересами. Первым методом мешает тем, что нарушает их психологический комфорт, поскольку ставит под сомнение обоснованность тех догм, в которые они свято верят и которыми они орудуют в преследовании инакомыслящих как дубиной. При этом, как правило, плохо зная теоретический базис своих догм, будь то марксизм, та или иная религия или иное учение. Вторым он мешает носиться со всякой ерундой, подаваемой как их великое новаторство, которого простым смертным не понять и которое на самом деле является просто претенциозным кривлянием («как стих без мысли в песне модной» писал о них еще Пушкин), и шельмовать публику демагогией, построенной на произведении впечатления. Естественно, что и те и другие, не прекращая шумной борьбы между собой, делают все возможное для воспрепятствования признанию метода.

Глава 24

Либералы vs националисты: тезис и антитезис без синтезиса

А. Воин
14.10.14

О том, что прославленная гегелевская диалектика и в частности знаменитые: тезис, антитезис и синтезис – не наука, я писал не раз. Не наука, прежде всего, потому, что наука – это та, которая «на основании опытов прошлого предсказывает нам результаты опытов будущего», надежно предсказывает, замечу. Гегелевская же диалектика ровным счетом ничего не говорит нам о том, каков будет синтезис при известных тезисе и антитезисе. Вот должен быть синтезис, а какой он, об этом ни гугу. А между тем, если есть две борющиеся идеи, то можно взять лучшее из каждой и таким образом получить синтезис, а можно, наоборот, худшее, и тоже будет синтезис, и можно еще несть числа вариантов. И в истории бывало и то и другое и третье. Так что, если это – наука, то зачем она нам? Но мало того, что не определено у Гегеля, что представляет синтезис в общем случае, так и вообще, вопреки Гегелю, не обязан он быть в результате «борьбы противоположностей». Примеры борьбы противоположностей, не приводящих ни к какому синтезису, я приводил раньше, а вечный бой между либерализмом и национализмом вкупе с религиозным фанатизмом – это еще один пример такой борьбы, из которой за сотни лет никакого синтезиса не возникло. Мало того, что не возникло, так этот шумный бой наносит огромный вред человечеству, в частности тем, что сквозь его шум не могут прорваться идеи, нужные человечеству и решающие в частности эту проблему.

В последнее время этот бой разгорелся с новой силой и шумом, особенно в России. На некоторых эпизодах его я хочу остановиться, дабы с их помощью разобраться, где тут что, в чем же истина. В частности я хочу рассмотреть 2 статьи из числа последних, касающихся этого боя: «Средневечный бой» В. Абаринова и «Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента» Ю. Латыниной. Для затравки приведу растиражированную цитату из Дугина, с которой начинает свою статью Абаринов. Вот она:

Новое Средневековье – блистательный концепт... Возникает выбор сущностной парадигмы Средневековья, предполагающей религиозное, героическое, иерархическое общество. Вопреки материалистическому, бытовому, прагматическому торговому строю, который доминирует в современности... И мы вправе ожидать реванша героев, их грядущей победы над торговцами, наступления эры доминации двух первых сословий – жрецов и воинов, священников и дворян... Двигаясь по пути либерализма, неизбежно придем к мультикультурализму, феминизму и однополым бракам... Новое Средневековье... как достойная России альтернатива современности является, на мой взгляд, оптимальным горизонтом.

В этом пассаже Дугина, равно как и в других, ему подобных, из уст не только Дугина, но и прочих националистов звучат серьезные и очень даже не пустые обвинения в адрес либерализма и либералов, со многими из которых я, либо полностью, либо частично согласен и не раз писал об этом. Но Абаринов, как и все прочие либералы в подобном случае, отнюдь не собирается отвечать на эти обвинения, опровергать их. Вместо этого он сам нападает на Дугина и националистов и его обвинения в их адрес тоже не лишены основания и тоже весомы. И также как либералы, включая Абаринова,

так и националисты не отвечают на содержательные обвинения в их адрес, а только сами нападают на либералов. В результате получается не философский спор, а базар-вокзал, порождающий тот шум, сквозь который не слышно голоса настоящей философии.

Вся дальнейшая часть статьи Абаринова посвящена опровержению «концепта» Дугина, опровержению, сделанному не без публицистического блеска. Впрочем, и Дугин или, скажем, Проханов выражаются не без этого самого блеска и пафоса (Проханов, тот без пафоса даже в туалет не ходит). Против публицистического блеска и художественности стиля я, естественно, ничего не имею, наоборот, очень даже за. Но ведь и забота об истине тоже не должна отодвигаться на задний план, особенно, когда говорим о столь важных вещах. А тут, послушаешь Дугина – кучеряво говорит, послушаешь Абаринова – тоже красиво излагает, и каждый по-своему прав. Только как нам жить, имея эти противоположные правды, неясно.

В чем обвиняет Абаринов Дугина и прочих националистов? Вот несколько цитат из его статьи:

«Читать все это сегодня невозможно без чувства неловкости и даже стыда. Хотя бы потому, что мы знаем, во что обошелся человечеству возврат к новому средневековью».

«Тема нового средневековья сейчас одна из самых обсуждаемых в России, вплоть до полного ее опошления и профанации».

«Об этой теплой компании и о том, что связывает эти персонажи между собой, немало интересных деталей сообщает Николай Митрохин. Он, в частности, пишет о Гиркине и иже с ним, что это люди, всерьез воспринимающие идею реванша в окончившейся девяносто с лишним лет назад Гражданской войне. Как

известно, для Гиркина бои в Донбассе – это компенсация проигранных Добровольческой армией сражений 1919–1920 годов. Именно их он активно разыгрывал в своих реконструкциях в последние годы, а его риторика пронизана ныне понятными лишь историкам апелляциями к реалиям той эпохи.

Подстрекательская и провокаторская роль Дугина в донбасском мятеже хорошо известна» «Русский мир, имперский реванш, новое средневековье, расстрельные приказы Сталина...» «Николай Митрохин дает прогноз: И чем все эти «герои Донбасса» займутся? Уедут защищать интересы России в Сирии? Но раньше она для большинства из них не была особо притягательной. Вернутся к реконструкторским и казачьим играм? Конечно, нет. Это к войне они готовились все эти годы, компенсируя ее отсутствие играми. Однако, почуяв кровь в прямом, а не в переносном смысле и не без основания чувствуя себя преданными и проданными, они будут тяготеть к повторению своего украинского опыта... «Боевые братства» сделали свое дело, а в качестве независимого и авторитетного в определенных кругах политического субъекта они для российской власти (да и для России вообще) крайне опасны. Поэтому борьба с ними будет вестись не на шутку».

Все верно сказано. От себя могу добавить, что жрецы и воины, священники и дворяне, о которых пишет Дугин, это – действительно прекрасно, но не в качестве достойной России альтернативы современности и оптимального горизонта, а в качестве памяти о прошлом своего народа. Да, в свое время жрецы и воины, священники и дворяне по праву были первыми, ведущими и почитаемыми сословиями, и иерархическое устройство общества было оптимальным тогда. Тогда, но не сегодня. Потому что тогда была другая действитель-

ность, которая требовала, делала оптимальным иерархическое устройство общества, и самыми значимыми сословиями в нем делало жрецов и воинов.

Почему тогда это было правильно, оптимально и когда было это «тогда»? «Тогда» – это когда племена и народы вели борьбу за выживание и главным, если не единственным средством этой борьбы была война. Воевать приходилось почти непрерывно, либо защищаясь, либо нападая во имя предупреждения, чтобы не напали на тебя. Чтоб тебя боялись, потому что ты сильный. Понятно, что тогда иерархический строй имел преимущество перед демократией, а жрецы и воины были по праву главными сословиями, потому что воины воевали, а жрецы сплачивали народ и вдохновляли его на войну.

А сегодня? Я не хочу сказать, что сегодня нет войн. Но война перестала быть единственным или хотя бы главным средством выживания народа и его процветания. Сегодня народ, который хочет утвердиться только с помощью войн, обречен быть выброшенным на задворки истории. Даже с чисто военной точки зрения, хорошее оружие в достаточном количестве, сегодня стоит больше, чем храбрость воинов и зажигательные речи жрецов. А это оружие дают наука и экономика, а не жрецы и воины. И положение в мире сегодня определяется не только сильной армией, но в длительной перспективе, прежде всего, сильной экономикой, а еще более того могучей культурой, оказывающей влияние на другие народы.

Есть и другой, моральный аспект в роли воинов и жрецов тогда и сегодня. Когда войны были неизбежны, когда, если не ты нападал, то нападали на тебя, тогда служить своему народу с оружием в руках было морально, более того благородно в любом случае, независимо от того, была это война справедливой,

оборонительная против захватчиков, или захватническая. Тогда всякая война была справедливой. А с какой стати нужно сегодня считать благородным воина, участвующего в захватнической войне? «А если что не так, не наше дело. Как говорится, Родина велела»? Потому что он рискует своей жизнью? Так и грабитель, и разбойник тоже рискуют своей жизнью. Может, и их возведем на пьедестал почета?

Но даже если война справедливая, оборонительная, то разве сегодня в такой войне воюют только профессиональные военные, сословие воинов? В таких войнах сегодня воюет, как правило, все население, способное держать оружие. Так почему же ученый или пахарь, в мирное время занятый полезным трудом, а во время войны воюющий наравне с профессиональными военными, должен иметь меньший почет, чем представитель сословия воинов, от которого в мирное время никакой пользы? И даже та часть населения, которая сегодня не берет оружия в руки, во время войны рискует жизнями и несет потери соизмеримые, а иногда и большие, чем сами воюющие.

Сегодня изменился сам облик воина и войны. Раньше это был благородный рыцарь с открытым забралом лицом к лицу сражающийся с врагом. А теперь главную роль в войне играет «гнилой» интеллигент в очках, «саблезубый компьютерный хорек», с безопасного расстояния управляющий сложнейшим ракетным комплексом, дронами и прочей электроникой, с которой рыцарю с забралом никак не совладать. И хорек этот, одень на него рыцарские доспехи, не сможет руку поднять, а с коня свалится на первом шагу.

А еще сегодня большую роль, чем война на поле брани, играет информационная война, которую ведут совсем уже слизняки, точнее скунсы, поливающие противника своей вонючей и ядовитой струей, и профес-

сиональные врали, манипуляторы общественным мнением, запутывающие всем мозги до того, что они вообще перестают работать. От чего неизлечимо заболевают не только враги, но и свои и все человечество.

И еще за всем этим сидят главные иерархии с ядерными чемоданчиками и, когда им пойдет моча в голову, могут нажать ту самую кнопку и кончатся все игры с выяснением, кому положено больше почета. И не дай Бог, эти иерархии окажутся иерархиями в дугиновском смысле, не подчиненными никакому контролю со стороны народа. Поэтому сегодня романтизация войны и возведение в ранг первого сословия воинов – это безумие, ведущее к гибели страны, если не всего человечества.

Что касается жрецов тогда и сегодня, то к этой теме я еще вернусь.

А как нам быть с упреками Дугина и прочих националистов в адрес либералов? Упреками, на которые ни Абаринов и никто другой из либералов не отвечает. А ведь есть на что отвечать. Разве не прав Дугин, утверждая, что, двигаясь по пути либерализма, неизбежно придем к мультикультурализму, феминизму и однополым бракам... Это еще слабо сказано. (Хотя тут надо было бы добавить для точности «по пути современного либерализма», он же неолиберализм). Разве не причастен либерализм к деградации системы ценностей в современном западном обществе, в самом широком смысле слова? Да, нет формального, закрепленного законом разделения общества на сословия и иерархического устройства. Но кто сегодня в почете и де-факто правит бал? Денежные мешки, вне зависимости от того, честно или подло они нажили свои капиталы и полезны или вредны они обществу. И всевозможные манипуляторы общественным мнением, начиная с политиканов – популистов, через нечистоплотных

журналистов, дутых ученых авторитетов и кончая эстрадными клоунами и шоуменами, разжигающими и эксплуатирующими низменные инстинкты публики. Мерилом всему – человек. Но современный человек, испорченный либеральной идеологией с ее гедонизмом и вседозволенностью, превратился в своего рода наркозависимого от удовольствий апофигиста. Все равно ведь ни в чем не разобраться и ничего не изменить, да и напрягаться ради этого стоит ли. Не осталось в жизни ничего настоящего надличного, чему стоило бы послужить. Да и не требуется ничему служить по либеральной идеологии. Мало того, само слово «послужить» стало неприличным в либеральной культуре, символом если не рабства, то дефективности, умственной ограниченности. Если человек служит своей стране, обществу, поддерживая существующую власть, то он, конечно, раб, даже если он эту власть сам выбирал и полностью согласен с ее действиями. А если он в оппозиции к власти, но не либерал, а просто служит своей стране, истине, справедливости и т. п., то он – дефективный. Не дефективно – это только урвать от жизни, сколько можно, удовольствий. Можно откровенно, а можно, прикрываясь либеральной фразеологией, как это делают всякие там «пуськи». Отсюда и рост натуральной наркомании, как завершающей стадии развития в этом направлении.

Даже честный либерал, искренне верящий в либеральные ценности и стремящийся послужить им, чувствует себя сегодня неуютно в обще либеральной тусовке. Когда он апеллирует к тусовке с заявлениями типа: «Ребята, это, конечно, наши идеологические противники, но то, что мы делаем, – это не честно», в ответ он слышит: «Ай, бросьте!». Его имя и поступки, конечно, используются в борьбе с не либералами, но сам он вытесняется на периферию либеральной тусовки и

предаются в ней забвению. Как это имеет место, скажем, с Еленой Бонер или Сергей Адамовичем Ковалевым. Зато с Эдуардом Лимоновым, одно лишь самоопределение которого – национал-большевик – должно по идее действовать на либералов, как красная тряпка на быка, либеральная тусовка носилась и все еще продолжает носиться, как с писаной торбой, даже после того, как он поддержал и присоединение Крыма, и Новороссию в размерах до Варшавы. Зато ж он – «гламур», поскольку описал свои пидорасивные похождения в Америке. Все это показывает, каковы истинные ценности сегодняшних либералов, которые они остервенело навязывают всему миру.

Спрашивается, может ли общество быть здоровым при таком состоянии среднего человека? Кризисное состояние современного западного общества ощущается всеми, но погоня за удовольствиями не дает проникнуть этой кризисности в сознание многих. Пир во время чумы. «После нас хоть потоп!». «А что лучше, чтоб были националисты или религиозные фанатики, которые начнут войну? Так хоть войны нет». Но это – самообман. Во-первых, хоть нет войны пока что внутри самого западного мира, но на периферии его войны вспыхивают все чаще и не без участия самого Запада, если не прямого, то опосредованного, через то, что либеральная идеология вызывает все большее неприятие в странах не западного мира. А это неприятие порождает и национализм с религиозным фанатизмом и экстремизм. А во-вторых, только слепой не видит, что при длительном отсутствии войн внутри него, Запад и с ним весь мир медленно, но уверенно движется навстречу мировой войне.

И нет у либералов никаких аргументов, чтобы возразить на это. Заявление Абарина «Демократия не только не погибла, но и доказала свою силу» – не

аргумент в защиту либерализма, потому что демократия и либерализм, нынешний либерализм, именуемый неолиберализм – это не одно и то же. Западная демократия существовала и до появления неолиберализма, и тогда западное общество было несравненно более здоровым. А то, что она даже вкупе с неолиберализмом все еще достаточно сильна, так существовали и другие формации с разными другими идеологиями, которые в свое время были сильны, достигали расцвета, а потом увядали и погибали и причиной гибели служил, как правило, их тогдашний неолиберализм.

Мало того, что у нынешних либералов нет аргументов, чтобы возразить на обвинения в их адрес и поэтому они, не отвечая на обвинения, сами нападают, следуя принципу, что лучшая защита – нападение. Так лучшие из них уже осознают ущербность нынешней неолиберальной демократии и предлагают всякие домашнего изготовления рецепты, как улучшить ситуацию, сохраняя либерализм.

Вот, например, известная российская либералка Ю. Латынина в статье, которую я обещал здесь рассмотреть («Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента»), додумалась до того, что в недостатках либеральной демократии, которые она вынуждена признать, виноват не либерализм, а демократия. И предлагает от демократии избавиться, сохранив либерализм. Вот как она характеризует состояние современной западной демократии:

«Европейский долговой кризис не является ни финансовым, ни экономическим. Он является кризисом модели самоуправления общества, при которой граждане потребляют больше, чем производят, а политики обещают больше, чем могут дать.

Европа стагнирует на глазах под лавинообразным увеличением числа всяческих комиссий, лицензий,

разрешений, предписаний, субсидий, искажающих рыночные стимулы, и ограничений, де-факто наложенных на тот самый рынок, который демократия якобы должна поддерживать. При этом политики прекрасно знают, что надо делать, – они просто не знают, как в таком случае выиграть следующие выборы».

Ну, просто хорошо сказано. За исключением мысли, что «политики прекрасно знают, что надо делать». Не только западные политики, но и западные ученые-экономисты не знали и не знают, что надо делать. Знали бы, не допустили бы до кризиса, ибо никаким политикам, ни по каким электоральным соображениям он не был выгоден. И уж тем более не устранили бы так долго и так непоследовательно последствия кризиса, создавая при этом предпосылки для нового, еще худшего. Это я доказываю в моей книге «Начала новой макроэкономической теории» (М. Direct-Media, 2013).

Причиной такого печального положения, согласно Латыниной, является демократия, точнее всеобщее избирательное право: «Демократические выборы в этих странах не приводят к рынку. На выборах обыкновенно побеждает демагог, который обещает беднякам раздать как можно больше. После выборов демагог превращается в диктатора».

Это, правда, не про Запад, а про бедные страны. А как же богатые западные страны стали богатыми, несмотря на всеобщее избирательное право? Оказывается, по Латыниной: «парадокс заключается в том, что современные системы всеобщего избирательного права существуют в Европе меньше 100 (а в большинстве стран – и меньше 50) лет. Европа стала на путь промышленной революции не при демократии».

И далее она приводит многочисленные примеры из истории, к каким ужасным последствиям приводило предоставление всеобщего избирательного права в

разные времена в разных странах. В том числе, скажем, в ЮАР и Родезии, которые были процветающими странами и превратились, черт знает, во что после предоставления избирательного права коренному населению, т. е. неграм. При этом она забывает на минутку все либеральные мантры про права человека и обвинения либералов в адрес большинства россиян, что они рабы, потому что голосуют за Путина ради сытой жизни, которую он им дал с помощью нефтедолларов. А негры ЮАР и Родезии, которые вообще не имели права голоса, значит, не были рабами и должны были ради горшков с туком смиренно терпеть свое положение.

Конечный вывод Латыниной: править должна элита, а народ должен не только не допускаться к власти, но и не иметь возможности на нее влиять с помощью всеобщих выборов. Идея не нова. У нее даже название есть – меритократия. В Украине даже партия меритократическая была (а может и все еще есть). А в Москве Герман Греф недавно скандально проговорился о том, что народу не следует знать и понимать действительное положение дел в стране и что, собственно, делает власть, и как она им правит. Просто Латынина завернула все это в домашнего изготовления, но не без изыщества выполненную упаковку.

В чем не права Латынина (при всей эрудиции, которую она демонстрирует)?

В действительности при любом строе, включая самую раздемократическую демократию с самыми всеобщими выборами, реально правит элита. Даже народом, собиравшимся на новгородское вече, ловко манипулировали представители тогдашней элиты. А самая отчаянная попытка избавиться от возникновения элиты и достичь безэлитной демократии, осуществленная в израильских кибуцах, так ни к чему и не при-

вела. Кибуцы придумали обязательную ежегодную ротацию всех руководящих должностей в них. Но и это не помогло: представители элиты просто обменивались должностями, председатель становился главным бухгалтером, а главный бухгалтер – председателем и т. п. И это естественно, потому что, если руководящие должности попадали в руки неумех, все начинало разваливаться.

Так разве это – не аргумент в пользу меритократии, спросит читатель. – Нет, не аргумент. Править, действительно должны лучшие и наиболее способные. Но демократия – это и есть средство, чтобы в элиту попадали лучшие и способные. Средство не совершенное, народ отнюдь не обязательно прав. И именно этим объясняются многочисленные примеры Латыниной, описывающей печальные последствия, к которым в истории приводило волеизъявление народа. Как сказал Черчилль, демократия – очень плохой строй, но лучшего не придумали. И это потому, что там, где нет демократии с выборами, правящая элита рано или поздно начинает непременно портиться и, чем дальше, тем больше. Безвыборность избавляет элиту от необходимости напрягаться в служении обществу в целом. Это не отменяет внутри элитной борьбы, но она идет не за продвижение наиболее полезных всему обществу, а в лучшем случае за продвижение полезных самой элите. В худшем – за продвижение способных только делать карьеру придворных льстецов, прохиндеев и т. п.

Все многочисленные примеры Латыниной того, как всеобщие выборы приводили к власти популистов и негодяев, вплоть до Гитлера, верны. Но она не рассматривает случаев, когда выборы давали приемлемый и даже отличный результат, причем не только в случае западной демократии, которая, несмотря на ее сегодняшнее загнивание, все еще обеспечивает условия

жизни несравненно лучшие, чем в обществах, в которых демократия отсутствует. Кстати, мельком она упоминает Израиль, в котором демократия со всеобщими выборами была с момента его возникновения, что не помешало ему создать процветающую, основанную на передовых технологиях экономику. Она только забывает отметить, что этот пример опровергает концепцию, которую она продвигает. А Индию, в которой с начала ее независимости также была полная демократия и которая при этом успешно развивается, она вообще не упоминает. Главное же – она забывает многочисленные примеры из истории того, к каким мерзостям приводило отсутствие демократии.

Все это подтверждает слова Черчиля, что демократия – плохой строй, но лучшего не придумали. Можно сформулировать это и иначе: демократия при прочих равных лучше тоталитаризма, авторитаризма, эгалитаризма и т. д., но она не панацея от всех бед, а прочих равных никогда не бывает. Поэтому конкретная демократия может быть хуже конкретного тоталитаризма, что можно подтвердить многими примерами из истории, в том числе теми, которые приводит Латынина. Но достаточно того примера, что демократически может управляться и разбойничья шайка, отчего она не станет лучше, скажем, просвещенной монархии.

А какие еще параметры, кроме демократии и тоталитаризма определяют состояние общества? Их много, но главный среди них это система ценностей, принимаемая и народом и элитой. Во всех примерах Латыниной, либо народ, либо и народ и элита были воспитаны и придерживались плохой, неправильной, неоптимальной системы ценностей. Задача определения оптимальной системы ценностей и доказательства ее оптимальности (без чего нет шансов, что современное общество примет ее) – чрезвычайно трудная фило-

софская задача и эта статья не место для ее рассмотрения в полном объеме. (Кое-что на эту тему я скажу в конце). Но то, что неолиберализм и национализм, а также религиозный фанатизм, порождают системы ценностей далеко не оптимальные и ведущие общество либо к медленному разложению и увяданию, либо к достаточно быстрому и драматическому финалу, я надеюсь, я показал выше.

Хотя предлагать и обосновывать оптимальную систему ценностей в полном объеме я здесь не буду, но хочу рассмотреть, как вообще принимается в обществе та или иная система ценностей. Легко видеть из истории, что в эпоху до расцвета рациональной науки система ценностей прививалась народу религией и учителями народа в этом смысле были священники. Потому и были жрецы и священники наряду с воинами (дворянами) первым сословием тогда. Впрочем, даже тогда были в этом отношении исключения, и в античном мире и в древнем Китае роль священников играли философы и выдающиеся писатели, типа Гомера. Если быть точнее, то в первобытные времена и вплоть до античности роль учителей народа играли жрецы и шаманы, в античном мире – философы и писатели, с распространением осевых религий (Иудаизма, Христианства, Мусульманства и Буддизма) – священники, а сегодня – и священники, и философы, и ученые, и писатели, и даже эстрадные шуты гороховые. (Причем, чем дальше, тем больше именно последние). Естественно, не каждый из представителей данных профессий является в действительности создателем ценностей и воспитателем народа на них, а только выдающиеся. Выдающиеся, как в хорошем, так, к сожалению, и в плохом смысле слова. Если в обществе преобладают хорошие учителя, общество расцветает, в плохом – загнивает и в нем происходят вещи, описываемые Латыниной и

списываемые ею на демократию. Поэтому возникает вопрос, как нам знать наперед, до того, как мы попали в халепу, какие учителя хорошие, какие плохие. Этот вопрос существовал всегда. То, что он существовал в античную эпоху и существует сегодня, — очевидно, поскольку философы и тогда и сегодня делились и делятся на школы, каждая из которых учит по своему, утверждает свои ценности. Тем более это относится к писателям. И ученые, тем более гуманитарии (а именно они, а не технари имеют отношение к ценностям) тоже не едины во мнениях. Об эстрадниках и шоуменах и говорить не приходится, они учат лишь тому, что приносит им сегодня максимальную прибыль, и меняют свою систему ценностей, как модница шляпки. Но даже во времена господства осевых религий священнослужители ни одной из них не учили все одному и тому же. Каждая из религий делилась на множество конфессий, по своему толкующих основное учение, и даже внутри каждой конфессии хватало разногласий по поводу толкования Учения.

Таким образом, всегда был и остается актуальным вопрос, как нам отличить истинное учение от ложного. На начальном этапе бурного развития и успехов рациональной науки у общества возникла иллюзия, что наука снимает этот вопрос, ибо она дает нам гарантированную, раз навсегда установленную истину. Благодаря этой иллюзии науке удалось потеснить религию по части права учить народ, как надо жить, и на роль учителей народа вышли ученые, а также философы и писатели рационального стиля мышления. Образцом такого якобы научно обоснованного учения является марксизм, руководствуясь догмами которого мы и прожили 70 лет, пока Союз не развалился.

Но авторитет научно обоснованных учений, как жить, поколебался гораздо раньше, чем развалился

Союз. Поколебался он в связи с проблемами, возникшими в самой науке, причем в самом сердце рациональной науки, в сфере естественных наук, еще точнее физики. С появлением теории относительности стало очевидным (хотя замечено это было еще раньше), что рациональная наука тоже не является абсолютно надежной гарантией истинности. Точнее, стало ясно и было истолковано как ненадежность науки то, что при переходе от одной фундаментальной теории к другой, типа от Ньютона к Эйнштейну (или, как теперь модно говорить, при смене парадигмы), наука меняет и свои понятия, и выводы, и их обоснование. Не стану приводить здесь примеры на этот счет, поскольку делал это много раз (любопытствующих отсылаю к моей книге «Единый метод обоснования научных теорий», Алетейя, СПб, 2012). Главное для нас, что когда это выяснилось, поколебался авторитет и самой рациональной науки и, тем более, рационально обоснованных учений, как жить. Тогда то и возникли такие тесно связанные между собой направления, как модернизм, постмодернизм и неолиберализм, которые можно назвать философским Тяни-Толкаем. С одной стороны они, опираясь на экзистенциалистов и некоторые еще философские школы, утверждали, что наука не дает нам надежного знания, особенно когда речь идет не о физическом мире, а о мире человеческом. С другой стороны они навязывали нам свое неолиберальное учение, как надо жить, подавая его именно как научно обоснованное. Т.е. с одной стороны, по Сартру наука ничего не может нам доказать и посему ни к чему соблюдать какие бы то ни было нормы морали и исповедовать системы ценностей, которые, завтра может выясниться, что неверны и не обоснованы. А с другой стороны, мы должны жить по Фрейдю, который «научно доказал», что человек не властен над

своими инстинктами, либидо в частности, а потому следует приравнять гомосексуалистов и прочих извращенцев к нормальным людям.

В результате возникла та неолиберальная каша, в которой нет ни низа, ни верха и нет ничего достоверного и надежного, на что можно опереться и к чему стремиться, кроме удовлетворения инстинктов, в лучшем случае естественных, в худшем – извращенных. И чем дальше, тем больше извращенных.

На протесте против всего этого и стоят противники либерализма из числа националистов и религиозных фанатиков, вроде Дугина и иже с ним. Они жаждут послужить чему-то превыше потребностей желудка и половых органов, и в этом их протест справедлив и прекрасен, и способен зажечь многих и зажигает. Беда только в том, что ценности и путь, которые они предлагают, ведут общество, человечество к другому, но не менее ужасному концу, чем тот к которому ведут либералы.

К чему именно ведет их заблуждение, я описал выше (и в других работах). Но важно также, откуда произрастает это их заблуждение. Произрастает оно из непонимания, что религия и национальная традиция способны вести к заблуждениям никак не меньше, чем учения, претендующие на научную обоснованность. И даже гораздо больше. Ведь наука потеснила в свое время религию и национальную традицию в роли учителя, как жить, именно потому, что продемонстрировала свою большую способность давать истину. То, что, доверившись науке, мы уперлись в очередной тупик в развитии человечества, вовсе не означает, что в донаучную эпоху все было хорошо и нужно просто вернуться в это детство человечества. Да ведь и невозможно вернуться в детство. Так что же делать?

Я в своей философии («Неорационализм», Киев, 1992; «Единый метод обоснования научных теорий», Алетейя, СПб, 2012 и др.) показал, что тупик, в который уперлась сегодня сама наука и с ней и все человечество в поиске, как дальше жить, это не абсолютный непроходимый тупик. Наука способна его преодолеть. Для этого ей нужно правильно понять свой метод. Метод, который сложился в процессе развития естественных наук, прежде всего физики, но до сих пор не был четко сформулирован и осмыслен. Я это сделал в упомянутых работах.

Я показал, что хотя, вопреки представлениям классического рационализма, рациональная наука таки меняет свои понятия и выводы, но метод обоснования научных теорий остается неизменным при смене любых парадигм (фундаментальных теорий). И что, если научная теория действительно обоснована единым методом (что далеко не всегда бывает даже в современной физике, не говоря про гуманитарную сферу), то она дает нам выводы, истинные в определенных границах действительности, границах, которые мы наперед можем определить. («Истинные» тоже в определенном смысле, который я указал). И эта ее истинность, истинность ее выводов в указанных границах и в указанном смысле, остается и после смены ее новой фундаментальной теорией. Как остаются истинными выводы механики Ньютона при скоростях далеких от скоростей света и после появления теории относительности Эйнштейна. (Но для теории, которая не обоснована по единому методу обоснования, это отнюдь не обязательно). Я показал также, что этот метод применим не только в естественных науках, но с соответствующей адаптацией и в гуманитарной сфере. Следовательно, применяя этот метод при построении и оценке гуманитарных учений, мы способны избежать тех ошибок,

которые делали в прошлом, например, принимая марксизм. (Смотри мою работу «Побритие бороды Карла Маркса или научен ли научный коммунизм»). Опираясь на предложенный мной метод, я построил теорию оптимальной морали. («Неорационализм», «Проблема обоснования морали» и др.). А нормы морали – важная часть системы ценностей. Таким образом, намечен путь выхода из создавшегося тупика.

Но тут у меня возникает предчувствие, что, дойдя до этого места, читатель из породы националистов, религиозных фанатиков или фанатиков от марксизма отключит свой рациональный рассудок и полностью погрузится в эмоции, в волны «справедного» гнева. «Люди шли на смерть и мучения во имя счастья трудящегося народа (или во имя Бога, царя и Отечества и т. п.), а тут нам чуть ли не математическую формулу предлагают в качестве объекта духа! Эти идеалы запечатлены в сердце нашего народа, стали его неотъемлемой сутью, греют его душу! А разве может голая абстракция воспламенить сердца, согреть души, стать сутью народа?».

Что я могу ответить на это? Во-первых, пренебрежение к душе и духу, к национальным традициям и культуре – это у неолибералов, глобалистов, мультикультураллистов и т. д., к которым я уж точно не принадлежу. Я считаю, что вне национальной культуры, не может быть настоящей высокой культуры, как таковой. А идея становится силой (и тут я полностью согласен с Марксом) только, когда овладевает массами, т. е. становится частью души и духа народа. Но это с одной стороны.

А с другой стороны, идея, ставшая частью души и духа народа, не есть нечто имманентно, изначально и навсегда присущее данному народу. Ведь был же русский народ когда-то языческим и поклонялся Перунам и Дажьбогам, и предавался массовым оргиям и т. п. И

когда свергли священный дуб Перуна в Киеве и бросили его в Днепр по течению, за ним бежала толпа фанатиков, воспаленных духом и готовых жизнь отдать за идола. А потом все стали истовыми христианами, исповедующими Домострой. А потом и счастье всех трудящихся по Марксу исповедовали и жизнью своих не щадили во имя его и «комсомольцы – добровольцы» и т. д. А в промежутке были еще петровские реформы, тоже существенно трансформировавшие дух и душу русского народа.

Каким же образом происходили эти идейные трансформации, эти смены объектов духа и души народа? Во-первых, они происходили под давлением обстоятельств, в условиях, когда прежняя идея переставала быть прогрессивной, способствующей расцвету общества, становилась тормозом на пути его дальнейшего развития и увядала вместе с увяданием самого общества. Новая идея выбиралась как такая, которая способна вновь оживить общество и привести его к расцвету. Но как можно убедить общество, что та или иная идея верна и способна привести его к расцвету? В прошлом это делалось преимущественно за счет применения силы со стороны власти, навязывающей народу эту идею. Достаточно вспомнить крещение Руси Владимиром, петровские реформы и т. д. Но чем дальше, тем большую роль играло убеждение народа в правильности идеи с помощью рациональных аргументов. Марксизм, как известно, подавал себя как научное, т. е. научно обоснованное учение. И хотя он (как я показал) далек от того, чтобы быть по-настоящему научно обоснованным, но нет сомнения, что он, все же, гораздо более научно обоснован, чем, скажем, религия. (Да и с точки зрения истинности он отнюдь не пуст, хотя страдает весьма существенными ошибками, последствия которых сказались в судьбе Советского Союза.

Ошибки эти к тому же относятся не к целям, которые ставил перед собой марксизм: равенство всех людей, справедливость, достоинство и т. п., а к путям достижения этих целей). Сегодня же, тем более в таком обществе, как российское или европейское, с высоким образовательным цензом, невозможно людям привить новую идею силой, и убеждение с помощью научного обоснования становится главным инструментом в продвижении новых идей. Другое дело, что обоснование часто фальсифицируется пропагандистами – манипуляторами (а отсутствие общепризнанного единого метода обоснования облегчает им эту задачу), но все они стараются представить свое жульничество, как рациональное обоснование. (За исключением, разве что, религиозных фанатиков и то не совсем). Поэтому, то, что я предлагаю новую идею и систему ценностей, научно обосновывая их, да еще развив единый метод обоснования, это аргумент за, а не против того, что я предлагаю. Хотя это, конечно, не значит, что то, что я предлагаю, как и все новые для своего времени идеи, будет принято без сопротивления консервативных элементов общества, так или иначе (по крайней мере, психологически) хорошо прижившихся при старой идее (идеях). И сопротивление, и еще какое, конечно, имеет место, причем главный аргумент манипуляторов против моей философии состоит в том, что, подавая свои эрзацы, как научно обоснованные, меня они обвиняют в том, что моя философия – это слишком сложно. Идея, мол, должна быть проста и понятна народу, как знаменитое жириновское «Каждой бабе – по мужику, каждому мужику – по бутылке водки». Или «Во всем виноваты черные, жидаы и т. п.». В действительности идеи, обеспечивающие успешное развитие общества, никогда не были просты и в прошлом, а манера популистов упрощать их приводила к их искажению и ускоряла их увядание.

Так было и с Христианством, когда из него извлекались «для простоты» инквизиция и религиозные войны, и с марксизмом в обработке Сталина.

Но чем сложнее становится мир, тем большим обманом являются простые идеи. Сегодня простые идеи – это бесплатный сыр в мышеловке.

Имеются ли сегодня обстоятельства, способствующие принятию новой идеи и системы ценностей? Еще и как. Об этом свидетельствует тот веер проблем, с которыми сталкивается сегодня Россия в экономической, внешне и внутренне политической и других сферах, и необычайная каша идей, вер и прочих объектов духа в российском обществе и метание народа и отдельных личностей между ними. Мало того, что есть националисты, либералы, коммунисты и т. д., но каждое из этих направлений разбито еще на множество не приемлющих друг друга и враждующих групп. Причем по конкретным важным вопросам, таким как, скажем, отношение к событиям в Украине, наблюдается противоположное единение между подвидами различных видов идеологий. Например, один подвид националистов может объединиться с подвидом либералов за отделение Новороссии от Украины, а другие подвиды этих же видов – против отделения. Зачастую вообще невозможно понять, к какому идейному виду отнести конкретного человека, причем не апофигиста, а более-менее известного деятеля. Лимонов, например, тот и либерал (сексуал) и национал и большевик. К этому надо добавить еще стремительные взлеты и падения духа, точнее воодушевления населения и метания масс между различными идеями. Воистину смутное время.

Поэтому сегодня России крайне нужна новая идея, причем не любая, а правильная, соответствующая времени и способная вновь поставить Россию на ноги и обеспечить новый рывок в ее развитии. Эту потребность

понимают многие. Отсюда и непрекращающиеся призывы со времен Ельцина и поныне к поиску или созданию такой идеи, идеологии. Но все что предлагалось до сих пор, это либо старые, давно доказавшие свою непригодность идеи вроде «Бога, царя и отечества», все того же марксизма или вызывающего отталкивание большинства народа неолиберализма. Либо эклектическая смесь из всего этого.

Немногим лучше дело обстоит сегодня и в мире в целом и в западном мире в частности. До кризиса рационалистического мировоззрения и вытекшего из него модернизма, постмодернизма и неолиберализма Запад был носителем прогрессивной идеи и прокладывал путь всему человечеству. Конечно, движение по этому пути происходило не без сопротивления устаревших или уклонившихся в неправильную сторону идеологий. Но объективное превосходство западной идеологии того времени, способствовало все же большей устойчивости мира в целом, чем сегодня. Необычайный рост национализма и религиозного фанатизма в мире сегодня объясняется именно тем, что представители этих устаревших идеологий почувствовали слабость нынешней неолиберальной идеологии Запада и подняли свои старые знамена, которые на фоне идейной слабости Запада стали выглядеть опять привлекательней. Тем более что то, к чему они приводили в прошлом, подзабылось. Поэтому, приняв правильную идеологию, Россия не только решит свои проблемы, но и проложит путь всему человечеству.

Еще пару слов для искренне верующих, опасующихся, что любое рационально обоснованное учение не оставляет места для веры в Бога. Марксизм, например, действительно, не оставляет и это одна из его существенных ошибок. Марксизм – это приниженный, бездуховный рационализм (не говоря о том, что и как

рационализм он сильно хромает, о чем я уже сказал выше). Мой же неорационализм я называю также духовным рационализмом. Я включил дух в рациональные модели, описывающие общество и процессы в нем (См. «Неорационализм», часть 5, «Место духа в рационалистическом мировоззрении»). Что же касается собственно веры в Бога, то я показываю, что «Если религия признает ненарушимость законов объективной действительности, созданной Богом, и их причинную обусловленность, а также считает, что Бог не сообщил нам конечную истину, а возложил на нас обязанность искать ее, и если она согласна с тем, что действия наши, индивидуальные и коллективные, движимы ли они религиозным или иным чувством, должны подвергаться контролю рассудка, основанному на рациональных моделях», то между такой религией и рациональной наукой нет противоречия. Что касается моих филиппик выше против религиозного фанатизма, то это как раз тот вид религии, который противопоставляет себя рациональному рассудку, который «верую, потому что нелепо».

Конечно, мало просто признания рационального разума со стороны верующих. Ведь во всю историю отношений религии и науки всегда стоял вопрос, как быть, если религия учит, что надо жить так, а наука говорит, что надо жить иначе. Религия учит «не прелюбодействуй», а претендующий на научность неоллиберализм учит по Фрейду «прелюбодействуй». Устранение этого противоречия возможно только при применении единого метода обоснования, как в самой науке (в частности это применение показывает, что Фрейд – не наука), так и при толковании религиозного учения.

Неужто и к религиозному учению можно применять единый метод обоснования, спросит читатель? Не

только можно, но и нужно, причем не только для преодоления противоречия между религией и наукой, но и для преодоления разногласий в толковании между различными конфессиями одной и той же религии и даже между религиями. Я не только показал принципиальную возможность такого применения единого метода, но и осуществил его («Эволюция духа. От Моисея до постмодернизма», М. Direct Media, 2013).

Само собой, что когда я говорю о применении единого метода обоснования к религии, то речь не идет о сугубо теологических моментах, типа один ли Бог или он в трех лицах и Бог ли Иисус Христос или он только сын Божий. Речь идет об учении той или иной религии, как нам жить. Я показал, что при анализе текста Библии с помощью единого метода обоснования из него извлекается стройное и непротиворечивое моральное учение, практически совпадающее с оптимальной моралью, полученной чисто рациональным путем. Аналогичный анализ можно проделать и с Кораном и другими Священными Писаниями. Кстати, разговоры о необходимости найти общий язык между различными религиями, конфессиями и, наконец, между религией и наукой идут уже, Бог весть, сколько времени, а воз и ныне там. Единый же метод обоснования дает решение этой проблемы.

Тут как раз подошло время сделать обещанное мной выше, а именно рассмотреть вопрос о роли и месте жрецов в современной действительности. Важно, что мы будем понимать под жрецами. Дугин ведь тоже не имеет в виду жрецов в узком смысле слова, кое-где сохранившихся еще сибирских шаманов. Он имеет в виду сословие священников. Но спрашивается, с какой стати мы должны возводить на пьедестал почета священника, который не искренне служит Богу и народу, а всего лишь использует должность свою для добывания

хлеба с маслом? Или даже субъективно искренен, но неправильно понимает подлинное учение своего Бога и, следовательно, пусть и несознательно, но вводит в заблуждение народ. А ведь так и было в те самые средние века, в которые нас призывает вернуться Дугин и иже с ним. Именно потому и наступила затем эра атеизма и веры в науку. И хотя притягательность науки сегодня тоже потускнела, и наблюдается определенный возврат народа к религии, но ведь ничего не изменилось в толковании Церковью, православной в частности, учения Иисуса Христа. А значит, и сегодня Церковь ведет народ по тому же ложному пути, по которому вела и раньше. Да еще нет согласия внутри самой Церкви. Разве то, чему учит Патриарх Кирилл, и то, чему – священник Яков Кротов, ведущий свою передачу на радио «Свобода» и извлекающий из христианского Учения неolibеральную мораль, это одно и то же? Эта ситуация может быть исправлена только, если церковь примет правильное, а значит обоснованное по единственному методу обоснования толкование Учения.

Но вернемся к вопросу, что надо понимать под жрецами сегодня? Я говорю, что под жрецами сегодня надо понимать не только сословие священников, но всех, кто учит народ правильному пути, т. е. философов, писателей, ученых. Естественно, только настоящих философов, писателей и ученых (равно как и священников, только тех, которые искренне служат Богу и правильно понимают Учение). А для того чтобы народ мог отличить настоящих от лже, опять же нужен единый метод обоснования. Так вот, если под жрецами понимать учителей народа ведущих его правильным путем, то и сегодня таковые должны быть первым и уважаемым сословием. Естественно, сегодня это не должно закрепляться никаким законом и никаким формально иерархическим устройством общества.

Сегодня это должно обеспечиваться правильной системой ценностей, принятой обществом.

Наконец, еще несколько слов в адрес так называемых прагматиков, которые водятся и среди причисляющих себя к коммунистам, и к либералам, и даже националистам. А уж среди тех, кто при власти, их всегда было, а уж, тем более, сегодня в России – большинство. Это те, которые могут поговорить и про дух, и про идею, но это так, для публики. Но когда они начинают «говорить бизнес», то какие, нафиг, дух и идея. ВВП, курс рубля, международная политика – вот вещи, которые они воспринимают всерьез. А всякие там философии и единые методы – это для них пар, полоскание мозгов. «Вот переставим правый фланг на левый, а левый – на правый? – нет в центр, и все будет о'кей без всяких там философий и единых методов».

Ну что же, давайте поговорим об экономике и прочих вещах, в рассматриваемом здесь контексте. Сколько раз за последние десятилетия переставлялся «правый фланг на левый, а левый в центр» в экономике и политике российской и западной, и все не слава Богу? В Союзе строили, строили коммунизм с плановой экономикой, пока не развалили эту экономику до конца, не убили в народе веру в идею, превратив народ в стадо обывателей, жаждущих только сладкой жизни, «как у них». Верхи же разбились на враждующие между собой криминальные кланы: партийный, гэбэшный, военно-промышленный, занятые разграблением и дележом еще не доразграбленного общенародного достояния. И когда все это сгнило уже до полного омерзения, Союз развалили и начали строить все «как у них». При этом для начала уморили голодом несколько миллионов сограждан, развели моральное бордельеро почище, чем «там у них», а потом, не успели обрести жирком, как опять все – не слава Богу с экономикой и опять идут

разговоры, если не о полном возврате к плановой экономике, то о некоем эклектичном миксе плановой и рыночной с акцентом на централизацию.

На Западе с экономикой в целом, конечно, лучше, чем у нас. Потому и возникло это сладкозвучное «там у них». До Великой Депрессии 30-х годов прошлого века у среднего западного человека вообще не было оснований усомниться в лучезарном капиталистическом будущем. Великая Депрессия поколебала эту уверенность, но поскольку она была, хоть и с великим трудом, но преодолена, оптимизм вновь воцарился на Западе. Вот де, мол, мы заблуждались относительно того, что рынок сам все отрегулирует. На начальной стадии капитализма он, действительно все регулировал, но теперь он нуждается в некоторой государственной подрегулировке. И мы, вооружившись кейнсианской теорией, научились ее делать, не отказываясь от рынка и не переходя к централизованной плановой экономике. Отныне и впредь больше никаких кризисов не будет.

Действительно, некоторое время после этого западная экономика бежала опять довольно бодро, хотя, пожалуй, не так бодро, как до Депрессии. А потом опять пошли кризисы и чем дальше, тем чаще и с нарастающей мощью. Где-то в промежутке, после преодоления очередного кризиса опять заговорили, что вот теперь, наконец, найдена правильная теория, фридмановская уже, а не кейнсианская, и вот теперь уже кризисов больше не будет. После чего, естественно, очередной кризис пришел еще быстрее, чем после принятия кейнсианства. Из последнего кризиса 2008–2009-х годов еще не совсем вылезли, но вылезали уже, не упоминая никакую теорию, ни кейнсианскую, ни фридмановскую, ни какую-нибудь более новую, а методом тыка и ляпа со множеством непоследовательных

действий. И уже ни про какое «больше кризисов не будет» разговоров нет. Тем более, что колоссальный долг США, да и Европы, накопленный вследствие тушения предыдущего кризиса с помощью печатного станка, свидетельствует и непонятливому, что очередной и несравненно более мощный кризис не за горами.

Казалось бы, выше нарисованной картинки достаточно для признания практической, жизненной важности, если не философии и единого метода обоснования, то, по крайней мере, макроэкономической теории. Но, поскольку существующие макроэкономические теории, создаваемые для разрешения конкретного кризиса, уже на следующем кризисе дают сбой, то отношение к макроэкономической теории в целом у тех, кто реально рулит экономикой, как у дореволюционного крестьянина к иконам: «Годится – молиться, не годится – горшки накрывать». Ну и «правый фланг поставим на левый, а левый – в центр». А уж, что касается философии и какого-то единого метода, это вообще – не для серьезного разговора.

Но моя философия объясняет причины, по которым успешно работавшая какое-то время макроэкономическая теория, начиная с какого-то момента, дает сбой и перестает работать. («Начала новой макроэкономической теории», М., Direct Media, 2013). Причем не только объясняет причины, но и дает инструмент, позволяющий определить, когда эту теорию можно применять, а когда нужно создавать новую. И инструмент этот, оказывается, тесно связан с единым методом обоснования. Потому что, как я уже упомянул выше, единый метод, и только он, дает нам границы применения научной теории.

А еще я показываю, что на этапе капитализма, близком к начальному, когда рынок был максимально свободным и нерегулируемым, он успешно функционировал без навязывания его участникам норм морали и системы ценностей и даже частично сам стимулировал участников к приверженности нормам морали, близкой к оптимальной. (Если ты постоянно обманываешь партнеров и клиентов, с тобой перестают иметь дело и т. п.). Но чем дальше, тем больше рынок нуждается в регулировании, пусть и чисто экономическими, а не административными методами, и чем больше он регулируем, тем больше нуждается в принятии его участниками норм морали, естественно, оптимальной морали. Мораль становится одним из факторов успешного безкризисного развития экономики. А что такое оптимальная мораль, устанавливает философия, в частности, моя философия.

Правда, последнее время в России и без моей теории оптимальной морали начался откат от неолиберальной морали и системы ценностей и возврат к прежней, лучшей морали и ценностям. Само по себе это можно только приветствовать. Однако, поскольку откат происходит без теории, обосновывающей оптимальную мораль, то неизвестно, где он остановится. Во все прошлые эпохи подобный откат заводил, как правило, в противоположную крайность. Есть и сегодня опасность скатывания к Домострою или партсобраниям, разбирающим супружеские измены. Возможен и быстрый возврат к неолиберальным ценностям и морали, тем более, что они еще достаточно сильны в обществе. Надежный устойчивый результат дает только то, что хорошо обосновано. Отсюда опять мы возвращаемся к единому методу обоснования.

Но не только экономика, но и состояние общества в целом, внешняя и внутренняя политика и т. д., успешность всего этого зависит от правильной постановки мозгов, желания и умения рационально мыслить, утраченного в связи с вышеупомянутым кризисом рационалистического мировоззрения. А выход из этого кризиса, как уже сказано, дает моя философия и единый метод в особенности. Многочисленные примеры влияния состояния современной философии, связанного с кризисом рационалистического мировоззрения, на ситуацию в мире я даю в книге «Глобальный кризис: причины и пути выхода» (LAP-publishing, Саарбрюккен, 2012). Здесь я хочу остановиться только на одном аспекте этого влияния, на влиянии кризиса рационалистического мировоззрения на состояние современной науки, от которого сильно зависит и экономика и многие другие важные параметры общества.

Картину состояния науки сегодня, в частности в России, я рисую в книге «Наука и лженаука» (<http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/13941.html>). Здесь дам только один пример. По интернету давно гуляет «ОБРАЩЕНИЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ К МЕЖДУНАРОДНОМУ НАУЧНОМУ СООБЩЕСТВУ», подписанное рядом маститых ученых, включая, например, покойного Сахарова, философов, включая главу российской философии Степина, политиков и общественных деятелей. Обращение поддержано рядом международных научных конференций, общественных организаций, не только российских, посольств некоторых стран, и т. п. Суть обращения неплохо передают такие фразы из него: «...современные негативные тенденции на планете, хаос в умах, многочисленные трагедии современного мира, в том числе глобальный терроризм, как трагедийный вызов времени,

являются следствиями отсутствия в обществе диалога на строго научном, не предвзятом уровне».

И «История не оставила человечеству научно обоснованной теории развития общества. Поэтому приоритетом № 1 для современной науки следует признать актуальность ее создания в соответствии с научным методом и критериями научной истины: логикой и опытом».

Со всем этим трудно не согласиться. Действительно, бардак происходит в мире, кровавый бардак, и трудно углядеть в происходящем рациональный разум. И посему требуется научная теория устойчивого развития и т. п. Смущает только «создание ее в соответствии с научным методом и критериями научной истины: логикой и опытом». Ведь если бы этот метод и критерии научной истины, общепризнанные, существовали, то, надо полагать, и теория была бы создана еще до появления этого обращения, не говоря о том, что и с момента появления обращения прошло уже пара десятков лет с лишним, а воз и ныне там. И вообще, современная философия, включая подписавшего обращение Степина, считает, что наука не обладает единым методом обоснования своих теорий, а посему – и общепризнанным пониманием истины. Степин даже развил и навязал российскому философскому сообществу свою теорию классического, не классического и постнеклассического периодов в науке, каждый со своим методом обоснования. При таком подходе надеяться на выработку научно обоснованной истинной теории устойчивого развития общества, с признанием всеми ее истинности и обоснованности, не приходится. А значит и дальше будет происходить бесконечное словоблудие представителей общественных наук на эту тему, а мир и дальше будет катиться в пропасть.

Мало того, при таком подходе наука, чем дальше, тем больше теряет свою эффективность, а в сфере общественных наук ее эффективность сегодня равна практически нулю. И еще хуже: в науке в целом, а особенно в сфере общественных наук, наверху засело много бездарностей с раздутыми амбициями, которые никакую настоящую общественную теорию не пропустят, поскольку это может повредить их амбициям. В частности, они всеми силами препятствуют признанию или хотя бы нормальному обсуждению единого метода обоснования и моей философии в целом, потому что единый метод и только он, дает критерии истинности в науке и его признание может высветить подлинную научную цену дутых научных авторитетов.

Глава 25

Еще об идеологиях

1.5.15

Об идеологиях я уже писал не раз, например, в статье «Идеологии в современном мире». Но продолжающаяся в обществе полемика на эту тему, а главное, существенные изменения в этой сфере, происходящие в России в последнее время, заставляют вернуться к теме. За отправную точку возьму статью Татьяны Становой (руководителя аналитического департамента Центра политических технологий) «Чем угрожает Путину государственная идеология» (<http://carnegie.ru/2015/04/07/ru-59679/i5vv>).

Она описывает процесс идеологизации нынешнего российского общества, выражающийся в том, что правящая партия единороссов, изначально бывшая деидеологизированной, обслуживающей власть, и поворачивающейся идеологически подобно флюгеру вслед за кульбитами власти в этом отношении, обзавелась собственной консервативной идеологией. А остальные партии, либо маргинализированы и вытеснены из реальной политической жизни, либо утратили идеологическую самостоятельность и подстраиваются под господствующий идеологический тренд, позволяя себе лишь незначительные вариации его. Сложившуюся ситуацию она представляет как возникновение квази государственной идеологии и противопоставляет ее отсутствию государственной идеологии в странах Запада, в частности в Америке. Негатив ситуации она видит в том, что государственная или квази государственная идеология ограничивают свободу действий лидера страны, в результате чего в лидеры со временем попадают серые личности.

Начнем с противопоставления ситуации той, что в странах Запада. То, что в странах Запада нет официальной государственной идеологии, это верно, но ведь ее нет и в сегодняшней России. А вот то, что в странах Запада нет квази государственной, господствующей идеологии, это иллюзия, причем не только Татьяны Становой, но и многих других либералов. На Западе есть и еще как есть господствующая идеология, которую можно называть квази государственной с не меньшим основанием, чем нынешнюю российскую, и даже имя у нее есть и оно хорошо известно. Это – неолиберализм. Причем она является господствующей для всего западного мира, а не у каждой страны своя, да еще навязывается Западом всему остальному миру. То, что в западных странах существуют разные политические партии с разными идеологиями, не делает ситуацию там принципиально отличной от нынешней российской. Возьмем, например, Америку. Там есть две главные партии, демократическая и республиканская, реально участвующие в политической жизни страны, и куча мелких, маргинальных и никакой роли в политической жизни не играющих. Идеология маргинальных партий, например коммунистической, может сколько угодно отличаться от идеологии главных партий, но на жизнь страны в нормальных обстоятельствах это никак не влияет. А вот идеологии республиканской и демократической партий отличаются друг от друга лишь в нюансах, и не больше, чем отличается идеология партии Жириновского или справедливороссов от единокроссов.

Считается, что демократы более либеральны, а республиканцы более консервативны. Но либеральность либеральности – рознь и консерватизм консерватизму тоже. Это все слова, а что стоит за этими словами? И демократы, и республиканцы за демократию как форму

государственного устройства и за рыночную экономику как форму экономического строя. Идеологическая разница наблюдается в основном в отношении сексуальных свобод и ценности семьи. (И еще немножко в размерах и распределении налогов). Сама по себе эта сфера не менее существенна, чем две предыдущие, да только разница между республиканцами и демократами и в этой сфере несущественна. «Консерватизм», «либерализм» – это, как я сказал, всего лишь слова, которые можно наполнять весьма разным содержанием. Если бы республиканцы были за Домострой, ну, или хотя бы требовали запретить гомосексуализм, тогда мы могли бы сказать, что разница между ними и демократами в этой сфере существенна, и мы имеем две принципиально разные идеологии. А так разница только в том, что демократы признают однополые браки, а республиканцы – против. Но и те и другие признают гомосексуализм, порнографию (с отличием только в том, с какого возраста можно смотреть), проституцию и т. д. К тому же эта небольшая разница, сохраняясь по величине, смещается со временем в сторону все большего либерализма. Вчера и демократы не признавали однополые браки, а республиканцы не признавали гомосексуализм. А завтра республиканцы признают однополые браки, а демократы вновь опередают их, признав педофилию.

Теперь по поводу того, хорошо это или плохо, что в России вырабатывается костяк единой для большинства общества идеологии. Ответ существенно зависит от того, какова будет эта, принимаемая большинством, идеология. От оценки вырабатываемой сегодня в России идеологии пока отвлечемся и, давайте рассмотрим, что дает обществу сам факт наличия общепринятой идеологии в сравнении с отсутствием таковой.

Уже то обстоятельство, что успешные страны Запада обладают принимаемой большинством общества или, как ее называет Татьяна Становая, квази государственной идеологией, говорит о сомнительности однозначно негативной оценки наличия такой идеологии. Еще более об этом говорит то печальное состояние, в которое погрузилась Россия за период полного отсутствия такой идеологии в последнее десятилетие прошлого века. Кстати, само это погружение, отказ от выработки общепринятой идеологии, как раз и произошло в результате неправильного представления, что «там у них» преуспевающих никакой идеологии нет, а была она только в развалившемся Союзе, который из-за этого и развалился. Союз развалился из-за того, что в нем была неправильная идеология. Точнее, неправильная в ряде важных пунктов, главные из которых – плановая экономика и однопартийная система власти, ведущая непременно к отсутствию демократии. Хотя были и правильные моменты, прежде всего, система ценностей с приматом коллективизма над индивидуализмом, духовности – над оголтелой погоней за материальными благами и наслаждениями, и т. д. И именно благодаря наличию этой, пусть и горбатой идеологии, Союз продемонстрировал определенную устойчивость, просуществовав 70 лет и добившись немалых успехов, в частности успешно конкурируя какое-то время с Западом. А вот отсутствие скрепляющей большинство общества идеологии с неизбежностью ведет к быстрому распаду его и страны, что чуть было не случилось в 90-е, благодаря неправильному представлению о роли идеологий. И заслуга Путина в том, что он предотвратил это, дав обществу хоть какую-то идеологию, кусок идеологии – государственничество и патриотизм.

Разговор же о том, что идеология связывает руки лидеру и ведет к тому, что в лидеры выбиваются одни посредственности, не стоит выеденного яйца. Многие выдающиеся лидеры в истории сами были создателями или глашатаями новой для страны идеологии, как, например, Петр Первый или Ленин в России. А главное, чистое лидерство без идеологии – это бонапартизм, ни к чему хорошему, как известно, не ведущий. Точнее, ведущий если не к развалу страны или революции, то, как минимум, к болезненной смене власти. В американской же системе с ее квази государственной идеологией бывают сильные президенты, бывают слабые, но, несмотря на их слабость, система демонстрирует на протяжении уже длительного времени высокую устойчивость и процветание. Не без кризисов, естественно, но с более-менее успешным преодолением их до сих пор. Устойчивость обеспечивается, прежде всего, квази государственной идеологией. Отсутствие квази государственной т. е. принимаемой большинством идеологии сделало бы систему неустойчивой, что чревато быстрой гибелью ее. Превращение же ее в государственную (как было в Союзе), сделало бы систему негибкой, неспособной приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, что со временем привело бы к кризису.

Все эти достоинства американской идеологии, обеспечивающие стране длительное процветание, еще не делают ее идеальной, лишенной недостатков. И именно эти недостатки приводили к кризисам. Кризисы преодолевались благодаря гибкости системы, позволяющей подправлять идеологию в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Но то, что в прошлом, благодаря гибкости, удавалось, пусть с опозданием, подправить идеологию в нужном направлении, еще не означает, что так будет всегда. В частности,

сегодня эволюция американской и вообще западной идеологии идет в неправильном направлении, и это чревато новым кризисом, который может превзойти все предыдущие и даже привести к краху системы. В чем ошибочность этого нового направления эволюции западной идеологии, я писал не раз, в частности в «Идеологии в современном мире» и вернусь к этому еще в этой статье. Но сейчас перейдем к оценке той квази государственной идеологии, которая выкристаллизовывается сегодня в России.

Прежде чем ее оценивать, нужно уточнить, в чем она состоит. Ее определение Становой как консервативная хоть и можно принять, но за термином «консервативная» может, как я сказал, стоять весьма разное содержание. Консерватизм ее состоит в основном в неприятии западной неолиберальной и просто либеральной идеологии и неприятием этой западной идеологии большинством российского населения и обусловлен сам процесс выкристаллизовывания этой консервативной идеологии. Но неприятие это идет по разным линиям с разными степенями у разных групп населения и течений мысли. Причем разброс этот весьма велик, несравненно больше, чем в устоявшейся американской системе, и ситуация очень динамичная, быстро меняющаяся, так что пока можно говорить не столько о наличии новой идеологии, сколько о новом идеологическом тренде.

В основе этого тренда – глубинная природа русского характера с его устремленностью к высокому идеалу и душевности в противоположность «низким» материальным благам и удобствам. Это хорошо отражено во всей русской культуре, начиная с народных сказок, через классическую поэзию и прозу, через русскую, преимущественно религиозную философию и кончая наиболее любимыми народом советскими фильмами.

«У крестьянина три сына, старший умный был де-тина, средний был и так и сяк, младший вовсе был ду-рак». «Старший умный», значит, рачительный хозяин, умеющий создавать материальные блага и ценящий их. Но герой не он, а младший, «дурак». Дурак он не в том смысле, что не мог бы создавать материальные блага, на проверку оказывается, что он способнее старших братьев. Но не тянет его напрягаться ради материальных благ, пренебрегает он этой низкой целью. Пробуждается он только, когда появляется высокая цель.

А вот строчки из Блока:

«Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви».

Тут, как говорится, комментарии излишни.

А Достоевский с его учением о необходимости пострадать, чтобы очиститься, приблизиться к Богу. Русская философия с ее поиском идеала и пренебрежением к материальному. И даже советские фильмы. «Белое солнце пустыни» с его «За державу обидно!». Не за то, что жрать нечего, а за державу. «Брат» с его «Не в силе правда, а в правде сила».

И, конечно, эта черта проявилась в русской истории. Прежде всего, в русской революции, в той самой Октябрьской Социалистической. Тут можно возразить, что марксизм – это насквозь материалистическое учение. И так его и представляют многие представители нынешнего идеологического тренда, особенно сторонники империи и православные ортодоксы. Но, как сказал герой популярного в 20-е годы прошлого века романа Родионова-Никитина «Шоколад» (цитирую приблизительно по памяти): «Самая низкая нужда широких масс становится высоким идеалом». Мотивом

революции было не самому нажраться, а избавить от страданий нищеты большинство народа и даже человечества. А это уже высокая мессианская идея. И это чувствовал большой поэт Окуджава:

«И где бы ни пришлось мне драться,
Какой бы я ни принял бой,
Я все равно паду на той,
На той далекой, на гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной».

И не он один.

Эта черта русского народа, высокая духовность и даже мессианские устремления, рождает во мне глубокую приязнь. Но дух духу рознь и самый высокий дух может приводить к самым трагическим последствиям. (Неорационализм, часть 5, «Место духа в рационалистическом мировоззрении» и др.). Хумейнизм, Игил, Алькайда и т. д. — это, ведь, тоже высокий дух и еще какой высокий. Не за коврижки, ведь, жертвуют собой эти фанатики. (То, что среди них можно найти и тех, кто за коврижки, не меняет ситуацию в целом). Октябрьская революция — это тоже с одной стороны «комиссары в пыльных шлемах», а с другой — сталинские лагеря в результате.

Сегодняшний российский консервативный идеологический тренд — это мешанина из идеалистических устремлений с достаточно разными идеалами и с весьма туманным представлением о целях и средствах их достижения и практически полным отсутствием серьезного теоретического, рационального обоснования их. Не принимать же за серьезное, тем более, рациональное обоснование философствования Дугина, который заявляет, что Россия и англосаксы имманентно обречены на войну друг с другом, потому что у англи-

чан «морское» сознание, а у русских – «континентальное». И неважно де, к чему приведет эта война, будь она хоть мировая атомная, которая может закончиться гибелью человечества. Все, де, в руках Бога. (А на человеке, значит, никаких забот и обязанностей по сохранению человечества и планеты, творения Божьего, не лежит). Писания же Проханова не тянут даже на термин «философствования». Это просто некий, не лишенный художественности, эмоциональный, пафосный «блиль», «поток сознания». А что касается академических российских философов, то их просто не видно на этом поле. Надо полагать, они заняты более важными делами. Правда, какими, никто не знает.

И в этом, в отсутствии серьезного рационального обоснования вырабатываемой идеологии – большая опасность. Опасность того, что будет опять «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Мало того, может получиться гораздо хуже, чем всегда.

Вообще, слабость рационального обоснования идеологий – это характеристика состояния не только современной России, но и всего современного мира, включая Запад. Связана она с кризисом рационалистического мировоззрения, о феномене которого, его причинах и путях выхода я много писал. («Глобальный кризис: причины и пути выхода», LAP-publishing, Саарбрюккен, 2013, «Единый метод обоснования научных теорий», Алетейя, СПб, 2012 и др.). Рационалистическое мировоззрение развилось в странах Запада и именно оно в сочетании с рациональной наукой и идеологией, базирующихся на этом мировоззрении, вывело Запад в лидеры этого мира. И именно с кризисом рационалистического мировоззрения связано негативное направление эволюции нынешней западной идеологии, именуемое неолиберализмом и сводящееся к деформации системы ценностей. Когда на смену

идеалам политической свободы приходит идеал свободы сексуальной, включая извращения, на смену идеалу ценности личности (к которой предъявляются достаточно высокие требования) приходит идеал потребления и наслаждений с утратой «образа и подобия Божия» и т. д.

Россия в культурном отношении – часть Запада и немаловажная. Она внесла свой весомый вклад в западную культуру в целом и в развитие рационалистического мировоззрения в частности. Но при этом она существенно отличается от Запада упомянутой чертой национального характера. Поэтому, хотя русская культура и часть западной, но большинство населения здесь во все времена был пропитано рационализмом существенно меньше, чем люди Запада. Это имеет свои плюсы и свои минусы.

С одной стороны это тормозило скатывание к пониженному рационализму, прагматизму, потребительству, которое произошло и продолжает происходить сегодня на Западе. Это послужило также мотивом к поиску новой идеологии, который мы и наблюдаем сегодня в России. С другой стороны, вся русская история, благодаря этому, это – кидания из крайности в крайность. Кидания очень симпатичные своей искренностью, мощью страстей, порождающей взлеты искусства, но приводящие к огромным страданиям народа, а иногда и соседних народов.

Вот один из образцов такого кидания, случившийся в недавнее время и еще продолжающийся. Распад Советского Союза произошел в немалой степени благодаря русскому национализму, питающемуся идеей, что инородцы в составе Союза мешают аутентичному развитию русской культуры, а потому надо, чтобы они отделились в отдельные государства. А всего лишь 20 с небольшим лет спустя этот национализм требует, что-

бы вышедшие народы вновь вернулись в состав России. Вряд ли какой другой народ, кроме русского, нашел бы в столь узкой, казалось бы, идее, как национальная, две столь противоположные крайности. Да еще успел бы перекинуться в столь короткий срок от одной к другой.

Ситуация с идеологиями в России сегодня настоль динамична, изменчива, что очень трудно точно зафиксировать картину в этом отношении не только в стране в целом или хотя бы в отдельной партии, но даже у многих конкретных политиков, общественных деятелей, мыслителей. Сегодня человек говорит одно, а завтра – другое. Исследование всех этих идеологических метаний в разных партиях и слоях общества – задача для историков будущего. Для того, чтобы обойти эту трудность, я не буду оценивать какой процент в обществе в целом или в конкретной партии придерживается такой-то позиции в таком-то вопросе, а какой – отличной или противоположной, а дам оценку ситуации в, так сказать, сослагательном наклонении. В смысле: если большинство в данном вопросе придерживаются такой позиции, то это – правильная идеология. Отклонение влево – левый «уклон», вправо – правый. Т.е. я попробую изложить кратко, усеченно, схематично то, что я считаю оптимальной идеологией. Естественно, это будет оптимальная идеология не для России именно, но и для Украины и всех стран и народов. Просто для России этот вопрос особенно актуален, хотя он достаточно актуален сегодня для всего человечества.

Тут, конечно, возникает вопрос, а откуда я знаю что это – правильная идеология, а то – «уклон»? Это вопрос не только ко мне, но к каждому, кто отстаивает ту или иную идеологическую позицию. И как я уже сказал, сегодня в связи с кризисом рационалистического мировоззрения главная проблема состоит в том, что нет

общепринятых внятных критериев истинности даже в сфере науки, естественной, не говоря про гуманитарную и идеологии в частности и особенности. В этой последней сфере рациональное научное обоснование заменяет пропаганда: у кого средства массовой информации мощнее, тот и пан. Но я как раз и претендую на то, что я решаю эту проблему. Я разработал новую теорию познания («Неорационализм», часть 1), на ее базе разработал единый метод обоснования научных теорий (одноименная уже упомянутая книга), дающую критерии истинности для научных теорий, пригодную с соответствующей адаптацией метода и для гуманитарных теорий, и для идеологий. Естественно, я не буду в этой статье заново излагать мою теорию познания, единый метод обоснования, базирующуюся на них теорию оптимальной морали («Неорационализм», часть 4), мою макроэкономическую теорию («Начала новой макроэкономической теории», Direct Media, М.-Берлин, 2013) и т. д. (которые все имеют отношение к идеологии). Я просто рассмотрю самые острые связанные с идеологией вопросы, стоящие сегодня, прежде всего, перед Россией и сформулирую, где там правильная идеология, а где уклон. А читатель пусть сам решает, кто в России (или в Украине) занимает правильную позицию по этим вопросам, а кто и в какую сторону уклоняется. Ну а за обоснованием, извини читатель, тебе придется лезть в упомянутые и не упомянутые книги и статьи, которые без проблем можно найти в интернете.

Итак, по пунктам.

Если под патриотизмом понимается сделать жизнь своего народа и его самого лучше, но не за счет того, чтобы сделать жизнь представителей других народов (живущих в твоём государстве или в своих) хуже, и без ущерба человечеству. Если под ним понимается стрем-

ление к величию своего народа, но не в виде власти над другими народами или угрозы применения силы, а через прокладывание новых путей для всего человечества. Если под патриотизмом понимается сохранение своих традиций, ценностей и основанной на них культуры, но при критическом отношении к ним, с пониманием, что не все традиции хороши, с уважением традиций других народов и без боязни заимствовать из них лучшее. Если под ним понимается забота о своих соплеменниках, живущих в других странах, помощь им и защита в случае гонений на них, но без использования их в ущерб законным интересам основных народов тех стран. То это – правильная идеология. Пренебрежение к культуре, традициям, ценностям своего народа, преклонение перед любым чужим, лишь бы не свое и т. д. – левый уклон. Превознесение всего своего только потому, что оно свое, некритическое отношение к своим недостаткам, усмотрение величия своего народа только в силе, желание властвовать над другими народами, живущих в твоём ли государстве или в других государствах, и т. д. – это правый уклон.

Оптимальный общественный строй (а значит, правильная идеология в этом пункте) – демократия. Но термин «демократия», как и «консерватизм», «либерализм» и т. д., можно трактовать весьма по разному. Неолибералы втискивают в этот термин максимальное расширение свобод индивидуума, прежде всего сексуальных. Конечно, есть базовые свободы: свобода слова, свобода ненасильственных демонстраций и т. п., без которых демократия невозможна. Но половые свободы к демократии отношения не имеют. Мало того, демократия является оптимальным строем лишь для общества со здоровой моралью и системой ценностей. Вряд ли кто станет утверждать, что разбойничья шайка, у которой власть не у пахана, а все решает «сходняк»

(тоже вид демократии), это модель оптимального общественного устройства. Еще для того чтобы демократия могла служить оптимальным общественным устройством, требуется высокая сознательность граждан не только в смысле морали, но и в смысле способности их разбираться в сложнейшей современной действительности. Иначе демократия превращается в демагогию, где народом манипулируют ловкие политики. Она перестает быть эффективной и проигрывает странам с авторитарным или тоталитарным правлением. Афинская демократия была успешной, потому что там народ был воспитан на Гомере и великих античных философах. А вот еврейская демократия эпохи судей, не была успешной, склоки партий и группировок, борющихся за власть, раздирали общество, и евреи были постоянно побиваемы соседями с тоталитарным управлением, потому что не обладали высокой культурой, необходимой для демократии (даже собственной религией тогда еще недостаточно пропитались). Ситуация исправилась, только когда они выпросили себе у Бога (через пророка Самуила) царя. Результат демократических революций в Египте, Ливии и т. д. тоже отлично иллюстрирует вышесказанное. А вот демократическая революция в Тунисе оказалась более-менее успешной, потому что тунисцы под французским правлением достаточно сильно пропитались французской культурой. И даже западная демократия, хотя и продолжает пока доминировать в мире, но вследствие распространения в ней неолиберализма начинает сдавать свои позиции. Что выражается в деградации элиты и как следствие в снижении ее авторитета внутри страны, непоследовательности и проколах во внешней и внутренней политике, экономических кризисах и росте антизападных настроений в мире. Какова связь между деградацией элит и неолиберализмом,

я объясняю во многих работах. Здесь отмечу лишь один момент. В атмосфере, порожденной неолиберализмом, каждый, кто хоть сколько-нибудь выделяется из толпы, будь то политик, общественный деятель, мыслитель, творец искусства, подвергается систематическому обливанию грязью, в подавляющем большинстве случаев не имея возможности защитить свое имя законным путем. (Дуэли запрещены, а в суде доказать, что тебя обливают грязью, как правило, невозможно, поскольку делается это намеками и обливающий может утверждать, что он не то имел в виду). В этой ситуации талантливые и честные люди, обладающие, как правило, тонкой душевной организацией, не могут пробиться наверх, а пробиваются либо примитивные, либо негодяи.

Учитывая все это, следует признать, что для стран с низким уровнем сознания у населения оптимальным является не демократическое устройство, а просвещенный авторитаризм. Поэтому вдвойне неправы американцы, навязывая силой демократию в арабских странах. Во-первых, потому что силой. А во-вторых, потому что там до демократии нужно провести просветительскую работу. Причем просвещение, естественно, не с помощью рок энд рола и порнофильмов. Отсюда понятно, что левый уклон – это расширительная трактовка свобод при демократии (крайний вариант – анархия) и навязывание демократии там, где сознание народа еще не созрело до нее. Правый уклон – это чрезмерное ограничение свобод, прежде всего политических, но даже в сфере половой морали и искусства. В искусстве и СМИ уместна моральная цензура (без преувеличений), но не политическая (за исключением запрета на пропаганду этнической розни и т. п.). Нельзя под предлогом патриотизма запрещать и зажимать критику своей страны и народа, а тем более власти.

Вообще, цензура и запреты – крайнее средство борьбы за моральность и духовность. Главное средство – воспитание и хорошее искусство.

Излагать оптимальную систему ценностей и морали, даже усечено – это слишком долго для одной статьи. Поэтому останавлиюсь только на половой морали. Оптимальная мораль в этом пункте – это мораль эпохи Просвещения. Когда женщина была эмансипирована до права отдаваться по любви, но без права отдаваться за деньги. За пределами оптимальной морали, естественно, и порнография, любая, не только детская, и для любых возрастов, и все извращения. Нынешняя половая вседозволенность – это левый уклон. Домострой или разбор на партсобраниях супружеских измен и т. п. – это правый уклон.

Оптимальный экономический строй – это рыночная экономика. Но, как и в случае с консерватизмом, либерализмом, демократией и т. п., в этот термин тоже можно вкладывать весьма разное содержание. Кое-кто в России до сих пор понимает под рыночной экономикой неконтролируемую и неуправляемую стихию рынка, которая сама все отрегулирует. Такая модель, более-менее, соответствовала экономической действительности и была близка к оптимуму во времена Адама Смита. Но экономическая действительность изменяется несравненно быстрее, чем физическая реальность и сегодня рыночная модель Адама Смита находится далеко справа от оптимума (рыночный фундаментализм). Сегодняшняя рыночная экономика – это управляемая экономика. Но управляется она не посредством государственного плана производителям и устанавливаемых государством цен на все и вся и зарплаты, а через рыночные механизмы. Однако, и такое определение оптимальной экономической модели (управляемый рыночными методами рынок) еще мало что определя-

ет. Управлять рыночными методами тоже можно по-разному. И существуют разные макроэкономические модели (кейнсианство, монетаризм, модель рациональных ожиданий и т. д.), предлагающие совершенно разные рецепты управления. И судя хотя бы по тому кризисному состоянию, в котором сегодня пребывает экономика западных стран (хоть оно и лучше состояния экономики в большинстве других стран, в частности России или Украины), ни одна из этих моделей не соответствует нынешней экономической действительности. Поэтому я и предложил свою модель, по крайней мере, начало такой модели и доказываю ее оптимальность («Начала новой макроэкономической теории», Direct Media, М.- Берлин, 2014). Левый уклон в экономике – это возврат к социализму с отказом от частной собственности и Госпланом. Правый – это рыночный фундаментализм.

В заключение я хочу коснуться препятствий и трудностей, которые стоят на пути принятия правильной идеологии не только Россией, но и любой другой страной мира. (А принятие такой идеологии большинством стран мира сегодня – это вопрос выживания человечества). Принятие идеологий осуществляется через убеждение. Силой можно заставить человека выполнять законы и указания власти, но в душу ему залезть и заставить думать, что черное – это белое, с помощью силы невозможно. Можно, правда, с помощью зомбирующей пропаганды убедить многих, что черное – это белое, но лишь на время. Надежный результат может дать только убеждение через обоснование. И тут мы приходим к упомянутому единственному методу обоснования, которого (принятого) сегодня, в силу кризиса рационалистического мировоззрения, нет и потому нет общего языка для представителей разных идеологий, на котором они могли бы выяснять, кто из них прав. Это –

объективная трудность. А есть еще субъективная, заключающаяся в том, что за время кризиса рационалистического мировоззрения образовалась научная элита, прежде всего в гуманитарной сфере, которая не желает признавать единого метода обоснования. Отсутствие признанного единого метода обоснования позволяет представителям этой элиты делать научные карьеры и удерживать высокие посты в науке с помощью пустопорожней наукообразной болтовни. А признание этого метода высветит их профнепригодность.

Глава 26

Тайный заговор или результат непонимания

7.7.15

Ситуация в сегодняшнем мире, сложнейшая и чреватая потенциально возможными, а для некоторых уже начавшимися невзгодами и ужасами, порождает желание найти простое объяснение происходящему. Самым простым является, конечно, тайный заговор неких могущественных сил, стремящихся в лучшем случае к мировому господству, а в худшем к уничтожению всего человечества, кроме себя любимых. Это порождает охватывающую все большую часть населения во многих странах мира, веру в различные конспирологические теории.

Простейшая из них, лежащая на поверхности и вызывающая сходу доверие, это обвинение во всем происходящем США и его правительства. США – единственная сегодня сверхдержава и уже по одному этому она, действительно, в какой-то мере ответственна за все происходящее в мире. Кроме того США добровольно взяли на себя функции мирового жандарма, что усиливает их объективную ответственность. Но конспирологическая теория подразумевает не это, а наличие у правительства США тщательно скрываемого под видом заботы о благе человечества вообще и правах человека в частности, стремления к мировому господству во имя не блага человечества, а интересов Соединенных Штатов или их правящей элиты. Другие на место правительства Соединенных Штатов ставят американских же консерваторов, транснациональные компании, «золотой миллиард», главных банкиров планеты, глобалистов, Бильдербергский клуб и, наконец, конечно же, жидомасонов и «сионских мудрецов».

Надо признать, что у любой из этих инстанций или сообществ, или как еще мы их назовем (за исключением мифологических шпионских мудрецов), есть, конечно, свои бубновые интересы, не совсем совпадающие с общечеловеческими и в этой своей несовпадающей части скрываемые и прикрываемые заботой именно о всеобщем благе. Есть у всех этих инстанций и сообществ и те или иные, большие или меньшие возможности воздействия на происходящее в мире (и соответствующая ответственность, естественно). Но...

Во-первых, в мире есть еще тьма инстанций и сообществ, помимо перечисленных, и каждая из них имеет свои бубновые интересы, не совсем совпадающие или совсем несовпадающие с общечеловеческими. И каждая, за исключением совсем оголтелых вроде ИГИЛ, старается эти несовпадающие интересы скрыть и прикрыть заявлениями о своих благих намерениях. Сюда относятся правительства практически всех стран мира, хотя их возможности влиять на судьбу человечества весьма разнятся между собой и уступают, как правило, сильно уступают тем же у Соединенных Штатов. Однако, это еще вопрос, было бы человечеству лучше, если бы на месте США оказались некоторые из этих стран. А ведь многие из них были бы совсем не против оказаться на месте Америки, некоторые даже были на этом месте, другие боролись за него в прошлом, а некоторые борются за это место сегодня. Все это, конечно, никак не оправдывает Штаты в том, в чем они действительно виноваты. Другой вопрос, в чем именно они виноваты и можно ли на них свалить все действительные и потенциальные беды, обрушившиеся сегодня на человечество?

Все это относится не только к правительствам, но и к прочим национальным и транснациональным сообществам, объединениям и партиям. А по большому

счету — к каждому человеку, каждому из нас, своими действиями или бездействием способствующего или препятствующего реализации угроз и бед, надвигающихся на человечество. Я это не к тому, что, мол, все виноваты и потому не надо ни к кому предъявлять претензий, а надо всем покаяться в грехах и прочая манная каша, очень устраивающая главных разбойников планеты. Я это к тому, что конспирологические теории сильно преувеличивают возможности сильных мира сего. Потому что, хоть каждый отдельный среднестатистический человек может весьма мало в сравнении с правительством сверхдержавы, скажем, но этих среднестатистических миллиарды и за свое коллективное действие или бездействие они тянут часть вины на себя.

Другая причина, по которой конспирологические теории преувеличивают роль тайных заговоров, это наличие объективных законов, действующих в системе «общество» и ограничивающих возможность действия конкретных акторов, будь то правительства держав и даже сверхдержавы или тем более среднестатистический человек. Тех самых законов, о которых тем из нас, кто прожил часть жизни при Советском Союзе, долбили дырку в голове при обучении нас премудростям марксизма. Ну, не буквально тех самых, я не считаю, что Маркс правильно описал эти законы (в чем-то правильно, в чем-то нет). Но в чем он был, безусловно, прав, это в самом факте наличия таких законов, ограничивающих произвол действия и правительств и каждого из нас.

В связи с этим есть, кстати, и другая крайность в трактовке причин бед и угроз надвигающихся на нас. Это, мол, все — объективные законы, скажем, некие циклы развития общества, типа природных циклов. Вот Марс зашел в созвездие Девы и ничего тут не попишешь, тушите свет, ребята. Или, как убеждает нас

популярный российский аналитик Степан Демура, мы находимся сейчас в фазе деградации элит во всем мире. (А перед этим в колебательном процессе эволюции элит была фаза подъема). А посему, ребята, не расходуйте понапрасну нервную энергию, нервные клетки не восстанавливаются. Или, как говорят украинцы: «Не траатьте, куме, силы, та спускайтеся на дно».

Эта концепция тоже неправильно трактует происходящее в мире, впадая в противоположную крайность в сравнении с первой, конспирологической. А именно, в крайний детерминизм происходящего, полную определенность его и независимость от наших действий. Марксизм с его неизбежной победой пролетарской революции, кстати, тоже грешит этим, хоть и не в такой крайней степени. У него победа пролетарской революции, а потом коммунизма хоть и неизбежны, но, по крайней мере, на сроки их приближения мы можем влиять. На самом деле, как показал я в моей теории детерминизма (Неорационализм, Киев, 1992, часть 2, Детерминизм в модельном подходе), никакой обязательности победы коммунизма не существует хотя бы потому, что по пути к этой победе мы запросто можем уничтожить и человечество и планету. Я показал, что, хотя законы общественного развития существуют также объективно как законы физики и точно также мы не можем их игнорировать и перепрыгивать через них, но для такой многопараметрической системы как «общество» эти законы оставляют еще достаточно степеней свободы, чтобы, не нарушая этих законов – ограниченный, мы могли достигать очень многих и разных целей. Но не любых, конечно. И коммунизм или рай на Земле к ним вряд ли относятся. (Зато относятся самоуничтожение и уничтожение планеты). Но достигать этих целей мы можем, только правильно понимая эти законы – ограничения. В противном случае, стремясь к благой

ли или корыстной цели, мы можем получить результат совсем не тот, который хотели. И вот в том, что мы, включая правительство Соединенных Штатов, Бильдербергский клуб и т. д., неправильно понимаем эти законы, как раз и есть главная причина происходящего сегодня в мире нарастания угроз и бед. Т.е. несовпадение интересов конкретных акторов с общечеловеческими или, проще говоря, их жадность, властолюбие, агрессивность здесь тоже причём, но главным является неправильное понимание ими упомянутых законов. Не ведают люди, что творят, не понимают, неправильно понимают, даже когда творят с благими намерениями, но точно также и когда с корыстными. Причём это неведение в наш информационный век, век бурного развития науки удивительным образом не убывает, а нарастает. И именно этим, прежде всего, объясняется деградация элит и не только элит, но и всего общества и человечества сегодня.

Что же касается цикличности в эволюции элит, то она в каком-то смысле тоже имеет место. Но отнюдь не в том смысле, как в природе, где она носит характер не нарушаемого закона. (На появление в предписанный срок какой-нибудь кометы Галлея мы никак повлиять не можем). В обществе эта цикличность выступает лишь в роли тенденции, которая реализуется только, если мы этому не препятствуем, а тем более если способствуем. А сегодня мы именно способствуем деградации элит и общества в целом. Как способствуем?

Для того чтобы понять как способствуем, нужно сначала разобраться какие факторы, от нас зависящие, влияют на изменение состояния общества. В моей теории детерминизма («Неорационализм», Киев, 1992) я показал, что главным таким фактором являются идеи, принимаемые обществом. Фаза прогресса, улучшения качества элит, а вместе с ними и всего общества, имела

место в предшествующую эпоху, эпоху Просвещения, а точнее в эпоху торжества в западном обществе рационалистического мировоззрения. Тогда элиты и западное общество в целом верило в возможность установления истины вообще и справедливости в частности и в то, что, решая всякие конфликтные вопросы, мы можем договориться на основе общей для всех справедливости. И что такое разрешение конфликтов будет не только справедливым, но даст и наилучшие для всех результаты. Кстати, этот прогресс элит и всего общества в ту эпоху наблюдался отнюдь не во всем мире, а только в странах Запада, в которых и восторжествовало рационалистическое мировоззрение.

Но эпоха Просвещения, эпоха торжества рационалистического мировоззрения, сменилась эпохой модернизма, а затем постмодернизма, в которой мы и живем сегодня. Эта смена произошла в результате кризиса так называемого классического рационализма, лежащего в основе рационалистического мировоззрения эпохи Просвещения. В результате и в западном обществе распространилось неверие в возможность установления объективной истины вообще и справедливости в частности и в невозможность договариваться на основе справедливости общей для всех. У каждого — своя правда, плюрализм и т. д. Ну, а если невозможно договариваться на основе справедливости, то каждому индивиду и каждому сообществу или организации остается достигать своих целей только с помощью силы или хитрости. Отсюда сразу вытекает и моральная и интеллектуальная деградация и элит и общества в целом.

Как кризис рационалистического мировоззрения отразился на деградации западных элит и через то на ситуации во всем мире, можно расписывать в цветах и красках во многих томах. Не претендуя на то, что я исчерпал эту тему, я, тем не менее, кое-что сделал для это-

го, например, в книге «Глобальный кризис. Причины и пути выхода» (LAP publishing, Саарбрюккен, 2013) и многих статьях. Здесь ограничусь лишь двумя примерами.

В эпоху до кризиса рационалистического мировоззрения внешняя политика Соединенных Штатов была изоляционистской. Просто говоря, они не вмешивались не в свои дела, и уже по одному этому их нельзя было обвинить во всех тех грехах, в которых их обвиняют сегодня. Полной изоляции в нашем мире не бывает, тем более в эпоху глобализации (я имею в виду глобализацию не как политику, а как объективный процесс, связанный с научно-техническим прогрессом). Поэтому постепенно Штаты стали вмешиваться в международные дела, но сначала они руководствовались именно благими намерениями. Так было, например, в совместной с Союзом войне против фашизма и в экономической помощи европейским странам и Японии по окончании этой войны. (План Маршала). Конечно, можно и здесь приписать Штатам корыстный интерес – сколачивали блок против Советского Союза. Но ведь и Союз был не паинька и сам рвался к мировому господству и сколачивал блок. Кто там первый сказал А, трудно установить, да и неважно. Каждая сторона оправдывала свои действия действиями другой. Кроме того нужно учесть, что восстанавливая экономику европейцев и японцев, Америка создавала себе конкурентов и они таки действительно конкурировали с ней потом и немало теснили ее вплоть до сего дня.

Но постепенно это вмешательство в мировые дела становилось все более масштабным, все более открытым, чтоб не сказать наглым, и все менее альтруистическим, а преследующим плохо скрываемую жажду мирового господства. И одновременно все чаще результаты этого вмешательства оказывались противоположными

тем, которые имелись в виду. (Свидетельство деградации интеллектуальной). Влезли в Ирак с благим намерением остановить распространение оружия массового поражения. (Некоторые оспаривают благость этого намерения, утверждая, что американцы знали, что у Саддама нет атомной бомбы, но я с этим не согласен). Но, достигнув этой цели, на этом не остановились, а стали насильно насаждать в Ираке демократию (и проамериканский режим) и получили в результате ИГИЛ. Аналогичные истории с Афганистаном, Египтом, Ливией и т. д.

Другой пример – это сексуальная революция со всеми последствиями, включая однополые браки, которую западные страны осуществили сначала у себя, а уже потом стали навязывать всему миру. Какой тут может быть конспирологический заговор, если они сначала нанесли (и продолжают наносить) этим вред себе, а уже потом всему миру? Зато тут совершенно очевидно влияние научных (псевдонаучных) и философских теорий, в частности фрейдизма и экзистенциализма. Фрейдизм «доказал», что человек не властен над своими инстинктами, а экзистенциализм, что нет ничего достоверного, кроме свободы и ощущений. А если так то, что нам еще остается, кроме как по максимуму освобождаться и «ловить кайф» любыми способами. А теории эти смогли распространиться и завоевать умы в западном обществе именно вследствие кризиса рационалистического мировоззрения, в частности отсутствия общепринятых критериев научности. Можно еще говорить об экономических кризисах, терзающих и весь мир и само западное общество, вследствие отсутствия правильной макроэкономической теории и т. д. Но хватит и этого.

Спрашивается, а почему произошел кризис рационалистического мировоззрения и можно ли это миро-

воззрение возродить? Кризис произошел из-за ошибок, изначально содержащихся в положениях классического рационализма и ставших очевидными после появления теории относительности Эйнштейна. Тогда на западе распространились и стали господствовать философские направления, релятивизирующие научное познание, доказывающие его относительность. Исправив ошибки классического рационализма при сохранении его сути, я построил Неорационализм (упомянутая выше книга) и предложил единый метод обоснования научных теорий (одноименная книга, Алетейя, СПб, 2012), которые дают теоретическое решение этой проблемы. Единый метод в частности дает критерии, отделяющие науку от не науки, из-за отсутствия которых получили признание и распространение фрейдизм и экзистенциализм. Дело за практикой.

Глава 27

Проект Делягина

или как обустроить Россию и мир

25.7.15

В статье «Базовые тенденции глобального развития: конец рынка» М. Делягин предложил свой проект выхода России из кризиса и ее обустройства в дальнейшем. Проект претендующий быть всеобъемлющим и базирующимся на глубокий философский анализ ситуации в мире и процессов, текущих в нем. Уже сама претензия, учитывая легковесность того, что сегодня пишется и предлагается на эту тему, делает честь М. Делягину. Есть в докладе и ряд ценных мыслей, с которыми я согласен. Однако глубина анализа оставляет, на мой взгляд, желать лучшего, отсюда и недостатки в самом проекте. Несмотря на эти недостатки и отчасти благодаря им, статья Делягина дает отличный повод и затравку для разговора о ситуации сегодня в мире и в России и о том, что делать дальше. Поскольку анализ М. Делягина занимает немного места, то позволю себе привести его почти без купюр:

Информационные технологии в корне меняют ситуацию в мире: «если до них мы меняли окружающий мир, то теперь во все большей степени меняем свое восприятие этого мира (так как наиболее рентабельным из общедоступных видов бизнеса стало формирование сознания)...

Изменились мотивы общества: люди в массовом порядке стали осознанно приносить свои интересы в жертву эмоциям. Удовлетворение первичных материальных потребностей сделало главной проблемой общества сенсорное голодание: сегодня мотивом действий и, соответственно, непосредственным двигателем

развития является дефицит не столько материальных или духовных благ, сколько, прежде всего, эмоций.

Активная часть общества во все большей степени структурируется в рамках не привычных нам партий и клубов, но сект, объединяющих людей на основе некритического восприятия религиозной догмы, человека, товара или финансового продукта».

«...государства заняли подчиненную позицию по отношению к глобальному бизнесу и выражающему его интересы глобальному управляющему классу – этому качественно новому всемирно-историческому субъекту, ставшему главным фактором развития человечества.

Высокая производительность информационных технологий делает нужной для производства материальных и духовных благ, потребляемых человечеством, все меньшее число людей. В то же время возвышение глобального бизнеса над государствами уже сделало доминирующей логику эффективности с точки зрения не общества, а отдельной фирмы.

Поэтому проблема «лишних людей», высвобождаемых из-за сверхпроизводительных технологий, и их свободного времени перестала учитываться, так как существует как проблема лишь на уровне общества, а не фирмы».

В этом анализе Деягин затронул необычайно важные для понимания происходящего сегодня в мире вопросы, но затронул их, я бы сказал, кавалерийским наскоком, не углубляясь. Отсюда неясность и неточность нарисованной картины и как следствие серьезные ошибки и недочеты в предлагаемом проекте. Учитывая важность поднятых Деягиным вопросов, я хочу углубиться в их анализ и исправить ошибки Деягина. Читатели, которые не любят «много букаф», могут дальше не читать, т. к. без «многих букаф» не может быть глубокого анализа. Конечно, стиль кавалерийского

наскока гораздо больше подходит для получения тех самых эмоций, о которых пишет Делягин, но те, кто жаждут легкого получения приятных эмоций, пусть потом не жалуется, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Анализ буду делать по частям и для начала выделю такой аспект.

Информационные (по Делягину) технологии удовлетворили и материальные и даже духовные потребности человечества и на первое место вышли теперь потребности в эмоциях (в другом месте сказано «сенсорные»). Но и последние, равно как и материально-духовные, удовлетворяются сегодня легко с помощью все тех же информационных технологий. Причем для удовлетворения всех этих потребностей требуется, чем дальше, тем меньше людей. А удовлетворяет все эти потребности владеющий информационными технологиями глобальный бизнес, находящийся в руках глобального правящего класса. А этому классу нет дела до тех людей, которые оказываются теперь ненужными для производства благ, включая эмоции. Ведь этот класс не служит никакому государству и народу, а служит самому себе. Отсюда все беды и отсюда рецепт спасения: акцент на национальные государства и их региональные союзы в противовес глобальному бизнесу и глобальному правящему классу. Рецепт этот Делягин затем подробно разворачивает, вплоть до необходимости дружбы с Китаем. Что можно сказать по поводу этой части делягинского анализа и вытекающего из нее вывода?

Во-первых, дефиниция потребностей материальных, духовных и в эмоциях, которую Делягин непонятно зачем дает (т. к. его выводы из этой дефиниции никак не вытекают — по нему глобальный бизнес с помощью информационных технологий удовлетворяет

ет все наши потребности без разбора), и выяснение, какие из этих потребностей играют сегодня главную роль, сделана Деягиным неправильно.

«...непосредственным двигателем развития является дефицит не столько материальных или духовных благ, сколько, прежде всего, эмоций». Спрашивается, как понимать дефицит эмоций? В смысле, что в современном обществе стало меньше эмоций? Или эмоций осталось столько же, но требуется больше в связи «с удовлетворением материальных и духовных потребностей»? Эмоций вряд ли стало меньше, скорей наоборот. Напряженность политической и экономической жизни непрерывно возрастает, поставая тем пищу для эмоций. Поток информации растет по экспоненте, накаляя эмоции до массового психоза, что в немалой степени отражается на росте нестабильности в мире и в России в частности. А эмоции бытового плана: любит – не любит, гад – сосед, сука – начальник, падлы – сослуживцы, в лучшем случае остались, как и были, но скорее тоже выросли из-за накала политических страстей, превращающих во врагов бывших друзей и родственников. Предполагать же, что главным источником эмоций в прошлом был процесс добывания пищи (зарабатывания денег), а теперь не надо напрягаться и галушки сами прыгают в рот и посему иссякли эмоции, тоже неверно. Во-первых, галушки пока что в рот сами не прыгают и их добывание по-прежнему доставляет немало эмоций, хотя, конечно, и не так много и не таких бурных, как охота на мамонта. И даже это – только в относительно благополучных странах. А миллиард страдающих от голода в мире в попытках добыть пищу испытывают эмоции, соизмеримые с теми что у охотников на мамонтов. Например, пускаясь на утлых суденышках через океан, дабы эмигрировать в блаженную Европу. Главное же, что добывание пищи было главным

источником эмоций именно во времена охоты на мамонтов. Хотя и тогда не единственным. (Какая падла наш вождь, забирает себе пол мамонта и завел целый гарем, а нам баб не хватает). Сокращение же времени, необходимого для добывания пищи, связано с развитием и усложнением общества: производственные отношения, технологии, торговля, финансы, политика идеология, искусство и т. д. И поток эмоций из этих сфер с лихвой перекрывает убывание эмоций из сферы добывания пропитания даже в материально благополучном обществе. Появившаяся сегодня тяга части горожан покидать города и возвращаться «на землю» связана как раз с переизбытком эмоций современной, чти городской, жизни и стремлением разгрузиться эмоционально, пусть и за счет роста числа часов, отдаваемых на зарабатывание пропитания трудом на земле.

И потом, что вообще понимает Делягин под эмоциями? Один раз он употребляет в этом контексте словосочетание «сенсорное голодание». Сенсорное голодание — это недостаток не эмоций, а ощущений. Таковой, действительно, имеет место в современном технически развитом обществе по сравнению с первобытным. Первобытный человек, незащищенный зимой от холода, а летом от жары, страдающий от многих прочих неудобств, действительно имел море ощущений, которых мы сегодня лишены, благодаря комфорту нашего быта, обеспеченному технологиями. Но сказать, что связанное с комфортом сенсорное голодание является мотивом наших поступков, что мы из кожи лезем вон, чтобы избавиться от комфорта и не в состоянии этого сделать, явно не соответствует факту. Даже вполне благополучный в смысле комфорта человек, как правило, жаждет еще большего комфорта и, имея обычные душ с ванной и разделенным туалетом, мечтает о джакузи и золотом унитазае.

Вот что действительно выросло в современном технологически развитом обществе, по сравнению с лохматыми временами, так это количество времени у среднестатистического индивида, свободного от труда ради добывания пропитания и прочих материальных потребностей, даже с учетом того, что объем этих потребностей вырос. (Первобытный человек прекрасно обходился без современного комфорта и нужды в нем не имел). И, соответственно, появилась и продолжает расти потребность в заполнении этого времени. Заполнять его можно по-разному: можно творчеством, общественной деятельностью, спортом и т. д. Но подавляющее большинство людей предпочитает заполнять его развлечениями. И вот тут, действительно, вступают в картину и информационные технологии, и глобальный правящий класс. Вступают, но не совсем так, как это рисует нам Делягин.

Ведь если, как утверждает Делягин, с помощью информационных технологий удовлетворяются все наши потребности: материальные, духовные и в эмоциях, то о чем тогда речь? Ну, появляются лишние люди, но ведь все их потребности удовлетворяются. И какая нам большая разница, будут ли наши потребности удовлетворяться глобальным бизнесом и его управляющим классом или национальным бизнесом под руководством национального государства. И зачем, спрашивается, глобальном бизнесу и его классу сводить к нулю подавляющую часть населения земного шара, ставшую лишней в производстве материальных и нематериальных благ, если потребности всей этой массы он может легко удовлетворить с помощью информационных технологий? Ну, не нужны ему лишние люди, но ведь практически и не мешают, если удовлетворять их потребности он может легко. А истреблять их — дело хлопотное и небезопасное. Их ведь много и никто не

любит, чтобы его истребляли. Да и не так уж совсем все эти лишние люди не нужны глобальному бизнесу. Они не нужны ему как независимые, свободные люди. Но как потребители, послушные, управляемые, но потребляющие, они ему нужны для увеличения его прибыли. Да и по факту мы видим, что когда в той или иной стране Африки народ начинает помирать с голоду, то гуманитарку в больших количествах им гонит именно Запад, это гнездовье глобального бизнеса. Ну а то, что он устраивает там цветные революции и управляемый хаос, это не для истребления (число погибающих в этих революциях несравненно меньше числа спасенных от голодной смерти с помощью гуманитарки), а для того, чтобы лишние люди не поднимали хвост и были управляемыми и послушными глобальному бизнесу.

Тут читатель может воскликнуть: ну, хорошо, не эмоции выходят на первое место среди наших потребностей, а необходимость заполнять чем-то свободное время. И глобальный управляющий класс не нуждается в истреблении большей части человечества и не собирается этого делать. Он хочет лишь, чтобы люди были послушными его воле потребителями. Но все равно получается, что этот класс – бяка и нужно ему как-то противостоять. Значит, несмотря на неточность анализа ситуации в мире, проект Деягина в общем верен?

С тем, что глобальный управляющий класс, он же транснациональная олигархия – бяка, я согласен и писал об этом еще 6 лет назад (в статье «Современная олигархия» и других). Причем я отмечал, что вина глобальной олигархии не только в том, что она стремится превратить нас в послушных ее воле потребителей. Дело в том, что, с удовлетворением всех наших потребностей, начиная с материальных, в эпоху информационных технологий все обстоит не так благополучно,

как Делягину кажется. Потенциально современные технологии (хотя почему только информационные, надо спросить у Делягина) таки позволяют нам удовлетворить материальные потребности всего человечества. Но, к сожалению, мы не умеем толком распорядиться этими технологиями и в результате экономика мало того что развивается не так успешно, как могла бы, но еще периодически проваливается в кризисы и чем дальше, тем чаще и страшней. В результате говорить о полном удовлетворении хотя бы материальных потребностей всего человечества пока не приходится. (Духовные потребности я пока оставляю в стороне, но еще вернусь к ним). Неблагополучие с экономикой в мире, как показано в моей книге «Начала новой макроэкономической теории», (Direct Media, M., 2013) связано с одной стороны с отсутствием правильной макроэкономической теории, а с другой с противоречием интересов глобального правящего класса с интересами человечества.

Таким образом, хотя глобальному бизнесу и его правящему классу необходимо противостоять (тут я с Делягиным заодно), но нелепо думать, что стоит дать ему по рукам и все проблемы человечества, описанные (не совсем верно) Делягиным в его анализе, решаться сами собой.

Во-первых, что значит дать глобальному бизнесу по рукам? Если Делягин думает, что достаточно отгородиться от него с помощью полной самоизоляции в мире или не полной в рамках некоего регионального или не совсем регионального союза типа БРИКС, то он ошибается. Полная или хотя бы частичная изоляция приведут к разрыву экономических и научно-технических связей с остальным миром и как следствие к экономическому отставанию и проигрышу. К тому же члены предполагаемого союза поймут (уже понимают)

это и на полный разрыв связей с остальным миром и с глобальным бизнесом не пойдут. А значит и изоляции от глобального бизнеса на этом пути не получится. Вообще надо понимать, что глобализация сегодня в мире происходит не только потому, что есть глобальный бизнес и его управляющий класс, которые в этом заинтересованы, а, прежде всего, как следствие научно-технического прогресса (с которого Делягин и начинает свой анализ). Именно поэтому полная изоляция в современном мире невозможна, а попытка достижения ее ведет к проигрышу.

Что да возможно, это, не уходя в изоляцию и отставив национальные интересы, повлиять на характер глобализации с если не устранением, то смягчением ее негативных последствий. И прежде всего, не в изоляции, а в сотрудничестве со всеми странами мира и западными в особенности, добиться ограничения глобального бизнеса и его класса.

Реально ли это сделать и можно ли рассчитывать в этом деле на сотрудничество с западными странами, особенно с Америкой, которая, безусловно, имеет свой дивиденд от нынешнего господствующего в мире положения глобального бизнеса? Реально, потому то западные страны и даже Америка сами страдают от господства глобального бизнеса, причем потери даже Америки от него больше, чем дивиденды.

Что нужно делать для ограничения глобального бизнеса, я описал в упомянутой книге и кое-что из того, что я предлагал уже сделано и продолжает делаться по инициативе западных стран и Америки, прежде всего. (Не утверждаю, что это делается по моему совету, могли и сами додуматься, но не исключаю и что заимствовали у меня, забыв упомянуть автора). В частности приняты международные законы, ограничивающие (пока недостаточно) возможность укрывания прибылей в

оффшорах. Кроме того некоторые считают, что дефолт банков Кипра, при котором многие транснациональные вкладчики потеряли там свои вклады, это инициатива американцев, смысл которой – начало разгрома офшоров в пользу американцев же. И подобный разгром ожидается теперь на Виргинских островах и других значных местах для укрытия прибылей от налогов. Такого способа разгрома глобального бизнеса я не рекомендовал, потому что это несправедливо в отношении многих стран, России в частности, и со временем аукнется мировой экономике негативом. Но это лишний раз показывает, что в Америке есть силы, понимающие вред и опасность глобального бизнеса для самой Америки. Это значит, что если Россия возьмет курс на сотрудничество со всеми странами мира и с Америкой в частности в укорочении глобального бизнеса, то ей будет с кем разговаривать в этой Америке в том числе. И на этом пути можно добиться, чтобы борьба с глобальным бизнесом шла не за счет России и других стран, как в случае с офшорами на Кипре. Конечно, нельзя забывать, что Америке, по крайней мере, в ближайшей перспективе выгоден именно кипрский вариант борьбы с офшорами и глобальным бизнесом в целом. И что последние десятилетия она явно предпочитает свои интересы общечеловеческим. Но если Россия возьмет на вооружение мою макроэкономическую теорию, то сможет убедить многие страны мира и, в конечном счете, и саму Америку, что избранный ею путь борьбы с офшорами и глобальным бизнесом не оптимален не только для других стран, но и для самой Америки в отдаленной перспективе.

Вернемся к еще одному пункту из анализа Делягина и выводам, которые он из него делает. Он пишет, что если раньше «мы меняли окружающий мир, то теперь во все большей степени меняем свое восприятие этого

мира (так как наиболее рентабельным из общедоступных видов бизнеса стало формирование сознания)...

Изменились мотивы общества: люди в массовом порядке стали осознанно приносить свои интересы в жертву эмоциям».

Т. е. глобальный бизнес манипулирует нашим сознанием с помощью информационных технологий, в частности разжигает эмоции и в результате мы забываем или неправильно понимаем свои подлинные интересы. И отсюда все тот же вывод о необходимости изоляции от глобального бизнеса.

То, что глобальный бизнес стремится манипулировать нашим сознанием, это верно. И в частности делает это, разжигая определенные эмоции с помощью информационных технологий. (О чем уже сказано выше). Еще более верно, что люди сегодня все чаще поступают вопреки своим подлинным интересам. (Правда, вряд ли они это делают сознательно, как кажется Делягину). Но, во-первых, как было сказано, изолировать от глобального бизнеса на какой-либо территории, предоставив ему царствовать во всем остальном мире, невозможно. А, во-вторых, даже если бы и было возможно, решит ли это проблему манипулирования нашим сознанием и правильного понимания своих интересов и следования им? Разве в эпоху до глобализации не было манипулирования сознанием масс? Не было геббельсовской и красной пропаганды? А исламский фундаментализм – это не манипулирование сознанием? Да во всю историю человечества существовало это манипулирование сознанием, начиная с лохматых времен, когда его осуществляли всякие жрецы и шаманы. В человеческой истории был лишь короткий период просветления, когда это манипулирование было сведено к минимуму. Это – эпоха Просвещения, а точнее эпоха торжества рационалистического мировоз-

зрения, да и в эту эпоху просветление было не во всем мире, а только в Европе, где и случилось Просвещение и восторжествовало на время рационалистическое мировоззрение.

Сейчас откат в этом отношении наблюдается и в Европе с Америкой, тем более в России с Украиной, а уж про Африку с Азией говорить не приходится. (Хумейнизм, ИГИЛ и т. д. – тому отличная иллюстрация, да и война в Украине от того не далеко ушла). Причиной этого отступления является кризис рационалистического мировоззрения, мировоззрения, на котором встала и расцвела европейская цивилизация, стряхнув с себя с его помощью мрак средневековья и освободив умы европейцев от манипулирования сознанием со стороны манипуляторов всех мастей. Без преодоления этого кризиса никакая борьба с глобальным бизнесом, с изоляцией от него или с взаимодействием со всеми остальными странами мира, решению этой проблемы не поможет. Будет по-прежнему манипулирование сознанием, не со стороны глобального бизнеса, так со стороны «сект, объединяющих людей на основе некритического восприятия религиозной догмы, человека, товара или финансового продукта». И со стороны традиционных политических партий, властей и групп интересов всех мастей. Все это мы наблюдаем и сегодня, и без изоляции от глобального бизнеса. Не один глобальный бизнес зомбирует нам сегодня мозги, их зомбируют нам сегодня со всех сторон. Либеральные мыслители подают это даже как достижение, свобода ж выбора есть. Забывая, что свобода выбора свободе выбора – рознь. Одно дело, когда люди понимают, между чем и чем они выбирают, и делают осознанный выбор, другое, когда их выбор не рационален, а базируется на эмоциях и вместо разумно управляемого общества разумных людей получается тотальная

шизофрениа и тотальная ненависть всех ко всем. И выход из этой тотальной шизофрениа без разрешения кризиса рационалистического мировоззрения может быть только через установление всемирной диктатуры Соединенных Штатов (глобального бизнеса) или диктатур локальных с взаимоисключающими идеологиями, что непременно приведет к мировой войне.

О сути кризиса рационалистического мировоззрения, его причинах и влиянии на ситуацию сегодня в мире, в частности на манипулирование сознанием и плохое понимание своих интересов не только массами, но и государствами и их элитами, я писал много. («Кризис рационалистического мировоззрения и единый метод обоснования научных теорий», «Глобальный кризис: причины и пути выхода», LAP-publishing, Саарбрюккен, 2013 и др.). Здесь изложу это кратко.

Кризис произошел из-за ошибок, изначально содержащихся в положениях классического рационализма и ставших очевидными после появления теории относительности Эйнштейна. Ошибки эти заключались в абсолютизации научного познания, в представлении, что наука не меняет своих понятий и однажды сделанных выводов, а новое знание только добавляется к ранее добытому, ничего в нем не меняя. Теория относительности Эйнштейна ярко высветила то, что вообще-то можно было заметить и раньше, а именно, что наука таки меняет свои понятия и выводы при смене так называемых парадигм, а лучше сказать, фундаментальных теорий. Как это и произошло при смене механики Ньютона теорией относительности Эйнштейна. Время, абсолютное у Ньютона, стало относительным, а скорость света, вопреки выводу механики Ньютона о сложении скоростей по формуле Галилея, оказалась постоянной и не складывающейся со скоростью источника света. И т. д. Это и привело к кризису раци-

оналистического мировоззрения (поскольку оно было тесно связано с рациональной наукой и его авторитет в значительной степени подкреплялся, казавшейся до этого незыблемой, надежностью науки).

Вскоре после появления теории относительности на Западе распространились и стали господствовать философские направления, релятивизирующие научное познание, доказывающие его относительность. Такие, как философский релятивизм, онтологический релятивизм, лингвистический релятивизм, пост-позитивизм и т. д. с такими именами как Куайн, Кун, Фейерабенд, Поппер, Лакатос и т. д. Попытки исправить классический рационализм, устранив его недостатки, но сохранив его главное достоинство – веру в способность нашего познания (рационально научного) давать нам надежную истину, в частности выводы, на которые можно полагаться без риска, что мы можем прийти к результату противоположному предсказанному наукой, причем не только в сфере естественных и точных наук, но и в гуманитарной сфере, – оказались до сих пор безуспешными. Несмотря на то, что это пытались сделать такие гиганты мысли как Гильберт, Рассел, Фредж, Пеано и другие. Даже философы релятивизаторы науки – Поппер и Лакатос тоже претендовали на это, тоже безуспешно.

Конечно, и после того, как произошел этот кризис и утвердились на Западе упомянутые философские течения, люди не перестали пользоваться техническими плодами науки. Естественные, а тем более точные, технические науки вообще мало пострадали от этого кризиса (хотя тоже пострадали). Но в гуманитарной сфере, в области политики, морали, в общественных науках и даже в макроэкономике воцарилось неверие в возможность найти единую для всех объективную истину или справедливость. Начался, так сказать, полный

плюрализм, у каждого своя правда. Действительно, как можно исповедовать, скажем, какую-либо систему морали, научно обоснованную, если наука не дает нам надежных выводов и завтра окажется, что эта система неверна и нужно было делать все наоборот. В этой ситуации, как сформулировали еще экзистенциалисты, единственно надежными ценностями остаются индивидуальная свобода (свобода в обществе от общества) и чувственные наслаждения (положительные эмоции). Поэтому падение авторитета научной обоснованности, особенно в гуманитарной и общественной сфере, привело не только к интеллектуальной деградации западного общества (а странам не принимавшим рационалистического мировоззрения, условно говоря, некуда было и деградировать), но и к моральной тоже. А и то и другое вместе привело к тому, что при выяснении истины, при решении политических и общественных вопросов и проблем (в частности при выборе кандидатов на демократических выборах) люди стали меньше полагаться на рациональную аргументацию, а больше руководствоваться эмоциями и инстинктами («хлеба и зрелищ» сейчас, а «после нас хоть потоп»). Либо эмоциями, разжигаемыми с помощью пропаганды и провокаций. (Во всем виноваты жидаы, черные, хохлы, москали, американцы, ну и кого против кого стравили). Способность критического (аналитического) мышления в политике и общественных делах, как у масс, так и у элит упала до нуля со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая легкость сегодня манипулирования массами теми, кто имеет возможность манипулировать. А при нынешнем уровне информационных технологий это – практически каждый, кто пожелает.

Но можно ли исправить ошибки классического рационализма при сохранении его сути? Я утверждаю, что я сделал это. Я показал («Неорационализм», Киев,

1992; «Единый метод обоснования научных теорий», Алетеия, СПб, 2012 и др.), что, хотя наука и меняет свои понятия и выводы при переходе от одной фундаментальной теории к другой (в той же области) и даже обязана это делать при таком переходе, но метод обоснования и старой и новой теории остается одним и тем же единым методом обоснования научных теорий, выработанным в процессе развития естественных наук, но до сих пор не сформулированным явно, а работающим на уровне стереотипа естественно научного мышления. (И даже на этом уровне работающим преимущественно в сфере естественных наук, а гуманитарии и до кризиса классического рационализма не очень пользовались им, а сейчас и вовсе забросили). Я сформулировал этот метод и достроил его и показал, как им пользоваться (с соответствующей адаптацией) и в гуманитарной сфере. Я показал, что если старая теория обоснована по единому методу обоснования, то и после появления новой фундаментальной теории с отличными выводами, выводы старой остаются истинными в пределах границ применимости этой теории. Правда, до сих пор не было ясно, как определить эти границы до того, как появилась новая фундаментальная теория (точнее, так называемый опровергающий эксперимент). Сформулированный мной единый метод обоснования научных теорий позволяет сделать это наперед. Таким образом, решается проблема надежности научного познания, которая привела к кризису рационалистического мировоззрения. Решается на теоретическом уровне (в предположении, что метод действительно существует и дает то, на что претендует). Но для того, чтобы это решение стало практическим, надо чтобы этот метод был признан и принят на вооружение обществом. А для этого надо, чтобы сначала метод был принят философским и научным сообществом. Принят, естественно, не на

веру, а в результате обсуждения и установления его истинности. Возможно, конечно, что будет установлена ложность метода. В последнем случае это тоже будет результат полезный для общества, как бы он ни был неприятен мне лично. Но обсуждения не происходит по причине, что моральная деградация коснулась и научного, а особенно философского сообщества. Философы перестали служить истине и обществу, а превратились в служилых, озабоченных только своей карьерой. А признание единого метода обоснования этой карьеры помешает, т. к. станет видна необоснованность тех публикаций, с помощью которых они эту карьеру делают.

Теперь вернемся к вопросу о духе, про который Деягин сообщил только, что потребность в нем сегодня вполне удовлетворена с помощью информационных технологий и, следовательно, нет нужды заниматься им, планируя как обустроить Россию и мир. Деягин ошибается и нужда есть. Ошибка Деягина начинается с того, что он, как и очень многие в России, как среди патриотов, воюющих за духовность, так и среди либералов, издевающихся над духовностью, говорит о духе, а также об эмоциях не дифференцировано. Вот просто дух и просто эмоции, а какой дух и какие эмоции, неважно. В то время как раз это и важно. Эта не дифференцированность очень вредит патриотам и помогает либералам, противникам духовности. Вредит, потому что способствует проникновению в ряды патриотов бездуховных карьеристов, строящих карьеру на симуляции патриотизма и духовности, и разного рода фанатиков и носителей больного духа. А либералам это облегчает задачу нападок на защитников духовности. Мол, смотрите, каковы эти защитники духовности, и лучше наша бездуховность, чем такая духов-

ность. Т. е. дух духу рознь и эмоции эмоциям тоже. Чтобы разобраться в этом начну с эмоций.

Деягин не случайно попутал эмоции с ощущениями («сенсорный голод»). Отправной точкой для любых наших чувств (эмоций) служат ощущения. Но есть эмоции, которые практически совпадают с ощущениями, а есть, которые отстоят от этой отправной точки так далеко, что и докопаться до их связи с этим первоисточником почти невозможно, а главное эта связь уже и роли никакой не играет.

Возьмем, скажем, чувство голода. Оно настолько близко стоит к ощущениям, что его и называть можно и часто называют ощущением голода. А теперь возьмем чувства – эмоции, испытываемые нами, когда мы читаем книгу. Здесь тоже на входе есть ощущения – световые сигналы, поступающие от букв в наш орган чувств (точнее ощущений) глаза. Но при чем тут эти ощущения к той буре чувств, которую может вызывать (а может не вызывать) чтение книги. Ясно, что эти чувства вызываются не самими световыми сигналами, а теми смыслами (и художественным воздействием), которые в них зашифрованы автором и которые только переносятся в наш мозг с помощью соответствующих световых сигналов. Мы можем испытывать мощнейшие эмоции и от одних только мыслей, когда источника ощущений вообще не видно. (Хотя, если бы человек был лишен органов чувств и не получал отродясь никаких ощущений, то у него и никаких бы мыслей в голове не возникало).

Учитывая вышесказанное, мы можем разделить чувства-эмоции на, условно говоря, низкие, в смысле близкие к ощущениям, и высокие, далеко отстоящие от ощущений. Конечно, четкой границы между теми и другими нет, есть случаи, когда трудно определить, что там превалирует, высокие чувства или ощущения. Так,

например, в случае гармоничной любви мужчины и женщины. Но гармоничной любовью бывает не всегда, а сегодня так и не часто. Часто превалируют ощущения – голый секс. Бывает, что превалируют в любви и высокие чувства, вплоть до платонической любви. Но это отсутствие четких границ между низкими и высокими чувствами не мешает нам при построении модели воспользоваться такой дефиницией. (Тот, кто знаком с моей теорией познания, знает, что и в физике не существует абсолютных границ между понятиями, что не мешает физике с успехом строить свои модели и пользоваться ими для получения практических результатов).

Соотношение потребности человека в низких и высоких чувствах в процессе эволюции человека от первобытного к современному менялось. И вплоть до эпохи, которую вслед за Делягиным назовем пока что информационной, оно менялось в одну сторону. А именно, в сторону возрастания высоких чувств. Первобытный человек был близок к животному. У низших животных, у какой-нибудь амебы вообще нет чувств, есть только ощущения. У высших животных, у кошки, собаки, как по мне, есть чувства (хотя некоторые ученые это отрицают). Но это достаточно примитивные чувства, стоящие близко к ощущениям. Кошка и собака не способны испытывать сильных эмоций, слушая музыку Баха. Таким образом, весь процесс перехода от обезьяны к человеку неразрывно был связан с нарастанием не только его интеллектуальных способностей, но и доли высоких чувств за счет низких в его эмоциональном восприятии мира и себя. Причем еще неизвестно, что больше делает человека человеком, интеллект или способность и потребность в высоких чувствах. Высокие чувства конкурируют с интеллектом и с точки зрения развития и процветания общества, как материального, экономического, так и культурного, а

также надежности, устойчивости общества. Цивилизации, достигавшие расцвета и длительно процветающие, такие как европейская в недавнем прошлом и все еще или античная в древности, отличались от их нецивилизованных соседей не только более высоким уровнем интеллекта, но и большей высотой чувств, что отразилось в оставленном ими искусстве.

Но этот процесс нарастания высоких чувств в истории человечества происходил лишь до недавних пор. Как раз до тех пор, пока эпоха Просвещения не сменилась сначала эпохой модернизма, а затем постмодернизма. Регресс человечества, западного, прежде всего, в интеллектуальном отношении, начавшийся с кризиса рационалистического мировоззрения, сопровождался и регрессом его в сфере чувств, примитивизацией их. И это не случайно.

Высокие чувства связаны с душой и духом. («Пришло высокое мгновенье, прекрасным душу обожгло»). Они в отличие от низких направлены не на самого человека с его непосредственными ощущениями (кайф поймать), а, как минимум, на другого человека: любимую женщину, детей, родителей, друзей (душа). Или на более абстрактные объекты: природа, красота, истина, справедливость, Родина, Бог (дух).

Большинство из этих высоких чувств в далеком прошлом имели своим обоснованием религию. Бог велел и возлюбить ближнего своего, и чтить родителей, искать истину, отстаивать справедливость и т. д. В Новое Время авторитет науки потеснил авторитет религии, но в рамках рационалистического мировоззрения высокие чувства получили рациональное обоснование: интерес всех, общества требует и любви к ближнему, и поиска истины, и справедливости и т. д. Кризис же рационалистического мировоззрения поставил под сомнение любые рациональные модели,

особенно в сфере гуманитарной, касающейся человека и общества. В результате достоверными и надежными оказались только ловля кайфа и сплошной гедонизм. А на практике это порнуха, чернуха, низкопробное масс-искусство, оскотинивающий потребителей его шоу-биз, секс индустрия, сексуальные извращения, наркотики и т. д.

Регресс современного модернистского и постмодернистского общества описан многими и мной в том числе. Поэтому ограничусь лишь одним примером. Раньше были интеллигенты, а теперь на смену им пришли интеллектуалы. Признаком общим для тех и других является, безусловно, высокий интеллект. Но интеллигент помимо интеллекта обязан был обладать и высокими чувствами. А интеллектуал может быть Гитлером или Пиночетом с высоким IQ, может заниматься вивисекцией животных, онанизмом или растлевать малолетних и он все равно будет уважаемым интеллектуалом. Какая разница следует отсюда для состояния общества, я думаю, не требует пояснений.

Теперь обратимся к духу. Поскольку высокие чувства связаны с душой и духом, то, казалось бы, зачем нужна дифференциация духа? Есть дух, неважно какой, – есть высокие чувства, есть восхождение человека. Нет духа – деградация. Но все не так просто. Религиозный фанатизм, тот же ИГИЛ – это ведь тоже дух, причем очень мощный дух, подвигающий людей даже на самопожертвование, во имя служения Богу (служения в их понимании). Это пример негативного отрицательного духа. Таковым может быть служение не только Богу, но и разным другим идеям, идеям неправильным, вредным или неправильно понимаемым. Т. е., проповедуя духовность, нужно обязательно уточнять, о каком духе, служении какой идее, каком понимании этой идеи идет речь. Искаженный, неправильный дух в истории

человечества приносил не меньше, а может даже больше вреда, чем бездуховность. Примерами искаженной духовности оправдывают себя неоллибералы, выступая против духовности как таковой.

Как же отличить здоровую правильную духовность от больной, искаженной, фанатичной? Для этого нужна рациональная теория духа. Я построил такую («Неорационализм», часть 5, Место духа в рационалистическом мировоззрении). Излагать ее здесь я не буду, но в качестве примера ее применения рассмотрю возрождение религиозной духовности в России, которое, по мнению одних, происходит и есть благо и чуть ли не единственный путь спасения, а по мнению других, либо не происходит, либо лучше не происходило бы, т. к. это — деградация, возврат к средневековью и т. д.

Прежде всего, поставим вопрос, а почему в результате кризиса рационалистического мировоззрения не возродилось религиозное обоснование высоких чувств, которое имело место до появления рационалистического мировоззрения? Ну, отчасти, таки возродилось, что видно невооруженным глазом, например в России. Но полного возрождения не произошло, и в последнее время даже начался обратный процесс. Потому что, как ни странно на первый взгляд, вопреки кажущемуся противоречию между наукой и религией (в действительности нет противоречия между наукой и верой в Бога), религия сама нуждается в научном обосновании. Естественно, речь идет не о вере в Бога как таковой. (Наука не может ни доказать существование Бога, ни опровергнуть его). Речь идет о правильном понимании Учения как жить людям, даваемым той или иной религией и изложенном в Священных Писаниях этой религии. То, что любая религия имеет проблему понимания своего собственного Учения, видно как из ветвления каждой большой религии на конфессии и множество

сект с разным пониманием Учения, так и из безуспешных попыток богословов дать обоснованное и принимаемое всеми конфессиями толкование Учения. (О чем свидетельствует косвенно и Делягин, говоря о сектах, «объединяющих людей на основе некритического восприятия религиозной догмы»). Проблема эта тем более серьезна, что она приводила в прошлом в Христианстве и приводит сегодня в Мусульманстве к религиозным войнам, преследованию еретиков и прочим проявлениям фанатизма и мракобесия. Поэтому ученые не богословы, представители рациональной науки тоже уже давно пытаются дать обоснованное толкование Библии, и это занятие даже выделилось в отдельную науку герменевтику. Однако и ученым герменевтикам не удалось найти общий язык между собой и дать принимаемое всеми толкование Библии.

В результате после непродолжительного подъема религиозности, в западном мире вообще и в России в частности, начался новый ее спад, поскольку все те противоречия в толковании Учения, которые существовали еще до появления рационалистического мировоззрения, никуда не делись. А «Бог один и истина едина» и верующему человеку еще тяжелей примериться с этими противоречиями, чем неверующему. А еще стремительно изменяющаяся современная действительность поставила перед обществом и человечеством в целом вопросы, находящиеся в сфере морали и ценностей, т. е. в сфере ведения религии, на которые нынешние Отцы Церкви не в состоянии извлечь из Библии вразумительный ответ. Это такие вопросы, как клонировать или не клонировать вообще и человека в частности, до каких пор мы можем вторгаться в геном человека и т. д. Наконец, отсутствие правильного, обоснованного и общепринятого толкования Учения, как в прошлом вело к неискренности многих служите-

лей церкви, так ведет их и сейчас. И этого не могут не видеть рядовые верующие. Настоящее возрождение религии возможно только через правильное, обоснованное толкование Учения с признанием и исправлением всех тех ошибок и преступлений, которых было немало в истории Церкви и которые вытекали из неправильного понимания Учения.

На основании моего неорационализма и единого метода обоснования я предложил свой метод толкования, свою герменевтику и проиллюстрировал ее применение к толкованию Библии. («Эволюция духа. От Моисея до постмодернизма», Direct Media, М., 2013). Признание единого метода обоснования и основанного на нем толкования Учения даваемого Библией, позволило бы начаться истинному возрождению религиозной духовности в России, не противоречащему рационалистическому мировоззрению, а взаимодействующему с ним. В частности, как показано в упомянутой книге «От Моисея до постмодернизма. Движение идеи», при правильном толковании Библии извлекаемая из нее система морали практически совпадает с оптимальной моралью, полученной чисто рациональным путем, исходя из природы человека и общества. («Неорационализм», часть 4).

Теперь рассмотрим, какое отношение имеет это небольшое исследование духа к информационным технологиям, глобальному бизнесу и его правящему классу и ситуации в мире.

Распространение духа, той или иной духовной идеи идет через посредство коммуникации людей. В лохматые времена коммуникация людей была исключительно непосредственной, живой. А сегодня большая часть коммуникаций, особенно связанных с передачей идей, происходит с помощью информационных технологий. Под информационными технологиями можно понимать

то, что на английском называется IT, т. е. создание компьютерных программ таких, как Windows, Google, Facebook и т. д. Или – создание информационного и развлекательного контента, который через посредство СМИ и интернета удовлетворяет базовую часть нашей потребности в развлечениях, заодно фаршируя наши головы нужной нам или тому, кто фарширует, информацией. Первый вид этих технологий создает техническую возможность, которую реализует второй вид, возможность формировать в нужном направлении и умы и эмоции широких масс. Информационными технологиями, как первого, так и второго вида, владеет сегодня в основном глобальный правящий класс. Соответственно, он и навязывает всем те идеи и те эмоции, которые нужны ему.

Глобальному управляющему классу нужно, чтобы все прочие люди были послушными его воле потребителями. Духовность, любая духовность и высокие чувства мешают этому. Но главную опасность для этого класса представляет духовность, служащая подлинным интересам всех людей и потому способная объединить всех людей против правящего класса. Искаженная фанатичная духовность способна иногда объединить довольно большие группы людей, но в принципе неспособна объединить всех, поскольку она всегда основана на ненависти одних к другим. Поэтому и борется управляющий класс, прежде всего, с положительной духовностью. (Точнее с той, которая ближе всего к этому идеалу). С искаженной духовностью, религиозным фанатизмом и национализмом всех мастей он тоже иногда борется, когда те слишком ему мешают, но борется в пол силы. А иногда и заключает с фанатиками временные союзы и даже сам разжигает национализм и религиозный фанатизм на определенных тер-

риториях, когда это ему выгодно для борьбы с подлинной положительной духовностью.

Как борется глобальный класс с правильной духовностью? Во-первых, с помощью разжигания низких эмоций, чувств, страстей через посредство массированного вливания соответствующего контента в подконтрольные ему СМИ печатные, электронные и интернет. Контент этот – это масс искусство, густо замешанное на сексе, насилии, пропаганде сладкой жизни богатых и успешных и вседозволенности, нарушения общепринятых норм, эпатажа, провокаций, щекочущих нервы низким натурам, пресытившимся уже более простыми низкими эмоциями.

Насколько эффективно это оружие, видно из истории развала Советского Союза. Как сказал рок-эндрольный певец Билли Джойл, приехавший в Россию вскоре после развала Союза: «Рок-энд-рол победил Советский Союз». На самом деле Союз развалился, конечно, не из-за рок-эндрола, а из-за того, что система прогнила изнутри. Однако в словах Билли Джойла есть и доля истины. В том смысле, что плоды победы над Союзом достались не высокодуховным борцам с советским тоталитаризмом типа Солженицына, Сахарова и других диссидентов, а тем, кто в соответствии с замыслом глобального класса жаждал низких эмоций. Победила не высокая сознательность с заботой об общем благе, а жажда нахапать побольше любой ценой, а потом «оттянуться», «оторваться», «себя показать», насвинячив другим.

Но спрашивается, почему все-таки в результате развала Союза плоды победы достались условно рок-эндроллу, а не носителям духа типа Солженицына и Сахарова? Конечно, за рок-энд роллом стоял глобальный управляющий класс. И животную часть природы человека тоже, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Нельзя

во имя высокого духа лишать людей так называемых простых радостей жизни и чрезмерно ущемлять телесное начало, как это делало, например, средневековое Христианство, искажая тем подлинное Учение Иисуса Христа. Кроме того, люди не все одинаковы и даже когда общество в целом переживает подъем духа, неважно какого, все равно находится немало людей, которые лишь симулируют духовность, а на самом деле озабочены все тем же «урвать свое», «оттянуться» и «оторваться». Как писали Ильф и Петров, пока большой мир покорял Северный полюс и т. д., в малом мире построили брюки фасона полпред, изобрели кричащий пузырь «уйди уйди» и сочинили песню «Кирпичики». Но с другой стороны в природе человека есть не только телесные, но и духовные потребности. А Союз все-таки не был вотчиной глобального бизнеса и его класса. И даже после того, как революционный дух подугас (здесь неважно, в какой степени он был здоровый, в какой – больной), но Союз был еще силен, этому классу вообще не давали вливать свой контент на эту территорию. Наоборот, тут была зомбирующая советская пропаганда. Наконец, в определенном смысле прав Делягин, говоря, что информационные технологии удовлетворяют, в том числе, и духовные потребности. Действительно, благодаря интернету стал доступен каждому не только рок-энд-ролл, попса, фильмы ужасов, бесноватые, потрясающие с эстрады гениталиями и т. д. Но, в не меньшей степени, – музыка Баха и другое высокое искусство. Почему же широкие массы выбрали первое, а не последнее?

Потому что помимо массированного вливания с помощью информационных технологий масс искусства, пробуждающего низкие чувства у его потребителей, глобальный управленческий класс впаривает с помощью этих же технологий этим же массам

теоретическое обоснование такого мировоззрения, восприятия действительности и способа жизни. Обоснование это строится, естественно, на рассмотренном мной кризисе рационалистического мировоззрения и по схеме, которую я описал выше. Раз наука не может гарантировать нам надежность правильности никакой системы морали или иного объекта духа, то нафиг все эти морали и «духовку», даешь надежный и понятный кайф. Так сказать, доказательство от противного. Это – неверное обоснование, но ни диссиденты, ни нынешние патриоты и никто другой этому ничего не противопоставили до сих пор. А без того, чтобы противопоставить этой ложной философии правильную и действительно научно обоснованную и в первую очередь без возрождения рационалистического мировоззрения, нелепо надеяться отгородиться в рамках национального государства от пропаганды, осуществляемой глобальным бизнесом. Особенно если учесть стремительное расширение всемирных коммуникаций с помощью информационных технологий. И тем более, если учесть, что главная война сегодня на планете это информационная война вообще и между Россией и глобальным бизнесом в особенности. Пытаться отгородиться в этой ситуации от глобального бизнеса в рамках национального государства, это все равно, что в горячей войне заявить противнику: «Все, я больше не воюю, я с вами не хочу дела иметь». Накостыляют по шее и тем дело кончится.

Не будучи в состоянии отгородиться и тем избежать информационной войны, Россия ведет ее, но безнадежно проигрывает. Потому что воюет тем же оружием, что и Запад: передергивание фактов, инсинуации, шельмование, полива, травля. Только Запад и лучше вооружен этим оружием и лучше им владеет. Оно органично для него, для утверждаемого им мировоззрения и

идеологии. Все ж относительно (согласно этому мировоззрению) и истина и справедливость, поэтому все можно повернуть и тем боком и этим. А Россия претендует на духовность. Духовность требует единой истины и единой для всех справедливости. Как же можно, претендуя на духовность, передергивать, шельмовать, поливать противника грязью, даже если он того заслуживает?

Вот, например, назвал Путин либералов бандерлогами. – Боже мой, какая обида! Как так можно в цивилизованном мире? – А самого Путина и вместе с ним и по отдельности Россию обливают грязью с матом, с частушками в два прихлопа, три притопа. И никто с той стороны не видит в этом противоречия, потому что для них это естественно, органично. Успех все оправдывает. А что будет с обществом и человечеством, которое подлеет от применения такого информационного оружия, это некий пар, абстракция, которую нелепо рассматривать. Наука не может надежно предсказать, что будет с обществом. Надежны только успех и кайф сейчас. А вот провозглашать духовность и стоять на такой позиции не получается, когнитивный диссонанс.

Или вот Запад обещал сначала Горбачеву, потом Ельцину в случае роспуска сначала Варшавского блока, затем Союза не приближать НАТО к границам Союза, затем России. А теперь, когда Россия говорит: «Ребята, Вы ж обещали!», слышит в ответ: «Вы ж не можете запретить независимым странам вступать в какие бы то ни было союзы». – «Мы-то не можем, но Вы-то можете не принимать их в НАТО, Вы ж не всех желающих туда принимаете и Вы ж обещали». – «А Вы можете представить письменный документик, договор, где мы обещали? Ах, договор был устный! Ну что из того, что СМИ сообщали и мы не опровергали? Мы пошутили».

Т.е. как говаривал Янукович «Не кинуть лоха, себя не уважать». Это в их системе координат. «Кинуть лоха», троллить, ерничать, стебаться, когда речь идет о справедливости в международных делах и т. п. Это все нормально, если принять, что нет духа, единой истины и общей для всех справедливости. Ну, а если вы утверждаете духовность, то вы этого себе позволить не можете.

Глобальному бизнесу нужно давать бой, прежде всего, на поле идей и мировоззрения, отстаивая единую истину и общую для всех справедливость (а не отгораживаться от него информационно или пытаться вести с ним бой на информационном поле его же оружием: шельмованием, поливой грязью и т. д.). В отличие от поля информационных технологий здесь он не силен и боится боя на этом поле. Погромить какие-нибудь примитивные и необоснованные идеи и поиздеваться над ними, это он может себе позволить и с удовольствием это делает. Но когда он сталкивается с мощными и хорошо обоснованными идеями, он уклоняется от боя, прибегая к тактике тотального зажима их и персональной войны с их авторами любыми средствами, прежде всего, зажимом публикаций и их обсуждения, финансовым зажимом, диверсиями против здоровья и инсинуациями.

Вот, например, одной из теоретических опор мировоззрения и системы ценностей, навязываемых глобальным бизнесом и теми, кто ему служит (за деньги или даже искренне веря в идею), является фрейдизм. Теоретически это учение давно уже разбито. Но какую позу занимают западные ученые и пропагандисты? В теоретический спор, отстаивая фрейдизм, они не лезут, а для того чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, на втором международном конгрессе психоаналитиков было заявлено и распространено в СМИ, что Фрейд уже не в моде. Мол, не делайте, ребята из нас

идиотов и догматиков, мы ж признали, что фрейдизм не в моде. Но что значит, «не в моде»? Это ведь совсем не то, что «наука доказала». Если наука доказала, что горение происходит благодаря кислороду, а не флогистону, то про флогистон с тех пор никто пикнуть не смеет, чтобы его в бане шайками не забросали. А мода – вещь относительная. Фрейд – не в моде, но когда начинается обсуждение проблем, связанных с проституцией, порнографией, гомосексуализмом и т. п., тут же противники всего этого получают по голове увесистой дубиной в виде хора научных авторитетов от психоаналитики, вопящих, что наука (чти Фрейд) доказала общественную полезность проституции и порнографии и что гомосексуалисты не виноваты, потому что гомосексуализм – это часть нормальной природы человека (по Фрейду).

Для того чтобы успешно противостоять глобальному бизнесу и разбить его, прежде всего, на идейном поле, а не на поле грязных информационных войн, Россия должна быть вооружена правильной и обоснованной идеей, жить по ней сама, а затем уже отстаивать ее вовне. А как выглядит Россия сегодня в этом отношении?

Как справедливо заметил А. Пионтковский, Россия не имеет сегодня притягательного проекта, который она могла бы предложить странам и народам, которые она пытается привлечь на свою сторону. Есть слова: «духовность», «духовные скрепы», «патриотизм» и т. п. Но, что стоит за этими словами, в чем состоит духовность или патриотизм, которые мы принимаем и отстаиваем, – полный туман и раздрай. Достаточно сказать, что одни патриоты-националисты едут в Донбасс добровольцами воевать за Новороссию, против укров, а есть русские националисты, которые воюют против ополченцев Донбаса в составе батальонов «Азов» и

«Айдар». И те и другие считают себя подлинными патриотами и националистами и носителями правильного духа, естественно. А если попросить их обосновать свою духовность, в ответ будет много эмоций и мало чего вразумительного. Есть также нацболы Лимонова, которые по совместительству и националисты, и большебники, и либералы (в смысле пидорасизма), и есть штурмовики Патриарха, именуемые СС, которые лупят нацболов, гомосексуалистов вообще и всех, кого считают недостаточно ортодоксально православными. А спроси их, в чем суть правильного православия, услышишь в ответ бред про свастику, которая – исконный символ православных русских людей. И т. д. Это – духовные «скрепы»? Это – проект, который может увлечь другие народы, даже родственные и культурно близкие русским? При таких «скрепах» Россия сама рискует скоро развалиться.

Мало того что нет правильной, глубокой, обоснованной и принимаемой большинством обществом идеи, дающей внятный смысл духовности, на которую претендует сегодняшняя Россия. Но даже если такая идея предлагается (а я считаю, что моя философия дает, как минимум, основу такой идеи), она не может не только пробиться сквозь пробковый слой тех, кого условно назовем интеллектуальной элитой современной России, но даже привлечь к себе ее внимание. Причина понятна. Она во все том же кризисе рационалистического мировоззрения и вытекающей из него интеллектуальной и особенно моральной деградации этой элиты, в превращении интеллигентов в интеллектуалов.

Выход из ситуации заключается в том, чтобы те немногие, в ком сохранились и интеллект, и совесть сосредоточили свои усилия на поиск такой идеи и ее поддержку.

Библиография

1. Библия. Синодальное издание.
2. Воин А. Абсолютность на дне онтологической относительности // *Философские Исследования* № 1. 2001. С. 211–233.
3. Воин А. Глобальный кризис как кризис рационалистического мировоззрения // *Материалы II Международного научного конгресса «ГЛОБАЛИСТИКА – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления»*. М. 2011. т. 1. С. 32–33.
4. Воин А. Единый метод обоснования научных теорий. Алетея, СПб, 2012
5. Воин А. К вопросу о принципиальной возможности аксиоматической перестройки произвольной научной теории // *Вестник Пермского Университета. Философия. Психология. Социология*. 2013. Вып. 4(16). С. 101–109
6. Воин А. Кризис рационалистического мировоззрения и единый метод обоснования научных теорий // *Вестник Пермского Университета. Философия. Психология. Социология*. 2015. Вып. 3 (23). С. 41–49
7. Воин А. Научный рационализм и проблема обоснования // *Философские Исследования* № 3. 2000. С. 223–235.
8. Воин А. Неорационализм – духовный рационализм. Direct Media, М., 2014.
9. Воин А. Особый эпистемологический статус науки и современная физика // *Философия физики. Актуальные проблемы* // М. «ЛЕНАНД». 2010. С. 29–32.
10. Воин А. От Моисея до постмодернизма. Движение идеи. Киев. «Феникс». 1999.
11. Воин А. Проблема абсолютности – относительности научного познания и единый метод обоснования // *Философские Исследования* № 2. 2002. С. 82–102.

12. Гильберт Д. Основания геометрии. М. Огиз. Гостехиздат. 1948.
13. Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики. М. «Наука». 1979.
14. Гусейнов В.Н. История экономических учений. Новосибирск. СибУПК. 1997 г.
15. Данилов Ю. Роль и место синергетики в современной науке. http://sky.kuban.ru/socio_etno/.
16. Завялин П. Кризис доллара. 2009. www.kontinent.org
17. Йолон П.Ф., Крымский С.Б., Парахонский Б.А. Рациональность в науке и культуре. Киев. 1988.
18. Кальвин Жан. Наставление в христианской вере. М. 1998.
19. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. 1948.
20. Кулиниченко В. Современная медицина: трансформация парадигм теории и практики. Киев. 2001.
21. Кун Т. Структура научных революций. М. 1975.
22. Лекторский В. Субъект, объект, познание. М. Наука. 1980.
23. Ленин В. Полное собрание сочинений. Изд. 5. т. 18.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. тт. 3, 13, 20, 23, 25, 42, 92.
25. Мишкин Ф. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков. М. Аспект Пресс. 1999.
26. Мэнкью. Н. Г. Макроэкономика. М. МГУ. 1994.
27. Нагель Э., Ньюман Д. Р. Теорема Геделя. Знание. 1976.
28. Огурцов А. Отчуждение//Философская энциклопедия, т. 4.
29. Ориген. О началах. В русском переводе Н. Петрова. По изданию Рига. 1936.

30. Павленко Ю. История мировой цивилизации. К. Феникс. 2004.
31. Печенкин А. М. Современная философия науки. Логос. 1996.
32. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М. Просвещение. 1989.
33. Рассел Б. Исследование значения и истины. Идея пресс. М. 1993. (London 1940).
34. Самойлов А. Диалектика природы и естествознания // Под знаменем марксизма. 1926. № 4, 5.
35. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. Соцэкгиз, 1962
36. Степин В. Становление научной теории. Минск. 1976.
37. Титова Н. История экономических учений. Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. М. 1997.
38. Фукуяма Френсис. Newsweek/ inopressa.ru. 2009
39. Dummet M. Truth and other enigmas. Duckwarth. London.
40. Feyerabend P. Science in free society. London, N.Y. 1978.
41. Jones – Wake. N. T. Apocryphal books. Bell. 1979.
42. Klein W. W., Blomberg C. L., Hubbard R. L.. Introduction to Biblical Interpretation. Word Publishing. 1993.
43. Kuhn Tomas. Objektivty, Value Judgment and Theory Choice // T. Kuhn. The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change. University of Chicago Press. 1977.
44. Lacatos Imre. Mathematics, Science and Epistemology. Cambridge: University Press. 1978
45. Piaget J. The Child's Constraction of Reality. London. Routledge & Kegan Paul. 1955.

46. Pollock J. Contemporary theories of knowledge. Rowman and Littlefield Publishers, USA. 1986.
47. Popper Karl. Realism and the Aim of Science. London, N.Y.: Routledge. 1983.
48. Quine W. V. O. Ontological Relativity // The Journal of Philosophy. 1968, Vol. LXV, № 7.
49. Russell Bernard. An Inquiry into Meaning and Truth. New York: W.W. Norton & Company. 1940.

Александр Миронович Воин

**Философия
и глобальный кризис**

Монография

Ответственный редактор *А. Иванова*

Корректор *М. Глаголева*

Верстальщик *С. Лобанова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru